

Н.Т.Громова

Лошади и моя Судьба

Москва - 2008

Н.Т.Громова

Лошади и моя Судьба

Москва - 2008

УДК 798.2(47+57)(093.3)
ББК 75.722
Г. 87

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1-я	Лошади и моя Судьба	5
Часть 2-я	Мгновения жизни... Они же – зарисовки того, что было и прошло, но о чем не хочется умалчивать	184
Часть 3-я	Обращение к читателю	249
	Памятка для Лены	254
	Памятка для Люси	258
	Высшая школа верховой езды	263
	Методическое пособие по судейству выездки	318
	Методика подготовки стипль-чезной лошади	330

Громова Н.Г.

Лошади и моя Судьба / Н.Г.Громова. М.: Издательство «ГЛАСНОСТЬ», 2008.
– 352 с., с илл.

В настоящей книге известная российская спортсменка, чемпионка и рекордсменка СССР Нина Георгиевна Громова делится своими воспоминаниями о лошадях – своих партнерах в конном спорте, среди которых Дида и Фиделио, Боржом и Танкетка, и многие другие. Н.Г.Громова – единственная в стране женщина-стиплер, установившая всеюсоюзные рекорды в стипль-чезе. Для читателей будет интересно прочувствовать накал спортивной борьбы, окунувшись в мир конного спорта середины XX века. На страницах книги перед глазами читателя раскрывается жизнь замечательного человека. Многим будут интересны ее воспоминания о своем муже – Михаиле Михайловиче Громе – легендарном летчике-испытателе. Некоторые фотографии в книге, из архива автора, публикуются впервые.

В заключительной 3-ей части книги опубликованы работы, написанные Н.Г.Громова и посвященные подготовке лошади к выступлениям по программе высшей школы верховой езды и стипль-чезах, а также методическое пособие по судейству выездки.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся конным спортом и историей страны.

На 1 стр. обложки – Н.Г.Громова на Танкетке - соревновательный момент

На 4 стр. обложки – Н.Г.Громова с Торпедистом - испанский (школьный) шаг в руках

Технический редактор – Л.К.Кадурина

© Н.Г.Громова, 2008 г.

ISBN 978-5-903780-03-7

О Нине Георгиевне Громова и ее лошадях

Перед вами книга замечательной спортсменки и прекрасного человека – Нины Георгиевны Громова. Это воспоминание о лошадях и животных, с которыми ее свела судьба, о жизни в спорте и стране в том бурном XX веке. В этой книге можно найти добрый и дельный совет, можно пережить отдельные моменты спортивной карьеры единственного в нашей стране стиплера-женщины, которая установила рекорды на 4-х и 6-ти км дистанции стипль-чеза (рекорд на 6 км стоит до сих пор). Ее многогранные таланты и успехи в различных видах конного спорта – свидетельство твердого характера и целеустремленности. Такова она в жизни – честная, добросовестная, исполнительная, уверенная в своей правоте, способная научить и заставить научиться. Рядом с Ниной Георгиевной чувствуешь себя увереннее, слушая ее советы, наставления, воспоминания, хочется впитывать в себя все это с тем, чтобы осталось и последующим поколениям конников.

Работая вместе с Ниной Георгиевной над этой книгой, я прочувствовал ее «железную» хватку и цепкий взгляд. Эти ее несомненные качества судьи, конника, переводчика, радиожурналиста и артистки переплелись вместе, создав обаятельный тип писателя.

Очень интересны воспоминания Нины Георгиевны о муже – Михаиле Михайловиче Громе. Ведь во многом, благодаря ее усиленной работе над его воспоминаниями в свет вышли его книги, о которых пойдет здесь речь.

Ее дотошность в работе над английскими текстами Правил, четкое понимание природы и техники судейства различных видов конного спорта, позволила нам иметь прекрасные переводы этих Правил на русский язык, которыми с благодарностью пользуются конники нашей страны и ближнего зарубежья. Все это – результат кропотливой работы на протяжении всей ее жизни, практики подготовки лошадей и судейства соревнований различного уровня.

Я счастлив, что мне довелось познакомиться, что я живу, и какое-то время вместе тружусь с Ниной Георгиевной. Конечно, эта книга – часть того, что могла бы рассказать Нина Георгиевна. Но то тепло, которое обогревало ее лошадей, животных на протяжении долгих лет, согревает и нас, читающих эту книгу.

Спасибо Вам, Нина Георгиевна, за Ваш труд, за любовь, честь и верность. Низкий Вам поклон.

Олег Горлов, капитан 1 ранга запаса

ЛЕГЕНДА О ЛОШАДИ

Когда-то я прочла эту легенду, пришедшую к нам из седых времен древности; уж очень она хороша, и конникам её следует знать.

Попробую пересказать её своими словами: «Было такое время, когда Бог решил сотворить Землю. Так появился крутящийся в Космосе шарик. Но этот серый шарик недолго забавлял Создателя. Скучным он показался Богу. И тогда он покрыл шарик голубой водой и зелеными растениями.

Красивой стала Земля. Но любовался ею Бог недолго. Не устраивало то, что эта красота все время остается застывшей, без движения. Подумал-подумал Бог и сотворил, что называется, каждой твари по паре и населил этой живностью леса и поля Земли. С удовлетворением наблюдал Бог за ожившей планетой, но опять-таки ощущение чего-то недоделанного не отпускало его.

Задумался крепко Бог. И тут его осенило... И создал он лошадь. Увидев грациозное быstroногое существо, по красоте и обаянию не сравнимое ни с кем, Бог понял, что он сотворил совершенство в живом мире и удовлетворенно улыбнулся. Наконец-то он сделал то, о чем можно только мечтать».

Н.Г.Громова на Диде

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЛОШАДИ И МОЯ СУДЬБА

Природа одарила меня разными способностями, в том числе и в спорте. Я была быstroногой девочкой, особенно хорошо бегала на короткие дистанции; была правильно сложена – могла бы стать гимнасткой, артисткой, в конце концов: основания были. Но, попав на конюшню, я оказалась «привязанной к конскому хвосту» на всю жизнь и ничего милее и интереснее, чем общение с лошаdью, для меня уже не было; а с чем можно сравнить запах конюшни и такие уютные, успокаивающие звуки, как вздохи, хрупканье едой лошадей в денниках?

В пьесе А.П.Чехова «Чайка» его героиня – Нина – говорит в страшном, я бы сказала в провидческом монологе (я воспринимаю его, как глубинную философию Антона Павловича), что жизни, которые исчезли с Земли, обратились в прах, но сохранились в общей Мировой душе, которая помнит все. Вот и моя душа связана с конным спортом много-много лет, и я помню, если не все, то многое, что касается моей жизни в нем, всегда проходившей в общении со многими, мне в этом повезло, интересными людьми... Но главное все же, я осознала это уже в очень зрелом возрасте – с животными, в основном, с собаками и лошаdями.

О них-то мне и хочется вспомнить в этой книге.

На мысль быть благодарной Судьбе, связавшей меня с лошаdями, натолкнула замечательная спортсменка Татьяна Львовна Куликовская, в прошлом лучшая конкуристка нашей страны. В разговоре с ней я как-то нечаянно обронила, что стараюсь нигде не говорить о своем увлечении лошаdями. Мне казалось, что в этом нет ничего особенного. Я даже стеснялась говорить о лошаdях и удивлялась, когда ко мне проявляли интерес люди, далекие от спорта. Вот, если бы я занималась, как мне казалось, каким-нибудь другим серьезным делом (я была военным переводчиком, и об этом я забывала), а то... – лошади, конюшни. И вдруг Татьяна мне говорит: «А я горжусь, что занималась конным спортом, и благодарна лошаdям за то, что они дали мне возможность посмотреть мир, познакомиться с интересными людьми...»

Для меня эти слова стали как прозрение. Я подумала, а ведь она права. Самые интересные моменты в моей достаточно насыщенной жизни связаны именно с этими чудесными животными. Они дали мне почувствовать, что такое взлеты и падения в жизни человека, победа над страхом, и, наконец, над самим собой. Лошади заставляли много думать и не только над проблемами спортивными... Они сделали мою жизнь полной и

Н.Г.Громова с Торпедистом

интересной. Так я должна не стесняться, что я – «лошадница», а гордиться этим.

Вот такая метаморфоза произошла со мной несколько лет назад после разговора с моей милой подругой по спорту Таней Куликовской. Спасибо ей, что вразумила меня. Мне хочется вспомнить о моих лошадях, рассказать и выразить свои чувства, насколько позволяет мне мой словарный запас нашего невероятно богатого, выразительного, красивого русского языка. Эта книга – дань памяти моим лошадям, рядом с которыми и на которых я поднималась по ступенькам спортивного мастерства, а также людям, повлиявшим на меня в становлении моей личности как человека.

Я начала писать по многочисленным просьбам и, прямо скажем, под давлением друзей по спорту. Если мои воспоминания найдут отклик в сердцах читателей, я вновь должна благодарить моих лошадей. Что получится, это судить тем, кто решится прочесть этот мой труд. Писала я искренне, стараясь рассказывать только то, что сохранила моя память. На страницах книги читатель ознакомится не только с эпизодами из моей жизни, но и с выводами, как результатом анализа различных жизненных ситуаций. Хотелось бы, чтобы они-то и помогли спортсменам, избравшим сложный, требующий неимоверного терпения и любви к лошадям, вид спорта. *Радость озаряет жизнь человека только тогда, когда за нею идут трудовые будни, наполненные многими жертвованиями души.*

Нужно быть благодарной памяти, которая сохраняет, как правило, все хорошее. Плохое застрекает в ней, оставляя главным образом, только самое «яркое» и сильно отразившееся на жизни любого человека.

Зачем я делаю такое предисловие? Думаю, чтобы опередить читателя с вынесением мне «приговора» за все то, о чем я буду рассказывать. Оказывается, очень многим интересна моя жизнь, и особенно в спорте.

Ну, что ж, попробую повспоминать. Это будет не книга, а рассказ – рваный, непоследовательный, с отвлечениями и отклонениями от прямой темы, я бы сказала – непосредственный, такой, какой получился бы при прямом общении с собеседником, но – как на духу.

Итак, начинаю...

Давно это было

Я училась в 8-ом классе в городе Калинине (ныне г. Тверь). В нашу школу пришел «дяденька» из спортивного общества «Спартак» и предложил нам, школьникам, записаться в конноспортивную секцию. Он объяснил, что в ДСО «Спартак» есть лошади, конюшня, плац. Подростки и взрослые занимаются с тренерами, учатся понимать лошадь (это серьезное животное!), управлять ею и даже прыгать через препятствия. В конце курса такого обучения спортсмены

(уже!) получают документ и значок «Ворошиловский всадник» 3-го разряда. Он показал нам этот значок!.. У кого могло не дрогнуть сердце при этом: подкова, а внутри нее преодолевающий препятствие всадник... Чудо, как хорош был этот значок!

Многие в классе записались, но регулярно ходить на занятия стали только пятеро. Мне мама категорически запретила даже приближаться к конюшне.

Осень и зима пролетели, и вот, мои подруги явились в школу с этими великолепными значками. Они – ворошиловские всадники! С ума сойти!

Следующий учебный год и – новый набор. Что мне было делать?

Моя мама... Она никогда не выпустила бы меня из дома, никакие мольбы, слезы на нее не подействовали бы, но если за мной зайдут мои друзья... Скандальничать при чужих она не станет... Взрослые часто недооценивают своих отпрысков; зависимое и подчиненное положение детей в семье развивает в них наблюдательность, которая помогает делать выводы и принимать самостоятельные решения. Так было и со мной. Я хорошо знала свою властную мать. Решено... Я попросила своих подружек сделать крик и значительный, т.к. мы жили далеко от центра, а конноспортивная школа находилась около ипподрома – далеко от моего дома. Они зашли к нам, как бы невзначай, утром перед тренировкой и невинными голосками предложили мне пойти с ними посмотреть на них. Мама была обескуражена и не смогла возразить, а значит – не разрешить мне пойти один разок... Так я попала в школу «Спартака» на первое занятие.

На лошадь, как и другие новички, я села не сразу. Сначала нас стали учить фехтованию (этот вид спорта требует особо быстрой реакции) и вольтижировке. Вольтижировка мне очень понравилась, особенно упражнения наверху, т.е. на спине лошади: я любила стоять на галопирующей лошади и чувствовать себя артисткой цирка. Затем я научилась седлать лошадь, узнала, что и как называется в снаряжении. Нам объяснили, как нужно обращаться с лошадью; так теоретически мы узнали, как управлять лошадью, как на нее воздействовать в разных ситуациях...

Наконец, настал день, которого мы ждали с таким нетерпением. Мне дали лошадь по кличке **Жуть**. ...Жуть. Не совсем приятное имя, кличка, как говорят конники. Между прочим, когда рождаются жеребята, у работников конзаводов «болят» головы. Дело в том, что кличка должна включать в себя буквы из кличек матери и отца. Первой буквой в кличке жеребенка должна быть первая буква клички кобылы, а внутри имени – какая-либо буква из клички отца-жеребца. Так, кличка Диды была образована из первой буквы клички матери – Дидельдумбай и буквы «и» от клички отца – Блазиуса. Фиделио – соответственно Фрауэнордэ и Ферро и т.п. Так что, понимаете, как трудно иногда бывает найти красивое слово, которое соответствовало бы такому жесткому закону имьятворчества коннозаводчиков. Поэтому-

то мы встречаем такие грубые, странные, даже неэстетические клички, как Бетон, Жуть и др.

Теперь о Жути. Это была добрая, славная, гнедая кобылка, ласковая, с удовольствием принимавшая сахар, хлеб, морковку... Но..., а вот, что означает это «но», я прочувствовала при первом же знакомстве с нею. Мне рассказали, как сесть в седло, т.е. вставив левую ногу в стремя, правой оттолкнуться, держась руками за переднюю и заднюю луки седла. Я так и сделала и легко взлетела над седлом, но в тот момент, когда я должна была сесть в седло, Жуть сделала шаг вперед, и вместо седла я очутилась на ее крупе, за седлом. Но Жуть не любила даже прикосновения рукой к крупе, а тут – целая «человеческая туша» шлепнулась на нее. Выдержать такого надругательства она не могла и поддала задом, да так, что я мгновенно вместо седла оказалась на земле. Жуть же, как ни в чем не бывало продолжала спокойно стоять и удивленно на меня смотреть – хорош же всадник ей достался... Обидно было ужасно: это же ПЕРВОЕ мое уже спортивное знакомство с лошадыю!

Для других это, конечно, выглядело смешно... Я взяла себя в руки и, как будто ничего не случилось, предприняла вторую попытку попасть на спину Жути. Удалось... Слава Богу, я – в седле!

Так началась моя дорога в большой спорт.

И.П.Зотов на кобыле Веста

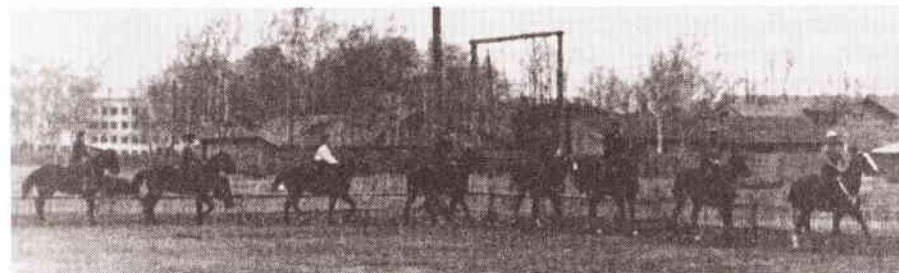
Я последний раз в седле на соревнованиях по драйвингу под Тверью, 1999 г.

Через несколько месяцев произошел случай, после которого на меня стали обращать внимание тренеры. После того случая я стала получать самых лучших лошадей школы.

Была весна. У нас не было закрытого манежа. Мы ездили на огороженной площадке. Однажды наш тренер Иван Петрович Зотов сказал нам, что он собирается вывести нас в поле, но предупредил, чтобы мы были предельно внимательными, т.к. лошади, увидев перед собой простор, могут взрыгать, подыграть и рвануть вперед. Он как в воду глядел. Не

успели мы выехать в поле, как одна лошадь подыграла, другая вырвалась вперед, и вся масса понеслась, кто куда. Зотов кричит: «Держите, держите!» (а, может быть, и «держитесь»). Но куда там! И вдруг он увидел меня с моей Жутью рядом с ним и его красавицей Вестой. «А ты что здесь делаешь?», - спросил он меня. Я ему отвечаю: «Вы сказали – «Держать», я и держу». Он только посмотрел на меня с удивлением. Может быть потому, что я выглядела, пожалуй, самой инфантильной из его группы и никак уж не крепкой ни телом, ни духом. Мне было тогда шестнадцать с половиной лет.

Что касается мамы, то она смирилась с моим новым увлечением, взяв

На конкурной площадке «Спартак» в Калинин.
Впереди И.П.Зотов, замыкаю строй я, 1939 год

с меня слово окончить школу с золотой медалью. Слово свое я сдержала.

Сдержала свое слово и мама: за весь год она ни разу ни в чем меня не упрекнула, ни в чем не чинила препятствий моему увлечению. Только по сжатым губам да острому не очень-то доброму взгляду можно было судить о ее внутреннем самочувствии и чего ей это стоило. А жилось нам с мамой порой трудно. Пшенная (почему-то именно пшенная запомнилась) каша не раз становилась нашей единственно доступной едой. За хлебом приходилось простаивать огромные очереди (по несколько часов) или же мама или кто-либо из соседок отправлялись на поезде в Москву и привозили на всех всякие хлебобулочные вкусности. Но чтобы мы испытывали какое-нибудь уныние от этого, такого я не помню. Хотя знала, что не все так живут. И даже моя близкая подруга – Лидя Силаева – жила во вполне благополучной семье. Но меня не интересовали причины разницы между житьем-бытьем наших семей. Помню только, что как-то я зашла к Лиде и попала в обеденное время. На столе стояло блюдо с вкусно пахнущими котлетами (мясными!..) Мама Лиды пригласила меня присоединиться к ним. Соблазн был велик, а желудок заныл от одного запаха этих котлет. Но в голове закрутились мысли другого характера: я сейчас сяду за стол, буду есть вкусные вещи, наслаждаться едой, а дома... мама придет с работы к ежедневной пшенной каше!.. Нет, я не должна садиться за стол, не могу разрешить себе удовольствия, которого лишена моя мама. Нет, нет... Так и не села. Поблагодарила и ушла. С тех пор я старалась не заходить к Лиде в часы,

когда у них предполагалась трапеза любого вида. Грустная в тот день я пришла домой, но разделила вместе со своей мамой то, что было нам доступно. Но поступила правильно. Я пишу об этом с уважением к той девочке, которой была я.

А с Жутью мне вскоре пришлось расстаться – она пала от колик... Это была первая в моей спортивной жизни трагедия.

Недалеко от спартаковской школы находилась конноспортивная школа «Осоавиахим». Я мало интересовалась, что и как делалось в той школе. Но однажды мне стало любопытно посмотреть, а что это такое – крытый манеж: «Осоавиахим» имел такую базу. Пошла. Заглянув вовнутрь, я обомлела. В манеже пожилой человек творил «чудеса» на лошади. Она легко и послушно выполняла под ним какие-то совсем незнакомые для меня упражнения. Этот человек, заметив меня, пригласил войти. Так я познакомилась с удивительным и, наверное, последним кавалеристом, прошедшим школу у Джеймса Филлиса. Ученик самого Джеймса Филлиса! Василий Алексеевич Андреев.

Потом он не раз приглашал меня в свою каморку: он жил при манеже. Мы пили с ним чай, он рассказывал мне о лошадях, работе с ними... Я теперь очень жалею, что, встречаясь с интересными людьми, я не вела дневник и не записывала все, что слышала. Человеческая память, к сожалению, подводит... А вот фото, им подаренное, сохранилось.

А ведь моя любовь к выездке, интерес к высшей школе верховой езды, наверное, идет от этих встреч с Василием Алексеевичем и его рассказов.

Да, мне стали давать самых сложных и лучших лошадей.

Мы часто выезжали в разные районы области на день, два... Наши выступления перед колхозниками были для них праздником, а для нас – радостью. Целый день мы были заняты заботой о своих лошадях. Веселье доставляли нам разные мелкие приключения вроде тех, что преподносил нам **Баскет**, большая неуклюжая лошадь, у которого была привычка – если он переходил через речку, лужу или любую канавку с водой, то он тут же ложился в воду, не обращая внимания на всадника, всеми силами старавшегося его удержать от этого. Единственным способом избежать этого купания – было проскочить водное «препятствие» на галопе или перепрыгнуть через него. Нам всем доставляло удовольствие видеть своего товарища после «купания» вместе с Баскетом – мокрого, обескураженного от своей беспомощности.

В.А. Андреев на кобыле
Амазонка

Однажды мы возвращались в город поздно, в темноте. Переехали через Волгу по главному в городе мосту и выехали на асфальт дороги, ведущей в школу. Все устали и даже подремывали в седлах. Я ехала последней на жеребце **Железняк**. Железняк был очень сложной лошадей. Мало того, что он был активным жеребцом и с ним нужно было постоянно держать ухо «востро», чтобы он не бросился на когнубудь, но он еще и не умел ходить шагом – постоянно тротил; эта мелкая рысь изводила всех, и на нем не любили ходить в походы. На этот раз я потеряла бдительность, потому что Железняк, видимо, от усталости пошел-таки шагом, и я не заметила, как мы с ним приблизились на опасное расстояние к другим лошадям. За это я и «поплатилась».

Железняк рванулся вперед, чтобы «наказать» впереди идущую лошадь, за что, только ему было известно, я резко его осадил, он на асфальте поскользнулся, и вот, мы с ним лежим на дороге... Все остановились. А я вцепилась ногами в него, обняла за шею. Он поднялся вместе со мною... Поехали дальше, я чувствую боль в левой ноге. Хотела освободить ее от стремени, но не тут-то было. Пришлось страдать до школы. Там все спрыгнули со своих лошадей, завели их в конюшню, а я не могу вынуть ногу из стремени. Подошел тренер. Каким-то образом вытащил мою ногу из сапога. Все ахнули: стремя согнулось так, что намертво зажал сапог. Как я тогда не сломала ногу – просто удивительно. Тем более, что и сапоги-то у меня были из брезента – мягкие.

Это мое стремя повесили над входом в конюшню, как напоминание всем конникам, что на лошади надо быть всегда внимательным и начеку, а не «дремать».

С Железняком у меня связан еще один очень неприятный случай. В нашей конюшне было всего несколько денников. В них стояли самые-самые... Все остальные лошади стояли в станках на привязи головой к кормушке, к стене. Входить к лошади, чтобы ее подседлать, нужно было со стороны крупа.

Первое, что всадник должен был делать, это подать голос, обращаясь к лошади: «Поди, поди!» Как правило, лошадь сразу отворачивает зад направо, и человек входит в станок. Так сделала и я в тот раз. Подошла к голове Железняка и хотела надеть уздечку, да что-то мне показалось неладное у него с ногой. Я наклонилась, чтобы прощупать ногу, и в это

Я подняла на «свечку»
кобылу Мальгу. «Спартак»,
Калинин, 1939 год

время он повернулся и схватил меня зубами за волосы. Естественно, было больно. Но не боль испугала меня. Мысль, что так он может меня оскальпировать, пронзила все мое существо. С испуга ли, интуитивно ли, но я замерла, застыла, не двигаясь. Сколько времени я была в таком положении, не помню, но в конце концов Железняк выплюнул мои волосы и милостиво позволил себя подседлать.

А в остальном он был достаточно добронравным жеребцом. Просто, люди должны проходить школу и с такими знающими себе цену животными. Жеребец – это царь в лошадином царстве. Его нужно уважать и в то же время быть с ним настороже. Он не любит панибрательства.

С обидой вспоминаю я школу «Спартак» в городе Калинине вот по какому поводу. Вернее, не школу, а руководителей областного ДСО «Спартак». Мы готовились к ответственным для нас соревнованиям на ипподроме. В центре круга были поставлены препятствия. Проводились тренировки. Я прыгала на **Атлантиде** – чудная венгерка, чемпионка страны по троеборью 1938 года (под А.Гороховой, но она оставила спорт, вернувшись из Москвы), темпераментная, своенравная, требовавшая постоянного к себе внимания. Обычно только мягкая рука всадника справляется с такими. Вот эту Атлантиду доверили мне, и мы с ней вполне ладили, т.е. шли в первых номерах, а соревноваться нам предстояло с осовавиахимвцами.

За несколько дней до соревнований к нам приехал начальник из областного «Спартак», помню даже его фамилию – Игнатъев. Он решил нас проверить. Мы отпрыгали перед ним. А потом он заявил, что вся команда должна быть одета одинаково, т.е. верх – белый. «Конечно, у всех есть белые рубашки и кофточки», – сказал он. И тут меня дернуло сказать, что у меня нет чисто белой кофточки, а только в редкую синюю полоску. Он строго посмотрел на меня и сказал: «Возьми у кого-нибудь из подружек». Я ему ответила, что с чужого плеча никогда ничего не носила и просить ни у кого не буду. Разозлившись, он заявил, что в таком случае отстраняет меня от соревнования. Да и имели ли значение те полоски, когда расстояние от поля до трибун было достаточно большим?! Не передать мою обиду, огорчение... А на Атлантиду тут же посадили другую спортсменку.

В день соревнования я пришла на ипподром и издали смотрела, как прыгала моя Атлантида и как она «унесла» свою новую всадницу за черту поля, потому что та не справилась с горячей и своенравной лошадей. Я переживала за проигрыш, которого не должно было быть. Меня наказали, но сами же оказались наказанными. Больше в школе я не появлялась: ведь за меня никто не заступился перед этим сумасбродным начальником.

Вскоре мои родители уехали из Калинина в Ростов-на-Дону. Там у меня начался другой этап жизни.

ДСО «Пищевик». Танкетка и Боржом

Смотрю я на фотографию на обложке, и память уносит меня в далекий 1952-й год. Год непростой. Год поворотный для нашего конного спорта. Год Олимпиады, проходившей в Финляндии, в Хельсинки. Это был первый выезд советских конников за рубеж. Слепые котята открыли глаза на мир. Мир незнакомый, порой непонятный. Впервые мы

Птицей взлетала Танкетка над препятствиями (Хамовники)

столкнулись с требованиями к выступлениям на лошади, которые серьезно отличались от наших. Мы жили как будто в двух разных мирах... Олимпиада в Хельсинки многому нас научила, но для того, чтобы подровняться со своими западными соперниками, потребуются долгие годы... А пока – 1952 год. Возвращение нашей команды было грустным. Все три олимпийских вида – выездка, троеборье, конкур – просто говоря, «засыпались».

Наступило время проведения всесоюзных соревнований у нас в стране. Заранее предупреждаю, что мы, участники тех соревнований – члены сборных команд различных ДСО – не знали, что нам готовят руководители и организаторы соревнований. Только в день соревнований, когда пришли на поле знакомиться с маршрутом, мы узнали, что готовить паркур поручили тем конникам, которые на себе испытали «новшества» в Хельсинки. Сейчас я начинаю рассказ о конкуре на стадионе Юных Пионеров.

Итак, утром нам разрешили ознакомиться с маршрутом... Трудно даже сейчас описать то шоковое состояние, в которое мы впали, увидев то, что и во сне нам не могло присниться. Поле было очень красивым: разнообразные препятствия и их комбинации, украшенные цветами (даже, например, было препятствие ступеньками и на каждой ступеньке, разных по высоте, установлены разные цветы), впечатляли. Это только говорят, что лошади различают только черно-серо-белые цвета. Ничего подобного, они реагируют на все цвета. Естественно, если мы, люди, ходили с распахнутыми глазами, то первая же мысль была, как отнесутся наши лошади к такому цветнику на поле. Раньше-то таких украшений у нас не делалось. Дальше – больше... Новые препятствия, такие как железные разноцветные бочки, голубая вода в канаве, после которой через несколько темпов отвесный забор – «чухонец», тройные системы с определенным расчетом и прочее, прочее.

А далее – старт... Мы назвали этот конкур (также, как и кросс в троеборье с новыми типами препятствий) – «месть олимпийцев». Вот такое препятствие мы впервые увидели в 1952 г. в кроссе.

«Чертово логово».

Точные промеры не помню, но глубина была пугающая, зловещая: попадешь в нее, самостоятельно не выберешься.... Не каждая лошадь шла на этот прыжок. Многие были сняты. Здесь....

решила поместить его на обложке книги.

Танкетка была англотекилкой. Само смешение этих кровей говорит о многом, и прежде всего – о способностях к спорту. Маленькая, но длинная, гибкая, невероятно прыгучая, она могла показывать чудеса на конкуре. Например, однажды Всесоюзные соревнования проводились в Хамовниках, там, где сейчас проходит Комсомольский проспект. Раньше там располагалась Краснознаменная высшая офицерская кавалерийская школа (КВОКШ). Два великолепных закрытых манежа, большой плац для тренировок целых кавалерийских подразделений... Да что говорить!..

Так вот, идут Всесоюзные соревнования. Моя очередь выходить на старт.

А надо сказать, Танкетка появилась в моем клубе «Пищевик» незадолго до этого соревнования. Привели ее из милиции. Что там с нею делали – не знаю, но прыгала она великолепно, при этом, не понимая ни шенкеля (т.е. посылка ногами), ни повода.

Знала она только хлыст, т.е. посыл хлыстом. Нужно, бывало, повернуть налево, а она «несет» тебя направо и наоборот. Кто ни садился, все отказывались от нее. Я в это время уже перестала прыгать, вся «уйдя» в лечение своей основной лошади Диды, получившей по-дурацки брок (в

Итак, старт... Естественно, на этот раз было много снятых (лошади вставали и отказывались прыгать), много падений (об одном я расскажу особо, т.к. это коснулось моей подруги по команде).

А теперь я могу вернуться к фотографии на обложке: это мы с Танкеткой делаем все возможное и невозможное, чтобы справиться с тем «наказанием», что свалилось на наши головы.

Вглядитесь в выражение лиц всадника и лошади на фото... В движении – динамика и волевое усилие у обоих. Мне очень нравится это фото. Поэтому я и

На Танкетке, Хамовнический плац, 1953 г.

поле, в траве оказалась ямка, которую я не заметила, она наступила зацепом копыта на край этой ямки и получила растяжение сухожилия на левой передней ноге), а конкурную лошадь – незабвенного своего Боржома – я передала очень чуткой, мягкой и доброй Розе Никитиной. О Боржоме я расскажу позже, о его необыкновенной судьбе, удивительном характере.

Старший тренер по конкуре Елиазар Львович Левин обратился ко мне: «Нужно выручать команду, попробуйте Танкетку». В то время команда – это было святое дело. Я села. Испытала на ней все то, что и другие мастера. Но ее кошачью гибкость и силу прыжка я почувствовала сразу. Александра Михайловна Левина предложила мне взять пилям вместо удильного железа (кроме простой уздечки и капсюля мы тогда ничего не применяли). Насколько сильно воздействие пиляма мне не было известно. Поэтому, подседлав с пилямом, я спокойно направила Танкетку на препятствие. И когда она решила посвоевольничать, я приняла ее на повод сильнее обычного и, о ужас, почувствовала, как моя маленькая Танкетка резко встала, как вкопанная, и поднялась на задних ногах во всю свою длину... Секунда – и мы должны были с ней перевернуться. Главную роль сыграла моя реакция: освободив повод, я шлепнула ее правой рукой по затылку, сама прижавшись к шее (такой прием используется, когда лошадь встает на дыбы). Пронесло... Но я поняла, как нежно, деликатно нужно пользоваться пилямом.

После этого я прыгала достаточно долго на пиляме, но больше такого уже не случилось.

После меня на Танкетке прыгали другие, и уже пользовались обычной уздечкой. А шенкеля... Что ж, она скоро поняла, что ей делать при посыле шенкелем... Правда, был такой забавный случай. Наша команда выехала на международные соревнования в Румынию. Это был наш первый выезд (не считая Олимпиады в Хельсинки) за рубеж. В группу спортсменов, которые должны были защищать спортивную честь страны, включили двух женщин – золотую и серебряную медалисток Чемпионата СССР – Татьяну Куликовскую и меня.

У нас было по две лошади. У Татьяны – ее знаменитый Трюм и троеборная прыгучая Кукушка. У меня – Танкетка и старый мой знакомец и любимец Фиделио. О нем я расскажу потом отдельно. В последний день соревнований мне нужно было выступать на Танкетке. Чтобы быть более уверенной, посыл шенкелем на каждом прыжке я подкрепляла хлыстом. Конечно, этот удар был чисто символическим, но

Я на Фиделио в Бухаресте, октябрь 1953 г.

реакция публики на трибунах ипподрома Бухареста, на котором мы прыгали, была поразительной. Я, конечно, понимаю, что люди привыкли к скачкам, в которых жокеи широко используют хлыст. И в моем случае они, видимо, восприняли мою работу хлыстом, как «великий подвиг»: женщина – молодец!.. Стоял шум, стон на трибунах, аплодисменты...

Так я незаслуженно обрела популярность у румын. В настоящее время за такое полагается снятие с соревнований!.. Символичность не помогла бы.

А незадолго до отъезда нам сообщили, что сам Маршал Семен Михайлович Буденный решил проверить нашу готовность к такой серьезной поездке.

Был назначен день, час... Приехал Маршал. Что с нами было – трудно передать. Во всяком случае со мной и Татьяной. Разминая лошадей нас так мучило, что мы больше думали о том, чтобы нас не стошнило при всех от волнения. Никакие старты у меня не вызывали такого состояния, как тот. Однако, отпрыгали мы с ней тогда хорошо, в грязь лицом не ударили. Добро на поездку получили. Но чего это стоило!..

В то время коневозок не существовало. Перевозка лошадей осуществлялась либо на грузовой машине с высокими бортами, либо в товарном вагоне по железной дороге. Нам предстояло ехать далеко, в Румынию, в Бухарест, поэтому выбора у нас естественно не было – поезд. Погрузили своих лошадей в товарняк, загрузили кипы сена, мешки овса, тару для поения и проводили этот товарный поезд в путь-дорогу. Я снабдила своих лошадей еще морковкой и дала денег конюху для того, чтобы он подкупал морковь по дороге.

Но мои добрые намерения не помогли беде, свалившейся на мою голову.

В Бухаресте мы встретили своих лошадей на станции. И я пришла в ужас: Танкетку вывели из вагона... Я чуть не зарыдала. Передо мной стоял скелет, обтянутый кожей; а эти печальные глаза, безразличные ко всему миру, ко всему, что творилось вокруг нее! Я бросилась к солдату, который должен был следить за нею. На мой

Сборная команда СССР в Румынии, 1953 год

Слева направо: Н.Ситько, В.Распов, А.Алеутдинов, переводчица, Т.Куликовская, В.Макаров, Н.Громова, Б.Лилов, В.Куйбышев, Н.Сова

вопрос получила ответ – она не хотела ничего есть, даже морковь. Танкетка и так-то была маленькой, а тут за неделю пути от нее вообще ничего не осталось.

Вывели мою вторую лошадь – Фиделию. Смотрю – хромает Федька на перед. Что-то неладное с плечом. Тем не менее, пришлось на него сесть, чтобы довести до ипподрома, до конюшни. И вот ведь какой это был негодник: хромает, но когда я села на него и еще не укрепились в седле, он выиграл, видимо, от радости, что очутился на земле, а не на трясущейся платформе, поддал задом (а бил он хоть и редко, но всегда высоко) и я мгновенно очутилась в воздухе, и... «здравствуй, румынская земля!»

Начались трудовые будни, но для кого какие. Для меня – это массажи и различные втирания в Федькино плечо утром и вечером; буквально насильное кормление Танкетки для того, чтобы она поправилась и набралась сил до соревнований. Хорошо еще, что у нас было достаточно времени впереди, не так как это делается сейчас: почти с колес лошадь должна выступать, не придя в себя после изнурительной дороги.

Я только помню, что вся наша команда могла знакомиться с Бухарестом – это очень красивый город – а мне с нашим ветврачом Игорем Федоровичем Бобылевым (в будущем – доктором биологических наук, профессором Ветеринарной Академии в Москве) приходилось все свое время проводить в конюшне около моих лошадей. Но «на ноги» мы их все-таки поставили: они прыгали наравне со всеми, когда подошло время соревнований. Так в памяти и осталось: стоит Фиделию: с одной его стороны – Бобылев, а с другой – я: трем, трем и трем его; в деннике стоит Танкетка, а я соблазняю ее новой порцией овса, смешанного с чем-нибудь вкусным для нее.

Это фото – память о кроссе троеборья. Мы с Татьяной Куликовской «безобразничаем»: уселись вдвоем на маленького ослика.

Мы с Татьяной Куликовской на ослике

Румыны встретили нас очень хорошо. Жили мы в одной из лучших гостиниц, в самом центре города. Нам устраивали экскурсии. Особенно памятли две: одна – в политическую тюрьму Дафтану, находившуюся далеко от Бухареста. Дафтана выглядела неприступной крепостью, с несколькими кольцами грандиозных стен. Сбежать оттуда было практически невозможно.

Политзаключенные находились в крохотных полутемных камерах при жестком распорядке дня без возможности отдыха днем.

Особенно жуткое впечатление произвели камеры, предназначенные для наказания – карцеры: абсолютно темные, холодные, сырые, с капашей по стенам водой, а следовательно – мокрым полом. Единственным сухим местом был порог у двери, но удержаться на нем долго было невозможно. А ведь наказанные были вынуждены проводить в этих карцерах не один день!

Как же жесток человек и как изощрен он в своей жестокости!

Вокруг этой тюрьмы – жуткого места – среди цветущих садов жили люди, возделывая землю, которая дарила им всякие блага! Да и много ли человеку нужно, если разобраться... Стоп, прекрати философствовать, говорю я иногда себе...

Вторая экскурсия была в горы Синай. Это небольшие горы, но изумительной красоты. Когда наш автобус въехал в лес, покрывающий горы, не оставляло ощущение, что ты попал в сказку. Переехали через какой-то мост через балку, а казалось, что преодолели страшную пропасть и из-за густых кустов за тобой следят глаза чудовищ.

Наконец, подъехали к деревянному дворцу – длинному одноэтажному зданию. Оказалось, что его построил один из первых румынских королей. Очень интересна постройка дворца. Строился он из лучших пород привозных деревьев (из разных стран, вплоть до Австралии), прочных и красивых. Вход сделан особо – в виде залы с диванами по стенам. Крыша – стеклянная и раздвижная. Хозяин хотел поразить гостей необычной новизной. Встречая гостей, он приглашал их сесть на диваны, потолок раздвигался, и они могли любоваться и наслаждаться яркими звездами южного неба. Любопытная придумка, правда?

Далее шла анфилада комнат, одна не похожая на другую, богато обставленные. Особенно хороши были венецианские зеркала – лучшие в мире.

Король-батюшка, выстроив этот дом для себя, распорядился, чтобы после его смерти этот дворец стал как бы музеем, и никто из его наследников не имел права в нем жить. Поэтому следующие поколения королевской семьи строили для себя отдельные коттеджи в небольшом отдалении от этого дворца. Все они были значительно меньше и скромнее.

Я с большой благодарностью думаю о румынской федерации конного спорта, устраивавшей нам такие интересные поездки, поучительные и познавательные.

Спустя много лет мне еще раз довелось побывать в Румынии, выступая уже в роли судьи на проводившихся там соревнованиях по выездке. Это было в горах, в небольшом городке Пятре. Но и там организаторы устраивали для судей и спортсменов интересные экскурсии. Две из них особенно остались в памяти: первая – в монастырь, вторая – на горное озеро.

Монастырь меня поразили каким-то особым покоем, упорядоченностью в жизни его обитателей.

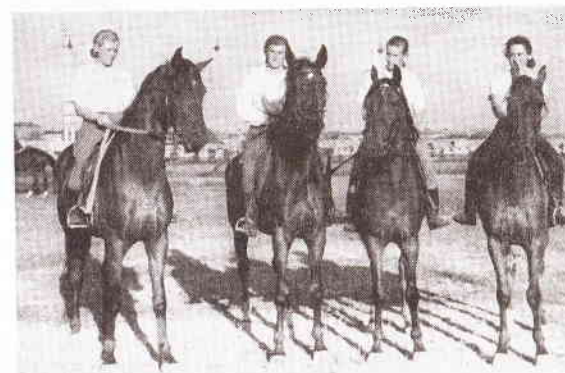
Никакой спешки, каждый был занят своим делом – от молодого до престарелого, еле передвигавшегося монаха. Огромная территория ухожена, вдали виднелся скот на выпасе. Когда нас пригласили в трапезную, то моему удивлению не было конца: стол ломился от вкусных блюд, стояли бутылки с вином. Рядом со мной сел монах средних лет. Оказалось, что он неплохо говорил по-русски. Такое соседство помогало в разговоре. От него я узнала, что монастырь имеет свое собственное автономное хозяйство, что позволяет его жителям существовать безбедно. Для меня это было интересно, потому что в городке, в котором проходили соревнования, жизнь его обитателей была на грани голода: в магазинах – только пустые полки и ненужные консервы. Я как-то завела разговор с одним из румынских судей о том, как они выживают в таких условиях. Мне сказали, что почти все горожане имеют родню в деревне. Вот деревня-то и поддерживает город.

В книжных магазинах я увидела только красные корешки произведений политических деятелей Румынии. И все. Грустное впечатление оставил этот городок в 4-х часах езды от Бухареста.

Зато поездка в горы вызвала у всех нас неописуемый восторг. Мы катались по горному озеру на лодках среди... деревьев, правда, абсолютно голых, т.е. из воды торчали стволы, потерявшие не только листья, но и даже кору. Серые стволы разной высоты. И среди них любители-лодочники. Невероятное смешение жизни и смерти в природе. Порой жуткое, но прекрасное. Мы как будто побывали в сказке.

Мне рассказали, что на этом месте была большая впадина, по которой текла речка. Однажды произошло землетрясение, завалившее выход речки вниз. Вода прибывала, заполняя постепенно котлован. Интересно, что деревья как стояли в те далекие времена, так и стоят до сих пор. Не сломались, не сгнили, а создали своеобразный «мертвый» лес, растущий как бы из воды. И жутко, и красиво.

Но вернемся к моему старту в Хамовниках. Коллокол... Мы с Танкеткой идем на препятствие... Одно, второе, третье... Чисто! Молодец, малышка! И вдруг – перед нами отвесный жердевой забор 150 см – «чухонец» – для Танкетки это пустяки, но казался стропти-вый ахалтекинский характер, а может быть я «проморгала» что-то, и она встала, наотрез отказываясь прыгать. Закидка – 3 штрафных очка. Захожу второй раз уже

Команда ДСО «Пишевик». Т.Куликовская, Р.Никитина, Н.Громова, З.Тарасова

внимательнее, но... опять – стоп... Вторая закидка – еще 6 штрафных очков! Что делать? Если будет третья закидка, то – снятие! Захожу еще раз... А она, чувствую, встает и в третий раз! Что творилось в душе, разве расскажешь!.. В последний момент, когда она уже затормозила, я ее выслала так, что она должно быть поняла – надо работать. И она прыгнула препятствие в 150 см практически с места с всадником и ЧИСТО! Вот какая это была Танкетка. Как-то на выводке, Маршал Советского Союза, главный конник страны Семен Михайлович Буденный, увидев эту кроху среди рослых рыжих, гнедых, вороных красавцев, стоявших рядом с нею, спросил: «Чья эта лошадь?». Я вышла из строя: «Моя, товарищ Маршал!» Семен Михайлович посмотрел на меня, покачал головой и сказал: «И вы не боитесь на ней прыгать?» Я ответила: «Нет, товарищ Маршал». Вот на такой лошади мне пришлось выступить в конкуре «месть олимпийцев». И несмотря ни на что, выступили мы с нею тогда вполне хорошо и были третьими, т.е. в призерах, второй была Таня Куликовская на Фиделио, а Чемпионкой стала неожиданно для всех спортсменка из эстонской команды.

Т.Куликовская на Фиделио

На этих соревнованиях, как обычно, разыгрывался и Кубок СССР – соревнование командное, а потому – наиважнейшее. Кубок – двухгитовой. Я так волновалась перед первым гитом, что на разминочном поле не могла прыгнуть через несложное препятствие. Тогда Е.Л.Левин (наш тренер по конкуру), увидев это, подошел, спешил меня, сам сел на Танкетку как был в тапочках, и она ласточкой перелетела через какую-то ерунду. Это, видимо, позволило мне собраться, и на соревновательное поле я уже въезжала в боевом настроении.

Обратите внимание, как с течением времени меняются Правила. Сейчас никто (кроме всадника) не имеет права садиться на выступающую лошадь, т.к. это влечет за собой исключение из соревнования.

Забегая вперед, скажу, что наша команда «Пищевика» выиграла Кубок, но какой ценой...

А теперь по порядку. Мы с Татьяной Куликовской отпрыгали первый гит – результатов сейчас уже не помню, да это и не важно. Посмотрите на обложку, еще раз обращаю ваше внимание, какая воля и стремление все преодолеть и у всадницы, и у лошади. Моя подружка по «Пищевика» и по

сборной СССР Таня Куликовская обладала таким же характером – «мне все по плечу».

Молодчина! Я всегда ею восхищалась. А ведь крошечная женщина на большой лошади, что воробушек на заборе. А какая воля к победе! Многие мои воспоминания связаны с нею. Но это потом.

А на старт вышла Роза Никитина на Боржоме. Сначала все шло хорошо. Но вдруг Боржом зацепил одно препятствие, и они оба «полетели» через голову наземь. Страшная картина. Падение было очень тяжелое. Боржом вскочил, а Роза осталась лежать на земле. Понятно, что на конноспортивных соревнованиях всегда дежурит карета скорой помощи. Розу увезли в Боткинскую больницу...

Но команде предстояло выступать еще во втором гите!.. Собрался тренсовет. Решали, как быть без одного члена команды. Рискованно. Мало ли что могло произойти с нами – основными участниками, т.е. с Таней и со мною. Веры в лошадей не было: первый раз с испугу они пролетели маршрут, но препятствия были настолько необычны, настолько ярко раскрашены, настолько непривычно поставлены и составлены, что все можно было ожидать от наших бедных лошадок. Поэтому тренсовет постановил: Боржому выставить и на 2-ой гит. Но под кем? Правила не разрешали посадить на такую лошадь не члена команды. И, так как лучше всех Боржому знала я, то мне и предложили прыгать на нем. Таким образом, во втором гите я выступала на двух лошадях – Танкетке и Боржоме. Насколько я знаю, другого такого случая в истории конного спорта не было. Так мною распорядилась Судьба. Теперь вспоминаю это, как интересную страничку моей спортивной биографии. Во втором гите я вышла на старт дважды, дойдя благополучно до финиша на обеих лошадях.

Я на Танкетке. Тренировка на стадионе «Юных пионеров», 1952 год

Боржом

Теперь, я думаю, пришла пора рассказать историю Боржому. Славный был этот Боржуля, но славным он стал далеко не сразу.

Гнедой диковатый кабардинец пришел к нам в «Пищевик» из армии, из кавалерии; злобность он проявлял особенно к мужчинам. Для того чтобы сесть на него, например, Е.Л.Левину, нужно было закрыть Боржому левый глаз и отвернуть голову. Боржом умел бить не только задом, но и, что более опасно, – передом. Однако прыгал он хорошо, хотя... обладал странным свойством: если задевал препятствие зацепом копыта, то

летел через голову. Видимо, у него наступал какой-то шок. Многие конкуристы на него садились, и не было человека, который не падал бы с ним таким образом. Конечно, чаще обходилось все благополучно, но не раз наши спортсмены оказывались в Боткинской больнице (благо она находилась рядом). Но соблазн получить его был выше страха.

Первой стала его приручать милая, ласковая Таня Симакова (затем, по мужу – Лилова). В летнем лагере на Сходне она стала выводить его из конюшни, прогуливать подальше от людей и лошадей, и даже пасти где-нибудь в укромном уголке. Эта добрая женщина, видимо, «растопила» сердце Боржома. Он стал более доверчивым. Но бедную Таню не миновала беда, и на одной из тренировок она упала с ним (разумеется, через голову) и долго лежала в Боткинской больнице. На Боржома сел ее муж – Борис Лиллов – великолепный спортсмен, настоящий мастер конкур, но беда не минула и его... А тут у меня не оказалось конкурной лошади. Левин предложил Боржома мне. Разве можно было отказаться!.. На одной из первых же тренировок я тоже «пошла» через голову, но все обошлось благополучно. Вообще, я должна постоянно благодарить своего Ангела-хранителя. Из скольких опасных передрыг я выходила без серьезных «царапин» (не считая сотрясения мозга). Что было, то было... Вечером, придя домой, я рассказала мужу о неудачной тренировке и особенностях Боржома. Он выслушал меня и сказал, что на следующее занятие он придет сам, чтобы понять в чем дело.

Я должна объяснить, что судьба уготовила мне встречу с необыкновенным человеком. Он был летчиком и непростым летчиком. В летном мире его называли летчиком № 1. Значит, было за что. И действительно, самые сложные самолеты он испытывал первым, совершал самые дальние перелеты, устанавливая при этом головокружительные рекорды. Это был человек с аналитическим складом ума. Но он отлично знал не только самолеты. Любя лошадь, он был знаком со всеми выдающимися наездниками, жокеями, тренерами на ипподроме. Сам участвовал в рысистых заездах под фамилией Михайлов (фамилия – Громов – была слишком узнаваема. В те годы он был также популярен, как космонавты теперь). Интересен такой факт в истории авиации и космонавтики: Михаил Михайлович первым в нашей стране получил самую престижную награду FAI (Международная федерация авиации) – медаль де Лаво. После него этой награды, спустя

Медаль де Лаво – высшая награда Международной авиационной федерации

много лет, был удостоен первый космонавт планеты Юрий Алексеевич Гагарин.

Михаил Михайлович знал методику тренировки как скаковой, так и рысистой лошади. Короче говоря, он был человеком, не просто влюбленным в это прекрасное животное, но и настоящим фанатом конного спорта. Причем, этот фанатизм уходит своими корнями в детство, когда в имени у своих дедушки и особо любимой бабушки он соприкоснулся с лошадьми. Об этом он тепло пишет в своей книге «На земле и в небе», в которой целая глава посвящена конному спорту. Я так подробно пишу о своем муже потому, что он сыграл решающую роль в моем дальнейшем общении с Боржомом.

На следующей тренировке Михаил Михайлович внимательно наблюдал за Боржомом и мною... А в конце спросил: «У него задние ноги подкованы?» Я ответила: «Нет». – «Почему?». – «Он не дается». – «Нужно подковать, чтобы он чувствовал большую уверенность при отталкивании». Далее Михаил Михайлович сказал, что Боржому нужно класть седло сантиметров на пять назад для того, чтобы сместить центровку. Вот что значит аналитический ум и умение делать правильные выводы!.. С трудом, но все-таки задние ноги Боржому подковали. Седло «съехало» от холки назад. И я... я два с половиной года прыгала на Боржоме и ни разу мы с ним не упали! Спасибо Михаилу Михайловичу, летчику, а не коннику, который спас меня от возможных тяжелых травм. На Боржоме я была Чемпионкой Москвы, дважды второй на всесоюзных соревнованиях с результатом «0» штрафных очков. Был год, когда мы сбили с ним только два препятствия – оба в первых гитах Кубков – Москвы и СССР. Это был очень высокий результат.

Почему же упала Роза Никитина? А, ведь сев на Боржома после меня, она сразу на первых же соревнованиях стала Чемпионкой Москвы. А быть Чемпионкой Москвы в то время было равносильно стать Чемпионкой страны, потому что самые сильные спортсмены по всем видам находились в столице. Я, конечно, ей рассказала все, что надо было знать о Боржоме. И все шло хорошо. Но на тех злополучных Всесоюзных соревнованиях я была слишком занята своими проблемами с малознакомой мне Танкеткой и не проконтролировала седловку Боржома, как делала это раньше, а Роза, все зная, видимо допустила какую-то ошибку от волнения... Я так объясняю то падение. Тем более, что я отпрыгала 2-ой гит на Боржоме благополучно и дошла до конца.

Вот я и подошла к рассказу об этой интересной лошади. Могу говорить о нем только со слов других людей. Где правда, где придумка, я не знаю. Но, судя по поведению коня, можно поверить, что его судьба складывалась именно так.

Он был косячным жеребцом в вольных степях Предкавказья. А знаете, что это такое – косячный жеребец? Это, прежде всего – характер, вырабатывающийся условиями жизни. Жизнь у косячного жеребца

беспокойная: он – главарь, главный защитник и хозяин табуна. Он должен уметь оберегать его от врагов и, прежде всего – от волков. Это смелый, гордый представитель мужского конского царства, умеющий постоять и за себя, и за доверенных ему кобыл. Вот где Боржом научился драться за свое достоинство и задними ногами и, что страшнее, передними.

В кавалерии свои порядки. Время от времени там производился так называемый «ремонт»: одни лошади уходили «на покой» (многие талантливые лошади попадали в спорт), других приводили вместо них, т.е. шла своим чередом демобилизация и мобилизация лошадей.

И вот, кто-то обратил внимание на прыжковые способности Боржома. Результат – призыв в армию. Вначале все шло хорошо: он попал в руки опытного офицера, освоил прыжковую технику и пр. Как всегда бывает, беда сваливается неожиданно-негаданно... Шли манёвры. Офицеров собрали на совещание. Как принято в таких случаях, лошадей привязали к коновязи. Что и как произошло – неизвестно, но только Боржом отвязался. Оказавшись на свободе и вспомнив свою вольную жизнь, а лошадей у коновязи посчитав своим табуном, он приступил к охране стоявших на привязи сотоварищей. Боржом стал носиться вокруг них. В это время раздалась команда: «По ко-о-ням!» Командиры бросились к своим лошадям, но не тут-то было: Боржом хорошо знал свои обязанности...

Я не утверждаю, что маневры были сорваны, но то, что это было серьезное ЧП в армии, это факт.

Можно только представить, в каком состоянии были офицеры, когда, наконец, они поймали Боржома... Вся мужская злость вылилась на бедолагу. Главное же решение – «немедленно под нож» – было исполнено тоже немедленно. Уж, в каких условиях проводилась кастрация, и с каким настроением (ясно, что без всякой жалости), можно только представить себе. Но ту боль и то, что эту боль причинили мужчины, Боржом не мог забыть много лет. Вот откуда пошла его ненависть к мужчинам, вот почему он «сдался» на доброту, исходившую от женщин. А как же может быть в жизни иначе?..

Позже Боржома использовали под молодыми всадниками на конкурсах с небольшими высотами. Закончил жизнь он тоже как боец. Я не была тому свидетелем, уже перейдя в то время в группу выездки и редко

Н.Громова с Боржомом

присутствовала на тренировках по конкуру. Теперь я жалею, что мало уделяла внимания лошадям, которые в паре со мной делили счастливые мгновения побед, а иногда и горечь поражений. Мне рассказывали, что на какой-то тренировке Боржом прыгнул через небольшое препятствие и упал... Врачи сказали, что не выдержало сердце...

Теперь, я смотрю на фотографии этого благородного животного (их у меня много) и страдаю из-за своей неблагодарности...

Разве забудешь такое, например, соревнование. Показывают нам маршрут. Как обычно, едем строем – один за другим. Я встала последней. Михаил Михайлович (мой муж) рассказывал потом, что когда он увидел нас всех и меня последней, то подумал: «Последняя, да будет первой!» И тут, откуда ни возьмись, появляется спартаковка Галя (Галина Иннокентьевна) Гвоздева на своем знаменитом Ландюнкере и встает сзади меня.

Прыгаем... Чисто проходят маршрут только две всадницы: Гвоздева и я. Назначается перепрыжка. Первой прыгать должна я. Веду Боржома очень аккуратно, подаю ему препятствия так, чтобы удобно было прыгать... В то же время думаю о времени и стараюсь «облизывать» каждое препятствие по ходу. Все чисто... Последняя – канава. И тут я, побоявшись рискнуть, сделала достаточно большой заезд, чтобы вывести Боржома на канаву прямо. Время все равно вышло хорошее.

На старт вышла Гвоздева. Она блестяще отпрыгала все препятствия, а на канаву пошла, скосив путь подхода. Ей было уже все равно: пан или пропал. Так или иначе, у нее уже было 2-е место «в кармане». К тому же Ландюнкер – чистокровный. Он сделал рывок, чисто прыгнул канаву наискось и принес хозяйке звание Чемпионки Советского Союза. Видимо, вмешалась Судьба. А счастье было так возможно, так близко...

Но еще одно выступление вспоминается мне в связи с Боржомом. Проводилось зимнее первенство Москвы. Это было самое интересное соревнование в моей (может быть, и не только в моей) жизни. Только

Команда-победительница зимнего Первенства Москвы-1950. Р.Никитина, Т.Куликовская, Маркинд, Е.Левин, Н.Громова, В.Хренов, Б.Лилов, В.Васильев, Г.Шумаков, А.Шатенштейнас

один раз (а жаль!) соревнование проводилось таким образом: каждое общество должно было выставить четыре команды по три спортсмена (без запасных): III-го разряда (двое мужчин и одна женщина); II-го разряда (двое мужчин и одна женщина). От женщин нашего «Пищевика» по II разряду выступала Роза Никитина; от I-го разряда (двое мужчин и одна женщина) – Таня Куликовская; по мастерам выступали Левин, Лиллов и я. Соревнования проходили каждое воскресенье в январе месяце в манеже ВВС (теперь его уже нет, а жаль, он был очень уютным и в самом центре столицы – на Ленинградском шоссе, на Ходынском поле).

Мои коллеги по командам III, II и I-го разрядов выступили хорошо, удачно. Наступила пора показать себя мастерам. Первыми выступали Е. Левин и Б. Лиллов – наши конкурные крэки. Последней на старт вызвали меня. От того, как я пройду маршрут зависело выиграем мы первенство или нет. Моей задачей было – финишировать даже с каким-то небольшим штрафом. Начали мы с Боржомом хорошо, но в середине паркура (до сих пор не могу понять, что случилось) стояло несложное (но тяжелое по весу) препятствие – шлагбаум. То ли Боржом неудачно оттолкнулся, то ли я его заторопила, только в подвисании у него не сгруппировались

передние ноги, а повисли, и шлагбаум оказался между ними. Естественно – падение. Первой опомнилась я. Вскочила и – откуда только силы берутся порой! – стала скорее стаскивать шлагбаум с правой передней ноги. Когда я справилась с этим, Боржомом вскочил. Оставалось только сесть на него. Но это всегда было проблемой. Даже в родной конюшне на него приходилось садиться в деннике, а тут – чужое поле. Поэтому никто не бросился мне помогать, а Левин, как рассказывали, схватился за голову и убежал из манежа. Он решил, что все пропало – мы проиграли. Но, воспользовавшись замешательством Боржома, я вскочила на него, не зная еще, что предпринять. В голове было одно: команда проиграет (а мы шли на победу), если я не дойду до конца. Но засчитают ли это падение как за прыжок, или нужно перепрыгивать этот шлагбаум? Наконец (а ведь это – секунды!), я решила и обратилась к судейской коллегии, разрешают ли они мне продолжать маршрут. Ответ был дан положительный. Так мы с Боржомом все-таки не подвели команду «Пищевика». Спасибо горбоносенькому.

С тех пор он стал меняться в лучшую сторону, и уже летом, участвуя в соревнованиях разного ранга на ипподроме, я могла слезть с него, подкормить травкой, вновь сесть в седло... Вот так животное откликается на доброе к нему отношение. Когда же я перешла на выездку, то поняла (а может быть стала старше), что единственным мерилом

С Боржомом на ипподроме после конкурса «высший класс», 1950 г.

взаимоотношений между человеком и лошадью являются добро и терпение.

Вот и закончилась глава, посвященная двум непростым, но таким памятным моим друзьям, без которых я не была бы я, т.е. моя спортивная судьба могла бы сложиться не так, как она сложилась.

Прежде чем перейти к воспоминаниям о моих других партнерах и особенно к рассказу о жеребце Фиделио и кобыле Диде, я должна поведать о моей жизни в то далекое время вообще и о мытарствах, через которые мне пришлось пройти прежде чем получить возможность заниматься конным спортом. Иначе многое будет непонятно.

Лондон. ООН

Во время войны я служила в армии и занималась переводческой работой в Генштабе Министерства Обороны. Работа была ответственная, т.к. последние сводки с фронтов приходили в наше Управление, и часто, я это знала, мое начальство шло с моими переводами прямо в Ставку к Сталину. Переживаний было много, а вдруг я что-то не так поняла в этих военных донесениях? И вот, по ночам, идя пешком через «весь» город (от Гоголевского бульвара до Чистых Прудов, где я жила в общежитии) – у меня был пропуск, так как по Москве запрещалось ходить по ночам, а от машины обычно отказывалась, – я все думала-думала, проверяла себя. Так что жизнь у молодой девушки, какой я была тогда, была напряженной.

Рисунок француза

В 1946 году, по окончании войны, меня в составе военно-правительственной делегации направили в Лондон, где проходила Первая сессия ООН. Наша делегация заседала в Вестминстерском аббатстве, в самом центре города. Там проходили совещания Военно-штабного Комитета Совета Безопасности. Забавно вспомнить, что я была единственной женщиной среди военных чинов разного ранга из разных стран и, следовательно, не могла не привлекать внимания. Мужчины остаются мужчинами в любой обстановке, а тут еще хорошенький лейтенант, а что уж говорить о журналистах! Так как никто не знал моего статуса в советской делегации, то выдумывали бог весть что. В одних газетах (английских, разумеется) писали, что я партизанка, совершившая какие-то подвиги, или что я снайпер, отличившийся на фронтах войны и прочую чепуху... Этому спо-

собствовали две медали у меня на форме, которые я получила за строительство укреплений по защите Москвы на ее дальних подступах (об этом расскажу позже). А я-то была обыкновенной переводчицей, которой довелось, однако, участвовать в переводе Устава ООН (военной части) на рус-

Зал заседаний Совета Безопасности ООН

ский язык вместе с моими коллегами. Нас было трое переводчиков, старший – Володя Кривошеков, великолепно знавший английский язык, т.к. вырос в семье дипломата и язык знал с детства. Сложнее и труднее было мне, получившей, как говорят, «неполное высшее образование». Это уже после возвращения из Англии мне разрешили сдавать Государственные экзамены вместе с теми, кто прошел регулярную учебу. Тяжело мне дался диплом о высшем образовании. Получить его экстерном, без отрыва от работы, возможно верно, только в молодости. Нужно было освоить ВУЗовскую программу за два пропущенных года... Помогла, конечно, поездка в Англию. Пребывание в течение трех месяцев в языковой среде, да еще в постоянно-напряженной работе, не прошло даром. А остальное... Теперь уже неважно, но сумела... Должно быть так закалялся мой характер, который потом пригодился и в спорте.

Труднее всего было с экзаменом по политэкономии. Освоить и понять «Капитал» К.Маркса, мне кажется, не каждому дано, а тем более мне, не научившейся до сих пор считать, что есть у меня в собственном кармане. Помогли брошюры, издававшиеся в то время: они в популярной и сжатой форме излагали материал многостраничного «Капитала». Но когда я пришла на экзамен в Институт иностранных языков Красной (потом – Советской) Армии, страх перед экзаменационной комиссией был велик. Тем более что все, уже прошедшие «чистилище», говорили о том, как строго спрашивают там, за дверью. Я, покрутившись-повертевшись в коридоре, решила – будь, что будет, обойдусь и без диплома; после чего повернулась и ушла из наводящего ужас помещения. Какая же была наивная и по-детски нерассудительная! Нет, пожалуй – легкомысленная: как бы повернулась моя жизнь потом без этой, главной в жизни человека бумажки, дающей опору и уверенность! Но свет не без добрых людей. Диплом я получила и экзамен по политэкономии сдала, да еще и на «четыре»...

Я всегда с благодарностью вспоминаю человека, который сыграл такую важную роль в моей жизни. Это – полковник Горохов, заместитель

начальника Института по учебной части. Уже выходя из проходной, я столкнулась с ним (как вовремя он пришел в Институт! Чудеса!) Зная всех выпускников, а тем более меня, допущенную в виде исключения к сдаче Государственных экзаменов, он спросил, как я сдала последний экзамен. Врать я никогда не умела и созналась в своем бегстве. Он сразу посерьезнел, взял меня за руку и повел назад к двери, около которой толпились студенты (они назывались курсантами), открыл дверь и буквально втолкнул меня в аудиторию. Результат вам уже известен. Разве забудешь такого человека, так по-доброму, бескорыстно повлиявшего на мое будущее?

Так вот, вернемся в Лондон. Вылетели мы из Москвы с Ходынского поля (Центральный аэродром) на самолете Си-47. Это был военный самолет, а не пассажирский. Поэтому внутри были только скамейки вдоль бортов. Ужасный холод продирал насквозь. Ведь вылетели мы в морозное утро 31 января 1946 года. Спасали только утепленные шинели, а мужчин – еще и горячительные напитки.

В Берлине – остановка. Проезжая в машине с аэродрома Темпельхоф в гостиницу, я смотрела на улицы, ужасаясь разрушениям. Прошло всего полгода со времени окончания войны. Расчищены были только дороги, а кругом – завалы из разрушенных домов. Страшная картина! Как же в этом хаосе из кирпичей могли выжить люди?! Незабываемое страшное зрелище, хватающее за душу. Но ведь и в нашей стране наши родные люди также перестрадали, если не больше. Думаю, что все видели фото женщины, стоящей около печной трубы полностью разрушенного дома: что может быть трагичнее?

В Лондоне была уже весна, а может быть зимы в нашем понимании там и не было? Зеленая трава повсюду и никакого намека на снег.

Я тяжело перенесла этот перелет. Особенно пострадали уши. Сойдя на землю, я почувствовала, что почти совсем ничего не слышу. Ко мне обращаются, а я – не слышу слов. И первое, с чем мне пришлось познакомиться в Лондоне, была больница, вернее, поликлиника. Кто-то из нашего посольства привел меня туда, объяснив, что оказание медицинской помощи там – бесплатное.

Помню, вошли мы в большой зал, перегороденный занавесями. За каждой перегородкой – врач по специальности. Это было ново для меня. У нас врачи принимали в отдельных кабинетах. А тут... другие порядки, может быть, связанные с бесплатной услугой. Не знаю. Главное то, что мне помогли.

Я вернулась к нормальной жизни.

И здесь на меня обрушилась языковая среда: кругом английский язык, да еще от меня требовалось огромное напряжение, чтобы хоть как-то соответствовать своему статусу переводчика. В Москве-то я занималась письменными переводами... Но время взяло свое. Недаром же я по приезде в Москву смогла получить диплом, сдав все экзамены за институт экстерном. Все это – Англия и, конечно, постоянная тренировка в языке: на работе в Совете Безопасности ООН, в кино, когда мне приходилось переводить речь действующих лиц в фильмах своим товарищам и др. Кстати, свободного времени у нас практически не было, но когда оно выпадало, то мы ходили в кинотеатры и были страшно удивлены их разнообразию. Там были самые простые помещения со скамейками и публикой, щелкавшей семечки и болтавшей отвлеченно во время сеанса, и шикарные залы с мягкими креслами и коврами на полу. Причем, в этих последних кинотеатрах, как правило, демонстрировали несколько фильмов подряд один за другим без перерыва. Поэтому войти в зал можно было в любое время. Начинаешь просмотр какого-либо фильма с середины и, если заинтересуешься, то заканчиваешь его началом, просмотрев все последующие. А можно было встать и уйти в любое время, когда тебе захочется. К твоим услугам всегда на чеку служащие кинотеатра, которые с фонариком помогают найти твое место по билету или выйти из зала. Несмотря на трудное послевоенное время, культурная жизнь в Лондоне не затихла. И я пыталась пользоваться этим. Были открыты Национальный музей, частные музеи, Королевский оперный театр Ковент Гарден. Меня тянуло услышать о чем говорят в Гайд-Парке в специальном уголке «ораторов»; там, главным образом, выступали со своими импровизациями люди, у которых в душе накопились какие-либо идеи. Все это было интересно для меня.

Когда же я попала в Ковен Гарден, то даже растерялась: Королевский театр... Дамы в вечерних нарядах. Мужчины во фраках. Мы, правда, были в военной форме. И... - нет гардероба!.. Прохожу я, первая, как единственная женщина в нашей группе, на свое место и... вижу – на полу лежит норковое пальто! Перешагиваю через него... А что оставалось делать? Вот такое было в 1946 году.

Как-то девчата, работавшие в посольстве, устроили вечеринку, пригласили и нас – молодежь из нашей делегации. Володя Кривошеков был большим любителем грампластинок, и он принес только что купленные записи в исполнении Ф.И. Шаляпина. Стали прослушивать разную музыку. Время проводили замечательно. И тут Володя поставил шаляпинские «Очи черные». Я услышала это впервые. Впечатление было такое, что как будто бы сердце готово было разорваться. Да еще – на русском языке! И у меня началась настоящая истерика. Вот тогда я почувствовала, что жить вне своего родного языка, вне России я не смогу. Этот вечер был толчком для созревшего решения – во что бы то ни стало вернуться в Москву.

Еще вспоминаю, как однажды вечером я шла откуда-то домой и остановила такси; а такси в Лондоне особенные – с высокими крышами, чтобы можно было сидеть людям в цилиндрах. Сказала водителю куда ехать. В это время подошли две девушки и попросили их подвезти. Я не возражала. Они сели со мною сзади, и по дороге мы разговорились. Узнав, что я из России, девушки, буквально, онемели. Потом одна из них робко спросила, правда ли что в России и даже в Москве зимой очень холодно, а снега до крыш. Я рассказала, что в деревнях действительно иногда снега наметает до крыш, но Москва – это большой город, такой, как все европейские города. Это было для них открытием. И вдруг одна девушка спросила: «А, правда то, что у вас на улицах можно встретить медведя»? Вот такое было у англичан представление о нашей стране. Но как-то уже совсем недавно я слышала по радио, как кто-то рассказывал примерно такой же эпизод, случившийся с ним в наше время. То есть, до сих пор многие не знают нашей страны и уж, конечно, не причисляют ее к цивилизованной. Как консервативен все-таки человек в своих представлениях!

Молодость брала свое. Хотелось и потанцевать. Однажды мы (один из наших офицеров и я) отправились в танцзал. Народу было много. Все оживленные, радостные. Танцевали с удовольствием все, что играл оркестр, т.е. вальсы, танго, фокстроты, словом, все, что тогда было в моде. И вдруг, после паузы мы услышали вместо мелодичной музыки что-то невероятное – прослушивался один только ритм. Все остановились, не зная, как подстроиться под эти непонятные звуки.

Неожиданно в центр зала вышла пара, и мы увидели нечто совершенно новое. Это был танец, но так не похожий на все то, что мы знали и к чему привыкли. То, что эта пара «вытворяла», мне не нужно рассказывать: теперь все это вошло в жизнь каждой дискотеки. Единственно, пожалуй, что никто не делает и сейчас, так это – когда партнер подхватывает партнершу за талию и переворачивает ее вверх ногами или вращает ее вокруг себя. Все были в шоке, но смотрели на танец с интересом. Так, видимо, обрушилось на Европу то, что потом назвали рок-н-роллом. Вот тогда и я приобщилась к познанию нового увлечения европейцев африканскими ритмами.

Я, конечно, знала, что Англия – страна, которая дала миру лучшую породу скаковых лошадей – английскую чистокровную. В дальнейшем я оценила эту породу сполна, так как сама могла прочувствовать не только ее физические возможности (более быстрой лошади нет в мире: когда она идет 500 м за 29–30 сек, или 1000 м – за 1.01, т.е. одну минуту и одну секунду, когда ветер свистит в ушах в безветренную погоду, чувствуешь себя песчинкой на спине живого гиганта скорости!), но и благородное сердце и душу этого удивительного животного. Чистокровная настолько честна, что человек может не рассчитывать ее сил, она «падет» (т.е. умрет),

выполняя требования всадника. И так бывало не раз. Поэтому так важна хорошо продуманная методика тренировки, при подготовке лошади к троеборью или скачкам.

Попав в Англию, у меня из головы не выходило, где найти лошадь, чтобы хотя бы прикоснуться к ней, хотя бы немного покататься. Сапоги у меня были по форме (я была одета в военную форму). Необходимы были брюки. Получив первые же деньги, я отправилась в магазин. Купила по баснословной цене брюки (за что получила «втык» от своих товарищей), служившие мне потом несколько лет. Затем, нашла адрес прокатной школы. Володя Кривошеков взялся меня сопровождать. Школа находилась в пригороде Лондона, в так называемом Буши-парке. Встретил нас пожилой англичанин. Володя, ухмыляясь, попросил его дать мне самую смирную подслеповатую лошадь. И тот вывел из конюшни толстую кобылку. Как могли англичане поддерживать в таком виде своих лошадей в тяжелое военное время, когда с кормом были большие осложнения! Я села на нее. В парке меня сопровождал этот пожилой англичанин. Увидев, как я сижу в седле, управляя лошастью, он предложил мне прыгнуть через поваленное дерево, что я и сделала с удовольствием. И вдруг услышала: «Are you kazachka?» (Вы – казачка?). Видимо, для иностранцев все, могущие ездить верхом жители Советского Союза, должны быть казаками и казачками. Я не стала возражать, тем более, что перед войной я какое-то время жила в Ростове-на-Дону и ездила в конноспортивной школе «Спартак», а значит, как бы приобщила к краю, испокон веку принадлежащему казакам-конникам. А было это так.

Весной 1940 г. к нам с мамой в Тверь вернулся отец и предложил ехать в Ростов-на-Дону. Зачем надо было уезжать из уютного, ставшего таким родным за три года жизни в нем города, я не понимала, но после ссоры с мамой по поводу моей дальнейшей судьбы (я закончила десятилетку, но об этом позже) и постигшей меня беды в конной школе, мне было все равно. Документы и заявление о желании поступить в МАИ (Московский авиационный институт) я отправила почтой, не заглянув даже в Москву и этот институт, а сама с родителями поехала на юг, на Дон.

Приехав в Ростов, я сразу же бросилась искать конную школу. И нашла. Командовал школой «Спартак» в Ростове-на-

В «Спартаке» в Ростове-на-Дону (я – слева), 1940 год

Дону до войны полковник в отставке Мезенцев. Этот старый кавалерист многому меня научил. Прыгать на лошади меня научили в Калининне, где я получила «начальное конное образование».

Мезенцев же приобщил меня к высшей школе верховой езды. Я познала этот увлекательный вид конного спорта, училась по-настоящему тонко чувствовать лошадь; этому способствовал и вороной **Бисмарк** – одна из лучших, как мы теперь говорим, большепризных лошадей СССР. Выездил и сделал его таким офицер Мельников. Я не была знакома с этим спортсменом, но Александра Михайловна Левина (наверное, последняя из конников) его еще помнила. Помнила она и Бисмарка. Я научилась на нем делать испанский (или школьный) шаг, испанскую рысь, галоп на трех ногах, менку ног и др. Причем, если у меня не получался, например, пассаж, то я тихо, но четко произносила: «Бисмарк, пассаж-пассаж», и он поднимался в пассаж, а я подхватывала это движение. Одно могу сказать, хорошо иметь такого «учителя». Эта учеба не прошла даром, т.к. физические ощущения или, как теперь говорят, мышечная память, остались во мне и помогли тогда, когда я, много лет спустя, стала сама выезжать лошадь. По перечислению элементов, которые исполняла лошадь, вы поняли, что это была старая высшая школа, от которой мы отказались лишь в 1952 г. после Олимпиады в Хельсинки.

Кроме того, Мезенцев почему-то и зачем-то посадил меня на деревянную лошадь и дал в руки солдатскую шашку. Она, между прочим, тяжелая, а я была достаточной хрупкой девочкой... Но шашкой махала, лозу рубила... И настал день, когда меня посадили на живую лошадь. Вот набралась-то я страху: так боялась попасть по уху, живому уху лошади! А сколько безухих лошадей было в кавалерии! И у нас в «Пищевике» была такая лошадь. Кличка у нее была – Авиация. Прыгала на ней Таня Куликовская, сделавшая ей искусственное ухо из какой-то шкурки. В конце концов, я благополучно закончила обучение рубке, и стала неплохим рубакой. Но могла рубить только тяжелой солдатской шашкой. Когда Мезенцев принес свою офицерскую саблю – легкую и немного искривленную и дал ее мне, то я стала «мазать» отчаянно и, наконец, отказалась от нее в пользу солдатского оружия. Должно быть, дело заключалось в том, что шашка тяжелая, мне оставалось точно нацелить ее конец на приближавшуюся по ходу лошади лозу, резко опустить, а она своей тяжестью подсекала ветку. Легкая же офицерская сабля требовала силового и резкого усилия всадника, чтобы срезать лозу, и тут меня не хватало. Я так объясняю этот «феномен».

Ах, какое чудесное было то лето, в Ростове. Дон был недалеко от школы, и мы постоянно ездили на эту великую величавую реку купать лошадей. Что может быть чудесней, чем плыть рядом с этим сильным животным! Держись за гриву лошади, а она несет тебя, сама довольная и ты вместе с нею. На песчаном берегу пошагаем, обсохнем и снова, освеженные, в седло! Чудо, как хорошо!

Не всегда мы были и пайныками. Мезенцев иногда смотрел сквозь пальцы на наши проказы, когда вечером в сумерки мы просили у него

лошадей, чтобы съездить на колхозные бахчи и потихоньку от сторожа сорвать несколько арбузов; если же попадался яблоневый сад, то «добыча» еще укрупнялась. Яблоки, конечно, прятали под рубашки, кофточки, а арбузы в авоськи. Зато на конюшне в такие вечера был пир и у нас и у лошадей.

Именно в Ростове-на-Дону я выполнила норму 1-го разряда. Я прыгала на двух лошадях – **Ашонке** и **Диком** – упоминаю клички лошадей потому, что мне приятно вспомнить этих славных животных и в спортивном мире они были знаменитостями.

Это было серьезное испытание характера, потому что в то время выполнить норматив 1-го разряда (по конкуру) значило не только отпрыгать серьезно поставленный маршрут из разнообразных препятствий, но и обязательно сдать нормы на значок ГТО («Готов к труду и обороне»). Сдача норм ГТО – дело было простое. Их выполнение требовало времени. Но, ведь, главное – захотеть!

Я отправилась на стадион и в один день умудрилась сдать все, что было связано с легкой атлетикой – бег, прыжки в высоту, длину; «заела» стрельба. Никогда не могла выбить нужное количество очков. Пришлось потренироваться... Ходила даже на политзанятия и сдала необходимый минимум. Оставались лыжи. А в Ростове – август, жара... Лыжи мне заменили конной дисциплиной. И вот – у меня в руке – заветный ромбик... Удивительно, как сложно, порой трудно складывалась моя жизнь в дальнейшем и, тем не менее, каким-то образом этот ромбик у меня сохранился и я рада показать его современным всадникам, как историческую реликвию хотя бы на фотографии.

Неудача со «Спартаком» в Москве

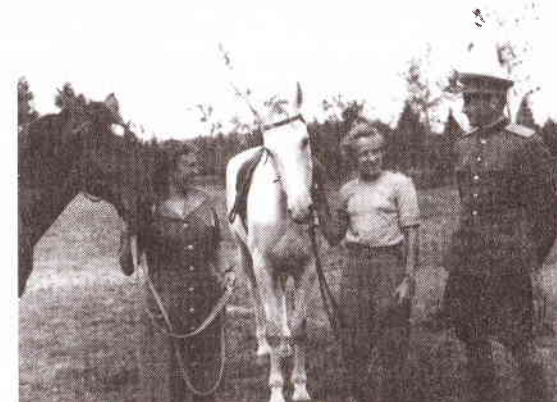
Вернувшись из Англии в Москву, у меня не было большей заботы, чем найти возможность снова вернуться к лошадям. Естественно, первое общество, куда я могла бы кинуться, был «Спартак», но у меня уже был печальный опыт знакомства с московским «Спартаком». Было это в 1940 г., когда я приехала в Москву учиться в Московском авиационном институте (МАИ) и сразу помчалась на Планерную – базу «Спартака». Была осень – сентябрь месяц, слякоть, темнело рано... И вот, я бреду по незнакомым местам – сначала через деревню, потом через поле. наконец, пришла к каким-то строениям и нашла-таки человека, к которому следовало обратиться. Это была Нина Юрьевна Коврига. Встретила она меня неласково, и на мою просьбу принять меня в спортивную группу ответила резким отказом. Я поняла, что такие великовозрастные спортсмены (я уже выполнила в Ростове требования I разряда и мне было тогда 18 лет) им не нужны, так как у них есть свои разрядники. Запомнила фамилию Леуты, чемпионки страны среди

юношей (затем, в 1951 году она стала Чемпионкой СССР по троеборью среди взрослых). Нина Юрьевна называла и другие фамилии, составлявшие гордость общества в то время, но я их не запомнила, да и до них ли мне было при таком приеме. А Леута – необычное имя. Потом мы с Риммой Леутой-Никитиной одно время даже выступали в одной команде (ВВС), но *тогда* я была в обществе, которое меня научило, как обращаться с лошадью, научило не только азам езды на лошади, но постижению высшего мастерства – высшей школы верховой езды, преодолению препятствий. Я научилась рубке, что было доступно только мужчинам (я не знаю женщин в спорте, кто занимался бы этим)... Короче, я шла на электричку в ночи по той же дорожке, что и пришла, заливаясь слезами.

Еще долго я не могла смириться с таким финалом. В общежитии МАИ девчата, мои соседки по комнате, надо мной подсмеивались, когда я усаживалась на кровать, ставила перед собой стул, нацепляла на его спинку различные пояса, брала их в руки и воображала, что я сижу на лошади, перебирая концы поясов так, как это делается с поводьями, когда всадник требует от лошади выполнить то или иное упражнение (в основном это было связано с элементами высшей школы). Я не хотела забывать приобретенные навыки.

Между прочим, с Ниной Юрьевной Ковригой, бывшей княжной Оболенской, мы потом стали большими друзьями, но я никогда не касалась воспоминаний о нашей первой встрече. Нина Юрьевна была жизнерадостным, даже веселым человеком. Юмор, остроумие так и сверкали в ее речи.

Обладая удивительной памятью, она могла рассказывать такие подробности даже о тебе (я это испытала сама), о которых ты уже забыл и чтобы что-то вспомнить нужен был смешок Нины Юрьевны.: «Ну как Вы не помните?» А потом начинаешь, бывало, охать и ахать: ведь в самом деле это с тобой приключалось. Мы с ней немало поколесли по разным городам, разъезжая уже в качестве судей. И для меня была одна радость отправиться в командировку на соревнования с нею. Нина Юрьевна была старше меня, но как в спорте бывает, возраст не влияет на взаимоотношения. К тому же нас сближала любовь и к собакам. В спорте я помню ее как участницу пробегов.

Н.Ю.Коврига (после пробега), А.М.Левина,
М.М.Громова

И для меня была одна радость отправиться в командировку на соревнования с нею. Нина Юрьевна была старше меня, но как в спорте бывает, возраст не влияет на взаимоотношения. К тому же нас сближала любовь и к собакам. В спорте я помню ее как участницу пробегов.

Это тяжелейший вид конного спорта: изнурительные тренировки и такие же изнурительные соревнования. Требовалось недюжинное здоровье и терпение. И эта замечательная женщина была всегда готова к таким испытаниям ради спорта, которому она отдала всю свою жизнь.

Небольшие зарисовки происходившего иногда на соревнованиях. Кострома. На поле установлены препятствия. Прыгают конкуристы. Поле не имеет достаточно четких границ, как это не раз у нас случалось раньше.

Лошадь делает закидку на препятствии у кромки поля. В судьейской никто точно не был уверен, вышла лошадь из конкурного поля или нет. Разгорелся спор. Одними короткими словами. Е.Свищова (Москва): «Она по ту сторону»; А.Кухаренко (Пермь): «Нет, в конкуре»; Е.Свищова: «По ту сторону»; А.Кухаренко: «Нет, в конкуре». Так несколько раз. Нина Юрьевна Коврига – главный судья, в сердцах: «Так по ту сторону или по эту?»

Или: Анатолий Кухаренко комментирует в микрофон: «Первое препятствие всадник прошел чисто, второе – ноль штрафных очков, на третьем – первая утычка». Далее: «...еще одна вторая закидка» (как будто может быть две вторых закидки). И еще: «... Вот всадник преодолел яму с водой». Улыбались, смеялись этому, веселились.

Идет конкур на мощность прыжка. Время засекают не нужно. Но когда всадник во время закидки разрушил препятствие и остановился, ожидая, когда оно будет восстановлено, Нина Юрьевна заволновалась: «Скорее засекайте секундомер при его остановке на позиции, а потом...» Олег Владимирович Корольков (наш первый и самый талантливый аукционист) прерывает ее и спокойным голосом говорит: «Я это уже делаю. Знаю, знаю, что как только ты скажешь во второй раз «раз», я остановлю секундомер. Одною я не могу понять, зачем это сейчас делать, если общее время не нужно». Нина Юрьевна сначала смотрела на него остолбенело, а потом как завопит: «Что ж ты мне сразу не сказал...»

Всякие бывают курьезы. Судьи тоже люди и волнуются не меньше выступающих спортсменов.

А разве забудешь соревнование по троеборью в Луганске? Во-первых, тем, что выйдя из вагона поезда, я вдруг почувствовала, что к свежести раннего бодрящего прохладного утра добавляется необыкновенный аромат какого-то растения как шапкой накрывший весь город. Какая-то фантастика! Дышишь – не надышишься. Втягиваешь в себя волнительный сладковатый запах. Но чего? Наконец, я поняла: по сторонам улиц Луганска росли белые акации! Деревья были в цвету. Красотища, да еще и этот аромат!

А во-вторых, тем, что произошло на второй день соревнований.

Накануне мы, судьи, проверили как были построены препятствия на кроссовой дистанции, оборудован троеборный стипль-чезный круг. Все было в порядке. Мы уехали в гостиницу.

Наутро рано, часов в шесть, мы были уже на стартовой площадке, откуда нас должны были развести на рабочие места у препятствий. Доезжаем до небольшого аэродрома, на земле которого были расставлены препятствия стипля, и видим... нет, мы ничего не видим...

Ни одного препятствия на лугу нет! Куда они делись?.. Но главное-то – подходило время пуска первого всадника на старте первых дорог! Никакой радиоаппаратуры, радиосвязи, у нас, конечно, в то время не было. Нужно было во что бы то ни стало задержать старт и сообщить главному судье о происшествии. Мы выгрузились из машины и отправили ее назад с «пренеприятными» (как у Гоголя) известиями, а сами пошли пешком к своим препятствиям на кроссе, не представляя себе, когда же может начаться соревнование вообще в этот день.

Главным судьей была Нина Юрьевна. Сколько же надо было иметь воли, выдержки, нервов, чтобы в такой экстремальной обстановке в кратчайшее время снова воссоздать стипль-чезный круг, успокоить спортсменов, судей и не сорвать этот соревновательный, самый ответственный и сложный этап для троеборцев! Суматохи, конечно, было много, но руководитель оказался на высоте. Молодец она была во всем, Нина Юрьевна Коврига!

Немного выше я упомянула фамилию Е.Н.Свищовой. Кто сейчас в конном мире не знает Свищову? А тогда она была молодым судьей, но уже по запомнившимся мне репликам можно понять, каким настойчивым и уверенным в себе человеком была она всегда. Теперь такие характеры мы называем «крутыми». Я практически не была с нею знакома в то время, однако жизнь распорядится по-своему, сделав нас достаточно близкими людьми, связанными общими целями и работами. Более того, я благодарна ей за то, что именно ее характер и стремление делать добро людям (правда, нужно признаться – иногда в слишком резкой и порой грубой манере) усадили меня за написание небольшой книжки-брошюры «Высшая школа верховой езды», оказавшейся нужной и такой востребованной.

Голод людей к литературе по конному спорту привел Елену Николаевну ко мне еще и по такому поводу: она убедила меня опять сесть за стол и начать большую работу по переводу международных Правил по выездке, конкуру, драйвингу, Правил по проведению соревнований для инвалидов и др. Непростая это была работа. Особенно трудно было разобраться в тонкостях инвалидного спорта и в драйвинге. В последнем мне помогли спортсмены, занимающиеся этим видом конного спорта. Не раз мне пришлось обращаться к драйверам в Ново-Переделкино, чтобы понять, из чего состоит, например, упряжь, экипаж, как называются их составляющие и пр. К работе над Правилами для инвалидов мы привлекли Татьяну Львовну Куликовскую (ту самую Танечку Куликовскую – нашу великолепную в прошлом прыгунью-конкуристку), много лет посвятившую себя работе с инвалидами и преуспевшую и в этом виде деятельности.

И это одолели. В результате у людей на руках оказалась самая необходимая литература, которая нужна не только для проведения соревнований, но главное – для ежедневной работы.

И это все – результат умения Свищовой «находить» работу для себя и для других. Такие люди, заряженные атомной энергией к чемутоделанию, а здесь – на пользу людям, я считаю, необходимы в нашем обществе.

А издержки характера... О них знают многие. Ну что ж, у кого их нет?!

Я с большим уважением отношусь к людям, любящим животных. В этой любви Елене Николаевне не откажешь. Это чувство привело ее к созданию питомника сибирских кошек. А началось все с того, что она бесстрашно бросилась в драку с подростками, мучившими котенка. А потом пришли к ней в дом другие беспризорные, как правило, погибающие животные. А как бы вы поступили на ее месте? Она поступила так. Уход, питание и, конечно, удача в подбираемых беднягах привели к тому, что среди них появились (после большого соревновательного отбора) особи с наивысшими рангами отличия. Ее гордость – Батист – Чемпион Мира, ни много ни мало.

В конном же спорте Е.Н.Свищова стала признанным специалистом по секретарской работе и достойной ученицей Лии Васильевны Кржицкой. Многих и она научила этому делу.

Театральный коллектив МАИ

Вернемся к 1940 году.

Время шло, и я с головой ушла в свое другое увлечение – театр. Увидев объявление о приеме в драматический коллектив МАИ (а он был, пожалуй, лучшим среди студенческих театров того времени), я решила попробовать свои силы в нем. В школе я постоянно выступала на сцене и в спектаклях, и с «сольным» чтением. Словом, с детства я любила театр, и половина даже крохотной сцены вызывала у меня трепет – они были для меня святыми.

Экзамен в драмколлективе проходил по всем правилам, как в театральном училище, т.е. нужно было прочесть прозу, стихи, басню и исполнить этюд на задаваемую тему. Все это я выполнила, как во сне, причем, читая стихи, я держалась за спинку стула, чтобы не упасть от волнения (помню читала «Арину – мать солдатскую» Некрасова). Конкурс был солидным – 8 человек на место. Экзаменаторами были главный режиссер и члены труппы. Между прочим, среди них был третьекурсник Юрий Егоров. Это тот самый Юрий Павлович Егоров, который впоследствии стал знаменитым кинорежиссером, поставившим

Е.Н.Свищова (вторая справа) с группой судей в Измайлово

На сцене

множество картин, среди которых – всем известный фильм «Добровольцы». После войны он закончил ВГИК по классу С.Герасимова и Т.Макаровой. Я счастлива, что мне довелось играть в ряде пьес с талантливым человеком и будущим режиссером, Народным артистом СССР. Я пользовалась успехом, все прочили мне театральную карьеру. «Что тебя занесло в наш технический ВУЗ? Тебе надо быть на сцене», - говорили мне мои друзья.

Прошло много лет, много пережито, но память о тех днях работы в театральном коллективе жива во мне, как о лучших, верно, страницах моей жизни. Мне даже удалось сохранить, несмотря на разные испытания в военное время первую программку «Истории одной любви», рецензию на постановку и одно из писем (коллективное) моих сокурсников. Вот они.

После «Истории одной любви», шумной реакции студентов на нее, мне не было прохода. Наш коллектив приступил к репетициям другой пьесы К.Симонова «Парень из нашего города». Я получила роль не главную, но вторую по значимости – молодой женщины, серьезной, положительной по всех отношениях. Мне эта роль не нравилась, но сыграла ее, как говорили, я хорошо. Во всяком случае в моей душе она не оставила ничего. Она просто меня не очень волновала. В это же время нужно было постановить пьесу Островского «Без вины виноватые», шедшую на нашей сцене годом раньше. Начались репетиции и этой пьесы. Участвовали в ней студенты-старшекурсники. И вдруг оказалось, «актрисы», игравшей Аннушку, служанку героини, в институте нет – она, закончив институт, куда-то уже уехала. Нужен был срочный ввод. Выбор пал на меня. Времени перед каким-то ответственным просмотром было мало. Все же спектакль был показан. Его смотрело какое-то очень известное в театральном мире лицо («Заслуженный деятель» и прочее). После спектакля это лицо собрало нас всех и сделало разбор нашей

Исторический институт Московского Университета.

Система-архивариус Н.Симонов

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

ПЬЕСА В 3 АКТАХ - 5 НАРЦИНАХ

Н.Симонов

Режиссер Н.М.Залышев

Художник Л.Т.Беловал

Брига А.В.Брига

Музыка пьесы Н.Симонова

Музыка песни И.Ворыгина

Базисит Н.Лугарин

Спектакль ведет Н.Козлов

Действующие лица и исполнители:

1. Алексей Степанович Марков (Алексей).....	Евгений Ю.
2. Екатерина Александровна (Екатерина).....	Белова Л.
3. Андрей Сергеевич Завялов.....	Орлов М.
4. Николай Степанович Золуша.....	Козлов Н.
5. Колитина.....	Журбенко А.
6. Корреспондент.....	Романов И.
7. Доктор.....	Ченчик Ф.
	Рогин М.
	Трунт Р.
	Иванов С.

Создан 1940-41 год.

209/1200

Прим. - Байскова - моя девичья фамилия

„ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ“

О любви говорят и пишут очень много. Но вопрос этот принадлежит к числу вечно молодых. А книг, пьес, действительно учащих как жить, предупреждающих ошибки, помогающих молодежи разобраться в своих чувствах, у нас мало. Поэтому следует всячески приветствовать избранное нашим театральным коллективом пьесы писателя — орденосца К. Сихонова «История одной любви», трагующей именно этот волнующий молодежь вопрос.

Жизнь — сложная вещь, и не так просто разобраться в ней Кате. А ее муж не помогает ей, предоставляя все вопросы решать самостоятельно. Ей хочется красоты, цветов, нежности, хочется, чтобы она была нужна кому-то, чтоб ей повторяли об этом. А Алеша — хороший, честный человек — замкнут в себе и ничего не желает сделать, чтобы украсить их совместную жизнь. Он не пытается напомнить ей прожитые совместно годы, годы борьбы с трудностями; ему тяжело, но он предоставляет жене самой решать вопрос о своей любви, о их взаимоотношениях, он становится на позицию «невмешательства». Они оба самые обыкновенные, простые люди, которые любят друг друга или, вернее, не знают, как сильно любят друг друга.

Байскова (Катя) отлично справилась со своей трудной ролью. Образ, созданный

ей, надолго запоминается зрителем и является наибольшей удачей всего спектакля. Так же хорошо справился со своей ролью Егоров (Алеша). Однако к недостаткам его игры следует отнести слишком большую холодность и сдержанность в первых картинах. Зритель вначале не чувствует к нему симпатии, он кажется слишком черствым, холодным.

Голубь (дядя Коля) — студент Журавленко — с простотой и любовью отобразил героический облик полярного исследователя, прошедшего большую часть своей жизни на зимовках в далекой Арктике. Он безгранично предан своим друзьям. С первым появлением на сцене он завоевывает симпатии зрителей. Однако нам кажется, что он несколько шаржирует роль Голубя, делая ее ходульной, превращая Голубя в старика-чудака.

Не совсем удачным кажется нам образ Андрея. Исполнявший роль Андрея студент Жилкин не смог преодолеть недостатков текста, и в его трактовке Андрей превратился в «кляклатного» подлеца и негодяя.

В целом спектакль оставляет хорошее впечатление. Остается пожелать нашему театральному коллективу работать и в дальнейшем над современными пьесами на актуальные темы, волнующие нашу молодежь.

НИФЛАХ.

Мы с вами незнакомы, но мы вчера были на просмотре «Истории одной любви» и нам очень хочется от всего сердца поздравить вас.

Вы играли превосходно. Некоторые из нас видели эту постановку в театре Ленсовета, и находим, что вы сыграли Катю гораздо лучше, искренней, темпераментней.

Вы так сыграли эту роль, что и теперь, когда мы смотрим на вас, нам кажется, что это не вы, что это Катя занимается у нас. Для нас образ Кати и ваш неразрывны. Приходится удивляться почему вы пошли в Авиационный институт, а не в ГИТИС. Еще раз поздравляем. Ждем с нетерпением вашей новой роли. Нам очень неудобно писать вам, т.к. мы незнакомы с вами. Извините.

Группа Вооруженцев.

Мы с вами незнакомы, но мы вчера были на просмотре «Истории одной любви» и нам очень хочется от всего сердца поздравить вас. Вы играли превосходно. Некоторые из нас видели эту постановку в театре Ленсовета, и находим, что вы сыграли Катю гораздо лучше, искренней, темпераментней. Вы так сыграли эту роль, что и теперь, когда мы смотрим на вас, нам кажется, что это не вы, что это Катя занимается у нас. Для нас образ Кати и ваш неразрывны. Приходится удивляться почему вы пошли в Авиационный институт, а не в ГИТИС. Еще раз поздравляем. Ждем с нетерпением вашей новой роли. Нам очень неудобно писать вам, т.к. мы незнакомы с вами. Извините.

Группа Вооруженцев.

Письмо «вооруженцев»

работы, оценив ее очень высоко, учитывая сложность и серьезность этой одной из труднейших для постановки пьесы Островского. Но то, чем он закончил свое выступление, было поразительно. Прошло много лет, но я помню его слова, да и как было забыть их мне. Он сказал, что все молодцы и хорошо справились со своими задачами и все же «бриллиантом в пьесе сверкнула девушка в роли Аннушки». Я была буквально ошарашена такой оценкой. Роль-то крохотная. Ну, Аннушка бегала по сцене, суетилась, гладила белье, при этом что-то напевая, кажется, «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Я и не придавала значения этой своей работе. Ну, разбитная девчонка, и все. И вдруг...

Потом, этот «заезжий» режиссер позвонил мне и сказал, что мне нужно идти в театральное училище. Сердце мое ёкнуло при этом, ведь это была моя мечта. Но ответила я ему помню, как последняя дура, котевавшая показаться очень умной: «Я решила стать инженером, чтобы иметь постоянный кусок хлеба. Нам с мамой очень тяжело жилось, и я должна думать о ней». Он посмотрел на меня, по-моему, даже не понимая того, что услышал. Если бы он знал, что в это время во мне уже созрело решение изменить мою жизнь, но воспользоваться повернувшимися обстоятельствами я не смогла. Во мне было еще много детскости и, прежде всего, меня устраивала работа в маевском коллективе. Мне было в нем интересно. А высшая математика, начертательная геометрия и прочее как бы плыли рядом со мной, не особенно загружая мою голову. Тем более, мы уже начали готовиться к летним гастролям по разным городам, помню, упоминался Гусь Хрустальный и другие. Я летала как на крыльях, сдала досрочно последний экзамен... А тут началась война... Был июнь 1941 года. У многих все в жизни перевернулось. Я — не исключение.

Но вопрос: разве я не понимала, что Бог дал мне сценический талант? Понимала... Но дома, когда после окончания десятилетки, я сказала маме, что собираюсь попытаться поступить в театральный институт, то в ответ услышала резкое и категоричное: «Если ты пойдешь в театральный институт, то забудь, что у тебя есть дом и я — твоя мать». Я знала властный характер своей мамы и... не решилась ей перечить, но на ее желание видеть меня врачом возразила, что в мединститут я пошла бы, если бы «провалилась» в театральный, а так — мне все равно и что я пойду куда «глаза глядят». Самым популярным престижным ВУЗом в то время был МАИ. Моя золотая медаль позволила мне без труда стать студенткой этого ВУЗа. И я оказалась счастливой, так как сразу попала в круг очень интересных, талантливых во всем ребят. А о режиссере и говорить нечего. Это был творчески одаренный человек, увлеченный режиссерским делом, а главное, он работал с нами, не делая разницы в том, кто перед ним — студенты-технари или актеры-профессионалы. Но... человек предполагает, а Бог располагает, говорят. История не только моей жизни, но всей моей страны согнулась под другим углом.

МАИ. Призыв в армию

В институте после премьеры «Истории одной любви» мне не было прохода. Куда бы ни пошла, все останавливались и либо поздравляли, либо молча с удивлением (а может быть и восхищением) смотрели на меня. Я же «витала в облаках» от неожиданного счастья. Мне было 19 лет... Только-то...

То, что я стала знаменитостью в институте, помогло мне в военное время. Когда институт эвакуировался в Алма-Ату (это было в октябре месяце 1941 года), я решила остаться на какое-то неопределенное время в Москве. Дело было в том, что к этому времени я потеряла родителей: никаких известий о них. Я знала, что отец на фронте, но где?.. Еще хуже было то, что я, вернувшись в Москву после Брянска, не имела никаких сведений о маме. Она жила в то время под Ростовом-на-Дону в городке Красный Сулин. Туда её загнала «страсть к путешествиям» с отцом после их очередной размолвки. Немцы в это время очень быстро продвигались на восток по нашей земле. Недалек был день захвата ими Ростова. Я была в ужасе от одной только мысли, что она может попасть в плен или остаться на оккупированной территории. В голове сверлило одно: она будет искать меня, но где? Конечно, по старому московскому адресу общежития МАИ. Вот тогда, оставшись одна в пустом помещении общежития, я вынуждена была искать средства к простому пропитанию. Куда податься, не сообщила. К тому же 16 октября стал страшным днем для Москвы. Люди как будто сошли с ума, стали разносить магазины, склады, унося с собой главным образом продукты. Все боялись немцев, боялись голода... Слава Богу, с этими беспорядками власти справились быстро, но в памяти они застряли надолго. Ничего страшнее неуправляемой толпы быть не может. Я с этим столкнулась еще раз, во время похорон И.В.Сталина. Тогда я уже прощалась с жизнью, меня так зажали, вернее, прижали к стене одного дома на Тверской. Как выскочила, разве можно понять такие мгновения; я всегда говорю: «Это опять мне помог мой Ангел-Хранитель. Спасибо ему». Человеческих усилий в том случае не хватило бы...

А осенью 1941 года я пошла в Боткинскую больницу и стала донором. Мною руководило не только необходимость получить какие-то деньги и рабочую карточку, которая худо-бедно могла бы меня обеспечить на какое-то время, поверьте, но и патристическое чувство помочь своей кровью кому-то из раненых.

Вкусный красивый борщ, которым кормили сдавших кровь, до сих пор у меня в глазах... Но если бы всё было так, как я предполагала.

Вскоре пришла ко мне беда в гости: я потеряла продуктовую карточку (а может быть, её и украли у меня). И вот тут-то помогла мне моя известность в институте. Не зная, что предпринять дальше, я как-то ходила по опустевшему главному корпусу МАИ в ожидании (каждодневном!) какой-либо весточки от родных. И тут мне встретился председатель профкома МАИ: «Нина, ты что здесь делаешь?». Я ему

рассказала всё. Без дальнейших расспросов он достал из кармана блокнотик, написал что-то на одном листке и подал его мне, сказав, чтобы я немедленно шла в профсоюзную кассу, пока она еще не закрыта совсем, и получила деньги. Я получила 300 рублей в кассе. И это было спасение в полном смысле этого слова. Потом этот добрый человек дал мне направление на Химкинский авиазавод. На этом заводе проводился ремонт прилетающих с фронта ИЛов.

Летчики – все молодые ребята – в ожидании своих самолетов жили в том же общежитии, что и я и ещё две девушки – одна тоже из МАИ, другая – из какого-то театрального училища. Жили мы в одной комнате вместе с летчиками. Но какое же уважительное, внимательное и даже ласковое отношение видели мы от этих парней! Улетая, они просили меня (те двое обычно уезжали в Москву в свои семьи) стоять на крыльце, чтобы они могли проститься, пролетая над нашим домом, покачивая крыльями. Для меня эта дружба с летчиками продолжалась еще с год. Мы переписывались, следили за передвижениями друг друга по стране. Но потом я была мобилизована в армию, попала в водоворот новой жизни, переписка как-то заглохла, но не исключено, что она прекратилась по причине тех трагедий, которые происходили в те годы ежедневно, вжечасно.

Почему я оказалась в Химках?

Завод собирались эвакуировать, и я должна была уехать из Москвы вместе с ним. Другого пути не было. Немцы подошли вплотную к Москве. В Химках мы слышали канонаду артиллерийских орудий и видели по ночам огненные вспышки от выстрелов. Но завод продолжал работать, самолеты прилетали и улетали. Люди были настоящими Героями, каждый на своем месте.

Периодически я навещала МАИ, но известий от родных я не получала. Ни выехать, ни выехать из Москвы в то время нельзя было без специального пропуска. А где его взять, я не знала. Выход нашла в другом. Когда надежда что-то узнать о родных у меня погасла, я пошла к начальнику Казанского вокзала. Принял меня пожилой симпатичный мужчина. Он выслушал меня и мой рассказ о моей потерянной жизни сочувственно и понимающе. Результат – я получила два билета (для себя и второй «маёвки») в купированный вагон поезда, отправлявшегося в Алма-Ату, куда два месяца назад был отправлен мой институт. Вот такие добрые люди были в те тяжелые времена. Всегда вспоминаю их с благодарностью. Что бы я делала без встреч с ними?

Под Новый 1942 год мы с Ниной (она тоже была Нина) приехали в Алма-Ату. Чтобы нас не путать, нас называли – меня Ниной маленькой, а её – Ниной большой – она была девушкой крупнее, посolidнее меня. В институте нас устроили в общежитии – в школе, в центре города. Какой же красивый городок был тогда этот Алма-Ата – Отец Яблок. После Москвы с зашторенными окнами, баррикадами из мешков с песком и стальными «ежами», с аэростатами, висевшими в воздухе, с постоянными воздушными тревогами по несколько раз в день, бомбежками, мы попали в спокойный белоснежный город, в котором

ничто не напоминало об ужасах войны: электричество, кинотеатры... А какой прекрасный оперный театр был (а может быть и есть) в Алма-Ате. Голодные студенты рвались в этот театр не только за духовной пищей (на сцене выступали великолепные певцы, одна Куляш Байсеитова чего стоила – «соловей казахского народа», женщина с необыкновенно нежным, уникальным голосом – колоратурное сопрано), но и за пищей естественной. Буфет в театре многих из нас спасал, потому что голод ходил за нами по пятам. Мы буквально рыскали в поисках пищи. Лучшее, что было в столовых – затирка: сваренные в воде галушки из темной муки и наполовину рассыпавшиеся. Так что хлебать приходилось мучнистую похлебку, даже не похожую на суп. И постоянное чувство голода...

Ничего страшнее, ужаснее чувства голода, по-моему, нет. Постоянно ноющее требование желудка хоть чем-нибудь заглушить это чувство бывало невыносимым. Бомбежка нашего трудового фронта под Брянском, бомбежка Москвы, близость наступающих немецких танков не вызывали такого отчаяния, как состояние голода, от которого куда было спрятаться. Не так долго в моей жизни было такое состояние, но этого хватило, чтобы долгие годы после войны я не могла оставить на тарелке ни крошки. Да и сейчас, если что-либо остается от пищи, у меня не поднимается рука это выбросить, и я все собираю в целлофановый мешочек, чтобы отнести на бульвар птицам.

Об Алма-Ате... Чудесном городе, расположившимся на подошве горы Алатау. Замечательно и то, что построили его прямыми улицами, идущими вниз от Большого Арыка, который был как бы границей между человеческой цивилизацией и девственной природой гор.

От Большого Арыка по обеим сторонам улиц шли маленькие арыки, закрытые густой зеленью. Только журчание воды, тихое, успокаивающее, напоминало о них.

Улицы, идущие сверху, пересекались прямыми горизонтальными улицами, совсем как в Петербурге. Только масштабы другие.

Весной, когда стало тепло, мы, студенты, группами ходили в горы и даже с ночевкой. Но ночью было холодновато, зато эти страдания окупались красотой утра. Дух захватывало от того, что открывалось нашим глазам. Далеко наверху горы были покрыты снегом, а внизу на уровне наших путешествий, на альпийских лугах под теплыми солнечными лучами раскрывали свои шапочки тюльпаны. Разноцветие удивительное: красные, желтые, белые. И всё в блёстках утренней росы! Уже ради всей этой красоты можно было подрожать ночью.

Студентам жилось не сладко не только в смысле постоянного ощущения голода (особенно после сдачи крови), но и...короче, к концу подошла московская обувь. Что было делать? Недаром говорят: «Голь на выдумки хитра», так и мы решали свои проблемы, кто как мог. Я, например, взяла толстый картон, вырезала из него подметки по форме своих ног, обвила эти «матрицы» какими-то твердыми шнурами (не исключено, что проводами), приделала тряпичные ремешки сверху и –

чем не модельная обувь – шлепала в них вплоть до отъезда в армию. Ущипания не было, не было и нытья. Мы чувствовали себя вполне комфортно даже с такими издержками в жизни.

Но мало мне было институтской жизни. Меня мучило сознание, что мои друзья (летчики в том числе) возможно сейчас умирают, а я сижу в тылу. На фронт! Нужно на фронт! Пошла в военкомат. Пожилым военкомом

посмотрел на меня и первое, что я услышала, было: «Нечего тебе делать на фронте, без тебя там обойдутся» Уговоры не помогли. Я поняла, что мне нужно обзавестись такой профессией, которая нужна на фронте. Медсестра... Нашла курсы медсестер. Стала учиться, уже проходила практику в больнице и поликлинике, когда вдруг военком (я ему сообщила, что я уже почти медсестра) вызвал меня и сказал, что в город

Проводы в армию – на крыльце школы, где мы жили, Алма-Ата, 1942 г.

приехала комиссия из какой-то воинской части и будут набирать кандидатов. «Если ты им покажешься подходящей, я тебя благословлю. Будешь призвана в армию». Вот Судьба свела меня еще с одним умным и добрым человеком.

Ну, что ж, пошла в учреждение, где эта комиссия беседовала с приходящими к ней девушками и юношами. Народу было видимо-невидимо. Дело в том, что в Алма-Ате скопилось несколько институтов, кроме МАИ. Услышав об этой комиссии, все бросились попытать свое счастье, хотя толком никто не знал, что это за люди, откуда они и что и кто им нужен. Дошла очередь для собеседования и до меня. Вроде прошло оно благополучно, потому что меня допустили до письменного экзамена – проверяли русский язык.

Интересно, что по крайней мере из 500 человек комиссия отобрала пятерых. И все пять оказались студентами МАИ и более того – мы жили в одном общежитии, и только девушки!

Молодых людей мы встретили уже позже, кажется, в Ташкенте или Фергане – по пути следования к месту назначения в город Куйбышев (теперь Самара) и далее в городок Ставрополь-на-Волге. Этот городок находился в живописнейшем на Волге месте – Жигулях. Как жаль, что его уже нет – затоплен.

Приключений в дороге было не мало. Но молодости всё по плечу. Дорога эта привела нас в Военный институт иностранных языков Красной

Армии. И стали мы курсантами, из которых готовили переводчиков для армии. Мы осознали перспективу нашего будущего только на месте. Началась жизнь в военном заведении по всем правилам военной дисциплины. С дисциплинарными порядками мы столкнулись сразу же по прибытии. С дороги голодных нас отправили в столовую, по команде разрешили сесть за стол. Подали, помню, дымящиеся паром с жирной пленкой щи. Пахли эти щи так, что заняло под ложечкой! Но ждем команду. Наконец можно приступить к еде. Но, щи оказались такими горячими, что даже с голодухи ложкой проглотить их было невозможно. А тут слышим команду: «Встать! Строиться!». Вот была досада! Так первый раз, по крайней мере, я осталась без обеда, голодать до следующей трапезы. Потом, конечно, научились управляться и справляться с едой любой температуры, а тогда... Да, это был жестокий урок.

В институте был военно-морской факультет. Начальником его был каптри (капитан третьего ранга). Курсанты – ребята, приехавшие с разных флотов, но были и москвичи. Все – в роскошной морской форме, в тельняшках, на голове бескозырки с ленточками, брюки клеш. Загляденье. Все подтянутые, форма всегда отглажена. Мы удивлялись, когда они успевали это делать и как. Режим дня был плотный. Тут и строевая подготовка, и ... да мало ли что приходится делать новобранцам. Потом я узнала, что «гладились» брюки клеш под матрацами, на которых моряки спали, предварительно аккуратно разложив их на твердой основе. Вот так выходили из положения наши франты.

Как-то каптри остановил меня и спросил, не хочу ли я перейти из общевоинского отделения на морской факультет. Кто же откажется от такого предложения? Стать морячкой, надеть синюю форму, берет с крабом! Разумеется, я тут же сказала «да». Так я стала первой девушкой-«морячкой» в ВИИЯКА. Чему была обязана этим, мог бы ответить только сам каптри Иванов.

Особенно донимала строевая подготовка, да ещё с песнями, и тренировки в противогазах. Естественно, одной жизнью солдата-матроса я не могла удовлетвориться. Раз не было лошадей, была художественная самодеятельность. Разыскала ребят, занимавшихся этой самодеятельностью. Помню в домике,

Привет из Ташкента. По дороге в неизвестность

Я стала морячкой, 1942 г.

приспособленном под зрительный зал и сцену, в полумраке (без электричества, конечно) я познакомилась со своими будущими друзьями, о которых я до сих пор вспоминаю и говорю с гордостью. Это, прежде всего – Володя Туркин, поэт и крупный впоследствии работник по издательству и печати книг. Посвященные мне стихи Туркина у меня хранятся как дорогая память об умном интересном товарище моей юности. Затем, Михаил Анчаров – в будущем известный писатель и журналист, первый, как считают, зачинатель бардовских песен. Он и в 20 лет был умный, во всяком случае, умнее меня. Да, я была оделена талантами, но я, как бы сказать... – «порхала» по жизни: мне все было интересно, все удавалось, меня любили сверстники, видимо, за коммуникабельность, меня любили учителя, должно быть, за то, что я хорошо училась, я всех любила и на многое смотрела сквозь «розовые» очки... Хорошо это или плохо – не знаю. Главное все же – моя душа не зачерствела, хотя поводов для этого было предостаточно. А Миша... он уже в то время много знал, понимал. Во многое вникал... Мы много с ним разговаривали, гуляя где-нибудь по лесу. Никогда не забуду, как во время одной такой прогулки он вдруг остановился, посмотрел на меня своими красивыми миндалевидными черными-пречерными глазами (Анчаров вообще был очень красив мужской мужественной красотой) и сказал: «Жалко мне тебя, Нинка». Я засмеялась: «Почему?» Он не ответил. А я выкинула его слова из головы – в ней была одна романтика романсов. Это потом я поняла смысл его слов: нас же готовили для работы в ГРУ (кто не знает – Главное разведуправление), а какой?..

Артем Чумаченко – «первый парень на деревне» – великолепный танцор и певец. И другие. Встретили они меня настороженно: у них уже сложился коллектив, они были с 3-го курса. Попросили меня что-либо прочесть. В моей голове выбор пал на «Мцыри» Лермонтова. То ли обстановка (полумрак, таинственность), то ли я была в ударе, только когда я закончила, «лед растаял». Все и девушки (в основном плясуньи) и ребята приняли меня, я бы сказала, с раскрытыми объятиями. Я была как на крыльях.

Тут же познакомили с программой предстоящего концерта и ввели меня в него.

Замечательный концерт мы устроили к празднику Октября – 7 ноября. Был сочинен сценарий, называвшийся «Все свое – все самосад». Это означало, что творили сами стихи (Туркин), которые переплетались с песнями (Чумаченко), прозой (Анчаров), нашли и музыканты. Я выступала в роли чтицы. Успех этой «сборной солянки» был огромный (в масштабе института). Ставили и небольшие пьески на военные темы. Пришлось мне стать даже режиссером и одновременно артисткой. Душа кипела, ликовала. Я занималась любимым делом.

Искусством чтения я увлеклась давно, можно сказать всю жизнь. Первый раз я вышла на сцену клуба затерянного в тайге рабочего поселка лет пяти. Помню, что больше меня волновалась моя мама: она спряталась за занавес, готовая мне подсказать, если я что-то позабуду. Но ее волнения оказались напрасными. Я вела себя на сцене спокойно и

какое-то стихотворение об Октябре прочла лихо: с выражением и подъемом. В школе не проходило ни одного мероприятия без моего участия. Темы были разные, но всегда меня тянуло к таким произведениям, которые отражали конкретную тему, соответствовали задаче вечера.

1945 год. Вспоминаю, будучи в армии, я нашла клуб Московского Военного Округа (на Красной площади) и каждое возможное мгновение использовала для работы в чтецком коллективе. Там я подготовила небольшую поэму Владимира Крахта «Женщина», которую читаю везде с великим удовольствием до сих пор. А началось с того, что как-то я пошла в концертный зал им. Чайковского и во время концерта услышала эту «Женщину» в исполнении великой актрисы Елены Николаевны Гоголевой. Впечатление – грандиозное. А я «загорелась» и как ни трудно было, но нашла текст этой поэмы.

В клубе было несколько коллективов: очень серьезно работали драматический (режиссер Александр Шапс – позже он стал знаменитым режиссером в театре им. Моссовета, он-то и сделал со мной эту «Женщину») и вокальный, который прекрасно ставил сцены из оперетт. Как-то нас пригласили дать концерт в Кремлевском театре. Это театр на закрытой территории Кремля. Небольшой, уютный. Вход через Спасские ворота со всеми надлежащими такому собранию проверками и пр. Конечно, это был концерт не для членов Правительства, а для, видимо, обслуживающего персонала, охраны. Мы этого не знали, но понимали и ощущали значимость этого приглашения.

Кому как, но мне он запомнился надолго. Дело с том, что я вела концерт. Я видела, как были воодушевлены наши «артисты», как волновались.... И вдруг. Я объявляю номер... А в зале – шумок. Второй номер... Зал не успокаивается. Я стала накаляться и в конце концов не выдержала. Объявляя очередной номер, я в довольно резкой форме обратилась в зал, урезонивая сидящих и стыдя, и сказала, что мы пришли к ним, чтобы принести им радость, что мы – непрофессиональные артисты – с волнением пришли к ним, чтобы поделиться своим искусством и мы не ожидали такой встречи. Короче отчитала сидевших в зале крепко. Результат – концерт далее прошел в полной тишине, встречали всех горячо, с восторгом, словом проняло. Но памятуя о тех годах, я до сих пор удивляюсь, как меня, минула беда (могли бы, наверное, и арестовать за такое самовольство с «публикой»?). Кстати, любопытно, что в этот вечер сама я читала стихи казахского поэта Джамбула: «Песня моя, ты лети по аулам,

Слушайте, люди, акына Джамбула...» и т.д.

Вот такие были времена.

В декабре 1942 года в газете «Правда» был опубликован очерк писателя Лидина «Зоя Космодемьянская». О девушке-партизанке, повешенной фашистами. Вся страна отозвалась глубокой скорбью к происшедшему. Загублена еще одна молодая жизнь. Почти девочка.

Только-только окончила десять классов. А какое мужество! Бросить фашистам в последнюю минуту своей жизни перед казнью: «Всех вам не перевешать. Нас много, миллионы нас».

Поэтесса Маргарита Алигер написала поэму о Зое. Большая поэма. Я сделала композицию, выучила ее и выступала с нею на вечерах. Вещь сложная, наполненная трагическими сценами, раздирающими душу. Но, кажется, с эмоциями, лившимися через край, я справилась. Принимали меня хорошо. Это была очень серьезная чтецкая работа, к тому же сделанная без режиссера, самостоятельно.

Настало время, когда нас стали распределять по учебным группам. Каждому определялся для освоения какой-либо язык. В институте было два факультета – восточный и западный. Жили эти факультеты на расстоянии примерно 5 километров друг от друга.

Западный – в лесу, в горах, в бывшем санатории, восточный – в самом Ставрополе. Морской факультет, как самостоятельная единица, находился территориально на восточном факультете. Ходили друг к другу в гости. Устраивали и совместные и отдельные вечера, концерты. Словом, шла нормальная студенческая жизнь с занятиями и общежитиями с двухэтажными койками (я предпочитала второй этаж).

Мы к тому времени уже знали, что из нас хотят сделать военных переводчиков.

Так вот, стали нас вызывать по одному в кабинет начальника восточного факультета. Побывавшие там сообщали, какой язык им после этого предстояло учить. Дошла очередь до меня. Начальствующий синклит восседал за длинным столом. Десятки глаз вперились в меня и критически рассматривали. Еще до объявления «приговора» я посмела сказать, что хочу изучать японский или китайский язык. Спросили, почему. Какие-то аргументы у меня нашлись, но ответ был – «нет». Я тогда взмолилась: «Хочу какой-нибудь восточный – хинди или персидский». Ответ последовал: «Нет». И после паузы вердикт: «Английский язык». Я попыталась возразить (что значит, была сугубо гражданской девочкой, не постигшей еще армейских правил существования), но раздался властный голос полковника – начальника комиссии: «Кругом, шагом марш!» Эту команду я уже усвоила хорошо и, как автомат, повернулась и вышла в полной растерянности. Вскоре я приступила к учебе в группе, состоящей из 15 человек – 14 моряков и одной морячки.

В первом семестре преподавательницей у нас была молодая женщина. Я думаю, опыта работы с такими группами взрослых уже людей у нее еще не было. Да и мы еще не осознали серьезных задач, поставленных перед нами, – в кратчайший срок освоить чужой язык и на хорошем уровне.

Поэтому, когда подошла первая сессия, и мы пришли на экзамен, нас ждал удар, шок, полное непонимание случившегося. Это чувство касалось почти всех курсантов. Принимала экзамен мэтр языковых наук знаменитая Зоя Ивановна Цветкова, гроза всех, кто взялся за изучение её любимого предмета. Беспощадно она разгромила все наши усилия

проявить себя с хорошей стороны. Это коснулось не только лексики, но и произношения.

Начальство наше встревожилось не на шутку. Мы были группой, на которую оно возлагало серьезные надежды (весной моих ребят уже послали на Северный флот, где они общались с моряками с английских кораблей. Меня, увы, оставили «дома». Должно быть сыграл роль морской закон – на военный корабль женщин не допускать. Мне было обидно, но... Но, армия есть армия, где приказы следует выполнять независимо от желания и настроения)...

Второй семестр мы начали с новым педагогом. К нам пришла с западного факультета американка, её фамилия была Янковская. Строгая, неулыбчивая, она скоро взяла группу в свои крепкие руки профессионала. А мы после вольготной жизни в первом семестре сели за учебники, да так, что света не видели в течение всех последующих месяцев. Но задачу Янковская выполнила: вместо троек, полученных большинством из нас, в том числе и мною, сессия весной наша группа сдала блестяще – все на пятерки. Принимала экзамен все та же Цветкова. Я думаю, начальство наше вздохнуло свободнее и спокойнее после этого.

Много лет спустя, к тому времени я была уже демобилизованной свободной гражданкой, я встретила Зою Ивановну на Пушкинской улице (теперь Большая Дмитровская). И она, и я – мы шли в театр, филиал Большого, на одну из постановок приехавшего в Москву Лондонского драматического театра. Ставились пьесы Шекспира. Сознаюсь, готовясь к этому походу, я прочла эту пьесу на русском и английском языках. Но шекспировский язык очень сложный и далекий от современного. Понимать, даже зная, что происходит на сцене, было трудно. Но не познакомиться с искусством англичан я не могла. И правильно!..

Так вот, увидев Зою Ивановну в окружении, видимо, ее друзей, я все же не выдержала, подошла к ней и поздоровалась, добавив: «Вы меня, конечно, не помните. Прошло много лет». Она посмотрела на меня: «Как не помню? Морячка...»

Это была наша последняя встреча. З.И.Цветкова была не только специалистом экстракласса. Она была человеком с огромным чувством ответственности за любимое дело – учить часто проявляющую легкомыслие молодежь тому, что для нее было святым и самым главным в жизни – чужому языку.

В Ставрополе у меня произошло событие, которое подняло и у меня настроение – нашлась мама, вернее, она нашла меня через МАИ. Рассказывать, какие мытарства она испытала, убегая от немцев, значит писать новую книгу о судьбе нашего несчастного народа, сумевшего, тем не менее, всё пережить, победить дикие полчища, устремившиеся на нашу Родину, выстоять и голод и стужу, пережить потерю своих домов, т.е. крыши над головой. Да что говорить, страшное было время, не дай-то Бог никому больше такого испытать.

Мама приехала ко мне в Ставрополь, и больше мы с ней уже не разлучались до самой ее кончины.

Время службы в армии шло, и я получила очередное звание – старший сержант. Это было событие в моей жизни!

В Ставрополе-на-Волге меня впервые посетило удивительное чувство – любовь. Да, я влюбилась... Удивительно, ты как будто приобретаешь крылья. Хочется бегать, прыгать, в общем, двигаться, отрываясь от земли. Душа поет, и ты поешь. Внутри все горит и, к сожалению, часто это состояние уводит тебя от действительности. Как пелена на глазах мешает видеть, так и это состояние «небожителства» мешает многое правильно оценивать. Жизнь сосредотачивается на одном – потребности постоянно видеть этого человека, общаться с ним, и это приводит, я бы сказала, к безволию. Ведь жизнь требует исполнения многих обязанностей, а тут в голове одно, одна мысль – быть рядом с ним. Говорят, любовь стимулирует творчество, наполняет энергией... Может быть... Только не у меня. День, проведенный без Артема Ч. (это был он – тот «первый парень на деревне», с которым я познакомилась, придя на репетицию «самодеятельных актеров»), казался мне мрачнее мрачного. Но это пришла беда в мою жизнь: Артем был уже женат... И начальство не могло не обратить внимание на головокружительный роман двух курсантов, тем более, что они были у всех на виду. Да и Надя (жена Артема) не бездействовала. Короче, нас – Артема и меня – вызвали на суд в кабинет начальника факультета. Сначала его, потом меня. Как и о чем с Артемом говорили, я не знаю, но вот со мною в кабинете произошло следующее.

Начальство сидит за столом, я стою перед ними в центре комнаты. По стойке «смирно». Начали они один за другим выговаривать мне, растолковывая недостойность моего поведения. Затем послышался повелительный тон командиров, предписывавший мне прекратить «мои глупости». Когда они выговорились и замолчали, «слово взяла я». До сих пор удивляюсь себе того времени. Я долго молчала, а они ждали от меня покаяния, потом я произнесла: «Мне 20 лет. Могу я влюбиться в этом возрасте?» И все. Гробовое молчание, следовавшее за моей фразой, было затем нарушено громopodobным гоготом мужчин, от неожиданности потерявших чувство осторожности и значимости своего положения. Сквозь этот хохот я только услышала: «Уходи!» Я убежала, а не ушла. Далее эта история развивалась так. Начальство – взрослые люди с жизненным опытом и достаточно разбиравшиеся в психологии молодежи – поступило с «непослушницей» хитро. Я осознала это много позднее. Видимо, у них был еще разговор с Надей, потому что она пришла ко мне и повела душещипательный разговор о том, как нехорошо разбивать семью, а так же о том, что у меня все еще впереди – новые

Я – старший сержант

встречи, влюбленности и пр. Надя вела этот разговор очень разумно, давя на мое чувство порядочности и ответственности. Разговор, помню, происходил в каком-то темном закутке, под лестницей. Вся обстановка, слезы Нади подействовали на меня. Я была готова отказаться от собственного счастья, только бы не страдал из-за этого другой человек. В конце концов, я сказала: «Хорошо, я больше не буду встречаться с Артемом», т.е. приняла условие Нади. Но ей этого было мало. Она потребовала от меня «честного слова», а не просто согласия. Думаю, что сама она до этого не могла бы додуматься: это ей подсказали «сверху», хорошо понявшие меня, мою натуру. Пришлось дать ей это слово, которое я не нарушила. Когда Артем просил меня встретиться, чтобы поговорить, моим ответом было: «Не о чем нам теперь разговаривать». Без объяснения почему. На этом была поставлена точка на прекрасном периоде моей жизни. Но пережить подобные душевные шквалы нужно каждому.

Прошло много лет. Наш институт (ВИИЯСА) отмечал 25-летие своего существования. Получила приглашение и я. Встреча происходила в Краснознаменном зале Советской армии на пл. Коммуны. Сначала все присматривались друг к другу. Потом лед растаял, и воспоминания потекли... Интересно было узнать, как сложилась жизнь, карьера многих близких, родных моему сердцу людей. Узнала, что одни процветают, у других, по разным причинам, жизнь не удалась. Радость и грусть «ходят» рядом. А моя жизнь? То же самое... А на сцене пела Алла Соленкова своим потрясающим колоратурным сопрано, а также выступали другие выдающиеся артисты, но до них ли было собравшимся. Я переживала за артистов, но...

Прошло еще какое-то время, и в моей квартире раздался телефонный звонок. Я не сразу поняла, что это был Артем. Ведь у меня была другая фамилия, другое место жительства. Захотел и нашел. Долго мы с ним разговаривали, вспоминали. Все по-хорошему. А в заключение он, смеясь, сказал, что у него были увлечения и позже, но «Надька ни к кому меня не ревновала; зато твое имя всегда вызывает у нее вспышку гнева и раздражения. До сих пор она не может простить мое увлечение тобой. И ничем ее не успокоить, хотя наши с тобой отношения были самыми чистыми и невинными. Подумать только, за все время наших встреч я даже ни разу тебя не поцеловал!»

На этом наша связь закончилась и, видимо, навсегда.

В Ставрополе в моей жизни произошло еще одно событие. Я выступила в ипостаси свахи!

Получалось так, что, если в школе у меня друзьями были девочки-подружки, то в институтах – в основном ребята-парни.

Так было и в Ставрополе. Я была дружна не только с упомянутыми Мишей Анчаровым, Володей Туркиным, Артемом Чумаченко, но и еще с тремя ребятами-моряками, причем, настоящими, прошедшими

флотскую службу. Они были года на три старше меня, но что-то нас объединяло. Мы любили встречаться после занятий, гулять, разговаривать, заходили к моей маме. Все ведь скучали по дому, теплу, которое могло исходить только от старших. У всех уже были свои трагедии. Чаепитие у моей мамы отогревало души.

Ребята относились ко мне как к сестре. Во всяком случае, ни о каком уходе и речи не шло. И когда они собиравались, например, на рыбалку, то брали меня с собой. Я не помню, делалось это с разрешения командиров или мы уходили в самоволку, но проводить ночь на каком-нибудь островке на Волге у костра, было восхитительно. Часа три сна под кустами: я – поближе к костру с одной стороны, ребята – с другой стороны – было достаточно, чтобы затем наслаждаться и удивляться красотой восхода солнца, когда в воздухе стоит звенящая тишина, птицы, насекомые еще в дреме, а над чистой гладью волжской воды появлялся утренний туман... Но это и было время клёва. Мои мальчики брались за удочки, а я принималась за костер. Утром всегда прохладно и так хочется тепла от огня. Улов брали обычно с собой в город, а раки-бедняги попадали в котел и к нам на завтрак.

На занятия мы не опаздывали, но после шли опять к моей маме, которая ждала нас уже либо с ухой, либо с жареной рыбой. Хорошо было!

Должно быть во время таких походов на Волгу меня и укусил какой-то нехороший комар, говорят, кусаются комарики, а не комары, ну, да все равно кто, важен результат – а результат был печальный: я заболела малярией. Страшная болезнь. Температура вдруг подскакивает до 40-41°C, почти предел возможности человеческого организма, потом – опять вдруг – тебя начинает трясти, тебе холодно, но согреться ничем невозможно. Наконец, трясучка прекращается, и ты лежишь без сил, без каких-либо желаний жить, буквально, получеловек. И так изо дня в день.

Я не помню, чтобы меня чем-то лечили тогда в Ставрополе-на-Волге. Приступы прекратились сами собой. Но возобновились года через полтора-два уже в Москве. Как-то я пошла в театр в Эрмитаже, и вот во время представления какой-то пьесы у меня начался жуткий приступ. Пришлось выйти из зрительного зала. Работники театра вызвали «скорую» и отправили меня в больницу. Вот тогда-то меня лечили и всерьез. «Кормили» в основной хиной, а она дает осложнение на уши. К концу лечения я оглохла. Потом глухота прошла, и на слух я не жалуюсь до сих пор. Зато с малярией было покончено. Больше я уже не страдала от этой коварной болезни.

Но однажды в нашу размеренную жизнь ворвалось событие, о котором я и хочу рассказать. Я сидела, как обычно, на втором этаже двухъярусной кровати в моем общежитии и «зубрила» урок. Вдруг входит один из этих моих друзей-морячков и говорит: «Слезай, надо поговорить». Вижу – серьезный, озабоченный... Вышли на улицу. Сначала он молчал, а потом говорит: «Нужна твоя помощь». Я все равно ничего не понимаю. «Слушаю, - говорю – что случилось?» И тут все прояснилось. Оказывается, его хотят отправить за рубеж. Но по существовавшим правилам неженатых не посылают так далеко. Вывод один: нужно срочно

жениться. Но на ком, если нет определенной девушки. Вот он и пришел ко мне, своему другу-подружке, посоветоваться, «на кого глаз положить». И ошибиться не хочется. К созданию семьи тогда мы относились серьезно. «Ты знаешь всех девчонок, подумай, кто мне больше подошел бы». Девушек на западном факультете было много, но мы их почти не знали, а на восточном девчат было раз-два и обчелся. Я, например, была одна в группе из 15 человек. Но делать нужно было что-то. Стала я присматриваться ко всем, с кем жила в общежитии. И очень скоро пошла к С. и сказала, что, по-моему, для семейной жизни больше всего подходит Валя К. Но она единственная у нас, которая учит шведский язык. Как на это посмотрит начальство? На этом и порешили.

Финал этой истории таков: С. с Валею уехали куда-то, кажется, в Турцию, не уверена, а через несколько лет мы встретились в Москве. Они вернулись из своей заграничной командировки. У них было уже двое детей. Слава Богу, брак их сложился удачно, а значит удачным оказался и мой дебют свахи.

Потом был переезд института в Москву.

Институтом тогда командовал, т.е. был его начальником, генерал Биязи, удивительно обаятельный человек: внимательный ко всем студентам, работникам института; вежливый, строивший работу так, что за короткий институтский срок из него выходили хорошо знающие языки специалисты. Наверное, эти понятия и входят в определение интеллигентный человек. Таким был генерал-лейтенант Николай Николаевич Биязи, прекрасно владевший немецким и итальянским языками, много лет проработавший в разных странах военным атташе. Война потребовала от него быстро выпускать военных переводчиков, и он делал это не только со знанием дела, но и очень грамотно, точно определяя судьбу многих своих питомцев. Он любил спорт и театр. Целый ряд выдающихся спортсменов, таких как, например, знаменитый боксер Королев, были отозваны с фронта, и их посадили за парту в нашем институте. Николай Николаевич любил студенческую самостоятельность, поэтому естественно попала ему на глаза и я. Не раз с его «легкой» руки я вела концерты в Центральном доме Красной Армии (Краснознаменный зал) и читала стихи.

Помню, как-то я заболела: простудилась, а должна была выступать на крупной сцене. Мой генерал всполошился. Он считал честью для своего института, что выступает его воспитанница. И... мне была предоставлена генеральская машина.

Или такое: на одной из репетиций в стенах института Биязи обратил внимание на то, что я на сцене стою в ботинках с низким каблучком (военные, форменные) и спросил, есть ли у меня туфли на высоком каблучке. И тут же сказал: «На сцену нужно выходить в туфлях с высокими каблучками: это стройнит ногу. Если же у тебя нет таких туфель, то я распоряжусь, чтобы тебе их сшили».

У нас было большое женское общежитие на втором этаже, как раз над столовой. Нары с матрацами стояли подряд с промежутками. На этих на-

рах мы и спали, и готовили свои уроки. И вот представляете, сидят девчата на своих «гнездах» и зубрят, кто английский, кто итальянский, кто турецкий, а кто и японский языки... Полушепотом, но все равно в помещении стоит «з-з-з...» - сплошное жужжание. И вдруг входит генерал. Все вскакивают, но Биязи немедленно всех успокаивает, просит сесть поближе к нему и начинается понавязчивое «вдалбливание» в наши головы истоков культуры поведения: как следует себя вести при тех или иных обстоятельствах, с теми или иными людьми, вплоть до того, как «дама» должна подавать руку для поцелуя или садиться за стол, или в машину. Словом, от него мы узнавали то, чего лишала нас жизнь в простых немудреных условиях. Все было интересно.

Моя «английская» группа с генералом Н.Н.Биязи, (без меня), я уже в то время работала

Николай Николаевич заботился и о нашем культурном уровне. Например, когда в страну вернулся всемирно известный певец и композитор Александр Вертинский, то наш генерал сделал так, что мы присутствовали на одном из первых концертов знаменитого певца. Он проходил в здании Оперного театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Была зима, стоял холод. В помещении – стужа. Мы сидим в шинелях. И вот выходит на сцену артист во фраке. Высокий стройный, он поражает уже своей внешностью – изысканность и подтянутость. На сцене – царь, перед которым хочется снять «шляпу»... Он был выше всех обстоятельств. А когда он начал петь... Ничего подобного мы не слышали. Я всегда любила пение, сама немного пела и тянулась к вокальному искусству, а тут я стала в тупик, я не понимала, принимать его исполнение или нет. Я как замороженная следила за его скупыми, но такими выразительными жестами. «Руки, как две большие птицы» - пела наша никогда и никем непревзойденная прима эстрады Клавдия Ивановна Шульженко. Так вот руки Вертинского с длинными пальцами играли не меньшую роль, чем его поразительное владение голосом.

Впечатление потрясающее и удивительное. Так прошло первое отделение. Я была в полном недоумении и растерянности. Но в антракте я успокоилась и... приняла искусство этого выдающегося и ни на кого не похожего певца на всю жизнь.

Но ведь за эти впечатления, влиявшие на души слушателей и возвышавшие их, нужно было благодарить человека благородной и трепетной души – генерала Николая Николаевича Биязи.

чем-то, то его журят, наказывают, а дальше все остается на совести провинившегося. Но больше ему о его вине не напоминают. Если же человек совершил хороший поступок, то его хвалят и не раз. Хорошего люди стараются не забывать.

В Центральной России я столкнулась с обратными взаимоотношениями. Плохое помнят долго, а хорошее забывают быстро. Такое наблюдение я сделала уже лет в 15. Поэтому так тепло становится на душе, когда вспоминается детство в Сибири.

Живя свободной ребячьей жизнью, мы, ребятя-сибиряки, многому учились у природы, и она была к нам добра. С малых лет мы знали все травки, цветочки, корешочки, которые можно было есть. Я не говорю уж о ягодах. Подводило только одно растение – белена. Вкусные, сладкие цветы у этой белены. Но попадались на них лишь малыши. Ребята постарше были умнее.

Помню, если какой-то ребенок бывало отравится беленой, то вся деревня принимала участие в его лечении (ближайшая больница была примерно в 30–40 км). Главным лекарством было молоко.

А зима... Что может быть прекраснее долгой снежной сибирской зимы. Коньки, чаще самодельные, привязывали веревками прямо к валенкам (в Сибири – пимам). Санки обычно заменялись санями. И нагрузившись друг на друга летели с горы куда-нибудь далеко-далеко... Вот оно откуда – сибирское здоровье. Недаром всегда желают люди друг другу этого «сибирского здоровья». И это правильно.

Если летом собирается вся деревенская детвора играть в прятки, то в игру была задействована вся деревня, которая часто состояла-то из одной, но очень длинной улицы.

А вечером эта улица превращалась в «Бродвей»: молодежь постарше с гармонистом в центре гуляла, распевая частушки и песни.

Но не думайте, что дети только и делали, что играли, гуляли в свое удовольствие. Нас привлекали и к работе на скотном дворе; главным образом – это был уход за телятками. Когда убирали пшеницу в полях, мы были обязаны с корзинами, мешками выходить на убранное поле собирать колоски. Ничто не должно было пропасть после тяжелого труда выращивания урожая за короткое сибирское лето.

А впервые увиденный трактор, а потом комбайн... Равнодушных не было: взрослые и дети собирались смотреть на это чудо техники! Сейчас, когда мне уже много лет, я в душе всегда благодарю Сибирь и особенно Хакасский Алтай, что это они помогают мне до сих пор жить, выживать и выходить целой из самых тяжелых обстоятельств.

Интересно, что свобода у детей была просто неограниченной. Взрослые занимались своими делами, а ребятя – своими. Помню, мы жили в далеком таежном поселке золотоискателей. Повсюду шахты, где добывали золотоносную руду. Но в окрестностях поселка можно было натолкнуться на старые заброшенные копи. Глубокие отверстия пугали нас, но любопытство притягивало... К тому же ничего слаще

таежной малины не было, а она росла вокруг этих дыр, бывших разработок, сровнявшихся с землей. Свалиться туда ничего не стоило. Но мы все равно лезли, заглядывали в зияющую черноту, да еще «подбадривали» друг друга страшными историями. А над поселком почти все время выла заводская сирена. Это означало, что опять кто-то не вернулся из тайги: пошли за грибами, ягодами и пропали... Блуждали многие. Сирена помогала выйти из дремучего леса на звук. Помнилось, как однажды отец ушел в тайгу с группой мужчин на поиски пропавших и потом рассказывал, как в какой-то момент он почувствовал на себе чей-то недобрый взгляд... Поднял голову и увидел над собой на дереве рысь, опасную таежную кошку. Она готовилась на него прыгнуть. Ружье у отца было наготове. Он выстрелил, а рысь прыгнула в сторону и исчезла.

Детские воспоминания сохранили еще страх перед волками. Первый раз – когда мы жили в какой-то деревушке на самой ее окраине. Наискосок, напротив через дорогу стояла разрушенная старая мельница. Зимой в темные вьюжные ночи у этой мельницы собирались волки. Концерт, который они давали, вызывал дрожь по коже. Жутко это было – слушать вой волков!.. Хорошо себя чувствовать можно только за крепкими стенами дома!

В поселке «Золотые прииски» мама отдала меня в созданный там детский сад. Мне было тогда лет шесть. Детсад запомнился потому, что там я впервые проявила характер. А было так. Мы, ребята, играли в песочнице, каждый что-то творя в силу своего воображения. Я слепила из влажного песка что-то вроде замка. По крайней мере так мне хотелось думать. Гордая, я любовалась на свое творение, и тут подошел какой-то мальчик и грубо ногой разрушил все, над чем я так старательно трудилась. Гнев, обида захлестнули меня. И я, ни слова не говоря никому, встала с песка и ушла домой. Потом руководительница приходила к нам и просила маму, чтобы я вернулась в группу. Но никакие уговоры, никакие убеждения на меня не подействовали. Оскорбление, несправедливость я не могла простить. Эта черта чувства собственного достоинства присутствовала уже в такой крохе.

Будучи взрослой и понимая, что жизнь без компромиссов нельзя прожить, я все же, даже страдая, отторгала от себя людей, которых считала близкими друзьями, но которые своими поступками либо меня оскорбляли, либо предавали. Был такой случай. Много лет близким, очень близким для меня человеком была Татьяна Ефимовна Щ. Много лет мы ходили с ней из корпуса в корпус МИСиСа, держась буквально за руки, потому что делили все наши студенческие группы пополам – она преподавала немецкий язык в одной половине группы, я – английский в другой. Сдружились семьями. Когда у нее бывали горькие дни в жизни (развод и др.), я всегда была рядом. Естественно. А как же иначе? Когда Михаил Михайлович купил мне «Жигуленка», я решила совершить на нем

путешествие. Мне и в голову никто не мог придти, кроме как пригласить в компании Татьяну Ефимовну. И мы совершили с ней чудесное турне по маршруту Москва – Смоленск – Витебск – Даугавпилс – Рига – Псков – Новгород – Пушкинские Горы – Валдай – Москва. Незабываемая поездка, к тому же и мой дорогой «Жигуленок» ни разу нас не подвел. Впечатлений было масса. Тем более, что в Риге мы задержались на несколько дней, а жили то в городе у моего давнего знакомого-конника, чудесного и обаятельного человека Виктора Зиновьевича Окуничкова (одно время он был начальником нашей школы «Пищевик» в Москве), то за городом на даче на Рижском заливе, которая служила и мастерской его сыну Игорю, талантливому скульптору.

Вспоминая эту семью, моя душа сразу теплеет. Знакомство с интересными благородными по своей натуре людьми всегда большая удача в жизни, а тут многолетняя связь, которая поддерживалась на обоюдной симпатии.

Так вот, возвращаясь к рассказу о человеке, которого я любила и уважала много лет.

Случилась со мной беда. Врачи сказали, что нужно срочно сделать мне операцию (небольшую), чтобы «исключить рак». Одно слово «рак» приводит людей в трепет. Это и понятно. Такой диагноз – не из приятных. Но у меня – собака. Куда ее? У дочери – фокс, но он – мальчишка; я не могла отдать туда свою кроху-девочку. У других знакомых – то собаки, то кошки. Только у Татьяны Ефимовны не было никого. Я попросила ее взять мою Марфутку дней на десять. И неожиданно – получила отказ. Дескать, как она ее будет оставлять одну на целый день в доме, когда уйдет на работу, это лишняя для нее забота и т.д.

Я пыталась объяснить ей, что Марфутка сидит дома спокойно, она привыкла к тому, что я иногда на целый день ухожу на соревнование или еще по каким-то делам, а чтобы она не мучилась, она знает определенное место, как кошка. Нет, нет, нет...

А мне звонят: в госпитале уже освободилась койка, откладывать нельзя. Голова пошла кругом... Но свет не без добрых людей. В последний момент я вспомнила о Нине Михайловне Потаповой. Интересная история связала нас. Нина Михайловна прошла всю войну, работая во фронтовых условиях в штабах Воздушных армий. На фронте же она познакомилась с Михаилом Михайловичем, когда он командовал 1-й Воздушной армией. После войны был

Нина Михайловна Потапова и я с Лукерьей

создан Совет ветеранов 1-й ВА, председателем этого Совета избрали Громова, а его секретарем стала Н.М.Потапова. Совет работал очень активно. Нина Михайловна со своей неумолимой энергией, жадной всем и во всем помогать, бесконечным количеством различных инициатив (связь с полками, значки 1-й ВА, походы в театры, музеи и пр. и пр.) очень соответствовала настрою характера Михаила Михайловича, и она была душой этого Совета.

Как-то разговарившись, мы с ней вдруг осознали, что и она и я были на одном и том же трудовом фронте за Брянском. Только я в отряде студентов МАИ, а она – в отряде студентов Нефтяного института. Вместе копали противотанковые рвы, вместе страдали от летнего зноя, вместе «драпали» от немецких танков Гудериана... Вот такая история.

Я знала, что она больна, практически не выходит из квартиры, никогда не имела никакого дела с собаками, но у меня не было выхода, я была загнана в угол отказом лучшего друга, самого близкого мне человека помочь в беде. Позвонила и объяснила Нине Михайловне суть моей просьбы, ее первой реакцией было: «О чем разговор?! Везите ко мне нашу малышку», и только потом последовало: «А как же ее прогуливать? Я ведь не выхожу из дому». Я рассказала ей, что моя Марфутка привыкла к домашней жизни и ведет себя как кошка. «Тогда о чем речь? Жду».

Подъехал за нами Игорь (зять). Я всем сердцем благодарна Игорю за заботу обо мне. В 1993 году я получила от Министерства Обороны участок в 12,5 соток по Калужскому шоссе, но строительством мне уже не пришлось заниматься – заболела. И чтобы побыстрее поставить меня «на ноги», он сделал все возможное, чтобы у нас появилась дача. Так что спасибо мужу моей дочери, что на следующее же лето я смогла восстанавливаться в деревянном доме и в лесу. Вот такой человек оказался рядом со мной. Можно только благодарить Судьбу за это.

Сначала по дороге мы заехали к Нине Михайловне. Попросилась я со своей крохой и отправилась на решение своей судьбы в госпиталь. Через десять дней я вернулась за Марфой (слава Богу, после благополучного решения страшного предположения), бесконечно благодарная этой милой и доброй женщине.

А Татьяна Ефимовна... Что ж она перестала для меня существовать. Так выясняется, кто тебе друг, а кто нет. Она, оказалось, – нет. В ее поступке я увидела предательство. Вот я и протянула цепочку от гадкого поведения того мальчика и моей реакции, хотя мы и были детьми, к проявлению только себялюбия и полного игнорирования состояния, в котором находился другой человек, и соответственно моя реакция уже взрослого человека. Может быть я слишком строга к подобным поступкам? Решайте сами. *Но две вещи в человеке я не приемлю: зависть и предательство.*

Но вернемся к военным дням на Брянщине.

Меня удивляла Российская часть страны, ее деревни. У меня в памяти осталась чистота сибирских изб, бани в каждом дворе... огороды, которые обеспечивали селян разнообразными овощами, хотя

выращивать их было непросто: лето короткое и очень жаркое; помню в каждом доме в погребах бочки соленых огурцов, капусты, моченой брусники и пр. Даже черемуху сибиряки не ломали, а ждали, когда созреют ягоды. Потом наступало чудесное время сбора. Особенно для ребят. Лазать по деревьям мы любили. А ягоды черемухи сушили, а потом мололи. Зимой ничего вкуснее пирожков с мукой из черемухи не придумаешь! У крестьян Брянщины я этого не видела. И даже как-то спросила хозяйку, у которой мы жили, почему у них в огороде нет моркови или огурцов. Она мне ответила, что морковь выращивает соседняя деревня, в огурцы – другая, а потом они меняются. Мне показалось это странным. Видимо, люди по-разному приспособляются к жизни. Но вот клопы... и грязь, в которой стояла их корова-кормилица..., этого мне не понять и оправдать ничем не могу. Вот так, удивительно вроде, а разобраться невозможно. Кажется, что люди одной страны...

Ночью мы часто просыпались от гула самолетов, пролетающих над нами. По звуку работавших моторов мы определяли – наши это или немцы. У немецких самолетов был какой-то особенный прерывистый с подвыванием звук. Наши же гудели ровно и успокаивающе. Если летели наши, значит, они шли на бомбежку на запад, и мы желали им удачи. Если же немцы, то сердце сжималось – они летели в сторону Москвы.

Противотанковый фронт был очень большим, и местами наши девчонки подвергались бомбежке. Меня и мой отряд это минуло. Сделав свою работу, мы перемещались на следующую линию обороны. Иногда мы попадали на влажный торфяник – он теплый, иногда – на голубую глину с бьющими родниками. Вода холодная-холодная; утром лезли босыми (московская обувь давно приказала долго жить), вода обжигала, но работать надо. Многие из тех, кого я знаю, и кто был там со мной, страдали всю жизнь и страдают до сих пор из-за болезней суставов – память о прошлом. Начинали работать с рассветом, как только солнышко показывалось, и работали от зари до зари. Просыпаясь утром, с трудом разжимали пальцы, кисти рук ныли от непривычного труда. Но поднимались, и дни шли за днями.

Распорядок дня был таким: 50 минут копали (выбрасывать глину на высоту 3-х метров, скажу вам, непросто и нелегко), 10 минут отдыха и так весь день до захода солнца, до полной темноты. Днем – перерыв на обед – 1 час. Кормили нас крестьяне. О бане не было и речи. Холодная вода – вот все, что у нас было, чтобы помыться, смыть пот и грязь трудового дня. Но она нас не спасла от ужаса, от которого до сих пор кровь стынет в жилах. Я уже упомянула, что лето 1941-го было очень жарким. Белье, которое на нас было (ведь мы ехали на три дня и ничего не брали в запас), все изорвалось и истлело. Под комбинезоном, которыми нас снабдили в МАИ перед отъездом, оставались лишь трусики. Вот, в их резинке и расплодились как-то незаметно... Началось с того, что мы все стали чесаться по талии. И однажды я развернула пояс-резинку трусов и

увидела... Господи, я помню, как мне стало страшно, когда я увидела тысячи копошившихся белесых маленьких тварей... Я не просто испугалась, я еле удержалась на ногах со страху и отвращения. Это было бесчисленное множество вшей... Что делать? Заменить-то белье ничем!.. Стала с ними безжалостно расправляться, и так изо дня в день. Когда мы вернулись в Москву, первое, что я сделала, это сняла с себя все оставшиеся тряпки, отнесла в котельную и сожгла. Как мы не заболели ни брюшным, ни сыпным тифом, можно только удивляться.

В один из наших трудовых дней, перед тем, как нам откатиться на новые рубежи, мы увидели наших солдат. Они со своей конной артиллерией подъехали к нам, чтобы занять боевые позиции перед встречей с немцами, которые стремительно наступали. Июль–август месяцы 1941-го. Тяжелое, мучительное время для страны. Командиром артотряда был молодой симпатичный лейтенант и, главное, на лошади. Сердце у меня подпрыгнуло. Так захотелось сесть на нее и... Поделилась мыслью с девчатами... А они обрадовались – хоть минуту лишнюю отдохнуть... Я попросила лейтенанта дать мне ненадолго его лошадь. Он удивился, спросил, умею ли я ездить верхом, я ответила утвердительно, и он передал мне свою лошадь. Какое счастье снова сесть в седло!

Все, конечно, работу бросили, выбрались изо рва, а я счастливая, гордая, сначала опробовала лошадь на рыси, а потом проскакала галопом вдоль нашего фронта. Это было в последний раз. Следующий раз я села на лошадь уже после войны в 1946 г. в Лондоне...

Немцы наступали стремительно. Наши войска приходили к тем рвам, которые мы готовили для немецких танков, а мы откатывались далее, вглубь страны для создания новых препятствий для тех, кто непрошеными ворвались на нашу территорию. Однажды ночью нас разбудили, всех собрали и сообщили, что в 30-ти километрах немецкие танки (т.е. один бросок до нас), и нам надо бежать, до Брянска не менее 50 километров. Нам сказали: «Комсомольские билеты в руки и бегом». Проходили по разным деревням. Поразительно, какие разные люди встречаются по жизни. Идем, помню, через какую-то деревню. Вдоль дороги стоят жители деревни. Иногда просим попить водицы. Дают. Чаще молча. Но иногда подносят и молоко... Совсем как в стихотворении К.Симонова «Смоленские дороги»: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины. Как шли бесконечные, злые дожди, как кринки несли нам усталые женщины». А находились и такие, которые нам, девчонкам, злобно кричали вслед всякие недобрые пожелания. А как-то подошли к деревне и... не увидели ни одного человека... Окна, двери раскрыты и только одна или две курицы бегают и клохчут. Ясно, что вся деревня со скотом и кое-каким скарбом поднялась и отправилась на восток, подальше от фронта, от возможного пленения... Вот так мы познавали тогда жизнь и отношение людей к тому, что происходило в нашей стране. Но страшнее этой брошенной пустой деревни, один вид которой до боли сжимал сердце, ничего быть не может: так противоестественно все выглядело.

Возвращение домой, в Москву

Почему я не поехала в Америку (а вся наша группа уехала), куда перебазировались офисы ООН, никак не связано с конным спортом, может быть, и не следовало об этом писать, но причина была в моем характере и поэтому несколько слов об этом. Иначе и судьба моя дальнейшая сложилась бы наверняка по-другому. В нашей делегации я непосредственно подчинялась полковнику Чикину («chicken» - по-английски – цыпленок, и это вызывало у нас улыбки, т.к. полковник был «дядей» большого роста, грузный и мрачный). Работать с ним было тяжело, т.к. немного зная английский язык, он все время тебя проверял – так перевела или недостаточно точно – и пересыпал свою речь пословицами и поговорками, которые дословно непереводаемы. Он же выражал недовольство, если, по его мнению, перевод не соответствовал его речи. Много позже, когда я стала преподавать английский язык, чтобы студенты ясно воспринимали особенности чужого языка, я всегда приводила такой пример: есть в английском языке такая идиома – “Stop pulling my leg”, т.е. буквально – «Перестаньте тянуть меня за ногу», на самом деле это в русском языке соответствует выражению «Не морочьте мне голову».

Но самое главное состояло в том, что все мое нутро сопротивлялось манере Чикина повседневного общения с нами, переводчиками. Я понимала, что он – юрист и для него важна была точность формулировок, а ведь нам приходилось переводить не что-нибудь, а Устав ООН. Его метода была такова: он рассаживал нас, троих переводчиков, по разным комнатам и давал текст для перевода, а потом сравнивал эти переводы. Что было далее, я не знаю, но меня возмущало такое недоверие каждому из нас. Я видела в этом оскорбление нашего человеческого достоинства. Почему было не собрать нас вместе и не дать задание переводить тексты, имея при этом возможность обсуждать и приходиться к единому решению. Когда встал вопрос об отъезде в Нью-Йорк, я «взбунтовалась» – не поеду. А в душе думала: дайте мне золотые горы, с Чикиным я работать не хочу и не буду. Не объясняя причины, упросила, умолила главу нашей делегации генерал-лейтенанта Васильева отозвать меня в Москву. Васильев относился ко мне хорошо. Это был умный военный дипломат, видимо, он понял меня правильно и устроил так, что, когда все готовились к отъезду в Америку, я летела на самолете домой, в Москву. В Берлине я встретилась с Надей Гороховой, ехавшей мне на смену (Надя была племянницей того полковника Горохова, которому я обязана получением диплома).

Как я соскучилась по Москве, по русской речи. Слышать с утра до вечера чужую речь – не по мне. Я люблю свой язык, его особое звучание, его артикуляцию. Я наслаждаюсь его напевностью, звуковым строем... По-моему, красивее русского языка нет. Кроме того, я любила Москву с ее старыми особняками, еще оставшимися сейчас в Замоскворечье и за

старым Арбатом. Однако, построив Новый Арбат, снесли уютную «Собачью площадку», изуродовали Старый Арбат с ходившим по нему троллейбусом. Перенесли памятник Пушкину с его запланированного архитектором и скульптором места; на старом месте Пушкин, казалось, общался с проходившими людьми, а на новом, мне кажется, он чувствует себя одиноким и заброшенным. Искалечили Манежную площадь – единственное пустое свободное место в центре Москвы, на котором величественно возвышалось грандиозное, построенное в классическом стиле здание Манежа (он теперь стал как бы меньше и выглядит «загнанным в угол»)... и многое еще другое. Я не приемлю душой «обновление» Москвы за счет новопостроенных безликих серых домов-коробок... Что делать? История делалась и переделывалась, а архитектура страдала всегда в первую очередь. А ведь еще Н.В.Гоголь говорил, что архитектура – это летопись мира... Я иногда думаю, как повернулась бы моя жизнь, если бы я вместо Москвы очутилась в Нью-Йорке?

Итак, я снова в Москве. Уладив свои служебные дела, я бросилась искать возможности вернуться к лошадям. В голову пришла мысль об «Осоавиахиме» - полувоенная организация, а я – военный человек. Может быть, там будут ко мне благосклоннее... Полковник Евгений Иванович Эбель – начальник школы – тем не менее, без энтузиазма отнесся к великовозрастной спортсменке. Я, по опыту со «Спартаком», поняла, что все заинтересованы в молодых людях – будущих разрядниках; я в их число не входила. И опять, как и с Н.Ю.Ковригой, много позже, мы с Эбелем стали большими друзьями. Когда в 1956 году я должна была отправиться вместе с Олимпийской командой в Швецию, то получила милое, подбадривающее ласковое послание от моей семьи. Это было в Таллинне. И передал его мне Евгений Иванович Эбель.

Тогда я узнала, что в Измайлово есть конноспортивная школа «Строитель». Встреча с ее начальником – Михаилом Сергеевичем Ивановым – не привела ни к чему. Куда дальше податься, я не знала.

Грустные мысли одолевали меня и в то же время заставляли искать выход, который нашелся неожиданным образом. На очередном

Телефограмма

Из Москвы в Стокгольм – Нине Георгиевне Громовой
Передано по радио 16 мая 1956 г. в 17 час.
по Московскому времени
Срок доставки – 17 мая 1956 г.

Нашу милую мамулю
Софа, Бабушка, Папула
Все целуем обнимаем
И успехов ей желаем.

Без тебя, родной, скучаем,
С нетерпением ожидаем.
Мы всегда везде с Тобой
Очень, очень ждем домой.

До свидания, наша Лапка,
Софа, Бабушка и Папка.

Передал: М.М.Громов
Принял: Е.И.Эбель

дежурстве у себя в Отделе Внешних Сношений Генштаба Министерства Обороны случайно зашел разговор о лошадях с начальником отдела генералом Кутузовым. Оказалось, что он бывший кавалерист. Узнав причину моих переживаний, он сказал, что может мне помочь. В Москве на Хамовническом плацу, оказывается, находится КВОКШ – Краснознаменная Высшая Офицерская Кавалерийская Школа. Начальником КВОКШа был друг Кутузова – генерал Крюков (между прочим, муж самой знаменитой певицы, исполнительницы русских песен Лидии Руслановой. Именно на том плацу и состоялось мое знакомство с этой поистине Народной Артисткой).

Получив записку с просьбой помочь «моему горю», я отправилась в Хамовники. Мой дальнейший рассказ будет связан с Маршалом Советского Союза С.М.Буденным. Но все по порядку.

Генерал Крюков направил меня во взвод лейтенанта Николая Шеленкова. Потом, в 1947 году Николай на кобыле Буря установит рекорд СССР по прыжкам в ширину – 8 м 22 см, станет неоднократным Чемпионом СССР. В будущем, после расформирования кавалерии, а проще сказать – ее ликвидации, Николай Федорович станет начальником отдела конного спорта в Комитете по физической культуре и спорту. К сожалению, впоследствии наши отношения стали очень сложными, а его отношение ко мне часто несправедливо недобрим.

Особенно обострились наши отношения в 1970-е годы, когда меня стали приглашать судить различные международные соревнования. Приглашения присылались, но до меня они часто не доходили. Отдел конного спорта отвечал за меня: «больна», «не может выехать по таким-то и таким-то причинам» и т.д. Но когда все-таки меня «выпускали», мне приходилось изворачиваться, когда меня спрашивали, что со мной случилось, что я не приехала судить, как я себя чувствую и т.д.

Отвратительно себя ощущаешь в таких случаях. Тем более что в то время создалась хорошая практика судить соревнования определенными бригадами. Бригада, в которой мне пришлось не раз работать, состояла из пяти человек, это – полковник Ниблеус (швед), Потт (голландец) журналист по профессии и очень интересный человек, Йоханна Холл (англичанка), полковник Д. (ГДР) и я. Мы очень сдружились и даже переписывались.

Жили мы всегда в одной гостинице. Свободное время проводили вместе. Такое сближение в смысле человеческих контактов, постоянные обсуждения результатов соревнований очень помогали нам. Выработывались общие критерии восприятия увиденного на манеже, одно понимание того, что хорошо, что плохо, что правильно и что неправильно. И всегда «отталкивались» от Правил по выезде, над которыми мы с полковником Ниблеусом так много трудились. Отсюда шло сближение наших оценок. Я считаю такой подход к судейству выездки очень полезным.

Стыдно и неприятно до сих пор вспоминать, как повёл себя Шеленков, когда Федерация конного спорта США прислала приглашение на имя Н.Громова с просьбой провести в их стране первый в истории

американского спорта семинар судей. На первый запрос наш Отдел ответил, что запрос неправильно оформлен. Американцы «исправились», но прислали эту просьбу не напрямую, а через Посольство. Наши снова «отфутболили» эту бумагу. Упорные американцы прислали третий запрос по всем правилам. Ответ получили: она не может, т.к. больна или что-то в этом роде.

Честно сознаться, я внутри себя боялась возможной предстоящей миссии: ответственность колоссальная, нужно было подготовить необходимые материалы, и самой быть готовой – проводить-то семинар нужно было на английском языке... Конечно, мне помогло бы то, что я прошла через семинары всех ведущих специалистов Европы. И все же... было страшно заранее.

Но мое конное «начальство» побеспокоилось обо мне и не дало «добро», а если разобраться, такое приглашение советскому судье можно рассматривать как честь и для Федерации и для страны... Американская Федерация обратилась к Густаву Ниблеусу. Он и стал руководителем первого семинара судей в США.

А тогда он встретил меня, распорядился подседлать лошадь и вручил мне кобылу **Приму**. Я не верила своему счастью. И правильно делала... Шеленков позволил мне пройтись на Приму рысью, потом галопом, а потом... На плацу стояли разные препятствия. Потом он предложил прыгнуть какое-либо препятствие, что я и сделала, затем последовали другие прыжки. Навыки остаются надолго. Я прыгала уверенно и замечаний от комвзвода не получала. Начались серьезные тренировки. Мне уже позволялось прыгать и серьезные препятствия, такие как земляной вал с насадкой поверху и др. Сколько это продолжалось бы, не знаю, если бы в один далеко не прекрасный для меня вечер, к плацу не подъехали черные машины, из которых вышли какие-то военные люди. Было ясно, что один из них самый главный, потому как все толпились около него. Я находилась в это время на другом конце плаца, да и генеральскими погонами меня нельзя было удивить: привыкла к такому окружению на работе. Поэтому я работала Приму, не обращая внимания на «гостей».

Но на следующий день, входя в конюшню, я заметила, что мои милые знакомые – офицеры и солдаты – смотрят на меня как-то по-иному. Шеленков подошел ко мне, и тогда я все поняла. Оказалось, что вчерашние «гости» были не просто военными: это был сам главный кавалерист страны Маршал С.М.Буденный с окружением. Надо сказать, что КВОКШ была любимым «детисцем» Семена Михайловича. Увидев женщину на плацу, он пришел не просто в негодование (совсем как раньше моряки не пускали женщин на военный корабль), а в ярость – чтобы «баб», как он выражался, не было в святой святой кавалерии (знал бы он тогда, что прогонял спортсменку, которая потом «утрет нос» его кавалеристам, да еще в сугубо мужском виде – стигль-чезе, и ему придется это наблюдать! Но об этом позже, когда пойдет рассказ о Диде). Двери кавалерийской школы, так радушно распахнутые передо

мной, закрылись. Кто же теперь мог мне помочь?.. Только сам Маршал. Я решила дойти и до него. Узнала, когда он приезжает на работу и... В один пасмурный, невеселый даже по погоде день, я стала ждать его приезда. Забавно, я работала в том же старинном особняке, в котором находился кабинет Маршала, даже коридор был общий. Можно было просто пройти из моего Управления в его. Но я поступила иначе. Так как накрапывал дождь, я ожидала приезда Семена Михайловича под козырьком его подъезда. Как только во двор въехали машины – маршальская и охраны – я выскочила из-под козырька и бросилась навстречу вылезавшему из машины Буденному. Охранники не дремали и направили на меня свои «пушки». Я даже не думала о них, мне бы только добраться до Маршала. Надо отдать должное Семену Михайловичу: реакция у него была мгновенная. Он поднял руку, как бы отстраняя охрану и подошел ко мне (я, кстати, была в военной форме). Узнав в чем дело, он пригласил меня к себе в кабинет. Разговор не был долгим. Он выслушал меня и повторил то, что мне было уже известно. Ни мольбы, ни наворачившиеся слезы его не тронули. И я пошла на конюшню в Хамовники, чтобы окончательно проститься с Примой, с добрыми ребятами, с которыми уже успела подружиться. Без слез не обошлось, так как я понимала, что больше мне идти некуда. И вдруг, в самый трагический момент нашего прощания, в конюшню вошел очень симпатичный, невысокого роста, старший лейтенант. «В чем дело, ребята? – спросил он. – Кто обижает милую девушку?» Ему объяснили. Он подошел ко мне и ласково, по-доброму стал утешать, а потом сказал: «Не реви, пойдем, я отведу тебя в школу, где тебя примут!» Я объяснила ему, что побывала уже во всех школах. Он усмехнулся и спросил: «А в «Пищевике» была?» Я впервые услышала о существовании ДСО «Пищевик».

Этим старшим лейтенантом был П.И. Романенков, впоследствии полковник кавалерии – командир кавполка Мосфильма. Все батальные сцены с лошадьми выполняли бойцы этого полка под командованием Паши, милейшего человека и моего друга. Он был очень коммуникабельным, знал всех и все знали его. Помню, как мы пошли с ним как-то в цирк на Цветном бульваре. Тут же около него оказались артисты-конники, увели нас за кулисы, словом, он был удивительным человеком, любимым всеми (даже моей мамой, а ей угодить было непросто).

Немного отвлекусь: прошло много лет, наши дороги разошлись и виделись мы крайне редко. Одно время мы, т.е. моя семья, жили на даче в Серебряном Бору. Вдруг, однажды открывается калитка и входит Александра Михайловна Левина, а за нею идет какой-то мужчина. Я не поверила своим глазам: это был Паша Романенков! Даже подумать о такой встрече было нереально. Александра Михайловна, как всегда с улыбочкой, сказала, что вот Паша захотел повидать меня, и поэтому она его привела сюда. Я, конечно, была рада, но... как всегда в таких случаях оказывается – холодильник пустой и с угощениями плохо дело. Ведь

дача... Я ужасно неудобно себя чувствовала, но что поделаешь?..

Пригласила к столу, разделила уже не на три, а на пять порций обед (Михаил Михайлович, внук Андрюша, Паша, Александра Михайловна и я). В общем, как-то обошлось. Потом мы гуляли, вспоминали прожитые годы и вечером я проводила их к троллейбусу. Это была наша последняя встреча с Пашей. Через очень короткое время я узнала, что Паша умер. Сжалось сердце: еще одним хорошим человеком стало меньше на земле. А в душе у меня шевелилось одно: это он приезжал прощаться со мной. Как иначе можно объяснить то посещение?

Михаил Михайлович, Андрейка, с Юлей в Серебряном Бору

Не веря в то, что услышала, я встала с сена, готовая идти куда угодно, лишь бы... Паша привел меня в школу «Пищевик», находившуюся на Ленинградском проспекте, недалеко от Белорусского вокзала.

Маленький манеж (40?18 м), хотя в нем была даже «правительственная ложа», конюшня на 40 мест, рядом ипподром, удобный подъезд... Позже «Пищевик» превратится в «Труд» – детско-юношескую школу профсоюзов. Центр Москвы, все удобно людям, особенно – детям. Но кому-то она помешала, кому-то захотелось воздвигнуть на ее месте жилой дом, в тесном дворе... И ДЮСШ не стало... Как не умеем мы беречь то, что оставляет нам старшее поколение. Вина в этом, по моему убеждению, и Комитет по физической культуре и спорту, наш главный спортивный мозг и защитник. До сих пор не могу с этим смириться...

А какие интересные соревнования проводились в нашем небольшом манеже в честь чего-либо или без.

А.Таманов, А.Левина, Н.Громова, Т.Куликовская, Е.Левин, В.Прахов, Ю.Андреев, А.Фаворский, А.Алеутдинов

Вспоминаю с огромной радостью и удовлетворением одно соревнование. Это были конкуры разного калибра, так сказать: от главных – для мастеров – «Высшего класса» до небольших и с выдумкой. Особенно мы любили так называемый «прикупль», когда выезжал на манеж всадник верхом на своей лошади, а в поводу вел вторую лошадь. Всадника для второй лошади он выбирал кого-нибудь из зрителей, сидевших на трибуне. Прыгать нужно было в паре. Результат зависел не только от времени прохождения маршрута и от штрафных очков сбитых или уцелевших препятствий, но также от слаженности движений в преодолении препятствий. В тот день я выехала на манеж на Фиделио. В паре у меня должна была быть Терраса. Но Фиделио – жеребец, Терраса – кобыла. В поводу я не могла её держать, поэтому её вывели в манеж сзади меня. Я подъехала к зрителям, оглядела их и назвала громко фамилию тренера «Спартака» Игоря Ковриги. Ему пришлось спуститься в манеж. Он сел на Террасу. Это был опытный всадник, талантливый конкуррист.

Мы стартовали удачно, т.е. двинулись одновременно. А далее мне рассказывали зрители. Зрелище было завораживающее: две примерно одинакового экстерьера, одной масти, с одинаковым махом чистокровные лошади буквально летали над препятствиями голова в голову – одновременное отталкивание, одновременное приземление, несколько темпов галопа и вновь отталкивание – полет – приземление... Красота была непередаваемая, дух захватывало. Конечно, большую роль сыграло мастерство Игоря Яковлевича: он все время подлаживался с Террасой к движению Фиделио.

Я пишу и как бы снова переживаю эти незабываемые моменты гармонии в работе двух лошадей и двух всадников. Конечно, мы выиграли этот «прикупль». Много раз я прыгала подобные конкуры, а в памяти остался этот!

А наша летняя база!.. В деревне Черная Грязь у самого Ленинградского шоссе – 32-й км от Москвы – наша школа арендовала коровник, который мы сами своими руками приводили весной в порядок, превращая его в подобие конюшни. Тренировки же проходили на площадке по другую сторону шоссе или на Планерной, до которой было 8 км. Но потом нам выделили участок ближе

Река Сходня. М.Овечкина на Измаиле, Тая Куликовская на безухой Авиации, я на Боржоме

в дачному поселку Сходня. Какое же это было изумительное, прекрасное место! Ночевали спортсмены в палатках, рядом... Все были молодые, веселые, хотя порой и голодные. Ведь это были тяжелые послевоенное время. Разве забудешь маленькую разбитную Зою Тарасову, которая была душой ночных посиделок: она и пела, и играла на гитаре. Я же приезжала поздно вечером из Москвы, чтобы рано утром отработать Федю и уехать на работу. В 9 часов утра я должна была быть на месте. Да, может быть интересно, откуда появилось такое название деревни – Черная Грязь. Рассказывали, что Екатерина Великая как-то ехала из Петербурга в Москву и остановилась в деревеньке, расположившейся у самого тракта, да еще имевшей трактир у дороги. Царица вышла из кареты и попала в непролазную грязь. Видимо, после дождей. Конечно, ее оберегали, но не заметить этой грязи она не могла и однажды воскликнула: «Ну и черная же здесь грязь!» С тех пор, якобы, эта деревня и стала так называться. Трактир дожил до наших дней. Его, конечно, модернизировали, надстроили второй этаж, увеличили в размере, но... тем не менее, этот современный ресторан имеет корни того самого питейного заведения, в котором останавливались все, проезжавшие по тракту, соединявшему две столицы России. В лесу за трактиром был, а может быть и теперь еще есть неглубокий ров, с весны покрывавшийся душистыми травами. Он шел вдоль леса, внутри которого на двух полянах, одна выше другой и располагался наш новый лагерь. На нижней поляне находилось конкурное поле и манеж для выездки. Вся жизнь лагеря проходила на верхней площадке. Там были конюшни, причем первые конюшни «лепили» мы сами. Для Диды я, например, выбрала самый отдаленный, самый спокойный уголок, почти в лесу. Своими руками забивала гвозди, подвешивала импровизированную дверцу, хотя у большинства лошадей никаких дверей не было: это были летние укрытия и только. Потом, много позже появились настоящие кирпичные конюшни. Там же были построены два барака: один – для столовой, другой – под общежитие для людей. В сторонке стоял домик наших сторожей и находилось их нехитрое натуральное хозяйство, которым мы иногда пользовались (молоко, яйца и пр.). Посередине поляны поставили еще один выездковый манеж. Замечательным это место было еще и тем, что в лесу в двух шагах от лагеря была небольшая речка, в которой мы купали и вышагивали лошадей после работы. Всем понятно, как полезна эта водная процедура для лошадиных ног.

Разница в высоте расположения наших площадок была быстро освоена отдыхающими из расположенных недалеко санаториев и домов отдыха.

Откос был всегда усеян людьми. Особенно в дни напрыгивания. Собравшиеся, разумеется, развлекались бесплатным зрелищем, вызывавшим явно «выброс» адреналина в кровь. Довольными были все – и зрители, и спортсмены.

Иногда происходили забавные случаи. Например, такой. Тренировки, как правило, проходили в утреннее время, а вечером мы обязательно седлали лошадей второй раз и ехали в лес на вечернюю прогулку. Там

были лесные тропы сказочной красоты. И такие поездки доставляли нам всем и лошадям также большое удовольствие помимо пользы. Как-то раз я выехала на такую прогулку на молодой лошади. У нее была кличка **Крошка** – небольшая светло-рыжая, тонконогая изящная лошадка. Интересно у нее были посажены глаза – не ровно, а косо. От этого выражение лица у нее было немного глуповато-любопытное. Но она не была глупой, а вот любопытной, это да...

Мы спустились по пригорку на нижнюю площадку. На откосе – полно народу, многие с зонтиками от солнца. И вдруг Крошка потянула меня куда-то в сторону и вышла из строя (мы шли один за другим). Я не стала сопротивляться. Думаю, пусть идет, куда хочет, вот только куда и зачем, не ясно. Крошка направилась прямо к людям, наблюдавшим за нами. Прошла мимо одних, других и остановилась около какой-то женщины с ярким зонтиком. Вытянула шею, оглядела этот зонтик, повернулась и потрусилась к уже уходившим от нас лошадям. Но свое любопытство она удовлетворила. А еще говорят, что лошади не различают цвета... Но другие-то предметы и зонты в том числе не привлекли ее внимания! А вот этот яркий!.. Да.

Сходня - спортлагерь, лето 1950 год

И вот такого места для тренировок, для жизни и отдыха спортсменов и лошадей теперь нет... Как легко разрушить. Как по сердцу – нож. И не только потому, что большая часть жизни там осталась...

Но я опять отвлеклась. В «Пищевике» у Паши Романенкова были друзья – тренеры Е.Л. Левин и А.Г. Таманов. Они выслушали Пашу и без разговоров приняли меня в свой коллектив, предоставив на выбор любую лошадь из двух выведенных в манеж.

Одна была гнедая, другая – серая. Я выбрала серую – по кличке **Соловей**. Гнедой, как позже я узнала, был Боржом, с которым мы подружались аж только в 1949 году. Ученая (запомнила встречу в 1940 году с Н.Ю. Ковригой!), я не сказала, что уже имею I разряд. Поэтому со мной начали заниматься как с третьеразрядницей.

На первых же соревнованиях в честь Октябрьской революции мы с Соловьем выступили очень успешно, выиграв конкур как по чистоте, так и по резвости. Последнее удивило тренеров, т.к. Соловей «обошел» даже чистокровных лошадей. А ведь он был, можно сказать, беспородным с

примесью, видимо, рысистой крови. Поэтому позже он хорошо выступал в пробеггах, и Левин был на нем даже Чемпионом, кажется, на 100 км. Но показать хорошую резвость на конкуре, вот что удивило всех!

Я стала «второразрядницей» и вскоре получила предложение от А.Г. Таманова сестра на Фиделию и работать его. Видимо, Александру Григорьевичу понравился мой стиль езды, а главное – мягкая рука и воля к победе.

Между прочим, наши тренеры были очень внимательны к нам, и они были прекрасными *психологами*. У руля конного спорта в то время были яркие личности. Почти все ведущие спортсмены и тренеры пришли в спорт, бросив свою основную профессию, отдав жизнь лошадям, людям и конному спорту, и преуспели во многом. Так, Планерная во многом обязана И.Я. Ковриге, расцвет «Пищевика» в 1940-1950-х годах связан с А.Г. Тамановым и Е.Л. Левиным, «Урожай» – с Е.Л. Левиным, клуб в Измайлово (сначала «Строитель», затем «Наука», потом «Зенит») – с М.С. Ивановым... Хотелось бы, чтобы потомки их знали, помнили и были благодарны им за это.

Вот пример: как-то перед каким-то соревнованием мы с Татьяной Куликовской уже заранее замандражили. Что послужило такому состоянию, не помню. Только о своей неуверенности и страхе мы сказали Левину. Он не стал нас успокаивать, а велел нам подседлать своих лошадей и выехать на ипподром, что мы и сделали. На ипподроме к вечеру покой, тишина. На скаковой дорожке Елиазар Львович поставил два препятствия и предложил нам их прыгнуть. Высота небольшая, и мы уверенно их преодолели. Левин поднял жерди. Мы прыгнули одна за другой и это. Так он поднимал жерди несколько раз. Потом сказал: «Слезайте!» Мы спешились. «Подойдите к препятствию». Мы подошли, но не только подошли, а и прошли под жердями совершенно свободно. Таня – маленькая, а я – высокая. Но мои 164 см плюс каблуки сапог позволили мне свободно пройти под препятствием. Левин засмеялся: «Ну, теперь вы уверены? Теперь успокоились?» Мы только переглянулись.

На Боржоме в «бассейне» - одном из препятствий в конкуре (ипподром)

Не раз нам, старым конкуристам, приходилось слышать: «Что вы тогда прыгали?! И высота-то не та, и препятствия-то не такие сложные...» Но на самом деле, каждому периоду времени соответствуют свои трудности. Разве не сложными, но в то же время интересными были такие препятствия, как «овечий загон» - это двойное препятствие,

состоящее из двух жердевых заборов с канавами перед и после каждого, огороженные со всех сторон, или деревянный мостик, примерно 0,5 метра над землей с канавками по бокам... Казалось бы несложно «протопать» на галопе по нему, но вообразите себе – лошадь идет по мягкому грунту и вдруг – «гром» от каждого галопного скачка! Страшно же бедняжке! А банкет, который долгое время в жалком состоянии стоял в центре ипподромовского поля. А когда-то всадник влетал на него с пологой стороны, следовал либо по прямой и прыгал с него через канавку вниз, либо нужно было резко повернуть налево, где сделать небольшой прыжок на небольшую площадку, а затем новый прыжок уже на поле... А препятствие «зиг-заг», сделанное в виде коридора – один-два темпа вперед, резко – два-три темпа направо, затем поворот налево. Выскочил из коридора, а перед тобой ехидное препятствие – бассейн. Глубокая зацементированная яма, доверху наполненная водой. Вылезает из этой ямы иногда с сапогами, полными воды. Но это не беда. Беда бывает тогда, когда лошадь, не приученная к бассейну, может подвести всадника и встать перед бассейном, отказавшись прыгать в воду. Это бывало не часто, но бывало. Все препятствия *на управляемость и доверие* лошади всаднику. Такое горькое разочарование – снятие с соревнований из-за бассейна – однажды пришлось испытать и мне. Да что мне... Я тогда была еще неопытной прыгуньей... А вот когда это происходило с ведущими, прошедшими «огонь, воду и медные трубы» спортсменами, такое не забывается до конца жизни. На моих глазах на Всесоюзных соревнованиях из-за этого бассейна лишился чемпионского звания человек, имя которого до сих пор знают даже молодые спортсмены, но только в связи с другим видом конного спорта – выездкой. Я вспоминаю Григория Терентьевича Анастасьева. Он был от природы очень одаренным спортсменом. Занимался всеми видами конного спорта, в том числе и конкурном. Великолепно прыгал на вороной очень темпераментной Галке. Они не прыгали, а перелетали через препятствия. В тот раз, о котором я вспоминаю, Анастасьев, одетый в белоснежный офицерский китель, смотрелся на черной, простите, вороной лошади очень эффектно. Каждый прыжок, как сказка... И вот последнее препятствие – бассейн... Оставалось впрыгнуть в него и выпрыгнуть. Ничего особенного.

Но нужно сказать, что накануне вечером организаторы конкурна заполнили бассейн, что называется, до краев. Анастасьев, видимо, это не учел и на радостях (последнее препятствие!) влетел в бассейн

Анастасьев на Галке, 1946 год

по всего хода. Галка буквально нырнула в воду, потому что тут же исчезла... вместе с Анастасьевым. Первой показалась голова Галки, но – без уздечки. Затем мы увидели Анастасьева с оголовьем в руках... Но во что превратился его белоснежный китель!.. Только вообразите эту картину. А Галка, да что Галка – она легко выпрыгнула из бассейна и – инди-свищи... Поймали ее не скоро, уже вне конкурного поля. А у Терентьевича был траурный день: медаль-то уже ощущалась в ладони, крупная, золотая...

Фиделио

После войны в нашу страну и, в частности, в Москву попали трофейные немецкие лошади, в основном – чистокровные английские и тракены. Коннозаводство в Германии уже в то время было высокоразвитым. Несколько таких великолепных лошадей попали и к нам в ДСО «Пищевик». Среди них был трехлетка Фиделио (рожд. 1942 г.) с великолепной родословной. Но сам год рождения уже может сказать, что жеребенок, рожденный и выросший в военное время, не мог развиваться нормально; Фиделио и был недоростком. К недокорму прибавилась страшная травма на холке и плече. Словом, когда этих бедолаг выгрузили из вагонов, Федя (как мы его всегда называли) уже не стоял на ногах. Участь его, казалось, была предрешена. Но в нашей школе работал тренером Александр Григорьевич Таманов, большой знаток лошадей и сердобольный человек. Его глаз сразу рассмотрел в Фиделио классную лошадь; он-то и настоял, чтобы его отдали «Пищевнику». Кроме того, он хорошо разбирался в родословных лошадей, а у Фиделио она такая, что любая лошадь «позавидовать» могла. В ней были записаны все знаменитые по крови и выступлениям чистокровные скакуны Европы. Началось лечение, но прежде – его подвесили на ремнях, т.к. он не держался на ногах самостоятельно, стали лечить раны (следы от них у него остались на всю жизнь), но главное – стали откармливать. Сена – вдоволь, овес, льняная каша, морковь. За всем этим следил Александр Григорьевич. Он буквально вынянчил

Фиделио (Fidelio)			
Фрауэнорде (Frauenhorde)		Ферро (Ferro)	
Фаллада (Fallada)	Олеандер (Oleander)	Фрауэнлоб (Frauenlob)	Ландграф (Landgraf)

В четвертом ряду предков по отцовской линии у Фиделио значится один из самых знаменитых производителей **Дарк Рональд**

Фиделио, Московский ипподром, 9 мая 1947 г.

Фиделио, а его главным помощником был дядя Гриша Доильнев – наш завхоз, главный лекарь и провизор (сделанными им мазями для лошадей, пользовались и мы, спортсмены. Если где-то что-то кольнет, появится боль в пояснице и пр. – к дяде Грише! Всегда помогало!) Выздоровел Фиделио. Таманов стал потихоньку его восстанавливать и физически. Тренировки принесли пользу.

А осенью 1946 г. появилась в «Пищевике» я.

Немного поездив на Фиделио, я сразу прикипела сердцем к этому благородному животному. Но он был молод, не выезжен, не напрыган. Всю эту работу проделали мы с А.Г.Тамановым так, чтобы Федя получал такое же удовольствие от тренировок, как и мы. Такое бережное отношение принесло свои плоды.

Весной 1947 года мы с Федей выступали первый раз в конкуре в честь Победы в Великой Отечественной войне. Препятствия были установлены на скаковой дорожке у самых трибун ипподрома. Народу – полным-полно. Гремела музыка, развевались флаги... Как я вышла на старт – не помню. Но то, что мы с ним выиграли этот Первый наш конкур, никогда не забуду, да и часы, полученные мною, как приз, не дадут этого забыть. А они целы, и до сих пор я их берегу, как самую дорогую реликвию.

А дальше... Подходило Первенство Москвы. Таманов строил тренировки так, чтобы мы выступили с Федей в троеборье. Он был уже в хорошей форме, сильный, жизнерадостный с великолепным длинным прыжком, никогда ни в чем не сомневавшийся и доверявший своему всаднику. У него в груди билось и «горело» настоящее большое спортивное сердце. Он был рожден бойцом. Кстати сказать, когда он позже стал производителем, отцом семейства, то передавал эти свои качества своим детям. Но это произошло потом. Такой вот он был мой Федя.

Прибегая или приезжая, когда школа переехала в дер. Черная Грязь, на тренировку после работы в Генштабе, я утром «отрабатывала» Фиделио и неслась обратно в Москву. Поэтому я не знала какие «страсти» разгорались в «штабе» школы вокруг Фиделио и меня на нем. Потом, значительно позже, мне стало известно, что Левин, как старший тренер, настаивал о передаче Фиделио другой спортсменке – Зое Тарасовой – способной всаднице, тренировавшейся у Левина. Тяжелая, просто трагическая судьба сложилась у нее позже, но если это как-то «уложится» в мое повествование, то я расскажу об этом, а сейчас... Таманов протестовал, доказывая, что именно подо мной Фиделио стал такой сильной и надежной лошадей. Возможно, что такие аргументы не сыграли бы никакой роли, если бы не одно обстоятельство: все еще хорошо помнили, что А.Г.Таманов спас Фиделио от неминуемой гибели, именно он возил с умиравшей лошадей денно и ночью... Нет, отобрать Фиделио у него было бы слишком...

Так оказалось, что мы вышли с Федей первый раз и на старт троеборных испытаний. Манежную езду я отъездила. Знала, как вести

лошадь на конкурном поле. А вот в кроссе – во второй день троеборья!.. Чтобы не сделать ошибки, я на руке нарисовала трассу с отрезками, которые должны были проходить с определенной резвостью, а на дорогах – еще и на каком аллюре. Конечно, все это «художество» было сделано с помощью и под диктовку Александра Григорьевича. Выполнила я тот расклад точно, за что заслужила похвалу своего тренера. Наше с Фиделио время, т.е. скорость в кроссе, было самое лучшее. Фиделио прошел кросс резво и чисто – «без сучка и задоринки». Зато я «оплошала». Раньше трасса кросса обозначалась только приблизительно: вот дорога, у дуба, например, поворот направо, а далее, например, церковь должна остаться справа от тебя и т.д. Судьи стояли у препятствий и в самых сомнительных местах, связанных с поворотами. Произошло вот что: в одном месте дорога раздваивалась, и я опомнилась только тогда, когда увидела, что злополучная церковь у меня не справа, а слева, а сама я – в церковном дворе... Нужно было

выбираться оттуда, вернуться на старую дорогу, но на это ушло бы много времени... И я решила, чтобы не терять времени, прыгать через какие-то заборы; таким образом, мы очутились на правильном пути, церковь тогда останется справа от меня, а судьи зафиксируют правильное прохождение. Фидул не раздумывая встал над этими бревнами и забором, и мы продолжили свой путь, как предписывалось. А время-то на финише все равно было лучшим! Вот какое это было чудо-животное! Первые я стала титуловаться Чемпионкой. О Фиделио заговорили, как об очень перспективной троеборной лошади. Удивительная это была лошадь: его не за что было наказывать. Только один раз в самом начале нашей с ним общей работы он попытался «улизнуть» от прыжка, т.е. сделал закидку, обнос. Я его остановила, строгим голосом отчитала и повела на это же препятствие, конечно, сторожа его поведение. Все. Больше он никогда никого не подводил. Предельно честное было существо. Как же можно было любить его!

В начале сентября 1947 г. проводились Всесоюзные соревнования. Троеборный кросс проходил в районе Химки-Ховрино. Был холодный осенний день. Неуютная погода. Для нас с Федей кросс, как

З.Тарасова на Охотнике, Т.Симакова-Лилова на Боржоме, Н.Громова на Фиделио. Черная Грязь, 1947 год

определяющая величина для троеборья, прошел бы благополучно и на отлично, если бы я не была слишком самонадеянна – это касалось равно, как меня, так и Фиделио. По ходу кросса нужно было преодолеть глубокий ров с водой. Все участники спокойно спускались вниз и поднимались с другой стороны вверх. Но только не я, не мы. Уверенная, что Федька с ходу одолеет овраг прыжком, я пустила его резвее и... прыжок совершен, но мой Федя не долетел до противоположного берега, зацепился передом и соскользнул вниз. Разумеется, и я с ним. Пока мы барахтались на дне в холодной воде, время шло. Когда мы финишировали – мокрые, несчастные, на пронзительном ветру, наше возможное первое место «уплыло». Но для моего первого выступления на Чемпионате СССР остаться третьей – то же, наверное, неплохо. Для меня то «купание» вылилось в месячную болезнь. Острый нефрит и острый цистит – таков был диагноз врачей. Слава Богу, вылечили хорошо, потому что такие «болячки» обычно остаются на всю жизнь, а я смогла забыть о своих страданиях (боли тогда были ужасные: готова была на стенку лезть).

Расставание с Фиделио

Наступил 1948 год. Мы готовились к Первенству Москвы. Но все же мне пришлось отказаться от выступления: я ждала ребенка и рисковать не имела права, хотя «тянула» до последнего дня – так мне не хотелось отдавать Фидулу в чужие для него руки. Что было делать? Я призналась Таманову и Левину. Они даже глазом не моргнули. Думая об этом, я поняла, что они этого ожидали, видимо, мой муж их уже предупредил. Может так, а может и иначе. Но как объяснить, что победительницу прошлогоднего Первенства Москвы и призера Чемпионата СССР не поставили в команду, предоставив возможность выступать только в личном зачете? Обидевшись, правда, не сказала ни слова. Отъездив манежную езду (1-й день троеборья), я заявила о своем снятии с кросса. Встал вопрос, кому передать Фиделио на мое «нерабочее» время? В «Пищевике» в то время появились способные молодые ребята. Выбор пал на Юру Андреева. Я передала ему Фиделио с горьким чувством, словно предчувствовала, что это прощание навсегда. Осталось у меня фото Юры и Фиделио: залюбуешься – высоко поднятая голова на мощной шее, горящие выпуклые глаза... Ах, Федя-Феденька... Когда из скаковой конюшни Анатолия Лакса привели Диду (она скакала у него двухлеткой), мне предложили сесть на нее, я отказалась: Федя тогда был

Юра Андреев с Фиделио

мне дороже, и я не думала, что Дида станет Главной лошадию, Главным моим партнером в будущем...

Подошло время Чемпионата СССР 1948 года. Юра Андреев с Фиделио выступили на нем и выиграли троеборные соревнования, после этого тренсовет школы решил выставить пару Андреев–Фиделио еще и в стипль-чезе на 6000 м. Это самое сложное испытание (18 «мертвых» разнообразных препятствий) и для человека, и для лошади. Стипль-чез – скачка, требующая от всадника большого самообладания и волевых усилий. Недостаточно подготовленные к нему спортсмены, как правило, не выдерживают напряжения и не доходят до финиша. Недаром, на шестикилометровом стипль-чезе иногда более половины участников не заканчивали скачку. Но это было не только самое престижное соревнование, но и командное, а это – серьезная ответственность за свое общество.

О стипль-чезе я рассказала подробно в работе «Методика подготовки стипль-чезной лошади», когда мне довелось стать стиплером вместе с Дидой.

Теперь – снова о судьбе Фиделио. Он не зря был так назван. В переводе его имя-кличка означает «верный, преданный». После тяжелого соревнования по троеборью (1-й день – манежная езда; 2-й день – полевые испытания: дороги – 15 км, кросс – 8 км – с препятствиями, гладкая скачка 2 км; 3-й день – конкур) Андрееву и Фиделио предстояло выиграть стипль-чез на 6 км. Я не помню, сколько дней, необходимых для восстановления сил, было между этими соревнованиями, и не уверена, что Фиделио прошел настоящую скаковую подготовку, которая требовалась. Но чистокровную лошадь класса Фиделио и это не могло остановить. Я уже говорила, что чистокровная лошадь обладает удивительно большим спортивным сердцем. Они – Юра и Фиделио – вышли на старт и... выиграли ту тяжелейшую скачку. Мы бросились поздравлять победителей, окружили их и вдруг, взглянув на передние ноги Феде, я с ужасом увидела, как деформировался левый путовый сустав. От страха я закричала: «Левин, смотрите, что у него с ногой!» Елизаветар Львович буквально цыкнул на меня: «Молчите!» Но где там!... Все уже увидели... Ясно, что это был разрыв сухожилий пута.

Фиделио быстро перевели в лазарет. Началось длительное лечение. Он выздоровел, но путовый сустав до конца его жизни провисал очень сильно. Федя окреп так, что мог все же участвовать в соревнованиях, но только, понятно, по преодолению препятствий. Многие спортсмены обязаны ему своим званием «мастер спорта».

Когда ветврачи разрешили работать Фиделио, по этому поводу собрался тренсовет. Надо отдать должное, вызвали на совещание меня и предложили начать тренировать Фиделио, как прежде. Но во мне было более 60 кг веса, а для Федькиной ноги такой вес всадника был желателен. Это было ясно. Я об этом сказала. Тогда меня спросили,

какие есть мысли по этому поводу, и я, сказав, что нужен легкий всадник, предложила Таню Куликовскую, в ней едва ли было 50 кг. Все со мной согласились. Так, на несколько лет Фиделио оказался в чутких руках талантливой всадницы, пока у нее не подошла своя собственная прыжковая лошадь – великолепный Трюм, на котором Татьяна Львовна Куликовская становилась Чемпионкой не один раз.

С Фиделио я встретилась еще раз. Было это в 1953 году. Наша сборная выехала на международные соревнования в Румынию. Об этом я уже писала, рассказывая о Танкетке.

Самое дорогое для меня в этих воспоминаниях то, что на много лет для многих людей в конном мире именно пара Громова–Фиделио остались неразлучными.

Когда Федя был уже в конном заводе, коннозаводчики – работники этого завода, приезжая на ипподром весной «сообщали» мне, что МОЙ Фиделио в порядке, дает хороших жеребят, сердце от радости замирало, вспоминая проведенные вместе годы... И так, все годы, пока однажды ко мне не подошел кто-то с завода и не сказал печально, что ВАШ Федя пал. Это произошло в 1965 году. Удивительно, какая долгая и добрая память у людей! До сих пор это вызывает во мне волнение и прилив благодарности.

А.Г.Таманов на Мифе

Хочу сказать добрые слова в адрес двух Саш – Александров, работавших в школе «Пищевик». Их имена тесно связаны с судьбой Фиделио. О первом Саше – Александре Григорьевиче Таманове – я уже писала, а вот второй Саша – Александр Давыдович Шатенштейнас – для меня стал неожиданностью по своему горячему участию и заботе о стареющей лошади. Начну так: Таманова в школе мы между собой звали «Саша Красивый», а Шатенштейнаса – «Саша Умный». Таманов действительно был красив в молодости: полуармянин, высокий, стройный с темными кудрявыми волосами и голубыми глазами. Всегда подтянутый, аккуратный он производил на всех благоприятное впечатление... Любил немного покрасоваться, особенно на лошади. Но без этого не было бы полного образа Таманова. При этом он был великолепным спортсменом и главное – блестящим знатоком лошадей. Благодаря его знанию лошадей и доброму сердцу – и был спасен чудо-Фиделио.

«Саша-Умный» был в какой-то мере антиподом Таманову – небольшого роста, немного сутулый, быстрый, юркий. Во все ему надо было вникать, все знать, что делается на конюшне. Не пропускал никаких оплошностей со стороны спортсменов или работников конюшни. Его назидательный, придирчивый, требовательный голос можно было слышать (особенно на Сходне) повсюду. За это его не любили. Но, если разобраться, то он во многом был прав, этот маленький вездесущий борец за порядок и дисциплину.

Я бесконечно благодарна, хотя и с запозданием, Александру Давыдовичу за то, что он принял самое активное и сердечное участие в устройстве судьбы Фиделио, когда тому было уже 18(!) лет. Мне рассказала об этом Татьяна Куликовская. Это было при ней, меня в школе тогда уже не было. Александру Давыдовичу стоило немало трудов, чтобы уговорить и убедить начкона Кировского завода Юрия Григорьевича Ширяева взять Фиделио производителем. Всех смущал, прежде всего, малый рост жеребца и изъяны в экстерьере. Однако, Ю.Ширяев – умный, далеко видевший специалист – ознакомившись с родословной Фидула (абсолютно блестящей), взял на себя смелость поставить его у себя в заводе и настоял на своем, за что получил выговор по Министерству. Но правда была за ним. Фиделио дал прекрасных жеребят, позже использовавшихся, в основном, в спортивном троеборье. Главное, он передавал всем детям свое сердце бойца, причем, очень честного бойца.

А то, что он был небольшого роста, так надо же было понимать, что родился он в разгар войны в 1942 году, естественно, вырос недокормышем, а потом – страшная болезнь, о которой я уже рассказывала. Если бы не А.Д.Шатенштейнас, неизвестно, как сложилась бы его судьба в дальнейшем, может быть также, как у моего дорогого Боржома (помните?).

Прошло много лет, а троеборцы, которым довелось работать с детьми Фиделио, до сих пор вспоминают своих подопечных добрым словом, среди них Пифия, Фат, Фархат (последние два были Чемпионами СССР по троеборью под седлом Горелкина и Евдокимова). Жеребца Фукса, рожденного в 1963 году, когда Фиделио было уже 21 год, оставили на заводе производителем. Рост его был 166 см. А беспроегрышно скакавшая его дочь Фигурация имела рост уже 170 см. Значит малый рост Фиделио не сказывался на его потомстве. Условия жизни не дали ему вырасти, это же так ясно! Правильно конники говорят: «Кровь – не водица».

А.Д.Шатенштейнас с на Дотошном

Эра Диды

Дида							
Дидельдумбай(Dideldumbai)				Блазиус (Blasius)			
Дирналь (Dirnall)		Граф Изолони (Graf Isoloni)		Блау Блюме (Blaue Blume)		Аурелиус (Aurelius)	
Мон-Дезир	Дарк Рональд	Изабелла	Граф Ферри	Блаус-Трумф	Фелс	Августа Шарлотта	Пергалезе

Знаменитый **Дарк Рональд** – в третьем ряду предков у Диды,
а у Фиделио **Дарк Рональд** – в четвертом ряду предков (по отцовской линии)

Дида... Родословную ее, кроме как блестящей не назовешь. Мама – германская дербистка, бабушка – австрийская дербистка... В дедушках, прадедушках – самые знаменитые стайеры Европы. И вот, такой кобыле угораздило родиться в 1944 году, в разгар тяжелейшей войны, охватившей весь континент. Как она выжила – представить трудно. На Московский ипподром она попала полным заморышем – кожа и кости. Только по скелету специалисты могли угадать в ней классную лошадь: высокая (рост 164 см в холке по тем временам считался солидным), длинная, с крепкими хорошо поставленными ногами (у задних – была небольшая саблистость, которая мешала ей позже показывать собранный шаг, зато, такого прибавленного – ни у кого не было), широкая мощная грудь, с длинными плоскими ребрами, позволявшими ногам всадника удобно лежать вдоль боков, длинная шея... Я очень любила ее большие и всегда настороженные уши. Они как бы слушали, что скажет и потребует от нее человек, неважно, голосом, поводом или шенкелями. И при этом большие, немного углубленные, казавшиеся от этого печальными до трагизма глаза. Да, еще ее от других лошадей отличала очень высокая тонкая холка. У Фиделио, например, была высокая, но широкая холка, а у Диды – очень узкая, она доставляла мне много хлопот, потому что тончайшая кожа, обтягивавшая кости холки, была очень ранима. Седла у нас в то время... Даже вспоминать не хочется. На одних и тех же седлах мы и скакали, и прыгали, и занимались выездкой. У меня была главная забота, чтобы передняя лука была достаточно высокой. Но, ведь, бывали случаи, когда лука вдруг ломалась или набивки уплотнялись и седло внезапно ложилось на холку... Это была беда.

Дида... Родословную ее, кроме как блестящей не назовешь. Мама – германская дербистка, бабушка – австрийская дербистка... В дедушках, прадедушках – самые знаменитые стайеры Европы. И вот, такой кобыле угораздило родиться в 1944 году, в разгар тяжелейшей войны, охватившей весь континент. Как она выжила – представить трудно. На Московский ипподром она попала полным заморышем – кожа и кости. Только по скелету специалисты могли угадать в ней классную лошадь: высокая (рост 164 см в холке по тем временам считался солидным), длинная, с крепкими хорошо поставленными ногами (у задних – была небольшая

Дида была, как мы говорим, лошадью длинных линий, а Фиделио, скорее – в-укороть. Я объясняю это тем, что эти лошади вели свое происхождение от двух пород: Дида – от ахалтекинцев, а Фиделио – от арабов. Английская чистокровная, где-то в далеких «коленах» несет в себе кровь этих выдающихся скакунов. Мне кажется, что эти чистокровные предки «аукнулись» в моих лошадях. Федя – округлых форм, Дида – растянутая. Да и шерсть у нее росла интересно. Зимой она одевалась длинной шерстью и была гнедой (но не такой, как Фидул. У того была «рубашка» кирпичного цвета, а у Диды – в дымчатость). Длина шерсти была такой, что мои пальцы утопали в мягких нежных волосках. Зато, когда начиналась весенняя линька, шерсть с нее лезла клоками, и, в конце концов, на коже оставался крошечный (не ущипнешь!) волосяной покров. А если она бывала «в порядке», то покрывалась «яблоками» песчаного цвета, как цвет песка в пустыне. Очень красиво! Но в такой порядок она стала приходить только тогда, когда я перевела ее на выездку. Дида успокоилась, перестала бояться набатных звонков на ипподроме, т.е. полностью доверилась человеку и поняла – то, что она должна будет делать, не потребует изматывающего перенапряжения нервной системы. Да, скаковая жизнь отнимает у лошади много сил и делает ее не просто нервной, ее нервная система порой истощается от непосильного труда настолько, что выводит ее вообще «из строя».

Я с Дидой

Интересно, что теперь все то, что мы с Дидой сделали в спорте, возводится мне в заслугу, а тогда... я слышала только попреки, усмешки и пр. Как это – одну лошадь «тяну» через все виды конного спорта... Для меня же все это значило одно: только бы не настало время расставания с Дидой. Так я ее и «вела» из одной дисциплины в другую, причем, на наше счастье, достигая высоких результатов, практически во всех. Спасибо ей – чудо-Лошади, она была для меня подарком Судьбы.

Момент расставания с нею все же наступил. В тот год была какая-то нервная обстановка в школе. Отчасти, возможно, из-за смены руководства. Возглавлять школу прислали профсоюзного работника – Шабурова. Начались склоки, недовольства. Может быть я не права, связывая эту обстановку с Шабуровым. Времени много утекло, многое я забыла, да и не хочу ворошить прошлое, неприятное для меня. Тем более что я была ведущей спортсменкой, в тот год – единственной, принесшей положительные очки школе. Впереди маячила

Олимпиада в Риме (ведь, я была в тройке лучших в Союзе: Филатов, Второв, Громова). Но как всегда бывает: жизнь состоит из разных полос: белых, серых, черных. Ну, хоть бы серая полоса меня накрыла тогда. Нет – мне нужно было пройти испытание черной. Даже на тренсоветах мои, казалось бы, друзья то и дело поднимали вопрос о том, что я, якобы, неправильно работаю с Дидой, что это приведет к снижению результатов и пр. Дожить до этого снижения результатов эти люди не хотели, а я ... я всегда была очень ранимой, хотя и старалась держать себя в руках; но я садилась на Диду и часто забывала главный закон работы с лошадью: *прежде всего во всех ошибках винить себя. Лошадь, как зависимое от человека существо, делает ошибки, как правило, от неточности и несосредоточенности всадника.* Бывают, конечно, как мы говорим, «стервы» и среди лошадей (я убеждена, что их такими делают люди), но *все же главное – невнимательность и нетерпение со стороны человека приводит к неточной работе лошади. Себя человек не должен жалеть.* Не скрою, бедная Дидуля терпела и от меня несправедливости, которые приводили к тому, что мы, порой, работали по принципу – «шаг вперед, два шага назад». Но она была умницей и многое мне прощала. А я после таких «тренировок» долго не находила себе места, чувствуя свою вину и с опозданием просила у Диды прощения.

В это же время гнетом на меня давило неблагополучие в семье. Михаил Михайлович тяжело переживал уход в отставку, а практически – отлучение от авиации, которой он отдал всю жизнь. К этому его, полного сил, энергии, опыта, вынудили непростые отношения с новым министром авиационной промышленности П.В.Демментьевым. Михаил Михайлович не делился со мной своими служебными делами, но запомнила, как однажды он в гневе сказал, что так работать, как работают у нас, нельзя. Авиация не терпит авральщины. План должен выполняться в течение года, а не к концу года (он имел в виду испытания самолетов). И еще я запомнила выражение Демментьева, которое с возмущением не раз повторял Громов: «Ты мне дай план, а самолеты я уж как-нибудь облетаю», т.к. это «как-нибудь» тесно связывалось с жизнями летчиков-испытателей, за которых Михаил Михайлович стоял грудью и много делал хорошего для них (собственно, в результате авральщины при испытании нового самолета погиб известный летчик В.П.Чкалов – 15 декабря 1938 г., т.е. в конце года, когда требовалось выполнение плана). Об этом и многом другом я узнала только на поминках, когда не стало Михаила Михайловича. Такие выступления, как: «У нас не было, нет и никогда не будет такого начальника Летной службы МАП и защитника летчиков» - дорогого стоят.

После увольнения, ни одно КБ (Конструкторское бюро), даже Туполевское, в котором он работал в течение нескольких лет шеф-пилотом и испытал много самолетов, не пригласило его хотя бы в качестве консультанта... Он ничего не говорил мне об этом, уверяя, что теперь настало, наконец, время ему пофилософствовать, к чему у него была склонность... Но я-то понимала, как несладко у него на душе. И даже его сердце не вы-

держало: мерцательная аритмия. А как с ней бороться? Да еще человеку, привыкшему к нагрузкам, перегрузкам, т.е. активной деятельности!... Смотрю, мой Михаил Михайлович становится непохожим на себя. Стала думать, что предпринять. И надумала: нужно сменить обстановку, уехать с дачи, где он оставался часто сам с собой наедине со своими мыслями.

Вот я и поехала в Саввинскую Слободу (за Звенигородом) и сняла там деревенский дом без каких-либо удобств, но с чудесными соседями – Екатерина Павловна Васильчикова, ее муж и Софкин профессор музыки Александр Андрианович Егоров и еще несколько музыкальных педагогов из ЦМШа. Они приезжали в это благословенное место ежегодно, и мы присоединились к ним.

Михаил Михайлович с Тами и Келли в Саввинской Слободы

И, София и Михаил Михайлович.

Мы были тогда счастливы

Улица Красная Горка состояла из одного ряда домов; все дома смотрели с этой Горки вниз на широкий заливной луг, который полукругом обрамлялся Московской-рекой. Далее за рекой шел лес, так что воздух там был совершенно уникальный по смешению воздушных потоков, впитывавших в себя ароматы леса, поля с травами, воды... Чарующее место! Михаил Михайлович безропотно принял этот переезд из цивилизованного дома в деревню, и тут началась для него новая жизнь. Он воспрял духом, стал вновь проявлять активность вдалеке от врачей, а главное, стал много ходить, постепенно удлиняя свои прогулки с собаками – их у нас в то время было две – два гладкошерстных фокстерьера.

К концу лета он мог уже без труда совершать походы по берегу Москвы-реки, обходя огромное поле заливного луга. Так, я считаю, я спасла и мужа и достойного человека своей настойчивостью и желанием помочь.

То лето было замечательное. Общение с интересными приятными людьми самое дорогое в жизни.

В это время наша дочь София училась в ЦМШ (Центральная музыкальная школа при Московской Консерватории). Родители детей,

которые обучаются в этой школе, знают, какое внимание требуют они, какую перегрузку несут ребята и как важно не «загнать» их. Кроме того, частые вечерние репетиции, концерты. Дети еще маленькие, и в московских условиях их нужно водить в школу и обратно домой буквально за руку, и иногда по два раза в день.

В общем, обстоятельства загнали меня в угол, и я «сломалась». Михаил Михайлович стал говорить, что пора от Диды получать жеребят, а мне заняться дочерью. Спротивлялась... А какой толк? Нужно знать целеустремленный характер Михаила Михайловича, а сознание долга перед ребенком решили нашу с Дидой дальнейшую жизнь. Я сдалась, хотя не уверена, что все было сделано правильно. Диду увезли в Прилепский конный завод. Григория Терентьевича Анастасьева, нашего Государственного тренера по выездке, в это время в Москве не было. Боже, как он возмущался по возвращении! И до конца своей жизни он не мог простить мне этого поступка. А я... все шло по пословице – «близок локоть, да не укусишь».

Для меня настали тяжелые времена. Потеря Диды, прекращение тренировок... Я «выпала» из привычной среды обитания, которая мне нравилась, делала мою жизнь интересной и наполненной смыслом, тем более что впереди меня ждала бы Олимпиада (1960 года), и я могла надеяться, что не останусь на запасной скамейке. Душа моя металась... Мне необходимо было какое-нибудь интересное дело, которое отвлекло бы от «черных» мыслей. И такое дело на короткое время нашлось. Журналистика. Я поступила на годичные курсы радиожурналистов при Госрадиокомитете. Окончила их. Получила удостоверение, позволявшее мне работать радиожурналистом. Первую свою работу я сделала о Елене Николаевне Кондратьевой – неординарном, умном, интеллигентном человеке, которому конный спорт не помешал стать доктором биологических наук, а позднее Академиком Академии Наук СССР. Я искренне восхищалась ею, и писалось о ней легко, мою работу приняли, и она прозвучала в эфире.

Но то, что я не стану журналистом, я поняла еще во время учебы на курсах. Учиться было интересно. Преподавали нам (курс был небольшой) лучшие журналисты страны, но когда мы перешли к практике, то я столкнулась с тем, что никак не ложилось мне на душу: готовя материал, нужно было часто либо готовить не то, что хотелось, либо, расспрашивая людей о чем-либо, обманывать их, пусть даже в мелочах, уверяя, что

Я на Диде, Г.Т.Анастасьев, Ляйпциг, 1957 г.

тема разговора очень важна, хотя на самом деле она «яйца выеденного не стоила» и т.д. Я не могла этого делать – кривить душой.

Так из меня радиожурналиста и не вышло.

Удостоверение радиожурналиста

Зато в поисках пищи для успокоения души, кроме домашних забот, я набрела на Московский Дом Ученых, в котором работал кружок художественного слова. Старое закипело в душе. Пошла на занятие этого коллектива. Режиссер, проводивший репетиции с чтецами, сказала, что принимает в этот коллектив только один человек – главный режиссер Елизавета Яковлевна Эфрон. Она больна, прикована к постели, поэтому нужно пойти к ней домой. Пошла. У Никитских Ворот нашла дом, в котором жила Елизавета Яковлевна. Попросила принять меня. Встретила меня Зинаида Митрофановна, маленькая согбенная женщина. Потом я узнала, что она была как бы компаньонкой и даже больше – подругой, сиделкой, главной опорой Елизаветы Яковлевны. Позже, когда у нас наладились достаточно близкие отношения, мы с нею постоянно ходили на все концерты замечательного, а я считаю, лучшего чтеца нашей страны – Дмитрия Николаевича Журавлева; режиссером всех его работ была Е.Я.Эфрон. Мы «докладывали» Елизавете Яковлевне о том, как прошел концерт. Но это было потом. А пока что мне нужно было явиться «пред светлые очи» этой удивительной женщины и, чтобы исполнить мое желание, произвести на нее впечатление. Но как это сделать? Зинаида Митрофановна ввела меня в крошечную комнатку, половину которой занимала кровать. На кровати лежала величественная пожилая дама с копной седых волос, аккуратно и красиво прибранных. Елизавета Яковлевна была талантливой актрисой. Из-за болезни она стала заниматься режиссурой. Читать перед таким человеком, стоя впритык к ее кровати, было невероятно трудно. Я собралась с духом, что-то прочла (не помню), и вдруг она мне говорит, что она принимает меня в домученовскую студию, а заниматься со мной будет она сама, здесь у нее на дому. Я поблагодарила и окрыленная помчалась на ул. Кропоткинская (теперь – Пречистенка). Потом я узнала, что в Доме Ученых с любителями-чтецами занимается режиссер-помощник Елизаветы Яковлевны, и что она сама отбирает себе только тех, кто ей понравился. Значит, я попала в число избранных! Мне невероятно

повезло. Встреча с Елизаветой Яковлевной и Зинаидой Митрофановной, общение, разговоры с ними, - огромное счастье для любого человека, для меня же это счастье было вдвойне, потому что после душевных мытарств и того состояния, в котором я находилась, эти две женщины оживили меня и раскрыли много нового для меня. Я выросла благодарим в восприятии искусства художественного слова. При этом обе они были на удивление скромными людьми, а ведь Елизавета Яковлевна была родной сестрой Сергея Яковлевича Эфрона – мужа нашей редкостной по дару поэтессы Марины Ивановны Цветаевой! (Много лет спустя я читала стихи М. Цветаевой на концертах в разных аудиториях). Очень жаль, что наше сближение не получило развития. Жизнь порой так заматывает, что человек не может делать то, что ему нравится и более того – ему по плечу. Таким несчастным человеком в то время была и я. Ни тебе – конный спорт, ни тебе – чтецкое искусство. Нужно было делать то, что помогло бы семье. Мне пришлось пойти работать, сначала в ДСО «Урожай», потом в МИСиС (Московский институт стали и сплавов).

А с литературой, чтением с эстрады пришлось подождать. Но к чтецкому искусству я таки вернулась и опять в Дом ученых, но к другому режиссеру – Татьяне Васильевне Девлишевой. Елизаветы Яковлевны к тому времени уже не было в живых. Татьяна Васильевна была сама прекрасной чтецей и как режиссер много давала своим подопечным. Я счастлива, что наши дороги пересеклись таким образом на несколько лет. Но в этот раз я сказала себе: «среда – день репетиций – святой день, и ничто меня не может и не должно отрывать от этих занятий». Это стало моим «мото», законом на многие годы.

Табун кобыл в Прилепском конном заводе

Зимой я поехала в Прилепы навестить Диду. Начкон встретил меня на железнодорожной станции. До завода было 8 км. Вот уж поистине езда была как по Н.В. Гоголю, только не на тройке («Эх, птица-тройка, и кто тебя выдумал»), но одного рысака было достаточно, чтобы ощутить, понять, что это такое...

Белый снег летел из-под копыт, обдавая снежной пылью, лошадь неслась не по шоссе, а по нормальной проезжей дороге!.. Иногда сани накренивались так, что мы могли вывалиться из них. Такого захватывающего чувства восторга не часто можно испытать!

Дида была в порядке и уже ждала жеребенка.

Летом я снова не выдержала и поехала в Прилепы. Я очень скучала по своей дорогой Диду. Начкон сказал, что она в табуне на выпасе.

Пошли туда. Смотрю, стоят кобылы, много кобыл, а свою Диду не вижу. Все лошади как будто одинаковые. Сгрудились на лугу и стоят... Я стала кричать: «Ди-да! Дидуня!!» Но где там. Начкон засмеялся: «Никогда лошадь не выйдет из табуна. Слишком сильно в них стадное чувство». Я упорствовала: «Дидуля-я!»

Какая-то лошадь в самой середине табуна подняла голову, прислушалась и вдруг, раздвигая грудью своих подруг, двинулась в нашу сторону. Это была Дида!

Подойдя ко мне, она дохнула на меня непостижимо приятным запахом разжеванной травы, уткнулась носом в меня и положила голову мне на плечо... Вот вам и не бросит табун! У начкона расширились глаза... Он не ожидал такого. А встреча эта была последняя. То есть, последняя, в том смысле, что за ней последовала долгая мучительная для меня и для нее (я это потом поняла) разлука. О следующей встрече я расскажу позже.

Из «Пищевика» я ушла, бросив даже конкурную группу молодых мастеров, которую я тренировала одно короткое время. С гордостью вспоминаю, что в эту группу входили такие талантливые спортсмены, как Олег Оводов, Олег Мартемьянов и др.

Помню, что все они не любили меня за то, что я привлекала их к непривычной работе – творчеству. Например, я требовала, чтобы к каждому напрыгиванию они по очереди самостоятельно готовили маршрут. Мне хотелось, чтобы в их работе была видна выдумка, а маршруты не повторялись. Кроме того, я требовала от них изучать и запоминать ширину маха своей лошади и, учитывая это, заранее рассчитывать ее последние три маха и место отталкивания перед прыжком. Такой подготовки у нас никогда не делалось и видимо поэтому вызывало сопротивление у молодежи. Я рада, что по прошествии многих лет мне довелось услышать от Государственного тренера страны по конкуру Олега Оводова, что он помнит мои наставления и старается использовать их в своей работе. «Подсмотрела» же я это у немецкой команды на Олимпийских играх в Стокгольме (1956 год). Я наблюдала, как немцы-конкуристы ходили от препятствия к препятствию во время ознакомления с полем перед соревнованием, как шагами измеряли расстояние между препятствиями, останавливались в определенных местах и прикидывали, как лучше подвести лошадь к препятствию и т.д.

О. Мартемьянов на Танкетке, 1957 г.

Далее жизнь моя изменилась в корне. Я пришла в клуб «Урожай» (Сокольники), где в то время работали Е.Л. Левин – начальником и

старшим тренером, а начальником учебной части там была Лия Васильевна Кржицкая – милейший человек и великолепный знаток судейского секретарского дела. Все конники знают, что слаженная и четкая работа Секретариата во многом определяет спокойный ход соревнований. Много учеников, хорошо разбирающихся в путанных делах Секретариата, оставила после себя Лия Васильевна. И в жизни она была обаятельным человеком. Разве можно забыть такое. Телефонный звонок: «Нина Георгиевна, я испекла вкусный капустный пирог. Ждем. Приходите». И я, бросив все свои домашние и прочие дела, бежала к этой очаровательной паре – Лие Васильевне и Виктору Васильевичу Кржицким, в знаменитый переулок за Елисеевским магазином, где они жили на 5-м этаже старинного дома с высотой потолков 4 метра и без лифта. Садилась за стол. Появлялись рюмочки, вкусные пироги и текли спокойные разговоры. О чем? О лошадях, конечно! Общение с этими людьми всегда доставляло мне большое удовольствие.

Это Лие Васильевне пришло в голову, что пора бы начать обучение конному спорту ребят не с 14–15 лет, а с 11–12. Обсудили мы с нею этот вопрос; тем более, что в гимнастике, хореографии и прочих дисциплинах с детьми начинают заниматься с 6–7 лет и даже раньше, а у нас... И решили мы создать впервые в стране две группы, собрав школьников 5–6 классов. И тут мы наткнулись на возражения высшего руководства. Долго доказывали такую целесообразность, но все-таки «пробили» стену сопротивления. Так создали мы две группы: одна состояла из московских школьников – девочек и мальчиков, в другую входили мальчишки из подмосковного совхоза «Белая Дача». С москвичами проблем никаких не было. Я рассказала им о конном спорте, лошадях, как с ними следует обращаться, посадила каждого на лошадь, показала, как пользоваться поводом, шенкелем и пр. Ребята были послушными, внимательными. Но прежде всего я учила своих учеников, как правильно падать с лошади, т.е. как следует сгруппироваться и стараться побыстрее откатиться от лошади. Психологически, я считала, ученики должны быть подготовлены к этому заранее. Тогда сработает организм и при всамделишном падении.

А вот «белодачники»!... Ох, уж эти мальчишки, выросшие не в московских каменных дворах, а на свободе деревенских улиц... Первое, что произошло при нашем знакомстве, это – я увидела, как они надулись, нахохлились при моем появлении. Я их построила и представилась. Хотела уже знакомиться с ними, чтобы знать их имена, фамилии...

Эмблема ДСО
«Урожай»

Л.В. Кржицкая

И вдруг – самый вихрастый, рыжеволосый, весь в веснушках и, видимо, самый смелый, опустив глаза, громко произнес: «Мы не хотим, чтобы нами командовала женщина. Мы хотим тренера-мужчину». Сказав это, Вася (это был он!), выразил настроение всей группы, состоявшей только из мальчиков.

Я была ошеломлена такой дерзостью и не знала, как быть дальше. Опомнившись, вышла из манежа и пошла к Левину. Он, выслушав меня, сказал, чтобы я подождала у него в кабинете. Елиазар Львович, как он потом рассказывал, «провел воспитательную беседу» с ребятами, а проще – поведал им мою спортивную биографию, особо подчеркнув, что их тренер, хоть и женщина, но выступала наравне с мужчинами в чисто мужском виде – скачках с препятствиями и не только побеждала, но и установила два всесоюзных рекорда. Должно быть, это знакомство с моими достижениями в спорте произвело впечатление на мальчишек, потому что, вернувшись, Левин сказал, что я могу идти к группе и заниматься. С трепетом я вошла вторично в манеж, но встреча была уже другой. Я увидела доверчивые и раскрытые от любопытства глаза и готовность ребят меня слушать и подчиняться.

Ах, ребята-ребята из «Белой Дачи»!.. Они стали отрадой для меня. Усваивали премудрости верховой езды быстро, были дисциплинированными, готовыми выполнить без разговоров все, чтобы я не попросила: убраться денник у лошади, вычистить саму лошадь, «железо» на уздечке, седле... Весной я поехала с ними на эту «Белую Дачу». Левин дал нам грузовую машину. Мы погрузили двух лошадей, да еще умудрились взять несколько жердей и стоек для препятствий... Вот был праздник для моих учеников, почувствовавших ответственность за совершенное. В совхозе собралось много народу (прежде всего пришли родители ребят). Мои подопечные не ударили «лицом в грязь». Все прыгали хорошо, за что зрители восторженно их приветствовали.

А какими благодарными оказались эти простые деревенские мальчишки... Как-то раз я вошла в манеж, как обычно. Ребята уже построились. Они знали, что я не любила и не прощала опозданий на тренировку. Посмотрев на стоявших передо мной, я с удивлением увидела, что в строю нет Васи и еще одного мальчика. Недопуск к тренировке был самым серьезным наказанием. И мне самой было жаль этих пацанов, тем более Васю, одного из самых способных. Нахмурившись, я спросила, что с ними случилось, почему их нет на занятии. Ребята потупились, а потом вразной, как бы извиняясь, стали говорить, что они должны скоро подойти, и они сами не понимают, где они... Я приступила к распределению лошадей. И тут мои ребята, подавленные и огорченные, вдруг повеселели, глаза их засияли, а я увидела, как в манеж буквально влетели Вася с дружкой; запыхавшись, раскрасневшиеся они бросились ко мне с каким-то пакетом. Я, было, начала строго выговаривать им, но они наперебой стали объяснять мне причину опоздания. Я только поняла, что «виновата» Москва – она такая большая, а они обегали все магазины «Подарки», но нигде не могли найти то, что искали. Оказывается, им была нужна скульптурка – лошадь, но с

женщиной, а везде продавались лошади с мужчинами. И только в одном месте, где-то далеко, они нашли то, что искали... Мальчики развернули пакет, и я увидела фарфоровую статуэтку – лошадь, которую под уздцы держит женщина. Эта фарфоровая лошадь с женщиной хранится у меня как самый дорогой и трогательный подарок, когда-либо полученный мною. Кто надумил их на такое? Ведь им было всего по 12 лет! Но для меня это дорогое воспоминание.

Еще немного о том, как я работала с детскими группами. Всем известно, что после того, как группа въезжает в манеж, первые десять минут лошади идут шагом. В это время я напоминала ребятам, как нужно сидеть в седле, как правильно держать повод и пр. Затем, подавала команду: «По-о-вод! Ры-ы-сю ма-арш!» Все команды в кавалерии подаются нарастаем, чтобы их могла «услышать и понять» лошадь. Дисциплина прежде всего требовала поддерживать правильное расстояние между лошадьми – видеть через голову своей лошади хвост впереди идущей. Этого требует безопасность работы в группе и приучает всадников всегда быть внимательными. После репризы на рыси, далее снова шел шаг. И вот во время таких шаговых пауз я рассказывала ребятам историю лошади, историю конного спорта вообще и конного спорта в нашей стране, знакомила их с организацией проведения соревнований и кто пофамильно прославил наш спорт и пр. Конечно, я готовилась к каждому занятию: читала прежде всего книги М.С.Иванова «Возникновение и развитие конного спорта», Правила по конному спорту... Такая «лекция» не была длинной, а была рассчитана только на шаговый вид работы. На следующем занятии я спрашивала ребят, что они запомнили из прошлого урока. И так было на протяжении всего курса подготовки к сдаче на III-й разряд. Моя метода, к сожалению, не привилась, но мне думается, что она делала занятия более интересными, разнообразными и полезными в смысле общего развития детей, да и меня, как тренера-педагога, это заставляло всякий раз подходить творчески к своему труду.

Должна признаться: не все бывало гладко в жизни в то время. «Сокольники» всегда были беспокойным местом в Москве. Бандитская или, как мы их называли, хулиганская шпана всегда чувствовала себя вольготно, безнаказанно в этом чудесном лесном массиве. Неприятные ситуации не обошли и наш клуб «Урожай». Тренером в группе выездки у нас был майор Василий Гаврилович Алексеенко. У него был взрослый

Статуэтка женщины с лошадью

сын, сейчас уже не помню как его звали. Так вот, как-то сын Алексеенко гулял со своей девушкой в парке. Присели на скамейку. Вдруг к нему подошел молодой парень, буквально воткнул ему в грудь нож и убежал, а сын Василия Гавриловича остался лежать на скамейке, истекая кровью. К счастью, это произошло недалеко от центральной аллеи. На крики испуганной девушки прибежали люди, которым удалось быстро переправить молодого человека в больницу. И чудо свершилось: он выжил. Нож прошел рядом с сердцем, не задев его. Как нам потом рассказали, это был проигрыш в карты (кто-то из бандитов, проиграв в карты, был обязан убить первого встречного ни в чем неповинного и ни о чем не подозревающего человека!). Вот такая была тогда обстановка в том районе.

Не лучше было и на территории клуба. Иногда занятия проходили довольно поздно – в 19–21 часов вечера. Осень. Уже абсолютно темно. Закрываешь ворота манежа, выгоняешь посторонних, а в окна летят камни... И при этом никаких неприятных инцидентов с людьми или лошадьми не было. Но как-то, закончив занятие часов в 9 вечера, я с группой девочек 14–15 лет пошла на остановку автобуса. Мальчишкам проще: завели лошадей, расседлали и гурьбой бегом на электричку, рядом через лес – станция «Москва-3». А девочки – копуши. Пока переоденутся, пока переговорят все, что их волновало, время идет... Я, конечно, их жду. Через лес к «Москва-3» мы идти не решились. И вот стоим на остановке автобуса под единственным фонарем на столбе, а автобуса все нет и нет; он должен был показаться из-за дальнего угла. С одной стороны дороги забор, отделявший лес парка, с другой – небольшие домики с уже закрытыми ставнями. Света не видно нигде. Кричи – не кричи, никто не выйдет... А темные деревья парка действуют угнетающе и даже устрашающе. Вдруг откуда-то появилась группа парней, уже взрослых, лет по 18–20. У меня ёкнуло сердце. Кто они? С какими намерениями? Остановились в нескольких шагах от нас. Оглядывают нас, а мы их. Девчонки спрятались за мою спину. Вдруг из этой группы вышел парень, чувствую – подвыпивший, и, обращаясь ко мне, что-то сказал. То ли со страху, то ли он невнятно что-то пробормотал, но я не поняла, что ему надо... Тогда я ему сказала, чтобы они шли своей дорогой дальше. Приближаясь к нам, он стал что-то говорить, куражиться, я же (откуда только берется смелость!) ему: «Лучше не подходи к нам!» Он: «Ну, и что же будет?» И делает шаг в нашу сторону. Я тоже делаю шаг к нему и почти кричу: «Ну, попробуй только!» – «Ишь ты какая!» – в ответ: «Вот такая!» Ждать помощи не от кого. Обуял страх за девчонок. Боже, что они могут с ними сделать!? А автобуса все нет... И вдруг... опять вдруг! Стоявший в середине группы парень, мне показалось, он был старше остальных, сказал: «Не трогай ее. Оставь...» Наступавший на меня остановился и буквально рыкнул недовольно: «Почему это я должен ее оставить?» Тот, мой «защитник», как я поняла, вожак повторил уже более повелительно: «Я сказал, оставь ее!..» Теперь уже мой противник, ворча, отступил и недовольный присоединился к своим товарищам. А тут из-за угла появился наконец автобус. Ура!

Мы спасены. Пропустив вперед девчонок, я кое-как взобралась на ступеньки автобуса: ноги не слушались и были как ватные. Но объяснить окончание этой сцены я не могу до сих пор. Вот такие истории приключались в «Сокольниках». Были и другие, да разве обо всем расскажешь? Кроме таких внешних, бывали и внутренние.

Так, однажды произошло пренеприятное событие в клубе, вернее даже не событие, а происшествие.

В клуб приехала группа молодых людей с конных заводов для стажировки в спортивных видах. Жили ребята в общежитии на территории самого клуба. И вот от скуки что ли, однажды они сотворили немыслимое. Один паренек заснул на своей кровати, а остальные решили позабавиться, подшутить над ним, но как? – самым диким нелепым образом. Они привязали его ноги к железным прутьям кровати и стали подносить к его ступням зажженную бумагу. Прямо какие-то фашистские методы издевательства над человеком!.. Мальчишка проснулся, задергался, но встать-то не мог! Он извивался от боли, а это вызывало смех у его «товарищей». И те, видимо, не рассчитав, переборщили с огнем. У парнишки получился серьезный ожог. Испугавшись, ребята бросились за помощью к взрослым. Вызвали врача. Но для клуба это было серьезным ЧП (чрезвычайным происшествием). Чтобы как-то замаять это дело, нужно было срочно отправить парня домой. Сам один он не мог ехать. Нужен был сопровождающий. Левин попросил это сделать меня. И вот нас «погрузили» в вагон, и мы отправились в Хреновской завод, откуда приехал парнишка. Ехать нужно было до Лисок. Это небольшая станция за Воронежем, которая, тем не менее, была большим перевалочным ж/д пунктом: там поезда разъезжались по разным направлениям. Родителям паренька сообщили, чтобы они нас встретили. Так оно и произошло. Левин рассчитал правильно. Мне пришлось долго объяснять происшедшее с их сыном «недоразумение», извиняться и уговаривать не поднимать «бучи», скандала: сделано ведь было по глупости и те ребята наказаны и т.д.

Непростой был разговор с разгневанными и взволнованными людьми, но все же как-то удалось их успокоить, и приехав на завод, мы расстались мирно и друзьями.

Я переночевала в каком-то общежитии. Утром осмотрела старинные капитальные постройки, сохранившиеся еще от графа А.Г.Орлова, основателя этого завода и орловской породы (а это были ведь времена Екатерины III!) и задумалась об обратном пути. Никто меня не ждал на заводе, и никому я не была нужна. А до Лисок путь немалый. Наконец, мне сказали, что директор совхоза едет в том направлении. Я к нему... Мне очень повезло в тот раз: ехать с комфортом в легковой машине, да еще с интересными людьми, как потом выяснилось, это ли не удача? Зато по дороге я наслушалась такого, что переживаний хватило на несколько лет.

Это было время «царствования» Н.С.Хрущева, перевернувшего всю страну, только-только начавшую оправляться от страшных потрясений военных лет. Я не буду говорить о XX съезде. Реабилитация пострадавших, чаще невинных людей – благое дело. За это ему спасибо.

Но ликвидация министерств, создание каких-то совнархозов, разстроивших все хозяйство страны (после неудавшегося эксперимента министерства были снова восстановлены), ликвидация элитных конных заводов, когда на мясокомбинаты отправлялись лошади, за которые страна могла получить золото... Повсеместное распространение кукурузы, даже там, где это теплолюбивое растение не могло прижиться, а она вытесняла привычные культуры во многих районах, истощая при этом почву... Можно ли это все простить руководителю страны? В этой машине, которая везла меня в Лиски, я была чужим человеком, с которым мои спутники могли никогда не встретиться, этим я объясняю, почему на меня полился поток наболевших страданий сильных здоровых мужчин, душа которых горела за свой край, свое дело. Помню, с какой горечью они говорили о вытеснении кукурузой всем понятной и любимой, и нужной людям, и полезной гречихи, которой засеивались поля этого края испокон века! Но приказ политорганов, идущий из Москвы... До сих пор все это волнует.

В Лисках мы расстались и действительно больше уже не встречались. И рада, что эти хорошие люди, хорошие хозяйственники получили хоть малое облегчение, выложив все то, что их волнует, человеку тоже с болью воспринимавшего беды страны.

В Лисках на большой платформе скопилось много-много народу, жаждавшего уехать. Кому нужно на юг, кому на восток... Поездов много, но даже до кассы добраться было невозможно. Толпа монолитной массой стояла у небольшого помещения, в котором продавались билеты. Отдохнуть тоже было негде. Спрятаться от дождя – тоже. Хорошо еще погода была сухая. Попыталась без билета попасть на поезд, шедший на Москву, не удалось. Я была в полной растерянности и в отчаянии. И тут пришла мысль обратиться к военному коменданту. Нашла его. Прошу помочь уехать, так как я – офицер запаса. Он говорит: «Документ есть?» Конечно, у меня никакого документа не было, военный билет спокойно лежал в письменном столе в Москве. «Ничем помочь не могу», - был ответ. Я никогда в жизни не пользовалась именем Михаила Михайловича, но тут рискнула и сказала, что может быть он поможет мне как жене генерал-полковника авиации, Героя Советского Союза. Непробиваемый комендант взглянул на меня: «Чем вы можете это доказать?» Разумеется, я не могла ничем это доказать. Я была всегда слишком самостоятельной и никаких бумажек, которые могли бы помочь у меня никогда не было. И на генеральшу я, видимо, не была похожа. Доверия не вызывала... Я робко попросила его позвонить в Москву. Ответ: «Мало ли кто там может ответить». Так я и ушла от него – посрамленная, обиженная, потерявшая надежду выбраться из этого ужасного места. Но свет все-таки не без добрых людей. Расхаживая по платформе, изображающей вокзальный перрон, грустная, растерянная я как-то нечаянно разговорилась с путевыми рабочими и рассказала им о своей беде. Они отнеслись ко мне сочувственно и, подумав, сказали, что выход есть: сесть на очередной рабочий поезд и доехать до Воронежа, а там большой вокзал и большие возможности достать билет до Москвы. Они даже

предложила мне попасть на этот рабочий поезд. Рабочий – это поезд, развозивший работников железной дороги по местам их работы. Я так и сделала. Доехала до Воронежа, а там было все так, как эти добрые люди предсказывали. Но эта поездка и мытарства, которые я испытала, запомнились на всю жизнь.

В конюшню «Урожая» привели несколько молодых лошадей. Левин предложил мне взять светло-рыжую с белой лысиной чистокровную кобылку «Догони». Это была небольшая в-укороть лошадь. Для выездки (я имею в виду высшую школу верховой езды) она явно не годилась. Поэтому интереса она во мне не вызвала. Но надо подъездить, значит, надо. Села я на нее. Хулиганистая это была кобылка, то ли по молодости, то ли такой характер у нее был. Постоянно что-нибудь вытворяла: то ни с того ни с сего задом поддаст, то без всякой причины в сторону прыгнет, то придерется к какому-нибудь шуму, словом, веселая кобылка. Сидишь на ней и все ждешь от нее какого-нибудь подвоха. Когда весной у нее на спине появились чирьи (маленькие фурункулы) и ее нельзя было седлать, то я не очень огорчилась и стала работать ее в руках и, главным образом, на корде.

И вот как-то в солнечный чудесный день я гоняла Догони на корде на открытой площадке. В углу площадки лежали бревна, и на них сидела девочка лет одиннадцати – дочка Нины Корчагиной (сестры моей милой подруги Тани Лиловой-Симаковой) – Лера. Эта Лера училась в специализированной английской школе и в 3-ем классе у нее стали возникать серьезные сложности с английским языком. Нина, работавшая в «Урожае» и жившая прямо на территории клуба, попросила меня помочь ее дочке. Я стала заниматься с Лерой в перерыве между моими занятиями с лошадьми. Лера, сидя на бревнах и греясь на ласковом весеннем солнце, наблюдала за моей работой с Догони. В тот момент, когда я перевела Догони на шаг, Лера вдруг заговорила. Да еще как! Первое, что она сказала, это то, что я должна быть преподавателем. Я ей ответила, что я и есть преподаватель: тренер – это же то же самое, словом, учитель. «Нет!» – ответила Лера. «Вы должны преподавать английский язык. У вас это хорошо получается». Я обомлела. Вот уж о языковой преподавательской работе я никак не думала. Она не казалась мне привлекательной. Правда, мои занятия с Лерой явно дали свои положительные плоды. С двоек она вскоре перешла на четверки и пятерки. А вскоре я больше ей не понадобилась. Радуюсь за девочку до сих пор еще и потому, что эта малышка сыграла серьезную роль в дальнейшей моей жизни. Я задумалась... И мои размышления привели к резкому повороту в моей судьбе. Сыграло в этом роль и мое понимание того, что переход к работе по высшей школе верховой езды мне не «светит». Я до сих пор не пойму, почему это было мне недоступно... Ведь, как-никак я была в Сборной и Олимпийской команде СССР, и входила в тройку лучших спортсменов именно по выездке, а вот дать мне работу в этом виде...

Короче, это все вместе заставило меня серьезно задуматься. Но как мне стать педагогом? Я ведь по диплому военный переводчик. И понимала, что прошло уже много лет, как я бросила переводческую работу, а значит, – язык пострадал, безусловно. Нужно было его восстанавливать. Вот когда я испытала бесконечную благодарность к преподавателям, которые меня учили чужому языку, потому что, уйдя из «Урожая», мне удалось найти преподавателя высокой квалификации, и она оценила мою быстрюю восстанавливаемость. Через год я предложила свои услуги в МИСиСе и стала на 15 лет в нем педагогом. В работе преподавателя английского языка я также старалась не идти шаблонным путем, ибо, когда включается творчество, то все становится интересным.

Учитывая свои пробелы, связанные с педагогикой, я бросилась наверстывать свои незнания самообучением. Так что прочтя все, что получали студенты в педагогических институтах, я окрепла в своих убеждениях, как надо вести уроки, чтобы студентам было интересно заниматься непрофилирующим предметом. Письмо, которое я получила при прощании с институтом, я берегу и горжусь, что заслужила от студентов такую оценку. Вот текст этого письма:

ДОРОГАЯ НИНА ГЕОРГИЕВНА!

Сегодня, когда Вы покидаете своих питомцев, нам хочется поздравить Вас не как преподавателя английского языка, но как Учителя.

Мы благодарны Вам за то, что Вы учите нас не только сухим суффиксам и оборотам, но читаете нас мыслями, быть добрыми, отзывчивыми, «СЕБЕ» в нас вечные семена культуры, без которых не может быть настоящего человека.

И если когда-нибудь, потом, кто-нибудь из нас забудет английский язык (НЕ ОБЕССЯЧЬТЕ!), то Ваши уроки добра, душевной теплоты, искренности, обаяния будут помогать нам во всей нашей будущей жизни.

Ваши нерадивые* экономисты

21.12.76. МЭ-75-1.

В те годы, когда я работала в МИСиСе, Спорткомитет привлек меня к работе в Международном Комитете FEI по выездке. Так я стала представителем Советского Союза в Международной конноспортивной федерации. Я отдаю себе отчет в том, что не мои заслуги в спорте сыграли в этом роль, а знание английского языка, что ж, спасибо и за это.

В этом Комитете нас было трое: полковник Ниблеус (Швеция), генерал Нимак (ФРГ) и я. Работа в Комитете была очень интересной уже хотя бы потому, что в то время готовились новые Правила по выездке. И быть участником этой работы было конечно же почетно.

В это же время меня часто привлекали к судейству различных международных соревнований. Я помню, с каким уважением относились к нам, членам Комитета по выездке, во всех странах! Например, перед началом соревнований объявляются фамилии судей, занимающих свои боксы, и всегда сообщалось, что такой-то судья является членом Комитета FEI по выездке. Я чувствовала везде себя персоной грата. Кроме своей страны. В институте отпрашиваться на заседания Комитета

(в эти периоды обычно 2–3 раза в год) было очень сложно, хотя я уважала всего на 3–4 дня (включая воскресенье). Проректор по учебной части как-то даже сказал мне: «Ваша жизнь должна принадлежать нашему институту!». Он не хотел давать разрешения на очередной выезд. Мне пришлось ему ответить, что она и так принадлежит институту, а что это так – говорит недавнее награждение меня правительственной наградой – медалью за создание в Институте Университета Культуры. Ему нечего было возразить, и я получила «добро».

Действительно, пять человек организовали на общественных, разумеется, началах Университет Культуры с пятью факультетами; один из этих факультетов возглавила я, став его деканом. Это был факультет Изобразительных Искусств. Откуда только силы брались?!

В это же время в FEI мне присвоили звание судьи Международной категории. Внутри же страны у меня продолжала быть 1-я категория. Видимо, виновата в первую очередь была я сама. Но звания и прочие знаки отличия меня никогда всерьез не интересовали, и я обходилась без них.

Лия Васильевна Кржицкая первая «спохватилась» в связи с этим несоответствием и представила документы для присвоения мне сначала звания судьи республиканской, а затем и всесоюзной категории. Спасибо ей за заботу, а вернее, за ликвидацию очередной нелепости в моей спортивной биографии.

Четыре года работы в Международном Комитете FEI по выездке были не только интересными по существу, но и познавательными по содержанию. Мы, втроем (я смеялась дома – полковник шведской армии, генерал – немецкой, наверняка воевавший на фронтах Второй мировой войны, и я – лейтенант Советской Армии – хорошая компания, не правда ли?) «разгребали завалы» действовавших Правил по выездке. Причем, Нимак не знал, конечно, русского языка и плохо владел английским, Ниблеус – плохо владел немецким, но знал английский, я могла общаться с ними только по-английски. Обсуждая то или иное положение, связанное с выездкой, Ниблеус часто брал на себя роль переводчика, чтобы мы с Нимаком могли понимать друг друга. Постепенно мы выравнивались в языковом отношении: я стала вспоминать немецкий язык (тем более, что раньше прилично его знала), Нимак стал свободнее ориентироваться в английском. Так состоялось творческое трио людей, нашедших общий язык и не только на заседаниях. «Мотором» в этой троице был Председатель Комитета Густав Ниблеус. Удивительный человек. Бывший троеборец, он глубоко проникся интересами выездки и всегда шел по пути справедливости. Особенно это касалось лошади. Поклонник и последователь французского мэтра выездки Франсуа Робишона де ля Гериньера (1687–1751 гг.) он старался довести до каждого конника необходимость

человеческого отношения к животному, а для этого, прежде всего, развивать его естественные способности и возможности. Помню, сколько было разговоров о введении в схемы езд таких, например, элементов как «плечом внутрь» и особенно – «уступка шенкелю». Кстати, я выступала против включения «уступки шенкелю» в езду, т.к. считала это упражнение не соревновательным, а подготовительным, тренировочным (как мы в России и делали). В оправдание себя скажу, что в то время не было езд, предшествовавших «Малому Призу» (или «Сант-Георгу»). А «Малый Приз» по моему мнению требовал уже достаточной выездженности лошади. Но эти элементы ввели, и я считаю, что с пользой.

Сколько споров было о местах для судей, пока не остановились на тех, которые теперь стали естественными для всех.

Но, пожалуй, больше всего разговоров у нас было о подсчете баллов и коэффициентах – за какие элементы следует поощрять всадников? Брали протоколы, чтобы уяснить, что получится, если в расчет принимать всех судей или же отбрасывать наивысшие и наименьшие оценки. Считали, спорили... Остановились на том, что лучше брать результаты всех пятерых судей...

А коэффициенты... Какой элемент «заслуживает» удвоения оценки?... Приближалась Олимпиада 1972 года. Мы обсуждали новую езду для Большого Приза. Дошла очередь до прибавленного шага... В предыдущей езде в графе «прибавленный шаг» стоял коэффициент 2. И тут произошло следующее. Я знала, что у наших лошадей (Ихор, Тариф) нет хорошего прибавленного шага и понимала, что всадники на этом элементе могут потерять так много, что это может отразиться на их общем командном результате. Поэтому я приложила все усилия для доказательств ненужности этого коэффициента в той графе. Долгим был этот разговор. Я стояла на своем. В конце концов «мои мужчины» (Ниблеус, Нимак) уступили мне, и, это было единственный раз, – прибавленный шаг оценивался без коэффициента. В конце совещания я, измученная нахождением все новых и новых аргументов против этой «двойки», вздохнула и сказала: «Thank you, gentlemen» («Спасибо, джентльмены»). Так что, когда наша сборная в 1972 году в Мюнхене стала «золотой», я видела в этом и частицу моего дипломатического труда.

Работа в Комитете была творческой и новаторской. Я счастлива, что она выпала и на мою долю. Есть еще один не менее важный момент. Полковник Ниблеус между нашими заседаниями встречался с Президентом FEI принцем Уэльским Филиппом – мужем английской королевы Елизаветы. Принц Филипп прочитывал то, что привозил ему Ниблеус и делал дельные замечания, особенно относившиеся к чистоте и правильности формулировок. Так что Первое издание (1971 года – и я его храню) Правил – самое грамотное изложение положений по выездке с точки зрения литературного английского языка.

То было время чрезвычайно насыщенное. За несколько лет я «прошла» через несколько международных семинаров, которые организовывала FEI для поднятия уровня знаний судей по выездке.

Руководили семинарами самые большие специалисты конного дела. Особливо мне запомнились семинары, которые проводили Густав Ниблеус, граф Роткирх, полковник Поллей (ФРГ) и швейцарец г-н Манж.

Полковник Ниблеус был остроумным жизнерадостным человеком. Отсюда и его семинары были полны не только деловитости, но и юмора.

Н.Громова с графиней Роткирх

Граф Роткирх был уже в солидном возрасте и приезжал проводить семинары обязательно с женой. Она была для него не просто близким человеком (с которым она прожила большую, но, видимо, и счастливую жизнь), но и всегда его помощницей (она владела несколькими иностранными языками). Это была очаровательная старая леди, очень доброжелательная и простая в общении с людьми. На семинар граф Роткирх привозил киноустановку и пленки с отснятыми сюжетами, связанными с конным спортом. То есть он делал тогда то, что в наше время делают, используя видеоманитофоны.

Вспоминаю один забавный и в то же время интересный случай. Как-то довольно быстро промелькнули кадры с исполнением, не помню каким всадником, нескольких элементов езды, но руководитель семинара просил поставить оценку только за прибавленную рысь. Сама по себе рысь была очень хорошей: энергичной, с хорошим захватом пространства. Почти все присутствовавшие уверенно поставили «7–8»,

Участники семинара с графом Роткирхом

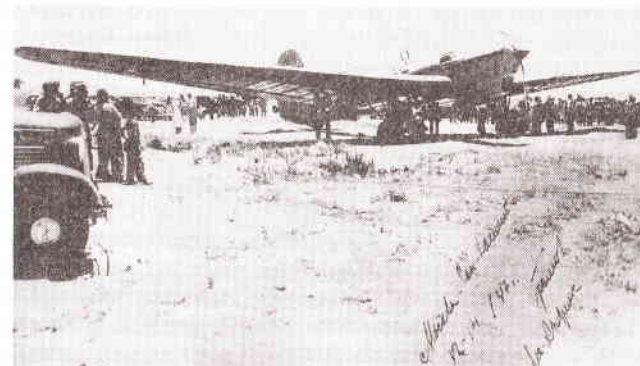
потому моя «6» вызвала недоумение. Но, обратив внимание на полет передних ног, судьи упустили ритмию задних (в середине движения). Когда я объяснила причину своей довольно низкой оценки, руководитель попросил перемотать ленту назад и снова показать этот отрывок. Представляете, как я волновалась в тот момент, с трепетом ожидая исполнения того элемента. Но при повторном просмотре этот дефект движения уже бросился всем в глаза, и я с глубоким удовлетворением услышала: «Вы правы, мадам!» С меня как будто сто пудов свалилось: так хотелось мне, как советскому судье, быть на высоте.

Наибольшее впечатление на меня все же произвел полковник Хайнц Поллей. Суховатый и по виду и по тому, как он держался с людьми. Короче говоря, типичный немец, четкий, точный в своих действиях, несколько надменный и державшийся как бы свысока. Ему и было с чего так держаться. Ведь он был Олимпийским чемпионом 1936 года. Та Олимпиада проходила в Берлине и открывал ее сам Гитлер словами: «Я захотел, чтобы Олимпиада проходила в Германии. Сделано все. Можно начинать». Естественно, ответственность на немецкой команде была огромная. И Поллей был одним из героев той Олимпиады. Все участники его семинара получили, исполненный с немецкой аккуратностью подробнейший материал на немецком и английском языках обо всем, что следует знать судьям такого сложного вида конного спорта как выездка. Впоследствии я много раз обращалась к страницам этого труда, как к учебному пособию.

Знакомство с Дидой

Вот я писала о том, как был ликвидирован «Пищевик», его база на Сходне, а ведь такие же нелепости происходили не только в конном спорте. Чего стоит только история, я бы сказала – трагическая, с АНТ-25 – самолетом-историей, самолетом-гордостью советской авиации.

После возвращения из Америки, где до сих пор отмечают этот полет через Северный Полюс, у нас (кто? какие-то военные чиновники, видимо) поставили АНТ-25 на полигоне в качестве мишени для бомбежки!..

Самолет АНТ-25

Сейчас макет (вместо настоящего!) АНТ-25 стоит в музее ВВС в Монино. Глаз не оторвать от красоты, созданной гениальными конструкторами Туполевым и Сухим!

Экипаж легендарного АНТ-25, одномоторного самолета состоял из трех человек: 1-й пилот – М.М.Громов, 2-й пилот – А.Б.Юмашев и штурман – С.А.Данилин. Эти три человека очень подходили друг к другу. Они были профессионалами высшего класса, очень требовательными, прежде всего, к себе. За что бы они не брались в жизни, все делали и доводили дело до максимально высшей пробы. Недаром

М.М.Громов, С.А.Данилин и А.Б.Юмашев
около самолета АНТ-25

Михаил Михайлович говорил о Юмашеве, что в небе тот был не просто виртуозом, а художником своего дела. Кстати, на земле Андрей Борисович был, в прямом смысле этого слова, художником и членом МОСХа. Не раз его картины были представлены на различных выставках. О Данилине же Михаил Михайлович всегда говорил, что это единственный штурман, который никогда не «блуждал» в небе и называл его не иначе, как «профессор». Втроем они не только делали общее дело, нужное государству, но и были близки на земле просто как друзья. Близость существовала и семейная. Я вошла в жизнь Михаила Михайловича уже после войны. И естественно он ввел меня в круг своих друзей и прежде всего – своего экипажа. Юмашев встретил и принял меня сразу же после первого знакомства. Так же как и его жена – Люция Семеновна. А вот Данилин присматривался ко мне довольно долго. Никогда не забуду его какой-то настороженный со смешинкой (!?) взгляд, следивший за мной. Но потом, когда он «принял» меня окончательно, он и его жена Варвара Павловна стали моими близкими друзьями до конца их жизни. Малоразговорчивый (Варвара Павловна часто ему говорила, что она разучится говорить из-за его постоянного молчания), он был страстным и целенаправленным человеком во всем, чем он занимался. Данилин, как и Громов, был фанатиком спорта. Правда, увлечения у них были разные. Сергей Алексеевич очень любил теннис и играл прилично. Так вот, этот молчаливый человек не раз в моих несогласиях с мнением «железного» в этом отношении человека – Михаилом Михайловичем, принимал мою сторону, и я всегда была ему благодарна. Ну, а споры-то эти касались в основном воспитания детей, культуры и пр. Все это пишу потому, что мне

нужно было как-то перейти к моему первому знакомству с Дидой. Произошло же это следующим образом.

Михаил Михайлович сказал мне, что из конюшни Анатолия Лакса в конюшню «Пищевика» перевели Диду... Мы с женой Юмашева (балериной Большого Театра) пошли взглянуть на нее. Открыв дверь денника, я увидела большую худющую лошадь с печальными глазами. Я протянула ей руку с сахаром, но она только отпрянула от меня. Стало понятно, что бедное животное с такими ласками не знакомо.

Самое удивительное последовало вслед за этим. В денник вошла Люция Семеновна. Увидев ее, Дида шарахнулась в дальний угол, как испуганное несчастное существо. Было непонятно, что это могло означать. Я осторожно подошла к ней, попыталась погладить шею, похлопать, но отзыва на эту ласку не получила. Она дрожала! Только тогда, когда Люция Семеновна вышла из денника, Дида стала успокаиваться. И тогда я поняла, что она просто испугалась большой шляпы на голове моей спутницы. Вспомните, что я писала о кобыле Крошке... Какие разные характеры, какое разное отношение к окружающей обстановке! Крошка, наверное, на месте Диды потянулась бы понохать и рассмотреть поближе эту шляпу...

И все же... мне как-то нужно было съездить на ней в лазарет, который находился у железной дороги, на другой стороне рабочего круга, я не могла провести ее под верхом через ипподром, пришлось объезжать вокруг по Беговой улице. Машины, от которых она шарахалась, были для нее менее страшными, чем ипподромный круг.

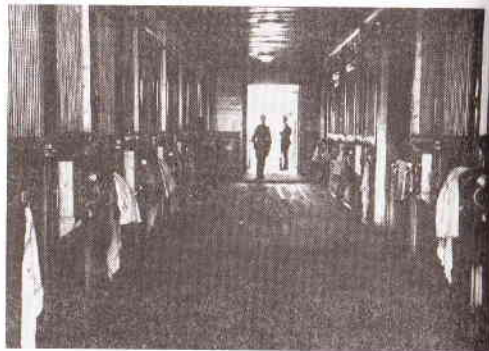
Ну разве мое сердце могло расположиться к такой нервной, пугливой с издерганной нервной системой лошади, когда у меня был жизнерадостный человеколюбивый Фиделио?! Когда мне предложили Диду, я отказалась. Думала ли я, что именно эта лошадь определит мою судьбу и положение в спорте! Ею стал заниматься старый стиплер полковник Петр Семенович Волковский, чудесный человек, мягкий, добрый к животным, т.е. такой, какой тогда нужен был Диде. Он даже выступал на ней в барьерной скачке на 2000 м для чистокровных лошадей на Всесоюзных соревнованиях 1948 года и стал Чемпионом Советского Союза с результатом 2.28,2. Милый Петр Семенович, благородной души человек.

Ко мне Дида попала в конце 1949 года после моего возвращения из команды ВВС. Дело в том, что в феврале 1949 г. у меня родилась дочь. В это время стала создаваться конноспортивная команда ВВС под патро-

П.С.Волковский, барьерная скачка, 1948 г.

нажем Василия Иосифовича Сталина, в то время Командующего ВВС Московского военного округа. Василий Сталин – человек с большими амбициями – рано взлетел на высокие посты, чувствовал себя, видимо, неуязвимым за своим именем. Да, он любил спорт, но скорее больше себя в спортивной среде. В то же время были созданы команды ВВС по хоккею, футболу, водному поло и др. Лошади не

Конюшня ВВС МВО

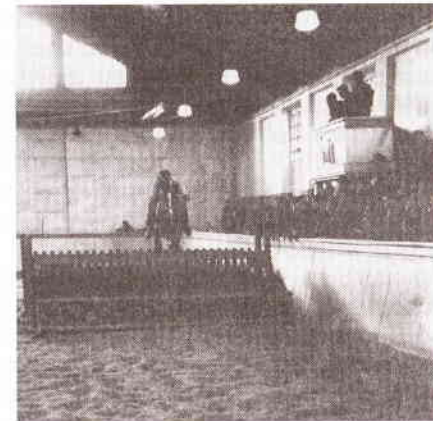
были чужими для Василия. Еще в школе, до войны он научился ездить верхом в ДСО «Пищевик». Но потом авиация его захватила серьезно, и он встретил войну летчиком. А после войны у него, как у руководителя ВВС МВО, появились возможности, и он с размахом стал создавать спортивные команды ВВС. Насколько было законно то, что он делал – не мне судить. Но хорошего для спорта, в частности, для конного, он сделал много. Из одного ангара на Ходынке был сделан манеж, очень удобный и красивый. Другой ангар был перестроен в конюшню. Порядок и чистота и там и там были великолепными. Было приятно входить в конюшню и там же приятно тренироваться в новом манеже.

Василий Иосифович, как теперь все уже знают, собирал в свои команды лучших спортсменов. Так попал к нему авиационный инженер Валентин Васильевич Мишин – мастер спорта, прекрасный спортсмен, равно выступавший как в троеборье, так и в конкуре. Откуда? – из «Пищевика»! Из нашей школы туда перекочевали несколько талантливых спортсменов. Как-то Мишин позвонил мне и предложил перейти в ВВС: «Василий Иосифович считает, что жена летчика не должна выступать против летчиков». Что можно было ответить на это? Страшновато было перечить.

Так я стала членом команды ВВС. В марте я села на лошадь. В это время привели жеребца **Баркаса** с какой-то правительственной дачи, где его подъездили и напрыгали. Баркас был рысаком, очень темпераментным и тоскучим. Нужны были мягкие руки. Короче – мы «поладили» с Баркасом и скоро уже готовились к очень ответственному соревнованию – открытию манежа ВВС. Старшим тренером в то время в ВВС был Игорь Яковлевич Коврига. Талантливый, но своеобразный человек. Искрящийся остроумием, энергией, любимец женщин. Красивый, с шапкой седых волос, хотя ему было не так уж много лет, не больше сорока.

Ясно, что выиграть соревнование, посвященное открытию нового манежа не только престижно, но и было необходимо для команды ВВС. Ведь над нами всеми как дамоклов меч всегда ощущались «присутствие» Василия Сталина и его пожелания.

Все конноспортивные школы готовились к этому празднику. Тренировки проводились Ковригой порой поздно вечером, часов в одиннадцать. Мне это было крайне неудобно, т.к. у меня был маленький грудной ребенок. Но делать было нечего. Прыгали и в полночь. Все дело было в необычно поставленных и не применявшихся тогда в конкурных препятствиях. Например, одно из препятствий было составлено как бы из клавиш: первое – небольшое, потом через один темп – второе, еще через темп – третье и все выше и выше, и последнее, не помню, кажется, четвертое – трипельбар, а далее шли обычные препятствия. Но на этом «завязали» многие без тренировки. Выступали от каждого общества женская и мужская команды. Конечно, нам хотелось выиграть и мужской и женский кубки.

Манеж ВВС МВО

Но спортивная судьба складывается по-разному. У женщин победительницей стала я с Баркасом, у мужчин – Левин на Вернись. Мне Василий Сталин вручил мраморный домик (он у меня жив), а Левину вручили мраморную сову. В связи с этой совой вспоминается целая история. Примерно через год после этих соревнований у Левина в «Пищевике» начались какие-то неприятности. Но только кто-то в шутку или всерьез сказал Александре Михайловне, жене Е.Л. Левина, что сова, даже такая красивая, как та, что Левин получил в качестве приза, приносит в дом несчастье. Александра Михайловна восприняла это всерьез и, придя домой, схватила эту красавицу и выбросила на помойку, предварительно разбив на маленькие куски.

И что вы скажете? Вскоре Левин ушел из «Пищевика» в «Урожай» (Сокольники) и все неприятности у него закончились. Конечно, в этом деле сыграло решение Председателя Спорткомитета Николая Николаевича Романова о приостановлении дела, заведенного на Левина.

Н.Громова на Баркасе, 9 мая 1949 г.

Наша жизнь в то время была наполнена и сопровождалась разными событиями. О нескольких я уже писала, а некоторые оказывали или могли

оказывать серьезное влияние на жизнь того или иного человека. Так, в начале пятидесятых годов с чьей-то «легкой», вернее, нелегкой руки было заведено «дело» на Е.Л.Левина. Его обвиняли в аморалке, финансовых прегрешениях и пр. Да я толком всего и не знала. Был поставлен вопрос о лишении Левина звания «Заслуженный мастер спорта СССР». Так все выглядело серьезно. И вот однажды нас (несколько мастеров и тренеров «Пищевика») вызвали в Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР к Н.Н.Романову, председателю, т.е. министру. Прежде чем подписать приказ о лишении Левина этого звания он решил выслушать, как тогда говорили, общественность.

В кабинете Николая Николаевича мы сидели все взволнованные и напряженные. Сначала говорил Романов, потом он попросил нас высказаться. Естественно, все защищали Левина. Я пока молчала. Наконец, Романов после паузы сказал, что его решение о наказании таким образом Е.Л.Левина остается в силе. Видимо, доводы выступавших его не разубедили в невинности или хотя бы в недостаточной вине Левина. И тут я не выдержала. Не помню, что я говорила, но видимо нашла подходящие слова и аргументы, потому что после моего горячего выступления Романов задумался, а потом сказал: «Хорошо. Я попрошу еще раз проверить все бумаги против Левина». Но потом время потекло своим чередом. Проверялось ли это «дело» еще раз или нет, не знаю, но звание «Заслуженного» с Левина не сняли.

Я об этом рассказываю не потому, что хочу лишний раз подчеркнуть, какая я хорошая. Не в этом суть. Действительно я делала много доброго людям просто потому, что так требовала моя натура, не оглядываясь на то, как относились эти же люди ко мне. «Я такая, какая есть, такой уродилась я» – это из моего любимого стихотворения французского поэта Жака Превэра. И я рада, что я была такой и не грешила против своей совести.

А между прочим, в тот сложный для Левина момент я даже и не вспомнила, да и вообще никогда не вспоминала и никому не говорила о том, что года за два до этого произошло следующее: Левин, как старший тренер, вызвал меня и предложил заполнить анкету на присвоение мне звания «Заслуженного мастера спорта СССР». Анкету он получил в Спорткомитете. Я заполнила ее и отдала ему. И забыла о ней. Было это в 1951 году, после стипль-чезов: я же была единственной в конном спорте рекордсменкой в этом виде. Вспомнила об этом только в 1952 году, когда наши спортсмены вернулись после Олимпиады в Хельсинки, и многим из них было присвоено это почетное звание. Мне же сообщили об отказе, т.к. конники «продули» Олимпиаду. Было странно и непонятно, за что меня наказали, ведь я даже воздух финской не «нюхала», не то что – выступала (женщин в нашей команде конников вообще не было). Это звание мне должны были присвоить за заслуги предыдущих лет! Получается, что Левин ту анкету не отдал в Комитет вовремя, а сделал это только через год, который стал годом победителей Олимпиады. Между

прочим, именно в 1951 г. стали заслуженными А.М.Левина и Г.Н.Гвоздева.

Вот и судите, почему и как поступили со мной в моем родном обществе. Я отнеслась к этому спокойно, решив, что у меня все еще впереди и звание это я еще заработаю. Но как видите, человек предполагает, а Бог располагает. Жизнь повернулась ко мне другой стороной.

Мы с Михаилом Михайловичем обычно находили ответы на многие вопросы в творчестве иранского поэта и ученого XI века Омара Хайяма. Особенно справедливы его рубаи – четверостишия, такие как:

«Ты обойден наградой, – позабудь.
Дни вереницей мчатся, – позабудь.
Небрежен ветер, в вечной Книге Жизни
Мог и не той страницей шевельнуть».

Вот это мудрость!

Ясно, что они, старейшие конники-женщины и самые именитые, не хотели иметь меня в своей «компании». Сейчас я уже не в обиде, тем более, что Александра Михайловна повела себя удивительно трогательно в отношении меня после смерти Михаила Михайловича. Оставив квартиру, привычный уклад жизни, она три недели прожила со мною, оказав этим большую поддержку мне в те тяжелые дни. Александра Михайловна родилась 24 февраля, т.е. у них с Михаилом Михайловичем был один и тот же день рождения, и после смерти Елиазара Львовича в этот день она несколько лет подряд приходила к нам, и мы вместе отмечали это событие.

Александра Михайловна свои поздравления всегда выражала в стихотворной форме, Михаил Михайлович отвечал ей тем же.

Вот, например, их обменные опусы. Это произошло на юбилее А.М.Левинной по поводу ее 60-летия.

Это была необыкновенная женщина. Александра Михайловна была не только великолепной спортсменкой, многогранно одаренной: она выступала и в троеборье, и в конкуре, и в выездке, будучи специалистом в старой высшей школе. После войны она выступала на сделанной ею самой серой красавице Пальме, стала Чемпионкой СССР и много участвовала на ней в показательных выступлениях под музыку, которую подбирала сама. Это был – на современном языке – КЮР!

А.М.Левина

Послание М.М.Громова
А.М.Левинной

Я хочу Вам пожелать
Нас почаще вспоминать,
Никогда бы не стареть
и, конечно, не полнеть,
Конным спортом увлекаться
и побольше улыбаться.
Мужа больше не ругать
и грехи ему прощать!
Внуков нянчить и качать.
Больше нечего сказать,
Кроме крепкого здоровья
в жизни светлого приволья.
Пишет старый ваш герой
обручен хотя с другой.

Интересно, как оказалась эта Пальма в руках Александры Михайловны. Михаил Михайлович командовал 3-ей Воздушной армией, когда ему на фронте привели красивую белоснежную лошадь – нежную, элегантную. Настоящая живая статуэтка.

Ее прислал летчику-любителю лошадей конник-профессионал генерал Осликовский, командовавший кавкорпусом, дислоцированным по соседству с Воздушной армией.

Рассказывали, что Пальму (так называли эту лошадь) поймали в поле; откуда она попала в прифронтовую полосу, так и не узнали. Михаил Михайлович переправил ее в Москву и подарил Александре Михайловне. Так пугливая нервная красotka стала спортивной лошадью.

А.М.Левина на Пальме

А.М.Левина выступала много лет за честь ДСО «Пищевик» вместе и наравне со значительно моложе ее спортсменками. Одно время костяком женской команды «Пищевика» были три женщины: Александра Левина, я (десятью годами моложе ее) и наша младшенькая – Татьяна Куликовская, которая была и есть, слава Богу, на десять лет моложе меня. Вот такой разброс в возрасте, но он не мешал нам быть дружным спортивным коллективом.

А с Левиной у меня было еще общее пристрастие – любовь к гимнастике. Нет, мы ею не занимались, с нас хватало наших лошадей, но мы иногда бывали на соревнованиях гимнастов или на их показательных выступлениях. Так, помню, как-то мы с ней пошли в Центральный театр Красной (Советской) Армии, в котором выступали гимнасты после каких-то успешных международных соревнований. Театр был полон. Внимание к выступавшим было огромное. Мы с Левиной сидели где-то в середине партера и наслаждались грацией и мастерством гимнасток. Вдруг слышим, как впереди сидевшая женщина сказала своей соседке: «Смотри, сейчас будет выступать блестящая гимнастка – Сонечка Подуздова. Она священнодействует на снарядах». Как это здорово сказано: Сонечка Подуздова священнодействует...

Софья Муратова (Подуздова)

М.М.Громова

Хотите этого или нет – примите мой
дядя Вас «ОТВЕТ»

Мой юбилей был так приятен,
И благодарна Вам и всем!
Свой милый чемпионский Кубок
Я юным отдала совсем!
Меня все дружно поздравляли,
Здоровья, счастья мне желали
И не ругали, а хвалили,
И много, разного дарили
Мне: – катер, самолет и дачу,
И чудного коня в придачу.
Цветов корзины и букеты,
И шоколадные конфеты,
Хрустальный Кубок, и термометр,
Керамику, духи, хронометр,
А телеграмм и адресов,
В которых столько теплых слов,
Таких приятных, милых, нежных –
Остаток дней моих мятежных,
Способных радостью объять
И дать спокойно отдыхать.
Я Вам пишу, чего же боле,
Что я могу еще сказать
На Ваше доброе посланье,
Хоть мне уже не 25.
Вы были для меня звездой –
Далекой, яркой, непростою,
Согревшей разумом меня,
Не давши вспламенить огня,
Хотя зажег и отнял враз
Подругу милую у нас!
Я благодарна за вниманье,
За те чудесных десять строк,
В которых сказано так много,
И дан мне маленький урок!

Что Вы поэт не знала я совсем –
Ваш друг «загруженный» - А.М.
09.03.1972г.

Софья Подуздова позже стала Софьей Муратовой, неоднократной Олимпийской чемпионкой, так же как и ее муж – Валентин Муратов. Просмотр кинокадров с их выступлениями и сейчас доставляет огромное наслаждение. Потрясающая четкость в выполнении различных элементов, красота комбинаций, а в случае с Софьей – привлекали еще ее женственность и обаяние. Пусть гимнастки теряли в сложности того, что они делали по сравнению с нынешними мастерами, но мне больше импонирует та гимнастика – гимнастика нашей молодости. Тогда на сцене были сформировавшиеся девушки, женщины, а теперь мы видим потрясающе скоординированные худые тельца, исполняющие такие сложные номера, что порой хочется закрыть глаза от страха. Все на пределе возможного. Конечно, это называется прогрессом, но меня больше устраивает естественность и гармония во всем.

Так и в конном спорте. Де ля Гериньер, гениальный француз, оставивший нам богатое наследство – понимание, как правильно должна двигаться лошадь со свободно работающей мускулатурой и радостью свободы духа у животного, не задавленного силой и давлением интеллекта человека. *Гармония, элегантность, соединенные с мастерством всадника и, прежде всего, бережной мягкой связью с лошадью – вершина владения лошадью.* Ну, это так, к слову.

В конце 1949 г. я подала заявление на имя В.И.Сталина с просьбой отпустить меня «на свободу». Причину тогда я не указала. Хотя она лежала у всех «на ладони». И.Я.Коврига все лето нет-нет да заговорит, бывало, со мной о том, что я должна взять из «Пищевика» Диду и начать серьезно готовить ее к троеборью и конкуру, а Баркаса, естественно, отдать кому-то из членов команды ВВС. Я очень привязалась к Баркасу, и мы составили с ним очень хорошую пару, поэтому отдать его кому-нибудь для меня стало бы трагедией. Да и Диду забирать из-под Петра Семеновича Волковского мне казалось неэтичным. И вообще я, что называется, «не мечтала» о Диде. Когда эта атака на меня и Баркаса

стала упорной, я не выдержала. Стало ясно, что на Баркаса готовился какой-то другой претендент. Тогда-то я и подала заявление об уходе из команды ВВС «по собственному желанию».

Вернувшись в «Пищевик», я оказалась без лошадей. Пришлось сесть на Диду, а конкурным партнером стал Боржом... Но о Боржоме я уже рассказала.

Началась работа с Дидой. Трудная это была зима. После скачек – нервная, растянутая, вспыльчивая, пугливая – весь букет нежеланных качеств в лошади. При этом – плохой аппетит. Значит, все время приходилось придумывать что-то, чтобы «втолкнуть» в нее побольше. Лошадь таких промеров, как Дида, должна была съесть 8–9 кг овса в день. Дида же съедала 4–5 кг в лучшем случае. Примешивая к овсу отруби, удавалось, однако, далеко не всегда, скормить ей до 6,5 кг овса.

Во время подготовки к ответственным выступлениям в стипль-чезах и многоборье приходилось особенно тщательно следить за Дидиной едой. Добиваясь максимального проедания дневной дачи (6–7 кг), я была вынуждена проделывать следующее: через 40–50 минут после дачи овса к несъеденному овсу добавляли отруби. Если Дида не проедала и с отрубями, то добавляли мяяс или сахарный песок. Так, в течение, примерно, 1,5 час приходилось «сидеть» у ее денника. Остатки всегда полностью выбирались. Старались сделать так, чтобы даже с «капризами» Дида проела бы дочиста. Кроме того, 1–2 раза в неделю делали льняную кашу. Льняная каша была обязательна после большой нагрузки (и резвой). Тренировочная нагрузка строилась по ее аппетиту. Как мы делали льняную кашу, я рассказала в брошюре о подготовке к стипль-чезам.

Немаловажную роль, считаю, в улучшении аппетита играла ежедневная прогулка вечером на воздухе в течение 40 мин–1 час. Кроме того, каждый день Дида получала не менее 1 кг моркови.

Дида, как и все лошади, очень любила траву. В этом ей никогда не было отказа. Весной, как только появлялась первая травка, мы с Михаилом Михайловичем по дороге в Москву с дачи, где жили постоянно, останавливались и буквально щипали зеленые ростки, ломая ногти, но набирая корзинку витаминов для своей любимицы.

В работе над выездкой троеборной лошади мне помогал Иван Акимович Жердев. Он вел у нас группу троеборцев. Сам Иван Акимович – майор кавалерии (из КВОКША). Прежде всего, он начал обучать меня работе в руках. Это очень сложное и трудное, но очень важное искусство. Не каждому оно дается, чтобы человек все делал правильно. За свою жизнь я видела только двух человек – подлинных мастеров этого дела. Это были И.Жердев и Н.Тихонов, который позже написал книгу «Работа лошади в руках». Жердев был своеобразным человеком. Уже в годах, толстоват, но управлялся с лошастью на земле легко, а лошадь у него в руках была как игрушка.

Каждое утро, входя в манеж, он обращался ко мне с одним и тем же вопросом: «Ты сегодня ела на завтрак сало?» У него была вера в сало;

вам хохол, он полагал, что только сало дает человеку силу и энергию. Я была худенькой, лошадь – большая, сильная, поэтому с его позиции только сало могло мне помочь справиться с работой. И действительно, несколько раз, бывало, возьму Диду в руки, только отработаю рот, пытаюсь поднять голову и шею (а она со скачек привыкла тянуть их вниз, да еще с какой силой!), Иван Акимович чуть подхлестнет ее сзади, и я... оказывалась на другом конце манежа, вися у нее под грудью... Но постепенно, шаг за шагом Дидуя поняла, что от нее требуют, и мы стали продвигаться вперед уже более сознательно. Тут в мою кроссовую тренировку вмешался Михаил Михайлович. Он считал, что так тренировать кроссу, как это делают троеборцы, нельзя. Он хорошо знал тренинг скаковой и рысистой лошадей. Сам занимаясь легкой атлетикой, изучил тренировочный процесс бегунов, особенно в то время гремело имя чехословацкого стайера Затопека, который предложил особый метод тренировок на большие дистанции с максимальным ускорением на короткие дистанции, а после небольшого отдыха – повторение этих ускорительных нагрузок. Михаил Михайлович прочитал ряд книг наших ученых, Яковлева, например, в которых раскрывалась картина того, что происходит в мышцах при длительной, но тихой работе, и что – при работе с максимально возможной скоростью (резвостью, нагрузкой). Затем он составил свою методику подготовки лошади с тем, чтобы ее организм не пострадал от перегрузок. Эта методика М.М.Громова изложена мною в брошюре «Тренировка стипль-чезной лошади». Кроме того, Михаил Михайлович требовал, чтобы не взирая на погоду, мы с Дидой каждый день определенное время проводили на воздухе. Так что мои коленки (а они прежде всего страдали) в мороз подвергались большому испытанию. В манеж возвращались в инее, снегу... Но это нужно было для здоровья.

Мои три стипль-чеза

Наступил август 1950 года. Многоборье на Планерной. Первое место по манежной езде, первое – в кроссе, первое в конкуре. Хорошее выступление! Хорошее завершение всех трудов. Я горжусь таким результатом. И тут... Несчастье со стиплером.

Откровенно признаюсь, я и не собиралась участвовать в скачках. Но, как говорят, от Судьбы не уйдешь. Значит, мне на роду было написано пройти и такие испытания, как стипль-чезы – удел мужчин.

Во время очередной тренировки погиб спортсмен, готовившийся к стиплю: упал вместе с лошастью, прыгая через земляной вал. Лошадь накрыла его и... Кто-то должен был его заменить: соревнование-то было командное.

На тренсовете решили, что самой готовой лошастью к этому соревнованию была Дида. А так как по Всесоюзным Правилам к стипль-чезам женщины не допускались, то решено было взять ее из-под меня и посадить на нее кого-нибудь из мужчин-мастеров. Узнав об этом, я азбунтовалась: как это – я работала, а у меня отбирают лошадь! Не будет

этого. Не дам. «Сама поеду», – заявила я. Но как быть с Главной судейской коллегией? Переговоры закончились тем, что мне пришлось написать заявление, суть которого сводилась к тому, что если я упаду, разобьюсь, то никто не будет повинен. На этом и порешили. Так я попала в компанию стиплеров. Сейчас мне хочется более подробно описать, как проходили эти скачки.

Но сначала я должна рассказать, что мой муж и тренер по скачкам, будучи человеком не просто дотошным во всем, чем он увлекался, но не упускавшим никаких мелочей в своей работе, обратил внимание на то, что при отталивании, особенно на резвой, следы копыт лошади сдвигаются назад. Это, конечно, отражается на ее продвижении вперед.

Чтобы гарантировать лучшее сцепление с грунтом (а это дает и большую безопасность при поворотах ноги), он сконструировал для Диды специальные дюралевые подковы без шипов, но с бортиком. Сделали эти подковы на каком-то авиационном заводе, да с такой точностью, что наш ипподромовский коваль «обул» Диду накануне скачки, и ей даже не пришлось их «обнашивать».

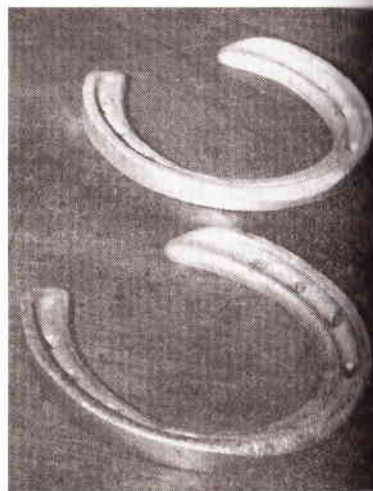
Эти подковы надевались на Диду перед каждым стипль-чезом. И что удивительно, сдвига следа копыта почти не было. А уверенность в движении у лошади безусловно увеличивалась.

Некоторые могут сказать или подумать – подумаешь, три скачки. А вы попробуйте, поучаствуйте хоть в одной и подготовьте лошадь по всем законам скакового искусства!

Мой первый стипль-чез

Первый мой стипль-чез был самым серьезным. Всё-таки дистанция 6 км, 18 «мертвых» препятствий высотой до 140 см. Это вам, как говорят, не фунт изюма. Это и солидно и опасно. Ведь запускают на старте сразу лошадей 12–15 и они несутся вперед, подзадоривая друг друга, на большой скорости, большей, чем в кроссе троеборья. А скорость сама по себе несет опасность.

Итак, участники стали выстраиваться у стартовой черты, а Диду я никак не могла даже подвести к этому строю. Все лошади, конечно, нервничают, «бесятся», но всё же подчиняются своим всадникам, а я ничего не могу поделать с Дидой: она и лансатит, и шарахается из

Подковы Диды, изготовленные по проекту М.М. Громова

стороны в сторону, и крутится. Я думала только об одном – не свалиться бы с неё еще до старта. Помогли мне два человека – первый мой тренер А.Г. Таманов и еще кто-то из наших спортсменов. Они схватили Диду за удечку и держали нас так до тех пор, пока не прозвучал сигнал старта. Выпустили меня сзади всех, т.е. я давала фору всем, а это означало – я «подарила», прежде всего, ведущим несколько секунд, что, конечно, могло сказаться на финишных результатах. Но другого выхода не было. Да меня с Дидой никто серьезно как соперника и не воспринимал, тем более, что военные (ЦСК) сделали заявку на побитие рекорда двенадцатилетней давности.

Двинулись. В скачке лошади горячатся, снимаются на прыжок по-разному: одни издали, другие, не рассчитав, подлетают под самое препятствие, и это очень опасно, как, впрочем, и первое. Искусство всадника заключается в том, чтобы постараться, несмотря на сложную обстановку, подвести лошадь в правильном расчете... Но о каком правильном расчете может идти речь, когда ты впервые попал на такую дорожку, впервые идешь на препятствие не в одиночку, а в большой группе вытаращивших глаза лошадей (они же не знают, что их ожидает).

Идем на первое препятствие – вообще-то пустяковое – забор корделевый; его лошади обычно прочесывают, не тратя сил на преодоление высоты, а она – 120 см. И вдруг Дида стала сокращать движение, притормаживать. Подошли к препятствию. Всё... Надо прыгать! И она прыгнула, но как! Не настильно, как следовало бы, а «козлом»!! Я едва удержалась на ней.

Второе препятствие. Уже не хердель, а настоящее «мертвое» препятствие; «мертвое», т.е. несдвигаемое. Это уже серьезно. Но Дидуня проводит тот же маневр, что и перед первым препятствием: Я ее проталкиваю, но куда там: она притормаживает и потом резко взвизгивает над ним. А каково это ощущать всаднику? Еле усидела, но идем дальше...

Третье препятствие преодолевается таким же образом... Я в отчаянии... Чувствую, что сил на все 18 препятствий (а все самые серьезные были еще впереди) у меня не хватит. Что делать? И все же – какая она была сильная! Между препятствиями мы подравнялись к другим лошадям. К этому времени мы уже опередили нескольких соперников, и я стала перемещаться ближе к внутренней бровке: все же она сокращает дистанцию, и с этим нужно считаться.

Четвертое препятствие. Вижу, обстановка более благоприятная, и я выслала Диду на прыжок уже сознательно. И она, моя дорогая, подчинилась мне. Прыжок вышел настильный. Я его не почувствовала, я была единым целым с моей лошадью. Ощущение полета непередаваемо прекрасно. Далее проблем уже не было. Настильный, длинный прыжок как продолжение галопных махов... Он дает продвижение вперед и даже шаг рысь во времени.

Я чувствовала Диду в руках постоянно уже после того четвертого препятствия. Я могла ее принять, т.е. укоротить мах галопа, могла дослать – все зависело от обстановки. Я вздохнула спокойно. Наконец-то

я могла думать о тактике езды, о правильном пейсе, т.е. раскладе сил лошади, обо всем том, о чем должен думать спортсмен во время скачки. Так прошли скаковой круг ипподрома, далее мы должны были выйти на большой круг, который включал в себя рабочий круг; и первым препятствием там был земляной вал с канавками впереди и сзади, тот самый вал, на котором разбился наш спортсмен, и на котором через год на тренировке упали и мы с Дидой, да так, что удивительно, как обе остались живы. Дело в том, что, тренируя стипль-чезную лошадь, прыгать на ней приходится с-ходу, на так называемой размашке (это еще не резвая, но и не обычный галоп). Мы шли на вал достаточно резво. Издали я уже видела, что идем не в расчет. Но я в тот день неважно себя чувствовала, пропускать прыжковую тренировку не хотелось, а воли, концентрации внимания не хватало, чтобы активно вмешаться и подправить, не допустить надвигающуюся беду. В голове молнией промелькнуло: «Она же (Дида) не хочет себе хуже, вывернется...» Но Дида не вывернулась... В прыжке зацепила верхушку вала и мы полетели наземь вверх ногами. Наблюдавшие это падение рассказывали, что в воздухе были видны 6 ног – 4 лошадиных и две человеческих. Упали мы так, что я лежала около Диды, а она, дергая ногами, перекатывалась на спине. В голове пронеслось: «Если она перевалится направо, то мне конец, она раздавит меня; если же налево, то еще будем жить». В эти доли секунды пронеслась вся жизнь и понимание полного бессилия для предотвращения катастрофы. Вся надежда была на Диду, вера в нее, в то, что она постарается меня спасти. Так оно и случилось. Дида наконец-то какими-то последними усилиями, несмотря на мешавшее ей седло всей своей тушей (500–600 кг) упала на левую сторону. Я поднялась, помогла ей; она вся дрожала. В такие минуты мне всегда хотелось извиниться перед лошадью: ведь человек сам придумывает себе развлечения, трудности, а животное вынуждено делить с ним подобного рода «приключения», в основе которых опасность для самой жизни. Вспоминается Милочка Прудникова (смотрите одну из моих «зарисовок») и то, что она говорила о своей Голдкирше: «Я знаю, что она не хочет причинить мне зла и сделает все, чтобы спасти меня, если будет такой случай».

Продолжаю «скакать» 6-ти километровый стипль-чез. Как здесь опять не прерваться и не вспомнить не то анекдот, не то правду об одном из наших самых знаменитых жокеев – Требе. Были тогда на Московском ипподроме удивительно колоритные люди – начконы, жокеи, которые действительно срослись с лошадьми и были подлинными кентаврами и по складу своего характера и по своей приверженности делу, которому отдали всю жизнь. Это были люди, которые служили не только за деньги. Самыми талантливыми того поколения у меня в памяти остались имена Анатолия и Николая Лаксов, Груды, Требы. Это были простые, и искренние люди. Так вот, как-то кто-то, приехав из Варшавы (Треба был поляк), стал рассказывать о городе, о памятниках и упомянул о гордости

поляков – Шопене. Треба мгновенно встрепенулся и «среагировал» на имя: «А где он скакал? Я его не помню». Но у этих людей можно было учиться искусству владеть лошадью, быть «хозяином» в скачке.

От начала и почти до конца скачку вёл Виктор Елясов, мастер спорта, человек опытный, на замечательной кобыле Дрофе. Эта кобылка – молодец. Выдержала тяжелую скачку, но сил стать первой у нее уже не осталось. Быть лидером нелегко. Вторым шел жеребец Глаз под Сафаровым (команда ЦСК). Военные очень рассчитывали на Глаза. Это был великолепный караковый жеребец, прекрасно подготовленный именно к этой скачке. Намерение было – побить всесоюзный рекорд, державшийся уже 12 лет. Но и ему не удалось стать конкурентом моей Дидуне. Рекорд, установленный спортсменом Москалевым на жеребце Барбье в 1938 г., был побит на 18,3 секунды! Это означало, что скачка протекала со скоростью не характерной для стипблей – очень резво! Да, Глаз побил рекорд, но у Диды это получилось еще лучше. Что тут поделаешь? Компания собралась на этом стипль-чезе отменная. Взять хотя бы жеребца Замира под Н.Шеленковым. Это была лучшая лошадь страны – дербист! Был момент, когда Шеленков с Замиром заняли внутреннюю бровку, т.е. самую выгодную позицию (внутренняя бровка сокращает дистанцию), мы с Дидой – шли рядом. И вдруг Дида как рванет вперед, я еле успела ее принять и поставить на тот ход, который был нужен. В чем дело? А это «мой сосед» начал чмокать. Каждый его чмок выливался в Дидин рывок: она тратила нервы и силы на это! Я кричу: «Николай, перестань чмокать». Но где там! Пришлось отпустить его вперед, чтобы успокоить Диду. Отбилась я от него, наконец.

После большого круга нужно было пройти еще раз скаковой круг. Наиболее опасной была каменная стенка и триппельбар с большой канавой. Наибольшая высота препятствий была 140 см. От 12–15 стартовавших спортсменов к финишу пришли не более половины. Но так обычно всегда бывало.

Всю скачку я старалась держаться недалеко от ведущих, боясь их отпустить далеко и в то же время не вырваться вперед.

На последнее препятствие (хердель высотой 120 см) подошли одновременно три лошади – Дрофа, Глаз и Дида.

Мы с Дидой шли с поля. По-другому я не могла: при выходе из последнего поворота скакового круга дорожка была очень мо-

Стипель-чез на 6000 м - последний хердель

края, и попасть под грязь, летящую из-под копыт, не хотелось, а уже посередине грунт был сухим. Я так и повела Диду. На снимке видно, с каким запасом и как свежо прыгает моя Дида это последнее препятствие и как трудно оно дается двум другим лошадям, израсходовавшим уже свои силы. Хозяйка Диды вцепилась в повод, её же соперникам приходилось посылать своих лошадей даже хлыстом. Естественно, после приземления мне достаточно было чмокнуть, как моя красавица рванулась вперед. Равной ей уже не было. Победили. Время 7.47,7 – пока остается в таблице рекордов нашей страны.

На трибунах присутствовал Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Вспомнил ли он ту «бабу», которую выдворил с Хамовнического плаца, не знаю, но всем конникам стало известно, какой капитальный разнос он устроил своим любимым военным. Его фраза: «И не надоело вам смотреть в ... «спину» бабы?!» передавалась из уст в уста.

Мое сердце было преисполнено нежности к моей дорогой Дидуне, так бережно и в то же время так самоотверженно привела она меня к почетному званию Чемпиона СССР по самому престижному виду конного спорта – стиплю на 6 км, за который, кстати сказать, «выдавали» самую малую золотую медаль, почему неизвестно. Рассказывали, что многие, кто видел этот стипль-чез, говорили тогда прямо на трибунах руководителям Спорткомитета об этой несправедливости. Говорили, что такое испытание заслуживает, конечно, большой «золотой» медали, но все сохранилось по-старому, хотя все соглашались с этим.

По Правилам в скачке жеребец должен нести 68 кг, а кобыла 66. Вес седла учитывался, но наши седла не были тяжелыми, поэтому приходилось легким всадникам брать с собой свинец. Во мне было 50–51 кг. Куда деть почти пуд металла? Не пуд, если учесть вес седла, то килограммов 8 – да. Пришлосьшивать специальные «карманы» на потник впереди колена и сзади под коленками, таким образом, мой шенкель был неподвижен, зажатый ими, этими свинцовыми плитками. Это было даже удобно. Карманы для свинцашивал сам Михаил Михайлович, когда я сидела верхом. Этот потник служил мне и в следующих скачках.

Меня же после взвешивания (после скачек это обязательная процедура) разбирала такая благодарность к Диде, что я не могла вот так с нею расстаться, и сама повела ее в конюшню, не могла отдать ее в руки даже доброй и любящей ее Марии Григорьевны – ее конюху. Михаил Михайлович этот момент так вспоминает: «Около финишного столба недалеко от меня стояла Мария Григорьевна – уборщица-конюх Диды. Увидев, что Дида выигрывает, она, бледная, с расширенными до предела глазами, сжав ладони рук перед лицом, закричала не своим голосом: «Дида... Дида!» и побежала встречать ее в паaddock».

После этого стипль-чеза Дида выросла в глазах знатоков до уровня очень высокого стайерского класса. («На земле и в небе»).

Только войдя в конюшню, я «остыла» и стала приходиться в себя. Привела в порядок ноги Диды, т.е. вымыла их, выгуляла ее на нашем знаменитом еще с дореволюционных времен Калугином дворе. Убедилась, что все с Дидой в порядке и только после этого уехала домой очастливая и гордая за мою несравненную «змеюку». Так я называла Диду за то, что она была невероятно гибка, что называется, в вертикальном и продольном положении. Для выездковой лошади это качество очень ценится. Но в то же время оно требует большого внимания со стороны всадника, потому что всегда можно попасться на неадекватную реакцию такой лошади или, как часто бывает, на самостоятельное предложение что-либо сделать: то согнуться в одном боку, то, именно когда не нужно, – в другом. Всадник не может на такой лошади отвлечься ни на секунду. Такую лошадь нужно «вести» в шенкелях все рабочее время, а во время выступления на соревнованиях – от въезда в манеж до последней точки – остановки перед судьями. Но зато как приятно чувствовать под собой не «колоду», а живое тело животного! Такой была моя Дида, которая за годы работы с нею научила меня тому, чему не могли бы научить и 10 разных лошадей. Спасибо ей за это.

После этого стипль-чеза я получила удивительно трогательное письмо от одного из наших старейших стиплеров Петра Семеновича Волковского. Меня переполняет чувство благодарности к великому мастеру и добрейшему человеку. А, глядя на серебряную вазочку, стоящую у меня всегда с цветами, я уношусь мыслями в те далекие волнующие до сих пор прекрасные годы.

Мой второй стипль-чез

На следующий год меня включили в стипль-чезную команду уже вполне естественно и сознательно. Возражений со стороны Главной судейской коллегии уже не было.

Старой и смелой,
сильной волей Никиты Громова!
Поздравляю с блестящей
победой в стипль-чезе с
соперниками "сильного пола".
Желаю здоровья, бодрости,
много счастья и дальней-
ших успехов в любимом
конном спорте.
Принимая от меня эту
блестящую. Письмо цветин
в этом бокале не выпей
как и не выпей. Твоя
слава.
Сердечный привет и поздрав-
ления Михаилу Михайловичу.
Целую твои руки
Уважающий Вас
данный стиплер А. Волков,
3 сентября 1950г.
г. Москва.

Письмо от старого стиплера
П.С. Волковского

Это был стипль на 4000 м с 12 препятствиями высотой до 120 см. Стоял жаркий сухой день. Была середина лета. Проходили Московские соревнования.

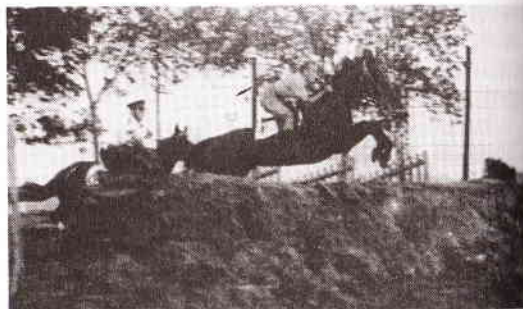
На старт мы с Дидой вышли уже самостоятельно. Еще один год прошел нашей совместной работы, Дида стала больше доверять мне. Мы стали понимать друг друга лучше: *взаимная любовь между человеком и лошадью очень важна в работе и выступлениях.*

На старте она была у меня вполне в руках.

Пуск... и мы двинулись в путь. Вырвалась вперед кобыла Победа из нашей же конюшни «Пищевика». Мы оказались во втором эшелоне. Но очень скоро я поняла, что что-то нужно предпринимать, потому что из-под копыт впереди идущих лошадей летел сухой песок прямо в глаза. Полились слезы, а в голове – а как же Дида? Ей-то еще и видеть препятствие нужно, а в глазах возможно резь... К тому же я почувствовала, что скачка складывается неправильно: лидер ведет нас фальшпейсом. И вот тогда я выдвинула Диду вперед и уже до конца вела скачку. Мы опять выиграли и – новый рекорд (4.47,5) на 4000 метров!

Что можно сказать о моей славной партнерше? Молодец, умница!

Нужно сказать, что к резвым я готовилась серьезно. Так как для правильного распределения сил лошади по дистанции необходимо было хорошо чувствовать пейс своей лошади, т.е. ее скорость на определенных отрезках. А как выработать в себе это чувство пейса? Тогда я стала вставать очень рано и приезжала на ипподром уже часам к шести утра.

Стипель-чез 4000 м, 1951 г. Впереди Н.Громова на Диде, сзади В.Н.Куйбышев

Скаковая работа на ипподроме начинается спозаранку. Интересно, что как бы рано вы не приехали на ипподром, вы всегда могли увидеть небольшого коренастого пожилого человека с секундомером в руке. Это был Аркадий Абрамович Дорнер, главный зоотехник ипподрома. Личность удивительная, обаятельная, своего рода талисман Московского ипподрома.

Я выезжала на Диде. Мне была поставлена задача – сделать на ней 500 м, например, за 32 сек, или за 31, или 31,5. Такое тонкое ощущение скорости лошади мне, конечно, было недоступно. И тогда я просила, как правило, жокея Николая Насибова, удивительно точно чувствовавшего пейс любой лошади – «пристегнуть» меня к себе. Он говорил, обычно, какая его лошадь должна «резвиться» в нужные мне секунды. Я ждала эту лошадь, а потом вставала либо в хвост, либо рядом, и мы проходили эту

дистанцию точно в нужное время. Удивительно, что никогда не было случая, чтобы Насибов перепейсил лошадь или наоборот. Скажи ему – нужна пятисотка в 30,5 сек. Будет сделано именно так. Ошибка исключалась. И всегда он был готов помочь мне, например. Так я одолевала трудную учебу по приобретению чувства пейса. Вот почему я могла определиться: идем мы в скачке правильным или фальшпейсом. На протяжении многих лет у нас с Николаем Насибовым сохранялись дружеские отношения, хотя я уже и не скакала.

Мой третий стипль-чез

Это был 4-километровый стипль на Всесоюзных соревнованиях.

Что случилось в тот день, я не помню, а вернее, не знаю. Только старт нам дали в обратную сторону, т.е. если любая скачка идет налево, то в тот раз нас почему-то пустили ездой направо. Совершенно невероятное ощущение «что-то не так», даже какой-то неуверенности... Но делать было нечего. Пошли на старт. А он не там, где бывает обычно... Значит и линия финиша сместилась...

Стали строиться. Как всегда лошади бешутся в предчувствии возможной для некоторых из них непосильной нагрузки, а моя Дида стоит и не шелохнется, я только тихо с нею разговариваю: «Тихо, Дидулечка, все в порядке. Будь умницей» (Вспомните, как она вела себя всего года полтора назад! Как вся дрожала от одного ожидания колокола!).

Наконец, тронулись... Преодолевать препятствия, идя направо, безусловно, это я уже потом поняла, помогало то, что я была еще и конкуристом. На конкурном поле прыгаешь препятствия и слева и справа, но в скачке... было неудобно. Четыре с чем-то минуты пронеслись быстро, хотя за это малое время всадник теряет до нескольких килограммов. Скоро финиш. Я веду скачку. Вот они финишные створы. Я принимаю лошадь на себя. Конец! Победа! И вдруг чувствую, что сзади идущие и не думают сокращать резвость и колокола нет. Что такое? И вдруг меня, как молния пронзила мысль: «Боже, ведь финиш-то в другом месте!» Я резко выслала Диду, она как чувствовала мою оплошность, рванулась вперед. Хорошо, что мы с ней оторвались на финишной прямой ото всех и у нас оказался запас, который позволил нам опять быть первыми. А ведь я слышала уже дыхание подошедших к нам лошадей. Ужас! Могла бы проиграть по глупости. Как же не

А.А.Дорнер, М.М.Громов и В.В.Беляков на Московском ипподроме

восхищаться Дидой, ее силой, ее приемистостью, буквально спасшей меня от позора.

Но... все хорошо, что хорошо кончается.

Между прочим, по действовавшим тогда Правилам победители в 4-х км стипль-чезах даже медалями не награждались. Вообще наград было мало: большая золотая медаль – за мужское многоборье и конкур-иппик «высший класс» для мужчин; малая золотая медаль – за женский многоборье и конкур-иппик; за рекорды в скачках.

На ипподроме я познакомилась со смелой и решительной женщиной из Чехословакии.

Как-то проводились международные скачки у нас на Московском ипподроме. Вдруг меня пригласили в директорскую ложу, провели вниз в комнату отдыха и представили миловидной женщине. Это была Ева Полизова.

Разговорились. Она сказала мне, что когда она услышала о том, что в СССР в стипль-чезах на разные дистанции выступает женщина, то решила, что должна последовать примеру русской. И она добилась этого. Много лет (гораздо дольше, чем я) скакала эта удивительная женщина в своей стране, в которой проводится самый сложный и трудный стипль-чез – Пардубицкий. И как приятно сознавать, что наши советские стиплеры не ударили в грязь лицом, а были много лет победителями и призерами этого стипль-чеза. А жаль, что имена Вл.Прахова, Вл.Федина, Вяч.Макарова и других уже начали забываться, и это неверно. Они прославили нашу страну, наш спорт, наших лошадей, наши методы тренировок. Историю спорта нельзя забывать. Из нее рождаются будущие победы. А это были не только мастера в этом сложном виде конного спорта. Это были смелые решительные люди, не отступавшие перед опасностями. Можно только гордиться ими. А как приятно мне, когда человек, к которому я отношусь с особым пиететом, обращается ко мне не иначе, как «коллега». Это – Владимир Прахов – неоднократный победитель Пардубицкого стипль-чеза.

Но вернемся к нашему повествованию.

Пришла следующая зима (1951 год). Опять работа в манеже, сочетавшаяся с работой на ипподроме. Дида еще более окрепла, ее тело стало наливаясь. Она уже не нервничала в манеже так, как это было раньше.

Она вполне послушно вела себя при работе в руках. Чувствовалось, что Дида стала мне доверять. Были у нас с ней приятные моменты в жизни, когда мы выигрывали конкурные соревнования для молодых лошадей, т.е. и это стало возможным.

В мае вся школа перебиралась на Сходню. В каких условиях мы там жили я уже написала. А вот как и где мне приходилось ее резвить (а тренер у меня – Михаил Михайлович – был строгим и отступать от плана он не позволял) я еще не рассказала.

Дело в том, что на Сходне не было ипподромного круга и делать развину приходилось по обочине Ленинградского шоссе. Тогда обочина была песчаная, мягкая, но лучшим отрезком был подъем от моста через речку в сторону Москвы. Плохо было только то, что могла возникнуть опасность, если бы появилась машина, неважно с какой стороны. Дида могла испугаться, а сбoku обочины был скат вниз и довольно большой. Поэтому Михаил Михайлович приезжал в такие ответственные дни рано утром (если я ночевала дома, т.е. на даче в дер. Жуковка, то мы вставали часа в 3, чтобы к 5 утра уже быть в лагере. Как же хотелось спать! Но «безжалостный» тренер твердил одно: «Вставай, а то опоздаем»); пока я зачищала Диду (лагерь еще спал), седлала, разогревала, он просматривал обочину, убирал появившиеся камушки и ждал нас с секундомером в руке.

Затем Михаил Михайлович убеждался, что машин нет и подавал мне знак. Дидуня летела вдоль дороги, как на крыльях. И так один или два раза в зависимости от плана тренинга. Когда эта опасная работа заканчивалась, Михаил Михайлович ехал в Москву на работу, а я – вышагивать Диду после скоростной нагрузки. Уходили мы с ней в лес, и там я наслаждалась просыпавшимся лесом. Чудное время – утро в лесу. Воздух кристально-чистый, пахучий всем разнотравием и деревьями. На листьях, траве – роса, прозрачная, прохладная и такая полезная для лошадиных ног. На конюшню возвращались с омытыми божьей влагой ногами до запястья. Просыпались птицы. Лес наполнялся их любовью к жизни. От всего этого душа пела, и я запевала. Услышав мой голос, большие чудные уши как локаторы направлялись в мою сторону, и чувствовалось, что все волнения, тревоги, связанные с напряжением и нервной системы, и мышц заканчивались. Дида сразу успокаивалась, и дальше мы с ней просто гуляли в свое удовольствие. В лагере мы появлялись тогда, когда уже начиналось шевеление жившего в нем народа. Первыми, конечно, вставали конюхи. Начинался новый рабочий для всех день.

После езды

В один из таких дней днем к нам на верхнюю площадку приехал всадник в военной форме. Почему-то никого в то время там не было, на поле я была одна. Возможно, это было послеобеденное время и все отдыхали. Не знаю. Всадник подъехал ко мне и спросил, не может ли он увидеть Нину Громову. Я удивилась: «Зачем она вам?» Он сказал, что приехал из Забайкальского военного округа, и они, конники-сибиряки, прочитали в спортивной газете, что какая-то Нина Громова не только

обскакала мужиков, но еще и установила всесоюзный рекорд в стипль-чезе, а они-то знают, что это такое. «Так, где мне ее увидеть?» - продолжил этот человек. Тогда я ему сказала: «Ну, вот, я и есть Нина Громова». Он буквально онемел. «Не может быть!» - воскликнул он. «Почему?» - тут уж пришла очередь удивляться мне. «Я думал, что увижу мощную женщину, которая может управиться с чистокровной, да еще в скачке, а вы...» Он не договорил. «А я что, не похоже, что могу справиться с чистокровной лошастью?» - пошутила я. Потом я поняла в чем дело. Я была худенькой тоненькой молоджавой женщиной... Он приехал с Планерной специально увидеть эту непонятную странную женщину. Так состоялось мое знакомство с Сергеем Филатовым – будущим первым советским Олимпийским чемпионом по конному спорту и моим будущим коллегой в Сборной СССР и Олимпийской команде в течение нескольких лет.

В своей книге «На земле и в небе» Михаил Михайлович написал о выступлении Сергея Филатова по высшей школе верховой езды на Олимпийских играх в Риме так:

«Выступление Филатова было предельно сенсационно. Он побил самого шведа Сен-Сира! Сен-Сир был фаворитом, двукратным Олимпийским чемпионом, добившись побед в 1952 и 1956 гг. Выступал он на мерине. Нужно представить себе обстановку, в которой происходила эта борьба. Представьте себе: открываются ворота в стене, стоящей между большим парком и стадионом для высшей школы верховой езды. Из них выезжает всадник в черном фраке, белых брюках и цилиндре... На газоне устроен манеж 60 на 20 метров для соревнований. Манеж огорожен низеньким палисадничком, не более полуметра высотой. Вокруг манежа – розы. А за розами разместились трибуны со зрителями. За трибунами – громадные деревья. С противоположной стороны от ворот – судейские будочки. Их пять, по числу судей.

Когда в воротах появился Филатов, то почувствовалось, что зрители насторожились. Филатов сидел на вороном жеребце Абсенте. Все почувствовали в лошади огонь, но огонь укрощенный. Это было то, что французы называют «импульсион». Абсент «кипел» лишь внутри. Голову лошадь несла, как на золотом блюде, ноздри ее раздувались, хвост – на отлете.

Филатов въехал в манеж на галопе и остановился перед судьями. Лошадь «кипит», но не шелохнется. Все было сделано лучше всех.

Сергей Филатов на Ингасе

Но когда в конце выступления, Филатов прошел на галопе по диагонали манежа, меняя ноги в один темп, все ахнули. Это был шедевр непревзойденного искусства. Лошадь шла с невероятной легкостью и свободой, абсолютно прямо, голова спокойна...

Филатов закончил езду, опять остановился перед судьями и... гром аплодисментов восхищенных зрителей стал наградой спортсмену. Видом, в ложе, сидели англичане. Они привстали и, хлопая в ладоши, обернулись к нам, явно выражая свое восхищение нашим соотечественником. Сомнения в победе не было. Да так оно и вышло. На следующий день, в переездке, Филатов с Абсентом снова показали блестящую езду, выдержку и искусство. Это был фурор».

Может быть интересно узнать, как Абсент, эта лошадь века, попал в руки Филатова...

Как-то вызывает нас, сборников по выездке, Петр Прохорович Парышев к себе. Он – председатель Федерации, но и большой начальник в Министерстве сельского хозяйства. Ему подчинялись конные заводы страны. Петр Прохорович понимал, что у наших лучших конников далеко не лучшие лошади. И в тот раз он повез нас на ВДНХ. Там стояли лучшие лошади, привезенные из разных заводов. По его указанию стали выводить одну лошадь за другой. Одна краше другой. Но мы всех браковали с точки зрения спортивных требований. То одно нас не устраивало, то другое. И вот, вывели Абсента. Мы ахнули. Лошадь рождена для выездки. А он горячился на кругу, хвост на отлете, рысь – в полете. Длинный, с огромной шеей, одним словом, чудо как хорош. Но, в конце концов, Абсент успокоился и пошел шагом, и тут мы увидели, что у этой величественной прекрасной лошади НЕТ шага, совсем нет – какой-то мелкий перебор ногами. Все вздохнули и отказались даже от него. Я еще села верхом на небольшую арабскую кобылу – статуэтку с великолепными движениями. Но она была так мала, что нечего было и думать о ней как лошади для Большого Приза.

Так мы и уехали ни с чем. Парышев, конечно, был опечален тем, что не помог нам. А мы продолжали работать своих старых лошадей. Правда, самой перспективной в нашей группе была Дида, поэтому я не очень расстроилась. А вот у Филатова Ингас безусловно требовал замены. Через несколько дней мы неожиданно узнали, что Филатов сделал заявку на Абсента. Он оказался самым прозорливым. Будущее показало, как он был прав.

Осенью 1951 года мы вдвоем с Левиным поехали в Ленинград на Всесоюзную конференцию нашего ДСО «Пищевик». Каждую свободную минуту я старалась использовать для того, чтобы познакомиться с этим

П.П. Парышев

удивительным городом, так не похожим на все наши другие русские города. Ленинград поразил меня своим очарованием архитектурных решений, сочетанием парков и водных каналов, словом, он, безусловно, продвинул меня в моем развитии чисто человеческом. Разумеется, пошла я и в Эрмитаж. И его буквально пробежала, т.к. времени не хватало.

Вечером я «удрала» одна (Левин в это время зачитывался «12 стульями» Ильфа и Петрова) в Кировский (Мариинский) театр. Билетов, конечно, не было. Я подошла к окошечку администратора, встала в очередь. Вижу, кто-то счастливый отходит, кто-то грустно сторонится, пропуская следующих: значит, получил отказ. Лихорадочно соображаю, что сказать, чтобы получить билет. И сообразила. Иногда доля авантюризма неплохо служит человеку. Когда подошла моя очередь, я перед окошком, как бы невзначай, распахнула пальто так, чтобы администратор увидел у меня на груди четыре медали на синих ленточках. Это были мои медали за стипль-чезные рекорды и троеборье. Выглядели они совсем как Сталинские лауреатские награды. Я на это и рассчитывала. Администратор, увидев их, ни слова не сказав, выдал мне билет. Так (спасибо Диде!) я побывала в лучшем театре страны.

Но зато тогда же я испытала горькое чувство унижения или, вернее, пренебрежения к тому, что мне удалось сделать впервые в истории нашего спорта. Это произошло на той конференции, на которую мы приехали в Ленинград. Главный руководитель ДСО «Пищевик» сделал доклад о том, как ведется работа в обществе в разных городах и весях. Особо остановился на достижениях отдельных спортсменов, с гордостью называя их фамилии. И между прочим сказал, что, к сожалению, у нас нет до сих пор всесоюзных рекордов. Я, услышав это, не поверила своим ушам, внутренне сжалась, задыхнулась от несправедливости. Обида захлестнула меня. Как же так? А мои рекорды чьи? Разве не моего общества? Как могло получиться, что о них забыли? Что это – рекорды в конном спорте никому не нужны и не идут в счет?

После этого мне захотелось скорее вернуться домой, в Москву. Все стало не мило. Долго эта горечь сидела во мне. Но потом, все рассосалось. Конечно, Левину я не сказала ни слова. Что говорить? Он же сам присутствовал со мной рядом в зале и все слышал... Да и потом, он же был главный в нашей школе... И такое бывает в жизни. Теперь бы я, наверное, встала и прямо из зала внесла поправку в доклад председателя общества, а тогда я была очень скромной, стеснительной и, главное, – обидчивой.

Наша жизнь постоянно была наполнена разными событиями, которые либо заживляли раны, либо заставляли о них не думать. И все же за что?

Примерно в то же время я прочла замечательную книгу – «Унесенный ветром» Маргарет Митчел. Сейчас историю этой мужественной, хотя и избалованной в детстве, героини знают все по одноименному фильму. В то время в нашей стране об этом авторе знали, может быть, единицы. Она не переводилась и не издавалась. Мне помогло знание английского языка. Впечатление осталось грандиозное, и эта книга оказала на меня

очень большое влияние. Главное же, меня поразило самообладание и решительность поступков героини. Когда же она вставала в тупик, у нее иссякали силы что-то понять, а жизнь требовала новых усилий, то она говорила себе: «Я подумаю об этом завтра, когда появится время обдумать и решить это». И так как мне «долгодуманье» не свойственно, я могу вспыхнуть мгновенно, такое философское отношение к жизни, к поступкам своим и чужим стало помогать.

А дальше... Что же было дальше? Опять зима, потом весна, лето 1952 года. Тренировки... Чтобы быть готовой к следующим спортивным битвам. Перед большими соревнованиями, примерно за месяц я брала Диду на дачу, где она гуляла свободно по саду, «заходя» иногда и в огород, приводя в ужас мою маму. Но этот двухнедельный отдых всегда шел ей на пользу. Интересно, я верила в Диду как в совершенно разумное, доброе, родное мне существо. Поэтому я вполне спокойно смотрела на то, как моя маленькая дочка ходила за нею с прутиком и огоняла с нее мух, я видела, как Дида оглядывалась и смотрела своими большими добрыми глазами на глупое человеческое дитя, не понимавшее еще опасности. Но сажать дочь на Диду я никогда не решалась. Я знала, что она может проявить себя «как порох» в любой момент.

Было замечено, что психологически правильно созданная обстановка отдыха и тренировки наиболее благотворно действовали и на аппетит и на общее состояние Диды.

Так, если она знала, что на данном поле она выполняет только манежную езду, то она проделывала это спокойно и, отработав, спокойно вола себя и в деннике, уже не ожидая в тот день никаких напряжений, а это, в свою очередь, благотворно сказывалось и на ее аппетите.

Летом 1952 года, как обычно, Дида отдыхала у нас на даче. Настало время подключаться к работе. Я села на нее и начались тренировки, которые я делала на заливаемом лугу по берегу Москвы-реки. Все поле было «прочесано» неоднократно заранее. Даже в голову не приходило, что беда так близка! И оно пришло...

Горе, которое снова перевернуло мою жизнь. Трава на поле была невысокой, мягкой. Одно удовольствие – рысать или галопировать! У меня была запланирована в основном рысистая работа, которая включала размашистую прибавленную рысь на пределе, как у рысаков. Она отчасти заменяла размашку на галопе.

Дида на даче

Все шло прекрасно. День чудесный, настроение у нас с Дидой прекрасное. Делаем то, что следует делать... И вдруг.. толчок и мгновенно я почувствовала, что Дида прыгает на трех ногах, а потом остановилась, подняв левую переднюю. Спрыгнув с нее, я увидела, что она не может наступить на эту ногу. Что произошло, я поняла не сразу. Ужасное чувство беспомощности давило на меня. Я не знала, что делать. До дачи, по крайней мере, километра полтора. Потихоньку потянула ее за собой... Допрыгали до дома... Нога же стала раздуваться в внутренней стороне. Позвонила Михаилу Михайловичу. Он приехал вместе с Г.Т.Рогалевым. Тот осмотрел ногу и сказал, что это серьезный брэк. Причина... Видимо, на прибавленной рыси Дида попала зацепом копыта в край какой-то ямки. Этого стало достаточно, чтобы мы с ней вышли из спорта на несколько месяцев. Вот тогда я и передала Боржоме Розе Никитиной, а сама принялась лечить Диду. Известно, что брэкдауны (броки) ветврачи лечат двумя способами: либо втирают красную мазь, либо делают прижигание. И тот и другой методы вызывают сильнейшее воспаление, естественный усиленный приток крови и – как результат – укрепление сухожилия. После этого лечения остается «дуга» на ноге, лошадь для скачек становится негодна, но конкуры она выдерживает. Естественно, такое лечение очень болезненно. Только представьте себе: прижигание по живому, да еще больному месту. Красная мазь – не лучше. Я не могла позволить подвергнуть свою любимицу таким страданиям. На семейном совете решили лечить Диду человеческими методами. Ведь у гимнастов, например, часто травмируются сухожилия и они обходятся без таких варварских, пришедших к нам еще из средневековья, приемов. Пока я сидела около ноги Диды, прикладывая холод, Михаил Михайлович поехал в Институт физкультуры (на улице Казакова). Проконсультировавшись там у специалистов и вооруженный новейшими знаниями, касавшихся человеческих «броков», приехал домой поделиться со мной и дать указания, что делать дальше. Начали с того, что из брезента сшили узкий мешок, в который помещалась лошадиная нога. Когда процедура с холодом закончилась, мы поставили Дидину ногу в мешок, укрепили ремнями за шею, я снова села около нее и осторожно, чтобы не испугать, стала наливать горячую воду (конечно, сначала теплую, а потом стала поднимать температуру). И так делалось дня три. После этого, опять же по совету специалистов по человеческим травмам, нашли у знакомых фен (у нас – не было), вставили в отверстие, из которого шел горячий воздух, камень сердолик («заняли» у А.Б.Юмашева). Нам сказали, что сердолик обладает лечебными свойствами. Я стала «облучать» больное место. При этом втирали какие-то мягкие мази (какие-то – потому что сейчас уже не помню какие). В общем, мы делали все, что делают врачи с травмированными гимнастами. Время шло, и моя Дидуня стала вставать на ногу, потом подключили шаговую работу, потом – немного рыси. Дида вела себя поразительно: была спокойной и, главное, послушной и доверчивой. Так прошло лето 1952 г. Когда мы привезли Диду в Москву, в конюшню, все

аннули: сильнейшего брока как не было. Утолщение сухожилия было, но дуги – нет. Красивые стройные ноги лошади не были испорчены.

Но о скачках, троеборье нужно было забыть. «Прощай, стипль-чез; прощай, троеборье»... Что дальше? Делать из нее конкурную лошадь мне не хотелось: очень уж она была темпераментной, пылкой, а мне же была нужна лошадь «высшего класса». В то время никаких приспособлений, вроде хакаморы или еще чего-нибудь у нас не было. Для управления лошастью существовала одна простая уздечка, которой, конечно, не хватило бы для «укрощения» пылкости чистокровной скаковой лошади. Или же потребовалось бы очень много времени – годы, а где их взять? Диде было уже восемь лет. Но и расставаться с ней я не хотела, не могла. Вот и вспомнились мне уроки полковника Мезенцева в Ростове-на-Дону, когда я была приобщена к высшей школе верховой езды.

Выездка!.. Единственный способ не разлучаться с Дидой.

Но, вспоминая, полевые испытания троеборья и стипль-чезы на ипподроме, я должна признать, что в стипле мне было легче ею управлять, чем вести ее в кроссе. На финише кросса я просто сваливалась с седла без сил, а руки, вцепившиеся в повод, долго не могла разжать.

Так что правильно я поступила, что сделала Диду выездковой лошастью. Она и в выездке оказалась талантливой.

Я объявила о своем решении в школе... Единственным монополистом в этой области у нас была А.М.Левина. Она работала в одиночку. Даже открывала манеж, чтобы ей никто не мешал. Ведущая всадница и старшая по возрасту... Никто в этом не видел ничего криминального.

А тут вдруг я. Да еще с лошастью совершенно, как все считали, не пригодной по всем статьям для выездки... Я могла ей мешать. Все отговаривали меня в один голос. Но я уже решила.

Вокруг только и было разговоров: «Какая из нее может получиться лошадь выездки: растянутая, худая, костлявая, некрасивая». Да и в меня никто не верил. Отговаривали братья за выездку. А Диду, говорили, все равно я испорчу... Вот в такой обстановке мы с Дидой начали работать, овладевать в высоком смысле вершиной взаимоотношений человека и лошади. Было трудно справиться с темпераментной чистокровной лошастью, к тому же нервная система которой была потрепана участием в скачках. Одно могло помочь – терпение и доброта. Нужно было сделать так, чтобы Дида поверила еще раз в свою всадницу и успокоилась.

И это доверие пришло. Конечно, не вдруг... Прошло какое-то время.

Однажды нужно было выступать на ипподроме, но уже не на дорожке, а в манеже, оборудованном на внутреннем поле. Звонки для рысаков и скаковых лошадей – напоминание не о лучших днях ее жизни. Я чувствовала себя как на бочке с порохом. Но до тех пор, пока мы не въехали в манеж. И тогда Дида повела себя удивительно. Она расслабилась и успокоилась и стала делать то, что от нее требовалось!

Вот и думайте, соображает лошадь или нет. Часто больше, чем многие люди, я так считаю.

Первые понятия о выездке Дида уже имела: ведь как-никак она была и многоборной лошадей. Да и работа с Иваном Акимовичем Жердевым не прошла даром. Но впереди у нас «маячик» «Сант-Георг» (Малый Приз). Целый ряд элементов требовал особой подготовки, но главная трудность – научить Диду проделывать эти элементы один за другим в определенном сочетании, т.е. главная сложность – в переходах от одного упражнения к другому. И потом – менка ног! Ох, уж эта менка ног! Тяжело она давалась Диде. При каждом требовании сменить ногу – «вспышка!» Вот уж где требовалось терпение! Но что не сделает любовь! Дида уже стала менять в счет, и тут произошел случай, забыть который невозможно. Я понимаю, Александре Михайловне не очень хотелось со мной возиться, она была увлечена своей собственной работой. Может быть поэтому она делала мне не очень-то много замечаний и не была достаточно внимательной...

Как-то меняю я ноги на Диде, и в манеж вошла Таня Куликовская. Посмотрела на нашу работу и ушла. А потом мне сказала: «Вы знаете, что у Вас Дида при менке ног не меняет зад?» Я остолбенела. Как это могло произойти, как я не почувствовала это?

Конники понимают, что если лошадь с самого начала «врет» задом на менке, то дела плохи. Трудно восстановить правильную менку. Это может стать неверным элементом на всю жизнь. Собственно, у той же Левиной Пальма, а затем и другая лошадь Змейка так и не научились менять задние ноги в один темп: все 15 махов меняли только передние. Может быть от того, что Александра Михайловна работала одна и никто не мог вовремя подсказать ей об ошибках? Но факт остался фактом уже в истории. Таня сказала это тихонько, а я благодарна ей до сей поры. Я понимала, что к Левиной претензий предъявлять нельзя, да и вообще надо было как-то обойти стороной этот рабочий момент в наших взаимоотношениях. Но что-то надо было делать... Я переполошилась не на шутку, испугалась перспективы загубленной работы без будущего. Тогда-то я и пошла к начальнику школы Владиславу Витальевичу Белякову и, не объясняя причин, настойчиво попросила его поговорить с руководством ЦСКА, чтобы мне разрешили тренироваться у них в Хамовниках вместе с ведущими спортсменами по выездке и под руководством их тренера – Ивана Михайловича Чалого. Беляков удивился моей просьбе, но, видимо, понял, что это серьезно. Вскоре я с Дидой переехала в Хамовники. Там началась профессиональная работа, потому что, я поняла, до этого я работала как дилетант.

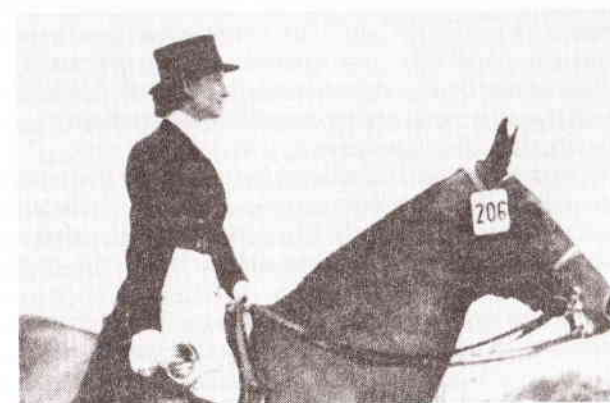
Зимнее Первенство Москвы принесло нам с Дидой первое место в Малом Призе. Тогда мы не особенно задумывались о соблюдении ритма работы на манеже на всех аллюрах. Это знание пришло к нам позже, а как, пожалуй, стоит рассказать именно теперь, потому что я с моим темпераментом и с Дидиным всегда стремилась показать все в

максимальном варианте. На этом я иногда попадалась: перегоняла Диду, и она нередко срывала элемент, ну, например, прибавленную рысь (срыв в галоп). Как бы быстро я ее не восстанавливала, на оценке это отражалось. Но в тот раз все обошлось, и мы завоевали первую победу в выездке.

А о ритме первой у нас в стране заговорила я. Стала писать в журнал «Коневодство и конный спорт» статьи о том, *как важно сохранять ритм от начала езды и до ее конца*. Признаюсь, было обидно, что нескоро стали прислушиваться к этим моим увещаниям. Помню, группа судей уже в 1980-е годы была на семинаре в Германии, организованном Лаймой Шелалене (Литва). Семинар проходил в Мекке конного спорта ФРГ – Варендорфе. Проводил его президент судейской коллегии ФРГ, который знал меня еще в ту пору, когда я приезжала в Германию как судья Международной категории, а он тогда был еще начинающим судьей. Вспоминаю, что в то время многие судьи-новички работали в качестве «читчиков» и просили, чтобы их посадили ко мне. Сначала я этого не понимала, пока одна немка не объяснила мне этот «феномен». Оказывается им было интересно сидеть в будке со мною потому, что я без умолку вслух разговаривала сама с собой, составляя окончательную оценку. Это была и для них школа. Отсюда и чрезвычайно уважительное отношение проявляли ко мне немцы.

Так вот. Возвращаемся мы из ФРГ и в поезде, естественно, обмениваемся впечатлениями о проведенных днях в Варендорфе. И вдруг Ася Хайретдинова – когда-то она была активной спортсменкой, а потом стала и востребованной и очень грамотной судьей (между прочим, талантливая радиожурналистка) – сказала: «Нина Георгиевна, скажите, сколько лет вы писали и внушали всем о важности обращать внимание на ритм в езде? Вот и в этот раз нам, уже немцы, указали на это, как на важнейшее условие исполнения езды!» Я засмеялась: «Могу даже точную дату назвать – июль 1956 года, когда я увидела, как ездил Сен-Сир – победитель Олимпиады в Стокгольме

и Лиз Хартель – серебряный призер. Особенно Лиз Хартель на своей прелестной Джубели сняла пелену с моих глаз. Незабываемое выступление. Она – больной человек (после полиомиелита, перенесенного в детстве, она плохо ходила) – как въехала в манеж, – это невозможно забыть, –

Лиз Хартель на Джубели

так до конца отработала всю езду (а она была достаточно сложной в тот год) абсолютно в одном ритме! Можно было считать – раз-два, раз-два и т.д. Неописуемая волнующая красота! Даже при недостаточно выраженном пассаже. Королева на лошади! Серебряную медаль она получила заслуженно».

Теперь, слава Богу, никого убеждать в этом не надо.

А вот почему Сен-Сир стал чемпионом я поняла не сразу. Только неоднократное прокручивание в мозгу его выступления помогло мне понять, в чем «соль» работы его и его лошади. Ларчик открывался просто. У него были слабые с нашей точки зрения элементы повышенной сложности, такие как пассаж, пиаффе, но зато строевая езда – загляденье: лошадь – свободна, ее мускулатура нигде, ни в чем не скована, аллюры и их разновидности отчетливо выражены. Вообще, Сен-Сир не даром подтвердил свое звание Олимпийского чемпиона, полученного еще в Хельсинки в 1952 году. Для нас их выступления были хорошим уроком и ориентиром для дальнейшей работы.

Возвращаюсь к судейству. Поездка в 1980 году в Варендорф раскрыли глаза многим на многое. Пословицы существуют не даром. Есть такая – «Несть пророков в своем Отечестве». Народ редко ошибается.

Зато по приезде домой произошел случай, на всю жизнь отбивший у меня охоту судить.

Соревнования в Битце. Судим. И вдруг на каком-то всаднике обнаруживаются большие разногласия в оценках между мной и другими судьями. В перерыве нас собрал главный судья соревнования В.В.М. (но буду называть его полного имени, это уважаемый и в прошлом талантливый спортсмен). Началось обсуждение, перешедшее в крик и возмущение моих коллег моим судейством. Я пыталась объяснить причину своей строгости, но где там! Разгоряченность некоторых судей была неуправляемой: «Что же Вы одна что ли правы, а все остальных ошибаются?» – был главный аргумент. Мой голос оказался «одиноким гласом в пустыне», никто не хотел меня понять или хотя бы прислушаться. Закончилось тем, что главный судья отстранил меня от дальнейшего судейства этих соревнований. А ведь я была единственным судьей международной категории и большего опыта судейства, чем у меня, в той бригаде не было ни у кого.

Вот и так бывает. Для пользы дела, наверное, важнее было спокойно разобраться, а не поддаваться излишним эмоциям. Страсти, а порой и распушенность вряд ли могут привести к добру и справедливости. Разве не так? Жизнь не раз доказывала, что и «один в поле воин».

Но до совершенства у большинства еще далеко. Главное – понять и принять, а надежда на улучшение не умирает.

Наступило лето 1953 года. Всесоюзные соревнования проводились в Ростове-на-Дону. У Диды в то время был новый конюх – Хусэн.

Это примечательная личность во всех отношениях. Преданный лошадям с детства, он одно время скакал и был неплохим жокеем. Потом попал в Москву, в ДСО «Пищевик». Конюхом он был таким, о котором всаднику только мечтать можно. Он не просто любил свое дело; копаться под копытами лошадей (он был маленьким-маленьким), казалось, составляло счастье всей его жизни. Денники были всегда чистыми, лошади – тоже, хотя чистить их ему было сложно – либо с большого ведра, либо с какой-нибудь скамеечки. Ему можно было доверить лошадь всегда и при любых обстоятельствах. К Диде у него было особенно любовное отношение. Его можно было понять: он же был конником, наверное, с пеленок, и он понимал и ценил классность лошади. Помню, я пришла на конюшню 5 марта и не узнала Дидин денник. В решетки были вплетены зеленые ветки и разноцветные ленты. Я спросила Хусэна, что это означает, а он мне ответил, что сегодня 8 марта, «ты же, – говорит – отмечаешь этот день, так почему же для Диды он не праздник?»

Вот таким был дорогой мой Хусэн. При этом, удивительно исполнительный и точный. Перед поездкой в Ростов-на-Дону у Диды стали немного отекать ноги, стали проявляться наливы. Я, конечно, разволновалась. Что же будет с ее ногами после недельной стоянки в вагоне (тогда мы передвигались по железной дороге)? Я бросилась искать «противоядие», и помощь неожиданно пришла от жены Георгия Тимофеевича Роголева – Анны Михайловны, тоже ветврача и очень талантливого. Крошечная женщина, как и все Лаксы (она была из семьи Лаксов – сестра лучших жокеев страны Анатолия и Николая). Она лихо управлялась с такими огромными для нее животными,

Хусэн

как лошади. Как ветврач она лечила животных не только теми методами, которые она усвоила в ветакадемии, но применяла в своей работе и то, что из рук в руки передавали наши предки-коновалы. Как-то в разговоре с ней я упомянула о наливах Диды и своих опасениях. Она же на это сказала, что есть старое средство, которым пользуются конники во всех заводах. Нужно взять порошок сухого мела и каждый день на ночь втирать его густо в шерсть и забинтовывать ноги до утра. Утром разбинтовать и смести мел с ног. Вечером процедура повторяется. Важно, чтобы и ноги, и мел были сухими. Я поблагодарила ее, затем подробно объяснила Хусэну, что и как делать в дороге: он же с Дидой ехал в товарняке. Когда я встретила их в Ростове, то первое, что я бросилась смотреть – были ноги Диды... Ноги у нее были как «стёклышки». Хусэн с гордостью рассказывал, как он ухаживал в пути за Дидой. Чудо-человек. Столько искренности,

самоотверженности во всем, что он делал. Умерли Хусэн и Дида даже в один месяц – ноябрь, но она – в Москве, а он поехал в отпуск на Кавказ в свой аул и... не вернулся. Это произошло в 1971 году. А до этого печального события, хотя прошло много лет с тех пор, как я ушла из спорта, наши дружеские отношения не прерывались. Он постоянно навещал меня, приходил обычно с тортом и яблоком. Торт ставил на стол, и у нас начиналось чаепитие. Яблоко же предназначалось дочери. «Это – для Сопочки!» - говорил он. Моя София или Софа была уже взрослой девушкой, но для него она оставалась маленькой девочкой, как и для меня. Трогательно было, когда в течение многих лет он приходил к нам домой в день полочки и передавал мне свои деньги на хранение (как в сберкассе). Когда же ему нужны были деньги, он заглядывал и в неурочное время. Помню, пришел как-то Хусэн и говорит: «Понимаешь, хочу иметь плащ. В магазинах на меня нет размера. Поищи ты, может купишь, а..?» Вообще-то мне было не впервой одевать Хусэна. Хорошее драповое пальто ему сшили в ателье после моих умоляющих уговоров. Не в детское же ателье обращаться. А тут, пошла я по комиссионным магазинам и совершенно неожиданно в одном из них увидела маленькое пальто. Посмотрела, а это плащ-пальто небольшого размера, да еще итальянское... Вот удача! Я вызвала Хусэна по телефону, он пришел, надел плащ. Ну, как будто бы на него специально шили... Много лет щеголял он в этом итальянском плаще. А как же он умел радоваться вот таким, казалось бы пустякам!

Из Стокгольма я привезла ему часы. Думаю, первые в его жизни. Он с ними не расставался даже тогда, когда они поломались и не показывали время.

Так... Я остановилась на том, что мы приехали в Ростов-на-Дону. Жара стояла невыносимая. Поэтому лошадей работали рано утром, а потом мы закатывались на Дон. А там – пиво, раки, купание. И так – до обеда. Вечером – проводка лошадей.

Соревнование было для нас с Дидой эпохальным – первое место в Малом Призе в общем зачете с мужчинами.

Все было бы хорошо, если бы не наши Правила по конному спорту. По этим Правилам выигравший «Малый Приз» на Первенстве СССР на следующий год уже не имел права выступать на соревнованиях этого уровня. А следующей ступенью был «Большой Приз»!

Для школы «Пищевик» было важно, чтобы я выступала в «Большом» уже через год. Кто выезжал лошадь от начала и до конца, тот знает, сколько лет и сил требуется для постановки лошади на большепризный уровень. К «Малому» мне хватило полгода, но Дида была уже хорошо подвезжена по программе манежной езды троеборья. Но за год, даже меньше – с октября по июль месяца следующего года – овладеть всеми элементами «Большого»?! Делать было нечего: я приняла вызов Судьбы – моей и Дидиной.

Я продолжала стоять с Дидой в Хамовниках. Могу только сказать спасибо той деловой обстановке, которая царил в ЦСКА, и моему незабвенному тренеру Ивану Михайловичу Чалому. Чалый был высоким профессионалом в выездке. Все то, что я узнала о «премудростях» работы с лошадью на этом уровне, все – от него. Хорошая обстановка в манеже, доброжелательное отношение товарищей, всегда готовых помочь сделали свое – к лету следующего года мы с Дидой были готовы выступать по программе Большого Приза. Исхудалые, замученные, но – готовые. Помог очередной отдых на даче. Дида подкормилась, успокоилась, а главное – уразумела, что даже на ипподроме волноваться нечего, если ее вводят в огражденное небольшим заборчиком поле – манеж. Даже колокол, доносившийся со стороны скакового круга, не действовал теперь на нее так, как это было раньше.

Более того, она стала даже порой лениться, т.е. не проявлять импульса именно в манеже, и мне приходилось уже не удерживать ее, а наоборот – посылать. Что труднее, еще вопрос! Чтобы вызвать в лошади энергию, нужно, полностью освободив повод, резко выслать ее вперед, обычно по длинной стенке манежа (на тренировках, конечно). На какое-то время этот «допинг» помогает. На слуху даже молодых спортсменов имя Николая Алексеевича Ситько (неоднократного чемпиона СССР в Большом призе). Мы тренировались вместе несколько лет. Я не знаю другого конника, который бы так чувствовал лошадь, как Николай Алексеевич. Причем, это чувство лошади у него было таким, что он мог сесть на любую лошадь и без грубых принуждений делать с ней все, что требовалось в тот момент (совсем как у Николая Насибова было необыкновенное чувство пейса). Сидел он в седле, прямо скажу, нескладно, даже немного боком. Повод всегда свободный, а... лошадь не только подчинялась ему, но и выполняла все то, что было нужно!

Как-то я не могла «выжать» из Диды полетную, широкую на максимуме прибавленную рысь. Попросила Ситько. Такой рыси никто из нас не видел!.. Я должна здесь сделать отступление, потому что такая рысь в езде и не нужна. Подчинение ритму движения требует соответствующей и прибавленной рыси. Но в работе этого добиваться тоже следует. Улышав, что у меня не хватает сил так выслать Диду, Ситько подъехал ко мне и сказал, что старым конникам известно одно средство: не дав на бока лошади шенкелем, нужно коленом быстро-быстро совершать сжимающие движения. Повод должен быть при этом свободным. У меня это движение получилось не сразу, но когда получилось, я чуть не вылетела из седла: так резко и сильно рванулась Дидуня буквально из-под меня. В конце длинной стенки манежа я ее остановила, погладила, успокоила. А работать дальше было проще. Как объяснить такую реакцию лошади на эти сжимания в верхней части крыльев седла – не знаю. Но факт остается фактом. Не раз я использовала совет Ситько с благодарностью.

Став членом сборной команды страны, теперь уже по выездке, я опять встретила с Сергеем Филатовым. Вот сейчас многие говорят о том, что он грубо, даже жестоко обращался с лошадью... Каким он стал в

последние годы своей жизни после того, как пережил невероятный взлет популярности, первым пробив брешь в монополии Запада в выездке, став Олимпийским чемпионом, я не знаю. В те годы я уже работала преподавателем в МИСиСе, и жизнь моя была переполнена разными событиями и необходимостью заново строить ее, приспосабливаясь к новым условиям... В моей памяти Сергей остался волевым, целеустремленным и творческим человеком. Да, творческим... Например, когда у него появился Абсент, выяснилось, что у Абсента не «идет» пассаж, он не сгибал передние ноги в запястье. Пробовали ограничивать ноги со стороны палочкой. Ничего не помогало. Абсент пугался и получалось еще хуже. Тогда Сергей сделал угол из легких деревянных планок и, приучив к нему Абсента, стал с седла (держа его, в одной руке) подставлять нижнюю планку угла в такт пассажа под ноги Абсенту. Сначала были сбои. Но потом и Сергей приспособился, и Абсент «уразумел», и дело двинулось, т.е. ноги согнулись как надо. Разве это не творческий подход к своей работе?

Когда мы вместе тренировались в Олимпийской команде, то часто Григорий Терентьевич Анастасьев – наш тренер устраивал нам просмотры, после которого отправлял нас парами дорабатывать или исправлять то, что не получилось при езде под строгими очами Терентьевича.

Второв работал с Ситько, я – с Филатовым. Вот, например, отрабатываем пируэт на галопе. Один делает пируэт, другой смотрит и делает замечания. Сергей любил точность в исполнении всех элементов и по буквам и по качеству. Так он указывал, например, на какой-нибудь цветок в центре поляны и говорил: «Вот у этого желтого цветка и делай пируэт, но так, чтобы задние ноги никуда от него не уходили. Вокруг него, ясно?» Мне было все ясно, но исполнить такой «заказ» было не так-то просто. Но это только один пример из нашей будничной трудовой жизни.

И еще один, по-моему, немаловажный штрих к портрету Филатова.

Не все и не всегда было гладко в Сборной. Без столкновений чисто человеческих не обходилось. Природа человека, видимо, такова. Да плюс культура, да плюс несдержанность, да плюс... Многое можно приплюсовать. Главное же не все и не всегда могут выходить из возникающих шатких для оценки ситуаций с достоинством.

Филатов обладал этим качеством, я бы сказала – качеством настоящего мужчины.

Не помню, как и с чего это началось, но разговор (опять-таки, о чем-то...) принял не совсем цивилизованную форму. Что-то возмутило, задело, оскорбило меня, и я, недолго думая, закатила Сергею пощечину. Все кругом обомлели. Сергей никак не среагировал на мой выпад. Зато шум поднялся уже позже. Собралось партийное собрание. На этом собрании я получила основательную проработку, наслушалась в свой адрес предостаточно. Меньше всех говорил Филатов. Беда была еще в том, что я наотрез отказалась извиняться, считая себя вправе таким образом защититься. Но потом подняли вопрос об исключении меня из Сборной.

Я была обескуражена и беззащитна. Да и что я могла возразить большинству явно раздраженных моим поведением мужчинам. Видимо,

каждый из них думал, что подобное может произойти и с ним, раз рядом постоянно находится такая необузданная «подруга». И вот в самый горячий ответственный момент встал Филатов и сказал, что он не согласен с таким предлагаемым решением и что он сам готов извиниться передо мною за вырвавшиеся у него неуважительные слова. Все притихли. А я поднялась и сказала, что извинение Сергея принимаю и сама прошу его простить меня за вспыльчивость. Инцидент был исчерпан.

Филатов поступил и повел себя как настоящий Мужчина. Никаких следов от этой истории на наших отношениях не осталось, и мы стали еще уважительнее относиться друг к другу.

Полковник Чалый, чемпион СССР по выездке на своем знаменитом Ролике, был старшим преподавателем в КВОВШе. Талантливый спортсмен и такой же талантливый тренер. Ему я практически обязана такому быстрому переходу из одного качества в другое.

Трудно нам с Дидой давалась эта наука. Вот тогда-то я с благодарностью вспомнила вороного Бисмарка, моего первого учителя. Физические ощущения, так называемая мышечная память, оставшиеся во мне с тех далеких времен, когда я осваивала высшую школу на «профессоре» выездки – Бисмарке, остались и помогли мне.

Самые большие неприятности доставляла нам менка ног. В отдельной или простой перемене ног трудностей не было, но когда требовалось менять «в счет», темперамент проявлялся немедленно. Какое нужно было терпение, передать трудно! Если же его у меня не хватало, то в работе наступал период, когда один шаг делался вперед, а два – назад. Сознаться.

Очень трудно было с Дидой еще и потому, что она была необыкновенно гибка. Это и хорошо и плохо. Всадник на такой лошади сидит как на пороховой бочке; никогда не знаешь, что она может предложить, согнуться налево или направо; «сторожить» такую лошадь приходится ежесекундно. Человек должен быть постоянно начеку, сосредоточенным.

В конце концов, одолели и менку ног, но чтобы работать чисто, одного года, конечно, было мало. В этом отношении у нас все было впереди.

Прекрасен у Диды был пассаж. Её гибкость здесь пригодилась. Красивее ее пассажа я не знаю ни у какой другой лошади. Об этом много мне говорили все, кто его видел и за рубежом.

Дида на пассаже. Мы после отпуска, поэтому у Диды такое толстое «пузо»

Но мягким, эластичным, классически правильным по поднятую передних и задних ног он стал, разумеется, не сразу.

Мне долго не нравился ее пассаж. Не нравилось грубое, жесткое ощущение этого движения в седле. Я жаловалась Ивану Михайловичу на это, но он только посмеивался: «Смягчит затылок, опустит нос, всё встанет на место», - говорил он. И вот однажды подняла я Диду в пассаж и чувствую, что что-то произошло мне непонятное: Диди шла пассажем, а я сидела на ней, как в люльке мягко покачиваясь. Я кричу: «Иван Михайлович, что она делает? Я совершенно по-другому ощущаю движение». А он смеется: «Вот теперь-то она и пошла настоящим пассажем, как надо».

Я полагаю, этот момент стал кульминационным в нашей работе. И не только. В работе с лошадью всегда когда-нибудь наступает момент переломный: она вдруг начинает понимать то, что человек пытается ей вложить, а дальше наступает какой-то прорыв в ее сознании, и взаимоотношения животного и человека облегчаются.

Такой момент настал и у нас с Дидой. Далее пошла работа не на обучение ее тому или иному элементу, а на подчистку, правильность их исполнения.

А летом нас с Дидой включили в Сборную СССР по выездке. Началась работа по подготовке к Олимпиаде 1956 года.

Еще раз хочется остановиться на менке ног. Олимпийская программа тех лет была сложной главным образом из-за перемены ног на кругу. Всадник занимал круг диаметром 16 м вокруг центральной точки X и начинал менять ноги в следующем порядке: 4 раза в 4 темпа, 4 раза в 3 темпа, 4 раза в 2 темпа и 8 раз в 1 темп. Затем менял направление и начинал менку ног с одного темпа... Боюсь, запомнила порядок счета. Но это неважно. Помню, что мы долго путались в счете, пока он не вошел в нашу плоть и кровь.

Вся эта менка проводилась в конце теста, а значит тогда, когда и человек и лошадь уже порядочно подустали. Попробуйте на своих тренировках проделывать такое упражнение. Оно станет для вас критерием, оценкой вашей подготовки. Очень полезно, поверьте.

Перед Олимпиадой Комитет пригласил для консультации к нам в группу выездки из Чехословакии полковника Яндлу. Это был уже почтенного возраста бывший кавалерист. Он посмотрел нас, сделал кое-какие замечания, рассказал нам о ведущих тенденциях, которые существовали в то время в Европе. В целом это была полезная для всех встреча. Каждый из нас получил отдельные замечания и пожелания, а также разъяснения, как дальше работать. Забавно, когда мы прощались, Яндлу посмотрев на меня, вдруг сказал: «А Вам нужно сидеть на рыжей лошади». Почему, не знаю. Кроме того, в 1955 году в предолимпийский год, несколько человек послали в Швейцарию, в город Тун, где проходили Международные соревнования по выездке. Раньше проводилось не так уж много соревнований. Совсем не так, как сейчас. Поэтому и послали

яшу группу на этот турнир, чтобы мы посмотрели своими глазами на европейских всадников.

Ездили мы в город Тун, конечно, без лошадей. Впечатление было огромное. Но запомнился мне только Климек. Кто не знает из наших всадников прославленного немецкого Олимпийского чемпиона и неоднократного чемпиона Мира?! Но тогда он был очень молод. Я думаю, ему было лет 17. Высокий, худой, с длинными ногами, которые висели по бокам рыжей и тоже худой поджарой лошади так, что под пузом, если смотреть сбоку, видна была другая нога. Смешно, прямо скажу, выглядел. Но вот видите, к чему может привести увлеченность и целеустремленность. Он стал не только эталоном всадника, но и прекрасным тренером и теоретиком в конном спорте. Но не забывайте, ведь он еще и юрист по образованию. Молодец, которому можно подражать. И очень жаль, что такие люди рано уходят из жизни.

Чем старше я становлюсь, тем с большей болезненностью воспринимаю глухоту людей к добру, добрым пожеланиям. Сколько раз, терзая свое сердце, я стремилась подсказывать спортсменам то, что, казалось бы, является очевидным и азбукой выездки, но наталкивалась либо на полное невосприятие проверенных практикой и опытом советов, либо из вежливости, что ли выслушивали, соглашались, но дальше дело не шло. Между тем от услышанного до дела, т.е. до исполнения, огромная дистанция. Меня удручает еще и то, что многие мастера (уже!) удовлетворяются тем, чего они достигли. А ведь *главное в работе (любой!) – творчество, требующее постоянного стремления к совершенству, желание сделать еще лучше, чем вышло сегодня.* А это возможно только при условии самокритичности, неудовлетворенности собой, своей работой, своими достижениями.

Самоуспокоенность – враг продвижения к мастерству.

Для конника очень важно развивать в себе такие качества как *представление и воображение.* Обратите внимание, как, например, готовятся к старту спортсменки по художественной гимнастике. Какая сосредоточенность на лицах – это они прокручивают еще раз внутри себя свое предстоящее выступление. Они улыбаются, но по их глазам видно, что их воля настроена на предстоящую работу.

У конников сложность настрой к борьбе двойная. Конник не один, с ним в паре другой спортсмен – его лошадь. Нужно подумать, прежде всего, о ней. Как психологически правильно подвести и себя и ее к работе в соревновательных условиях, когда требуется бороться до истощения всех сил, умений и знания.

Когда я стала тренировать и многое обдумывать, я пришла к выводу, что на разминке перед соревнованием не следует делать все элементы езды. Ведь не секрет, разминка у нас превращается в обычную работу лошади, с её ошибками и старанием их исправлять. При этом, как правило, со стороны всадника от волнения допускаются неточности в воздействии на лошадь, которые могут привести в замешательство вашего партнера и вызвать у него «сбой памяти». Каждое требование должно подкрепляться абсолютно точным воздействием изо дня в день,

из раза в раз на рот или определенные точки тела лошади. Ошибки на разминке и их исправление «аукаются» на выступлениях. Так не лучше ли выезжать лошадь, готовить ее к соревнованиям до соревновательного дня, а разминку превращать в подготовку физического состояния лошади к работе в манеже, вызывая в ней желание сделать как можно лучше то, чему её научили? Исходя из этого, я бы рекомендовала не исполнять на разминке сложные элементы, довольствуясь только подготовительными к ним упражнениями и прежде всего на сгибания, а менку ног делать только единичную и в удобных местах, подготовив предварительно себя и лошадь и обязательно со счетом «раз-два-три» (с акцентом на «три» – это чисто психологически влияет на четкость воздействия, а значит и на *качество* смены ноги). Основное внимание следует уделять аллюрам, их правильному исполнению, применению так называемой «резинки», когда лошадь то высылается вперед, то её движение сокращается, не забывая при этом, что главная роль отводится шенкелям; исполнение полуудержек при подходе к углам и при каждой смене аллюра или его скорости обязательно. Перед выступлением, когда всадник может проехать вокруг манежа и поприветствовать судей, тоже нужно сделать «резинку», а не требовать от лошади пассаж и многочисленных остановок на пиаффе.

Такую разминку я проверяла на нескольких всадниках и ни разу она не сказала плохо на работе в манеже в ответственный момент.

Помню, была такая очень хорошая всадница из Литвы, мастер спорта Светлана С., так первый раз она плакала на разминке, когда я ей не разрешила разминаться привычным способом. Но её Декоратос меня не подвел, хотя некоторые элементы и были у него «сырыми», отработал он их наилучшим образом. Можно было привести и другие примеры. Важно в это поверить. А пока я мало нахожу последователей, с моей точки зрения, моего здравого смысла.

Олимпийский год

И вот наступил 1956 год. Год очередной Олимпиады. Она должна была проходить в Австралии. Но из-за длительного карантина для лошадей, который был объявлен австралийскими властями, Олимпиаду по конному спорту перенесли в Швецию, в Стокгольм.

Нам устроили трехмесячный сбор и не в Москве, где были все условия для нормальной подготовки – большие теплые манежи, – а в Таллинне. Предлог – Эстония ближе к Швеции. Но в Эстонии не было крытого манежа, а на дворе стоял март месяц – начало весны, а значит, и холод, и слякоть, и дождь со снегом и пр. Люди жили в гостинице, а лошади – довольно далеко – на небольшом ипподроме, в пригороде. Ездить туда приходилось на троллейбусе. Километрах в 2–3 было море (которое сыграло со мной злую шутку, но об этом потом). Одно могу сказать, намыкались мы здорово. Хорошие солнечные дни появились лишь в апреле, и то солнышко радовало нас с перерывами. Хмурое грязное небо висело над нами, а под ногами и лошадиными, и людскими – грязь.

Команда выездки состояла из 5-ти человек: С.Филатов, А.Второв, Н.Ситько, Тихонов и я. Наши лошади: Ингас, Репертуар, Скачок, Алгир и Диди. Во время одной из тренировок, которые обычно начинались с показа нашей работы Григорию Терентьевичу Анастасьеву, Второв въехал в манеж и только проехал букву «Д», как под задними ногами Репертуара раздался громкий хлопок: это взорвался какой-то пистон или что-то в этом роде, оставшийся в земле еще со времен войны. И надо же было Репертуару точно ударить копытом в эту штуку, которая и взорвалась.

Что было с конем, можете себе представить. Долго он не мог успокоиться. А дальше начались трудности у Второва. Конь не хотел больше входить в манеж, а если входил, то шарахался от того места, где всё это произошло. Долго мучился Второв, очень долго, чтобы Репертуар поверил, что больше он не испытает такого ужаса. Интересно, что мы все тоже проезжали не раз по этому месту, но, видимо, удары копыт наших лошадей не попадали в этот снаряд. Вот ведь как бывает.

А.Второв на Репертуаре, Таллинн, 1956 г.

Были и светлые радостные дни и для спортсменов и для лошадей, когда мы уезжали куда-нибудь в лес. Это были дни отдыха от напряженной работы в манеже. Помню, как-то в лесу мы натолкнулись на длинную-длинную канаву, должно быть выкопанную еще во время войны. объезжать не хотелось. Решили прыгать. Пошли на канаву все сразу. Но на той стороне оказались только мы с моей верной Дидой. Остальные, как говорится, «заткнулись», т.к. встали, отказавшись прыгать. А ведь у моих коллег были тоже бывшие троеборные лошади. Но, видимо, выездка повлияла на них в этом отношении отрицательно, а Дидуля оказалась молодцом, не забыла, что такое прыжки. И потом, смею надеяться, не хотела подводить хозяйку.

Беда в море

А теперь я подошла к самому печальному, почти трагическому событию, которое на целый месяц лишило меня подготовки к соревнованию, такому ответственному и ожидаемому.

После работы собрались все троеборцы, конкуристы и «школьники» и поехали шагать своих лошадей в лес в сторону моря. Вода была мутная, но спокойная. Все решили пошагать лошадей по воде. Все знают, как это полезно для натруженных лошадиных ног, да еще в морской воде. Из осторожности (место неизвестное) я встала последней. Впереди – троеборцы. Прошли раз, прошли два вдоль берега. И вдруг, откуда не

возьмись – Анастасьев! Подошел к воде, взглянул на нее и давай ругаться, зачем залезли в незнакомом месте в мутную воду. И тут же приказал выезде, т.е. нам, немедленно выйти на берег. Все продолжали шагать по воде. А я... я всегда была дисциплинированным человеком, а тут – старший тренер требует выйти из воды, что остается делать, нужно подчиниться. И я одна повернула к берегу. Вдруг моя Дида как взвывается вверх, и я чувствую и даже вижу, что она прыгает через что-то красное в воде. В мути этого не было видно, а тут вода как бы расступилась и раскрыла это нечто: не то что-то из кирпича, не то какое-то ржавое железо. Дида, наткнувшись в воде на это препятствие, подпрыгнула и выскочила на берег. Инстинктивно я посмотрела вниз, на ноги Диды и увидела такое, что до сих пор меня приводит в ужас: из середины левой передней ноги бил фонтан крови, да какой силы! Прямо под прямым углом к ноге. Я соскочила на землю. С испугом смотрю на ногу и не знаю, что делать. Мы же не возим с собой аптечку скорой помощи, а у меня не было даже носового платка. У Терентьича – тоже... В это время к нам подошел Андрей Алеутдинов, которого мы звали и зовем до сих пор почему-то Жорой. Он был без лошади, но у него в кармане оказался платок. Мы затащили его платком рану, и я побежала с Дидой на конюшню. Скорее – к врачу! Сначала сгоряча она бежала со мной рядом, но потом, видимо, стала давать знать себя боль, Дидуля перешла в шаг, и мне приходилось тянуть ее за собой. Время шло, нужно было как можно быстрее добраться до ветврача... В лесу – песок. Задыхаясь от рыданий, из всех сил я тянула Диду за собой, заставляя ее бежать. В груди все разрывалось. Воображение рисовало самые страшные картины. Расстояние до конюшни большое. Не помню как, просто была в беспамятстве от отчаяния и ужаса, я дотащила Диду до конюшни. Кричу: «Где Арнольд?». Ветврачом у нас был молодой, но талантливый врач Арнольд Аркадьевич Ласков, ставший затем доктором биологических наук, известным ученым, написавшим много интересных и полезных книг, среди которых «Тренинг и испытания скаковых лошадей», «Массаж спортивных лошадей», «Профилактика транспортного стресса лошадей». Я кричу, а солдаты, наши конюхи, отвечают, что он только что пошел на остановку троллейбуса. В отчаянии, я попросила одного из них постараться догнать врача. Он побежал... И вскоре, вижу, бегом же возвращаются уже две фигуры. Потом они мне рассказали, что Арнольд уже сел в троллейбус, одна нога уже была на ступеньке, когда солдатик, задыхаясь, прокричал ему о беде в конюшне.

Когда Ласков развязал платок, он охнул: рана оказалась большой, рваной, была видна желтая кость... И все это в грязи и песке... Осмотрев ногу, Арнольд промыл рану и тут же встал вопрос, что делать дальше: срезать лохмотья кожи или попробовать «прилепить» их к кости и ждать,

Г.Т. Анастасьев

приживутся они или нет. Уж очень грязная была рана. Дело в том, что если срезать кожу, то рана быстро затянулась бы. Но тогда вся передняя часть ноги осталась бы голой, без шерсти. Шерсть на этом месте уже не выросла бы. Если же попробовать рискнуть приживить кожу, то заживление может затянуться, да еще при условии, что не произойдет отторжение или нагноение из-за грязи... И все-таки Арнольд рискнул...

Действительно, заживление было трудным и долгим. Боролись сгноем, боролись и со временем, неумолимо работавшим против нас. Конечно, я помогала, чем могла, а больше – просто своим присутствием, которое успокаивало Диду, она постоянно прислушивалась к тому, что я ей говорила. Уши ее, большие чудесные, любимые мною уши были всегда направлены на мой голос. Молодец Арнольд, смелый, решительный врач... Нога постепенно приходила в норму, но маленький кусочек посередине пясти остался голым, без шерсти, серого цвета. Этот кусочек пришлось-таки отрезать во время первой операции. И не только нога восстановилась. Мы с Дидой уже в мае стали потихоньку работать, а в конце мая – поехали со всеми в Стокгольм. Впереди у нас был еще один месяц...

Но о том, как совершался наш переезд в Швецию, особый рассказ.

Несколько слов о Таллинне. Удивительно уютный старинный город с улочками такими узкими, что можно, вытянув руки, касаться ими стен противоположных сторон. Интересен парк с домиком Петра Первого. В центре небольшая площадь с Ратушей и знаменитым флюгером-Томасом на крыше. И повсюду маленькие кафе, в которых можно посидеть, попить чаю, кофе с вкуснейшими булочками. Печально, но никаких экскурсий нам не устраивали.

Как-то раз я вытянула Е.Л. Левина на концерт пианиста Э. Гилельса в Филармонии. Имя этого музыканта в то время гремело во всем мире. Лауреат самого престижного конкурса пианистов в Брюсселе! Это был необыкновенный отдых для души! После тоскливой жизни в гостинице, ресторана с отвратительной кухней, дождливых серых дней и моей беды в особенности...

На майские праздники многим и спортсменам, и тренерам позволили уехать в Москву. Я – не могла из-за Дидиной ноги. Настроение было поганое. К тому же я видела, что и троеборцам и конкурсистам тоже приходится несладко. Выдерживать график работы по плану было

Это наша вынужденная экипировка (от дождя и холода)

трудно. В общем, устроило нам высшее начальство «хорошую» жизнь, а главное – страдала подготовка, работа.

Тем не менее, настал день, когда нам объявили, что корабль стоит у причала, трюм оборудован для лошадей так, что опасаться за них будет не нужно даже при большой качке. Станок каждой лошади был обит со всех сторон подушками из сена, под ногами – солома. Все было предусмотрено не зря, потому что этот корабль попал-таки в 4-х балльный шторм. А такой шторм на Балтийском море (достаточно мелком), говорят, хуже 6-балльного в океане.

Как грузить лошадей на корабль? Как их спускать в трюм? Вопросы разрешились следующим образом. Привезли какое-то строение вроде вагончика без крыши, сделали в нем дверцы, которые открывались спереди и сзади. Сначала открыли одну дверцу, но как ни пытались ввести лошадей в это строение, они все отказывались. Мучились довольно долго. Наконец, открыли и вторую дверцу, но и провести лошадей через вагончик не удавалось. Самой «умной» оказалась Диаграмма Б.Лилова. Она, в конце концов, бесстрашно вошла в узкий деревянный коридорчик, но ее не остановили, а провели насквозь. Дальше сделали так: Диаграмму вели первой, а другую лошадь ставили ей в хвост и вели следом, и – о, чудо – эта вторая лошадь послушно вошла в вагончик! Но люди – хитрецы. Как только Диаграмма ступала на землю, передняя, а следом за ней и задняя дверцы быстро захлопывались. И вторая лошадь оказывалась в ловушке. Затем краном подцепляли вагончик, поднимали в воздух, переносили на корабль и спускали в трюм. Там лошадь выводилась из «заточения» и ставилась в подготовленный станок. Такой «фокус» проделали со всеми лошадьми и для каждой поводырем была Диаграмма. Представляете, как «уработалась» эта малышка (Диаграмма была невысокого роста) за день!

Бедные лошади, через какие переживания им пришлось пройти в тот день, прежде чем оказаться в темном трюме покачивавшегося на волнах корабля. Особенно жалко их было, когда вагончик поднимался краном на довольно большую высоту, и они, вытянув шеи, с безумными глазами, смотрели, как их куда-то «несут» по воздуху. Все, как один, взволнованно и испуганно ржали на разные голоса. Одни – тонкими, жалобными, другие – грубыми, хриплыми... Шум в порту стоял страшный и, понятно, непривычный для посторонних. Когда же погрузка лошадей была закончена, вся команда спортсменов ушла в гостиницу, а через день улетела в Стокгольм. Кроме меня. Я осталась на корабле и отправилась в путь морем вместе с лошадьми. Мне хотелось понаблюдать, как будут вести себя лошади после всех выпавших на их долю переживаний. К тому же, хотя Дида и работала уже в полную силу после травмы, ее нога требовала постоянного внимания, а в дорогу ее еще хорошо забинтовали.

Так как я была единственной женщиной, капитан уступил мне свою каюту, и я с удовольствием там расположилась, пока... мы не вышли в открытое море. Начался шторм. У всех началась морская болезнь. Здоровые молодые ребята, укачавшись, свалились все до одного. Не выдержал

и богатырь дядя Гриша (Григорий Дмитриевич) Доильнев. Как было плохо мне – не рассказать. И все же, собрав последние силы, я спустилась в трюм посмотреть, как ведут себя лошади и моя Дида в шторм. Картина предстала не из приятных. Бедняги стояли, понурившись, не пили, не ели. Лошадям тоже было плохо, но помочь им было нечем. Я поднялась на палубу и еле доползла до своей каюты. Там меня всю «вывернуло», после чего я заснула в люльке-гамаке. Это было спасение – сон. Утром проснулась, солнце светит, море спокойное, а вдаль виден шведский берег в зеленых фьордах. Настроение стало совсем другим. Но, тем не менее, когда капитан пригласил нас позавтракать вместе с матросами, все отказались. Нужно было время, чтобы «выздороветь» окончательно.

В Стокгольме нас встретили, помогли выгрузить лошадей и счастливые мы и лошади, испытавшие «прелести» морской качки, – направились в предоставленные нам конюшни. Ах, какие же это были чудесные конюшни! Кирпичные, светлые, с большими денниками, в которых уже лежала желтая чистая солома (вместо опилок), а под нею – торфяной пол из плиток-кирпичиков. По мере надобности эти кирпичики вынимали и выбрасывали, а вместо них укладывали новые сухие. Когда мы ввели в эти денники лошадей, они как по команде легли и начали от удовольствия кататься (иногда говорят, качаться). Потом встали и набросились на эту солому. Они не хотели ароматного свежего сена, они ели солому. Все как один. Должно быть солома была действительно вкусная. Потом, конечно, привыкли и уже относились к ней как к подстилке, но в первый день... Когда же привезли овес, то тут не выдержали и мы, люди. Это были крупные желтые, наполненные сладкой мякотью зерна. Мы грызли овес вместе с лошадьми. Немудрено, что очень скоро наши лошади засверкали, а у Диды появились желтоватые «яблоки» на боках. Как-то я сказала шведу, обслуживавшему нас, о том, какой прекрасный овес они выращивают. Он улыбнулся и ответил, что овес куплен в СССР. Вот так-то! А внутри страны, у себя дома мы такого никогда и не видели. А морковь!.. Грызли ее, конечно, все – и лошади, и люди.

Стокгольмские газеты на первых полосах отметили приезд олимпийской сборной Советского Союза. Мы во всем чувствовали теплоту и доброе к нам отношение.

Замечательный месяц мы провели в Стокгольме. Условия для работы, для жизни – все располагало к спокойной подготовке к соревнованиям. И все же в Таллинне мы упустили многое. Мы провели там тяжелых три месяца, неполноценно использованное драгоценное время. А у меня еще и болезнь Диды...

Но без происшествий жизнь была бы скучной. Диду поставили в денник рядом со Скачком Николая Ситько. Они были знакомы давно, но любовь возникла у них в Стокгольме. Это выражалось в том, что они постоянно ис-

Приезд в Стокгольм
(шведская газета)

кали друг друга. И если теряли из виду, то принимались крутить головами, не слушать наших требований, ржать... Низкий, грубый голос Диды и тенористый звонкий, залиvistый голос Скачка! Работать стало невозможно, тем более, что, я уже раньше писала, Терентьич разбивал нас на пары для отработки отдельных элементов, а моей парой был Филатов со своим Ингасом. Ситько и Второв уходили от нас куда-нибудь подальше и занимались также как мы с Сергеем. Но занятия часто просто срывались. Скачок и Дида отказывались работать. Терентьич и мы переполошились. Нужно было что-то предпринимать. Первое, что сделали, одного поставили в один конец конюшни, другого – в другой с тем, чтобы они даже не видели друг друга. Второе – стали выводить на работу в разное время. Удобно это было нам, людям, или нет, тут уж считаться с такими «пустяками» не приходилось. Потребовалось довольно длительное время, пока наши «влюбленные» успокоились. Пришло спокойствие и к нам. Мы снова смогли владеть нашими лошадьми, а они отвечать на наши требования. Мелодрама в лошадиной жизни и драма людской. Но все хорошо, когда все хорошо кончается.

Погода в Стокгольме стояла прекрасная. Ждали стартов. Но кто выйдет на старт, и кто сядет на скамью запасных?

Хотя я уже несколько лет занималась только выездкой, но мое сердце конюриста не могло не отзываться на то, что происходило в конкурной группе. Тренером этой группы был майор Алексеенко, опытный кавалерист, сам спортсмен, но... Видимо, природа не дала ему той гибкости и аналитического склада ума, которые были у его товарища по прежней службе – Анастасьева. Я так смело об этом говорю, потому что им допускались непростительные ошибки в работе, которые, думаю, отразились и на выступлении конюристов. Конечно, мы все старались «подсматривать», как тренируются другие команды.

Так вот, мне рассказывали, что во время одной прыжковой тренировки Алексеенко, увидев, как немцы прыгают через одну жердь между стойками без заложения, предложил и нашим конюристам такой метод, не учтя, что наши лошади к этому не подготовлены. Более того, он стал поднимать и поднимать эту жердь, и когда вместо того, чтобы вовремя остановиться, она была поднята уже достаточно высоко, некоторые лошади попытались «нырнуть» под нее. Было ясно, что эта тренировка могла только навредить, а не продвинуть работу.

Вейганд Ханнелоре (ФРГ) на Перкуносе (слева) и я на Диде на тренировке, Стокгольм, 1956 г.

Второе, что было сделано с конюристами бездумно, так это то, что при подаче последней окончательной заявки провели замену всадников, конкретно – в команде была прекрасная лошадь Бостон. На нем работал Эрик Шабайло, молодой талантливый конюрист. Но выступать на Олимпиаде ему не пришлось. Ссадили... Почему? И Бостон под чужим неизвестным всадником не проявил себя никак. Прошло немного времени после Олимпиады, Эрику Бостона вернули, и они блестяще выступили в Гамбургском Дерби, вписав свои имена в Книгу победителей этого сложнейшего соревнования. Что можно сказать по этому решению?

Далее, среди конюристов прекрасно показывала себя «пищевичка» Татьяна Куликовская с Трюмом. Но было такое чувство, что «пищевиков» решили пропустить (в том числе и меня): выступать будут военные – из ЦСКА. Тем более что главой нашей делегации был генерал-майор П.Ревенко.

Вот и дала я ответ на вопрос, кому сидеть на скамье запасных. Несправедливость всегда болезненно переживается еще и потому, что повторения ситуации может не быть. Так и произошло – ни для Татьяны, ни для меня больше не представилось возможности выступить на Олимпиаде.

Но жизнь шла, нет – бежала, летела дальше.

В Стокгольме я даже познакомилась со знаменитым конюристом ФРГ Хансом-Гюнтером Винклером – будущим Олимпийским чемпионом и Чемпионом мира. Подошла к нему и заговорила. Вот так просто. Уж очень мне хотелось погладить, похлопать его великолепную Халлу. Интересно, эта лошадь издала не казалась большой – так гармонично правильно она была сложена. Когда же я подошла к ней, то поразилась: ее холка была много выше, чем моя голова!

В Варендорфе во дворе Олимпийского центра сейчас стоит статуя – памятник Халле. Так трогательно выразили немцы свое восхищение и благодарность этому благородному животному.

В преолимпийском Стокгольме

Конный спорт – это такой вид спорта, который требует от человека всех двадцати четырех часов его жизни: тут и забота о здоровье своего партнера (недаром на первой же странице Правил по всем видам конного спорта помещен Кодекс поведения, в котором во главу угла поставлено благополучие лошади), и думы – продумывание тренировок, поиски способов улучшения исполнительского мастерства...

Н.Громова, П.Ревенко, Т.Куликовская у входа в конюшню, Стокгольм, 1956 г.

Но пребывание в Стокгольме осталось в памяти не только заботами, связанными с тренировками к приближающейся Олимпиаде.

Многое было новым для нас, на что мы не могли не обратить внимание. Например, уже в то время машинам в городе запрещалось подавать сигналы. Тишина на улицах в отличие от наших: у нас по любому поводу водитель «гудел», поэтому пешеходу было иногда трудно понять, кто и с какой стороны угрожает. Хорошо, что в то время в Москве было не такое сумасшедшее движение, как сейчас.

Потом – дисциплина водителей и уважительное отношение друг другу и, не только...

Как-то на одной из центральных улиц города образовался затор. Все, кто был в первых рядах, стояли молча, некоторые даже вышли из машин. Те, кто подъезжал, пытались сигналить, но узнав в чем дело, затихали. Виновницей происшествия была... утка, переводившая свой выводок через улицу. Не спеша, уверенная, что люди ей и ее ребятишкам зла не причинят. И люди были терпеливы.

Или: кто-то из наших спортсменов нашел в траве птенца какой-то птицы и принес нам, стоявшим группой, показать его. Конечно, было любопытно узнать, что это за птенец и каким образом он оказался здесь. Рядом стояли шведы. Вообще на всех наших тренировках всегда было много любопытствующего люда. Увидев птенца и поняв, каким образом он здесь очутился, они не просто возмутились поступку нашего спортсмена, они были в негодовании и жестко потребовали, чтобы малыш был отнесен на то место, где его взяла. Эти люди объяснили, что отец и мать птенца, наверное, в панике, они его ищут, и мы не имеем права так вмешиваться в жизнь других существ. Было стыдно, но их требование было выполнено. Как все-таки здорово, когда сталкиваешься с подлинно гуманным человеческим отношением к природе!

В июне месяце того года в Стокгольме проходил конкурс выбора первой красавицы Европы. Все газеты были полны описанием процедур, связанных с этим конкурсом. Интересно, что печать подробно описывала все достоинства и недостатки претенденток. Любопытны были дававшиеся промеры девушек и сравнение их с промерами скульптуры Венеры Милосской. Тогда исходили из классической красоты. Был даже сделан трафарет Венеры и учитывались все отклонения от вставляемых в него девушек.

Заключительное торжество проводилось на Олимпийском стадионе. По беговой дорожке стадиона девушки проехали в машинах без верха, одетые в открытые вечерние туалеты. К вечеру стало прохладно, и они, посиневшие и потерявшие свою привлекательность от холода, несмотря на грим, были вынуждены терпеть последнюю процедуру – прогулки перед судьями на ковровой дорожке. Для нас это было забавное зрелище. Закончилось же это представление грандиозным фейерверком. Такого огненного действия я никогда больше не видела; особенно меня поразил «водопад» из огня на одной из стен стадиона. Первой красавицей была признана шведка: в своем доме и стены помогают.

Однажды, когда я вернулась с тренировки, меня вызвало начальство и сказали, что мне нужно по-быстрому подготовиться, чтобы идти на прием, устраиваемый английской королевой Елизаветой и шведским королем в его загородном замке. Вручили пригласительный билет, где было четко обозначено: мужчины должны быть во фраках, женщины – в вечерних платьях. А откуда у меня вечерний туалет может быть? Если бы хоть кто-нибудь намекнул в Москве о том, что он может понадобиться, я бы взяла с собой такое платье, тем более, что оно у меня было. Но... никто же ничего не сказал... Руководитель команды генерал П.Ревенко оказался больным и не пошел. Думаю, из-за фрака. У него же его не было так же, как у меня платья. Потом, успокоившись, разглядели, что внизу билета приписано, что на прием можно придти в костюмах, определяющих команду. У нас были очень славные синие костюмы с большими рубашками-кофточками. Отказаться, не пойти нельзя – команда должна быть кем-то представлена. Надели свои командные костюмы, поехали за город – я, Е.И.Эбель и кто-то еще. Впопыхах даже своей прической я занималась в машине: так собирались на прием к королю и королеве, стыд-позор. Но делать было нечего. Надо, значит надо.

Народу в загородном замке собралось много. Меня усадили за стол, совсем недалеко от королевских семей.

Елизавета в свете свечей (электричества в замке не было) вся «горела» - так много было на ней всяких драгоценностей. Молодая, красивая, она была центром внимания. За столом со мной сидели одни мужчины. Помню, слева от меня – какой-то итальянский граф, напротив – бизнесмен (капиталист по-нашему) из Финляндии, который старался разговаривать со мной по-русски, что у него не очень хорошо, но все же получалось, особенно: «За ваше здоровье!» с очередной рюмкой. Как я себя чувствовала одна из всех женщин в обыкновенном деловом костюме? Конечно, неудобно и даже униженной. Не уверена, но вполне возможно мой туалет вызывал у многих усмешку, я испытывала неприятные ощущения. От зажженных свечей в огромных люстрах, стало жарко. Но держать марку нужно было. Я и старалась: разговаривала, улыбалась, шутила.

Но истинно паническое состояние у меня было, когда в самом начале, войдя в замок, я увидела, что все подходят к королю и королеве Швеции – очень уже пожилым людям – стоявшим на лестнице, ведущей в приемные залы, и приветствуют их, мужчины целуют руку королеве и пожимают руку королю, дамы приветствуют королевскую чету низко присев, т.е. сделав глубокий реверанс. Но я же советская женщина! Боже, как же мне кланяться пусть даже королям! Как выйти из положения? И в грязь лицом не ударить, и достоинство свободной независимой советской женщины потерять не хочется... Какая чепуха! Какая же глупость все-таки, до чего же было зажато условностями наше сознание... И некому было вывести меня из этого состояния...

А тут настал и мой черед подойти к хозяевам, встречавшим гостей. Я протянула руку королеве, опустив голову в знак уважения и сделав небольшой книксен (глубоко присесть не решилась, если разобраться, а

почему?) и затем королю, т.е. так, как, примерно, делали другие, опытные в таких этикетах люди. Король поднес мою руку к губам, как бы в поцелуе, и я вспомнила уроки Николая Николаевича Биязи, расслабила руку и улыбнулась. Нелегко даются такие уроки на практике.

Но еще до пиршества нас пригласили в небольшой театр, стоявший в сторонке от замка. Ряды в зале были расположены с повышением от первого ряда кресел, которые предназначались членам королевской семьи. Сцена – небольшая. А вот то, что показывали на ней, меня потрясло. Я как будто очутилась в средневековье, увидев пастушек, пастухов и прочих действующих лиц, разыгрывавших сценки с пением и танцами в пасторальях, в XX веке уже не существовавших. Все погрузилось в наивный мир наивных безоблачных отношений героев этих сенок. И то, что мне удалось приобщиться к такому необычному искусству, я благодарна своей лошади – Диде! Видите, как получается...

Олимпийский стадион в Стокгольме был построен к Олимпийским играм 1912 года. Капитальная кирпичная стена окружает внутреннее пространство стадиона. Меня поразило, что на кирпичной кладке то там, то здесь выделяются орнаменты в виде свастики! Фашистской! Но ведь это же был 1912 год! Я спросила кого-то из шведов, что означают эти знаки свастики. Мне объяснили, что свастика – древний знак огня, и что фашисты просто присвоили его себе.

Наконец, настал день открытия Олимпиады – воскресенье, 10 июля. Стадион был полон. Вокруг него – тоже полно народу. Команды выстроились заранее в алфавитном порядке. Открывали парад хозяева. Команда США была несколько впереди нашей – СССР. Впереди каждой команды – знаменосец своей страны. У нас знамя доверили Владимиру Распопову. За ним ехал Н.А. Ситько, далее в первой тройке ехали мы с Татьяной Куликовской, я в черном фраке, а Таня в красном рединготе – красиво.

Волновались ужасно. Даже когда проходили по живому коридору, лошади нервничали, «танцевали» и были готовы выйти из подчинения. Вошли через ворота на стадион. Люди есть люди. Свои чувства всегда стараются выразить через шум, аплодисменты... Все пока шло

На трассе троеборья, Стокгольм

нормально. И вдруг видим: замешательство в американской команде – перед самой правительственной трибуной одна лошадь то ли поскользнулась, то ли чего-то испугалась, выскочила из строя, всадник упал... Скандал!

Но это же были американцы! Я думаю, они даже не очень-то и переживали по этому поводу. Мы же удвоили внимание своим лошадам. И не зря. Проехали ровно, четко, а значит – благополучно. А о дальнейшем я уже рассказала.

Добавлю только, что в памяти остался очень сложный кросс для троеборцев, да еще в дождливую погоду. Выиграли троеборье шведы, но то, что наш замечательный спортсмен Лев Баклышкин, смелый, решительный, хорошо знавший свою, я бы сказала, легендарную лошадь – Гимнаста, прошел этот кросс и остался в общем зачете четвертым, было замечательно. Великолепная была это пара – Баклышкин и Гимнаст, незабываемая. Два галанта собрались вместе. Собственно так и должно быть в конном спорте. Человек и лошадь должны найти друг друга. Только тогда будет толк.

Это также, как по легенде, когда Бог рассердился на людей и бросил глиняный горшок об землю. Горшок разбился на мелкие куски, которые разлетелись по всему свету. А Бог сказал: «Вот теперь и ищите свои половинки. Кто найдет, тот и будет счастлив в жизни». Потому-то не так уж много на земле счастливых пар, счастливых семей, что трудно найти тот единственный черепок, что тебе подходит.

Вспоминая Диду, Михаил Михайлович писал в своей книге «На земле и в небе»:

«Дида пала, не дожив двух месяцев до 28 лет. Это – преклонный возраст для лошади. И всё же мы надеялись, что она может прожить дольше, если бы не инфекционный грипп, после которого она так и не смогла поправиться. Её хозяйка делала всё, что могла, чтобы облегчить своей любимице горькую старость.

Отрадно, что в конном спорте есть люди, которые понимали и разделяли наши с женой чувства и помогали нам. Я говорю о Георгии Тимофеевиче Роголёве и Михаиле Сергеевиче Иванове – людях, преданных любимому делу и любивших лошадей.

Несмотря на пылкий нрав, Дида была так добра, что никогда не могла ни укусить, ни ударить человека. Мы выпускали её в сад на даче в необходимых промежутках для отдыха между спортивными выступлениями. Она гуляла среди яблонь, а наша крошечная пятилетняя

Колунов на Заслоне (слева), Баклышкин на Гимнасте (в центре), Куйбышев на Перекопе, Стокгольм, 1956 г.

дочурка отгоняла от неё мух веточкой орешника. Дида была большой лошадей, и представьте, это огромное, необыкновенно породное животное с удовольствием принимало такие услуги, а кроха получала удовольствие от приносимой пользы. Картина была более чем трогательной и прекрасной.

Увы, всё – в прошлом, но есть в нём сказочно-прекрасное, незабываемое, то, что вспоминается с необычайным, но трудным волнением».

Обратите внимание на то, с каким уважением и какой благодарностью Михаил Михайлович пишет об участии в жизни Диды Михаила Сергеевича Иванова... А теперь – о моем отношении к Михаилу Сергеевичу. Оно – двойное. С одной стороны – я признательна ему за откровенную бескорыстную помощь в сохранении жизни Диды до ее естественного конца; с другой... То, что Дида «мыкалась» почти десять лет, виноват Иванов. Я не могу сейчас восстановить все в хронологическом порядке. Одно осталось в памяти: до чего же люди бывают жестоки и не только к животным, но и к своим коллегам по любимому, казалось бы, конному спорту, как это было в данном случае!..

По рассказам очевидцев я могу лишь приблизительно представить себе, как было дело.

Да, немаловажный факт. Диду просили поставить в конном заводе «Восход». Но «Восход» расположен далеко от Москвы. Сыграло эгоистическое чувство: я не смогла бы ее там навещать, потом – вдруг в заводе ее будут пытаться использовать как спортивную лошадь (там как раз была создана спортивная секция)... Ведь она и лошадь выездки, и конкурная, и ...

Боже, мною овладел страх, который и привел к непоправимой ошибке. Так Дида «уехала» в Прилепы Тульской области. Как я ее навещала, я уже написала.

Первый ее жеребенок вышел неудачником: одна передняя нога была с каким-то вывертом в пути (я не очень помню), а это означало – на него нельзя было надеяться, как на перспективную скаковую лошадь. На второй год Дида почему-то не зажеребилась (с годами у меня возникло нехорошее подозрение, что некоторые люди этого и не хотели, словом, все это осталось на совести тех, кто погубил лошадь). В это же время начкон объявил, что держать частную лошадь ему запретили, хотя за ее содержание в собственность завода отдавались будущие жеребята. Возник вопрос: что делать?... Возможности вернуть ее не было... Пришлось, как указал начкон, оформить ее в собственность ГСК (Государственная конюшня) через живконтору. Одно это слово – живконтора – вызывает у меня содрогание. Это означало, что мы потеряли Диду – элитную лошадь за копейки! Но не в деньгах же дело! Дело в надежде, что она попала в руки порядочных людей, и ей будет там хорошо. Но и тут нас наказала Судьба.

Через какое-то время мы узнали, что Диды в Прилепах нет. Где она?... Я была так ошарашена этим, что не в силах была даже броситься на ее

поиски; к тому же, что могли мне ответить на мои вопросы – лошадь-то не моя, а заводская, и ее жизнью уже распорядилась ГСК... В то же время и в моей жизни наступили серьезные перемены: я готовилась стать преподавателем и затем стала им, но по диплому-то я была военным переводчиком... Чтобы преподавать на должном уровне, мне пришлось дома перечитать всю необходимую литературу педагогического ВУЗа, т.е. заняться самообразованием. Это требовало массу сил и времени. Дом, семья – с меня тоже не снимались. Это я пытаюсь оправдать хотя как-то себя, свою инертность, хотя знаю, да и моя душа не дает мне покоя до сих пор, оправдания не пришло. Связь с конным миром в то время у меня практически порвалась.

Так прошло несколько лет. Вдруг, до меня дошел слух, что Дида была в Москве (у Иванова!..), а потом ее отправили куда-то в Молдавию и что там ей живется хорошо, потому что на ней ездит какая-то юная девушка, которая к ней хорошо относится... Что мне оставалось делать? Только плакать и страдать. Почему, как это могло случиться?!

До сих пор меня удивляет только одно: если Диду выкупил с завода Иванов, то зачем он это сделал и почему НИКТО из конников не позвонил мне, не сказал об этом, как и сам Михаил Сергеевич?... Что это? Обыкновенная людская черствость или необыкновенное злопыхательство по отношению ко мне, уже совершенно отошедшей в то время от спорта? Не понимаю... и никогда не пойму. Вот пишу эти строки, в глазах – слезы, сердце «защемило». За что так нас с Дидой? За что бедной моей страдальце? Об этом мог бы что-то рассказать Владимир Васильев, который, как мне позже рассказывали, даже садился на Диду и пытался заставить ее вспомнить элементы высшей школы (это после конзавода!), но он молчит и молчал тогда.... Бог с ним... А ведь это человек из нашего общего «Пищевика»! К тому же именно с ним у меня связано другое, но уже очень приятное воспоминание. Когда открыли Лужники, пригласили выступить конников-«школьников». На футбольном поле. Это было единственное и последнее выступление (кроме конкурса на Олимпиаде-80) лошадей на этом поле.

Въехали мы с Васильевым (он – на кобыле Капля) на стадион через ворота... И когда люди на трибунах увидели лошадей, то поднялся такой шум... Вся столичная армия фанатов загремела аплодисментами. Наши лошади буквально взвились в воздух. Но зато – отработали мы, как теперь говорят, классно. Дида, особенно на пассажере, летала, но подчинялась «без слов». Однако поле, даже после такого кратковременного спектакля, было испорчено порядочно. После нас должны были выступать футболисты, но... прежде пришлось утрамбовывать следы «ножек» наших артистов. Вот почему больше не пускали лошадей на футбольное поле.

Прошло еще несколько лет. И вдруг телефонный звонок: «Вы знаете, что Ваша Дида в Москве и стоит у Иванова?» Кто звонил, не помню, да и не мудрено, со мной чуть, как говорится, не случилась «кондрашка»...

Не рассуждая ни о чем, я кинулась в Измайлово. Мне сказали, где находится моя Дида... Она стояла не в деннике, а в станке. Головой к стене, как принято, на привязи. Но, Боже мой, в каком состоянии! Худая, шерсть клоками (это значит – не в порядке!), копыта... Лучше не вспоминать... Отросли (неизвестно, когда их расчищали в последний раз) до страшных размеров... Как она могла ходить на таких «лыжах», трудно себе представить.

Я бросилась к ней, в станок: «Дида, Дидуня!» А сама реву белугой. Обняла ее за шею. Она повернула голову и долго смотрела на меня своими прекрасными грустными глазами, потом тяжело вздохнула и ткнулась, как бывало раньше, мне носом в плечо, как бы говоря: «Где ты была все это время? Мне было так плохо без тебя!» Да, все это надо было пережить... Я бросилась к М.С.Иванову. На мою просьбу отдать мне Диду хотя бы временно, чтобы привести ее в порядок, он, к моему удивлению, сразу согласился. Тут же отдал распоряжение дать мне машину (грузовую, тогда коневозок не существовало), овса, сена и отправить Диду ко мне на дачу, в дер. Жуковка. Этот поступок Иванова и вызвал благодарственное отношение Михаила Михайловича, о чем он написал в своей книге.

Роясь в своем архиве, я нашла отрывок моего письма к Михаилу Сергеевичу. Вот он:

«...Сегодня вы сделали меня счастливой. Дида со мною снова. И такое чувство, как будто 10 лет и не было, мы с ней по-прежнему вместе, и я абсолютно уверена, она меня помнит, знает, любит, потому что относится с большим доверием. Очень быстро успокоилась, это видно по ее глазам, поведению. У дочки, например, морковь не берет из рук, а за мной ходит, как собака, идет на зов, из рук берет все, что угодно. Разве это не трогательно? В общем, я переполнена счастьем, до слез (хотя ими Вас уже не удивить).

Откровенно говоря, я уже много раз прощалась с ней навсегда, даже в мыслях не допуская, что может появиться такая возможность... И это все благодаря Вам, Вашей большой человечности, доброте, сердечности. Какое это счастье, что есть на свете такие люди!

Чем я смогу Вам быть полезной, каким-то образом отблагодарить?! Сейчас Дидуля старушкой и не выглядит, не только внешне, но и в движении: великолепно шагает, даже трогается в рысь...» (на этом обрывается этот кусочек черновика – письма Михаилу Сергеевичу Иванову, написанного в момент, когда я была переполнена чувством радости и благодарности).

Но сейчас, то ли я очерствела, то ли годы делают человека разумнее в своих размышлениях, но я думаю, да простит мне Господь, что все-таки, видимо, в Михаиле Сергеевиче заговорила совесть, раз он пошел на такой поступок. Правда, мне он как-то сказал, что не мог отправить на... двух заслуженных лошадей, это Диду (которую, оказывается, одно время использовали, как учебную лошадь) и, забыла кличку, троеборную кобылу из его школы. Он решил дать им возможность дожить до их собственной смерти. И за это ему спасибо.

Но когда меня сейчас приглашают в Измайловский Клуб на Кубок М.С.Иванова, я не хожу. Моя душа, мое сердце раздираются до сих пор от двойного отношения к этому человеку. Может быть это нехорошо, но к другому отношению я еще не созрела. Как много лет требуется для того, чтобы осознать, простить и быть благодарной за счастье, данное человеком.

Лето проскочило быстро. Дида поправилась. Мы делали все, чтобы она была довольна и ела как можно больше (льняная каша, чистый овес, морковь и пр.). Я еще не рассказала, что как только я привезла ее на дачу, моя мама, такая противница конного спорта и так боявшаяся его, увидев Диду в таком состоянии, заплакала совсем как тогда (никогда не забуду ее глаз и испуганного лица), когда меня как-то привезли на дачу после одной неудачной тренировки – всю в опилках и с синяком и шишкой над правой бровью... А это мы галопировали строем в манеже, лошадь подо мной поскользнулась и упала, разумеется, со мною вместе. Мы лежали на боку, а следующая, шедшая за нами лошадь прыгнула через нас в тот момент, когда я стала приподнимать голову. Удар копыта, летевшей через нас лошади, пришелся мне по лбу. Мое счастье, что я только приподняла голову, если бы я поторопилась встать, то моей голове пришлось бы плохо. А так – только синяк и сотрясение мозга... Всадник не сумел или у него не хватило реакции для того, чтобы отвернуть свою лошадь в сторону, в центр манежа. Вот я и говорю теперь: мой Ангел-хранитель и в тот раз был со мною). Мы вместе с мамой стали налаживать жилье для Дидуни. Сначала в гараже, но потом решили, что ей будет лучше в пристройке к сараю, там был свежий воздух и постоянное общение с людьми. Но первое, что я сделала, это поехала в 1-й конный завод в Горках и привезла оттуда коваля. Он привел в порядок страшные «лыжи» Дидиных копыт. Мне казалось, что она с облегчением вздохнула, почувствовав удобство и легкость движения на аккуратной и красиво подпиленных копытах. Сколько же ей пришлось страдать, чтобы быть доведенной до такого состояния? Дидуня гуляла по нашему яблоневому саду на свободе. Но потом я стала брать ее на корду, а через какое-то время и подседлала. Что испытывала я, снова очутившись на ее спине! Не могу передать... Она жива, она со мной, она послушна мне, моим указаниям...

Мы стали выезжать в поле, на тот самый заливной луг, на котором она получила злополучный брок; для разнообразия начали ездить в соседние деревни, например, Барвиху, Усово. Наши прогулки постепенно удлинялись. Дида вновь стала энергичной, даже стала «тянуть» по-прежнему; я только радовалась, пока...

Пока не произошел ужасный случай. Отправились мы с ней на прогулку в лес за железной дорогой, это километрах в трех от дачи. Там был ров, весь в деревьях, не такой уж и крутой, но после дождя скользкий, а Дида была не подкована. Вместо того, чтобы объехать ров, я решила спуститься вниз и подняться с другой стороны. Но в тот момент

произошло нечто страшное. Дидины ноги «поехали» - заскользили по краю рва, она не удержалась и упала, продолжая съезжать на боку по скользкому глиняному склону. Я соскочила с нее, пытаясь удержать ее поводом, но где там! Наконец, ее скольжение остановило какое-то дерево. Я бросилась отстегивать подпруги, а она лежала, тяжело дыша и дрожа всем телом...

Как я сумела сдвинуть ее, «оторвать» от того дерева, не знаю... В ужасе попыталась ее поднять, успокаивая и лаская. Наконец, Дидину поднялась. Бока раздувались, дрожь колотила ее, страшно было смотреть... А глаза... Лучше их не вспоминать. И во всех ее переживаниях виноватой оказывалась я... Схватив седло на руки, я потащила Диду вверх, боясь, как бы она снова не заскользила. Обошлось...

Всю дорогу домой я проклинала себя, свою неосторожность, боясь за жизнь животного, так доверявшего мне. Еле доползла до дома, сама грязная, Дида грязная, седло... да что там седло. Не до него было. Первым делом искупала Диду, вымылась сама, перевела дух... Смотрела на нее и думала, сколько же испытаний выпало нам с нею в этой жизни, а тут еще такое... Ведь для старого организма это приключение могло и не пройти даром. После этого случая я вновь стала осторожной и далеко от дома уже не уезжала.

Прошло лето. Нужно было думать о зиме. На домашнем совете мы решили, что лучше для Диды и для меня будет поставить ее на ипподроме. Михаил Михайлович поговорил с директором ипподрома Е.Н.Долматовым, тот не возражал. Осталось договориться с Георгием Тимофеевичем Рогалевым, который занимался прокатной школой. С Рогалевым, его семьей (женой Анной Михайловной, дочерью Леной – талантливым инженером-программистом) мы были в очень хороших отношениях. Поэтому можно было не сомневаться в добром отношении к Диде в этой школе, да и променад ей нужен был ежедневный, а я работала в то время и много.

Дида в этой конюшне чувствовала себя хорошо. У нее был замечательный конюх-уборщик – милейшая и добрейшая Мария Григорьевна (не та, конечно, Мария Григорьевна, которая убирала ее, когда мы с Дидой еще скакали в стиплях). О ее добром отношении к Диде и ко мне говорил, например, такой факт: когда Диды не стало, я не приходила на ипподром лет десять, обходя его стороной, она, моя дорогая Машенька, взяла к себе домой Дидино трензельное оголовье,

Одно из последних фото Диды

и оно висело у нее все те десять лет. Что-то заставило меня придти в манеж, знаменитый, самый большой манеж в Москве, построенный Г.Т.Рогалевым для людей, желавших приобщиться к лошадям, и люди приходили туда толпами. Час проката стоил один рубль! И взрослые, и дети... В этом манеже, после долгой разлуки я встретилась с Машенькой, она продолжала убирать лошадей и оставалась такой же милой и женственной. Она мне и сказала, что сохранила Дидину уздечку в надежде встретиться со мной. Извинялась, что не сберегла мои седла и мундштучное оголовье. При нашей следующей встрече Маша передала мне эту уздечку. Теперь она висит у меня дома. Спасибо доброй Машеньке. Есть такие удивительные, отзывчивые на чужую боль и все понимающие люди! Сейчас я с трепетом прикасаюсь к ремешкам, которые надевались на Дидину голову.

Все было хорошо, даже, наверно, слишком, потому что в 1970 году на ипподроме разразилась страшная эпидемия какого-то злостного вирусного гриппа. Практически все лошади переболели этим гриппом. Был даже падеж среди молодых рысаков. Заболела и Дида. Высокая температура, нос в гнойных выделениях, стало отказывать сердце... Несколько раз меня вызывали ночью: «Приезжайте, Диде плохо». Я звонила ветврачу, и мы ехали спасать бедняжку. Спасали. Но после болезни она уже больше не пришла в себя. Сильно похудев, Дидуле уже не хватало сил набрать вес и округлиться, стать такой, какой она была до гриппа.

Для того, чтобы Дида была больше на воздухе, я своими руками соорудила небольшую пристройку к конюшне в виде пэддока, Машенька выводила ее днем на солнышко, но ничего не помогало.

А 11 ноября 1971 года Дида пала – умерла. Мне позвонили, но я не поехала прощаться. Поймите меня правильно, похоронить как полагалось бы у меня не было возможности, а видеть ее лежащей в деннике – кожа и кости... Не могла... Пусть она у меня в памяти останется вечно живой, достойной всяческого уважения как к Личности. А Личностью бывает не каждый человек и не каждая лошадь, а Дида была! Точка.

Нет, не точка, а двоеточие. Мне хочется сказать благодарственные слова в адрес моей семьи, которая всегда поддерживала меня в моем стремлении продлить жизнь дорогому мне животному. Мы жили в достаточно стесненных обстоятельствах, а я тратила почти всю свою зарплату педагога на то, чтобы как-то отблагодарить Диду за то счастье общения с нею, за те непередаваемые на словах мгновения счастья побед, любых достижений, которые давались нам большим трудом, за пережитые волнения, собственно, за всю нашу общую жизнь... А также за то, что она, надеюсь, простила мне предательство, вернее слабость духа, не позволившую мне встать на ее защиту тогда..., когда я должна была это сделать. Но ведь хочется делать так, как было бы лучше. В нашем с Дидой случае лучше не получилось...

Вот я и мучаюсь до сих пор. Теперь – точка. Точка на целом огромном периоде моей жизни, глубокими нитями связанном с Дидой, лошадью так

взаимоотношении с коллективом кафедры было ее знаменитое: «Главное в нашей деятельности это – педпроцесс» (она произносила «пэдпроцесс»). Иногда эти слова вызывали у нас улыбки, но, вдумываясь, мы понимали, как она была права. Иногда мы называли ее «наша классная дама». Главным достоинством Елены Сергеевны, пожалуй, было то, что она умела сохранять на кафедре уважительные отношения педагогов друг к другу, гасить любые намеки на сплетни и непорядочные поступки.

Ведь прошло много лет с тех пор, как я покинула Институт, но традиции порядочности, внимательного отношения к людям там остались. И я благодарна работающим сейчас на кафедре, что у них находится время вспомнить и уделить внимание тем, кто когда-то там трудился. Совершенно неожиданно было для меня приглашение по поводу... моего 80-летия! Незнакомые молодые люди поздравляли меня и старались сказать что-нибудь приятное. Ветерану кафедры, каким я стала. Очень трогательно. Спасибо им!

А это фото напоминает мне о дне, когда мне «стукнуло» 80, но уже дома... Слева – моя дочь София.

Мое 80-летие. Я с Софией дома

2 января 1977 года, погрузив вещи, собаку (Юльку), я села в свой дорогой «Жигуленок» (он много доброго сделал для меня) и отправилась в неизведанные края – Белоруссию, Минск, Ратомку. Впереди был новый виток моей жизни.

На дворе стоял крепкий мороз. Выехать пораньше не получилось, поэтому, когда я проехала километров 250 от Москвы, стало уже совсем темно. Я знала только одно – ехать надо по Минскому шоссе, а дальше... дальше видно будет. Но не доехала я еще до Смоленска (380 км от Москвы), как что-то забарахлило в моторе. Машина отказалась тянуть. Одна только первая скорость работала. Что делать? Шоссе пустое. Обратиться не к кому. А тут еще дорога стала то подниматься вверх, что «Жигуленку» давалось с трудом, то катишься вниз, боясь, что там в низине и останешься. Перепугалась я за Юльку: вдруг замерзнет, простудится. То ли повернуть назад и в Москве исправить неполадки, то ли ехать дальше, «до победного». Пока я раздумывала, впереди показались огоньки города. Смоленск. Слава Богу! Перед въездом в Смоленск стоит мотель, почти у самого шоссе. Я свернула к нему. Это было спасение: машину поставила в гараж (всё – на 1-ой скорости), сама получила чистый номер с горячей водой. Счастье – разрешили

переночевать с собакой; хороший ресторан, в котором накормили нас с Юлькой вкусной едой. Душа размягчилась от всего этого, я отдохнула, нервы расслабились, и утром поехала искать автосервис. Он оказался недалеко от мотеля. «Жигуленка» мне починили. С молодыми мастерами я там быстро перезнакомилась, ввела их в курс моего путешествия, и в конце дня они пожелали нам с Юлькой благополучного пути до цели. Так как в тот год я несколько раз ездила в Москву, то всякий раз заезжала к этим славным ребятам и мне было не страшно, я знала, что всегда найду помощь. В тот раз я уехала от них с пожеланиями успехов, ради которых меня и приглашали.

Помню, как-то я ехала из Минска в Москву и остановилась на той площади, где находится автосервис, а сама зашла в столовую перекусить. Вдруг слышу: «Ребята, это же Юлька сидит в машине! Значит, где-то должна быть и наша Георгиевна». В окно вижу, бегут трое парней, ищут меня. Встретились (у них явно проявился интерес к конному спорту), стали расспрашивать о моей работе, об Угрюмове (запомнили), о котором я им рассказывала. Удивительно приятно тепло человеческих душ.

Я всегда радуюсь и удивляюсь этим проявлениям. И в то же время, думаю: «Пусть они никогда не иссякают».

После ремонта уже во второй половине дня я тронулась в сторону Минска. К вечеру пошел снег, да еще какой! Хлопья огромные, пушистые залепляли стекло, ехать стало очень трудно, тем более что при подъезде к Минску нужно было сворачивать, а в какую сторону, на какую дорогу, я не знала точно. Ни прохожих, ни милиции. Ехала, поворачивала наугад, но совсем плохо стало, когда я выбралась, наконец, на правильную дорогу, совершенно пустынную, темную, которая должна была привести меня к неизвестной мне Ратомке. Наконец, я увидела одинокий домик у дороги. Решила постучаться, спросить, куда мне двигаться дальше. А снег валит, кругом все замело, деревья по обочинам дороги превратились в сказочный Берендеев лес. И красиво, и жутко. Кругом – я одна. Вдруг из избы выходит мальчик. Остановился на крыльце. Я кричу, как мне добраться до Ратомки... Какое счастье! Разве пацан может не знать, где лошади? Он мне точно рассказал весь путь до конюшни, и я без хлопот доехала до сверкавшего огнями манежа. Угрюмов поджидал там, и очень обрадовался, что я доехала благополучно, т.к. они начали уже волноваться: время было позднее. Я ввела «Жигуленка» в предманежник, и с Угрюмовым отправилась на электричку: ночевать на первых порах решили у него в Минске. Я и раньше была знакома с его женой –

Виктор, Алена и Аннушка Угрюмовы, я с Юлькой

Аннушкой, а за то время, что я жила у них с Виктором, очень с ней подружилась. Удивительная это была женщина. В ней была масса восточной мудрости и невозмутимости. Бывало, приедем с Виктором вечером из Ратомки, есть хочется, ужас! А у Аннушки, что называется, и «конь не валялся». Нет, не так: тесто и фарш приготовлены, но не больше. Она ждала нас. «Аннушка, давайте варитьпельмени!» (Наше с Виктором любимое блюдо) А она спокойно: «А я их еще не сделала. Витя сейчас пойдет в ванную, а мы их и слепим быстро». Так всё и происходило: пельмени ли, манты ли, все делалось схода.

Вот эта простота, невозмутимость в отношении всего мне очень в ней нравились. Она никогда не суетилась, не создавала шумихи – всё у неё было естественно, без надрывов. Я, например, всегда боялась каких-либо сложностей на кухне, и получалось, что часто делала из мухи слона. Пельмени сделать для меня – это был целый серьезный процесс, и приступала я к ним с замиранием сердца, а ведь я – сибирячка, а для Сибири пельмени – главное блюдо зимой. Видимо, это было связано с моей мамой, которая даже над котлетами особо «колдовала» - правда, и котлеты у нее выходили такие, каких я ни у кого не пробовала. После знакомства с Аннушкой к любой стряпне я отношусь спокойно, как к рядовому действию. У Виктора и Аннушки была дочка, ровесница моей Юльки. Бывало, сидим за столом, улетаем Аннушкины чудо-пельмени, и Аленушка вместе с Юлькой сидят под столом. Время от времени Аленушка получает свою порцию еды, чаще мясо, либо колбасу, т.е. то, что ребенок хочет, и, разумеется, делится полученным с Юлькой. Бывали такие сцены. У нас наверху все спокойно, жуем в свое удовольствие, разговариваем, обсуждаем прошедший день, и вдруг внизу слышим отчаянный рёв – это Аленушка заливается горькими слезами: «Юлька нехорошая, она укусила меня!»

У нас, конечно, переполох. Виктор хватает девочку на руки, утешает её, а потом спрашивает, где бедняжку укусила нехорошая собака. Алена показывает на руку, а там – небольшие вмятины от зубов. Юлька молодец, никогда не прокусывала даже нежную детскую кожу. «Не вижу укуса!» «Да вот же, вот!» Но слез уже нет. Инцидент исчерпан.

Чудесная она была – эта Аннушка. Виктор – человек сложный, с характером тяжелым, упрямый, своенравный и своеобразный в то же время. К нему нужно было в домашних условиях, ой, как приспособиться. И у Аннушки это получалось. Она умудрялась гасить его вспыльчивость, доходящую порой до вздорности. А как она умела прощать ему его «походы на сторону» (этого же не скроешь)! Она по-настоящему его любила и была ему предана. Я думаю, он много потерял в жизни с её ранним уходом от нас. Я очень тяжело пережила ее смерть.

Через несколько дней после моего приезда нас с Угрюмовым вызвал к себе зам. министра по ФК и спорту, который курировал конный спорт. Удивительно обаятельный человек, сам бывший велосипедист.

Познакомившись, он сразу приступил к делу. В том году должны были состояться в СССР Первые Всесоюзные юношеские соревнования. Задача была поставлена жестко: нужно выиграть первое место либо в

личном, либо в командном зачете. Забегая вперед скажу, Белоруссия стала первой и в командном и в личном зачетах. Что ж, наверное, и мое участие было вложено в это.

Причем, на старте каждого участника мы с Угрюмовым переживали, наверное, больше, чем когда сами выступали. Хочу отметить, что Виктор Петрович вел себя тогда достойнейшим образом, показав себя не только внимательным тренером, но и психологом. Он подошел ко мне и сказал: «Нина Георгиевна, я прошу выводить на старт девчонок Вас. Меня они боятся и будут мандражировать еще больше. Мне лучше держаться от них подальше и на разминке, и на выходе на старт. Сделайте все Вы. Вы на них действуете успокаивающе». Что ж, так и сделали. И он был прав, так рассудив и так поступив.

Но этому моменту предшествовали месяцы и месяцы отчаянной самоотверженной творческой работы. Хороший был год. С удовольствием вспоминаю Ратомку 1977 года. Нелегко было, но интересно.

Я получила комнату в коттедже рядом с манежем. В доме, кроме меня, жили Володя Вагнер – очень способный конкуррист, и семья нашей медсестры. Мы с Володей жили внизу, а Люся с мужем и детьми – наверху. Они же и топили котел. Делалось это днем. К вечеру уже становилось прохладно, а к утру холодоюга была такая, что высунуться из-под одеяла – была целая проблема. Я сначала высовывала руку, включала каминчик и только потом выползала из тепла на холод. Спасением была и Юлька, которая спала у меня в ногах и грела мои ноги своим теплом. Беда была в том, что она часто по ночам спрыгивала с кровати, бегала по комнате зачем-то и потом возвращалась ко мне. А у меня сон нарушался. Причину этих ее рейдов я узнала, когда увидела задушенных мышей. Моя фоксиха исправно исполняла роль кошки. А мышей в доме было видимо-невидимо. Потом пришлось в помощь Юльке поставить мышеловки.

Зима была суровая и снежная, но манеж был рядом и это главное. С утра до вечера шла работа, а так как я считалась тренером-консультантом по всем дисциплинам, то считала для себя необходимым присутствовать на тренировках и конкурристов, и троеборцев. Но основной моей работой была выездка. Как я была рада, что наконец-то дорвалась до дела, которое я любила и знала, пройдя школу с лучшими тренерами страны, такими как Иван Михайлович Чалый, Григорий Терентьевич Анастасьев.

Отношения внутри группы выездки были творческие и дружные. Безоговорочное подчинение тренеру в манеже и равноправное обсуждение достигнутого в работе и плана на следующий день. Вся выездка собиралась на обед у меня, в мою комнату, где и проходили эти разговоры за чашкой чая и не только. Незадолго до обеденного перерыва кто-нибудь отправлялся ко мне домой, варил картошку, нарезал потрясающее белорусское сало, дававшее, между прочим, силу и энергию (как не вспомнить Ивана Акимовича Жердева!), накрывал на стол. Словом, мы совмещали дело с насущными потребностями.

Летом к нам в Ратомку приехал гость – Народный артист СССР Я. Берлинер. Свое имя одного из лучших кинооператоров он заслужил, сняв картину «Мы из Кронштадта». Фильм имел до войны (Великой Отечественной) огромный успех. Зачем и почему он оказался в Ратомке, я не знаю. Угрюмов, наверное, помнит и знает.

В. Угрюмов, Н. Громова, Я. Л. Берлинер

Общение с Яковом Леопольдовичем было очень интересным, и я была очень рада такому знакомству. А какую память он оставил о себе! Его фотографии... Что может быть лучше!

Где-то Угрюмов достал книгу Климке, всемирно известного конника ФРГ, о пользе работы с кавалетти для исправления целого ряда даже природных недостатков лошади. Прочла эту книгу и даже выписки сделала. Стали применять кавалетти на занятиях. Это очень серьезный метод работы в манеже, он требует больше или сужать расстояния между жердями), и нервных напряжений (внимание тренера особо повышено, т.к. от него зависело сделать так, чтобы работа шла на пользу, а не вылилась бы в травматизм, когда лошадь наступала на жердь, будучи не в состоянии перейти через неё).

Кроме того, Виктор любил работать с вожжами. Я это не любила и не одобряла, но не сопротивлялась. Ко всякому стремлению к творчеству, всякому любопытству познать то, до чего додумались другие можно и нужно относиться только с поощрением. Конечно, если это стремление обдуманное и разумное.

В июне я привезла в Ратомку маму и свое последнее лето она провела со мною в Белоруссии. В конце лета я ее отвезла в Москву, а 2-ого ноября ее не стало. В начале ноября я собиралась к переезду в Москву и сама. После соревнований наступило затишье, заслуженный отдых и для людей и для лошадей. Телеграмма о ее смерти не застала меня в Ратомке, и я узнала о большом для меня горе, когда, приехав в Москву, поднялась в свою квартиру. Михаил Михайлович открыл мне дверь, распахнул свои руки и прижал меня к себе. Я всё поняла мгновенно. Я и сейчас чувствую его теплую мягкую грудь, к которой я прильнула, голос, произносящий с лаской и сочувствием: «Бедная моя сиротинушка». Такой была наша встреча в тяжелое для меня время. И я благодарно приняла это признание нашей нужности друг другу. Так всё и осталось до конца жизни уже Михаила Михайловича.

А ведь еще утром 22 января 1985 года он не собирался умирать. Встал, сделал зарядку, принял душ, сам приготовил завтрак. После завтрака все убрал за собой и сел читать газеты. Только тогда поднялась

я (по природе я сова и поэтому, как правило, ложилась поздно и поздно вставала, когда была возможность). Но читать он не мог: одолевала слабость. Поэтому вместо того, чтобы сесть вместе со мной за стол и работать над книгой, он решил прилечь, а я даже обрадовалась – появилось время приготовить обед. Решила в тот день сделать любимые им пельмени. Но... пельменей Михаилу Михайловичу попробовать уже не пришлось.

Последние его слова были обращены ко мне, и я этого никогда не забуду: «Сядь рядом со мной. Возьми мою руку в свои».

Скорая увезла его насовсем...

Жалею только, что многое не было договорено, отношения между близкими людьми всегда должны быть предельно откровенными и открытыми, ничто не должно оставаться «занозой» в душе.

А накануне вечером, почти ночью, произошло то, если бы оно не произошло, я кусала бы себе локти всю жизнь, жалея, что не сделала этого, но слава Богу, ТО произошло. А было вот что: Михаил Михайлович ушел отдыхать, а я еще долго занималась его книгой «Заметки о летной профессии». Разложила весь необходимый для работы материал на столе, записала вопросы, требовавшие уточнения у автора, словом, все подготовила для работы на следующий день. Было уже за полночь. Осталось последнее – прогулка с собакой и спать-спать...

Оделась, надела ошейник на Юльку и пошла к двери... Уже открыла ее... Но тут увидела, что в комнате Михаила Михайловича горит свет. Я вернулась и вошла к нему. Смотрю, он готовит себе какое-то лекарство.

Я остановилась и что-то меня подтолкнуло ему сказать: «Знаешь, я дочитала твою книгу и подготовила все к завтрашней работе. С утра начнем, и думаю, завтра закончим. Мне хочется сказать тебе, какой же ты молодец, написал такую прекрасную книжку. Главное – серьезные и важные вещи изложены просто и понятно, так что я, далекая от авиации, все поняла и мне было интересно». Он посмотрел на меня и сказал: «Спасибо тебе за это. Ты так редко меня хвалишь, что твои слова мне очень дороги». Я остоябенела. И вдруг я поняла, как же мало мы доставляем радости своим близким! Нет, так нельзя жить... Надо всегда помнить великого Сент-Экзюпери: «Мы отвечаем за тех, кого приручили».

Последние годы были очень творческими для Михаила Михайловича: он начал писать книгу воспоминаний. Но эта книга, по его мнению, не должна была носить развлекательный характер, хотя описание разных полетов, безусловно, увлекательно; он ставил себе целью заставить молодого читателя задуматься о многом и, прежде всего, о том, как найти себя в жизни.

Он писал, а я печатала на машинке, правила рукопись как редактор. Я и так всю жизнь печатала все, что он писал, а тут был большой труд. Уже после смерти Михаила Михайловича я издала три его книги: «Заметки о летной профессии», «Через всю жизнь» и «На земле и в небе». Этим, считаю, я поставила ему нерукотворный памятник. Нет, конечно, издала

не я, а издательства «Молодая Гвардия», «Полет» и «Печатный Двор» – моя забота состояла в том, чтобы правильно подобрать материал, хранящийся в нашем домашнем архиве и сохранить стиль автора, чтобы читатель мог почувствовать аромат Громовской речи, а он был великолепным рассказчиком.

Судьба подарила мне встречу с удивительным, редчайшим по глубине человеком. Он много дал мне в смысле развития моего интеллекта, становления взглядов, вкуса, даже в понимании спорта и отношении к спортивной работе. В издании этих книг выражалась моя благодарность к необыкновенному человеку, сыгравшему такую большую роль в моей жизни. Даже то, что мое имя навек останется в истории конного спорта, как единственной женщины-рекордсменки в стипль-чезах, как единственной спортсменки, сделавшей одну и ту же лошадь одной из лучших во всех видах, «повинен» он – летчик и фанат спорта – Громов Михаил Михайлович.

М.М. Громов

В конце последней книги поместили мое послесловие. Говорят, написано удачно. Вот оно. «Жена о муже»:

«Мы встретились после войны. Он был уже генерал-полковником авиации, я – лейтенантом. Так было угодно судьбе, что наша встреча состоялась, и мы прожили вместе почти 40 лет. Сразу оговорюсь: эти годы не были лёгкими ни для него, ни для меня. Годы фанатичного упоения своей профессией, годы всемирной славы, радости от творчества в авиационной сфере достались другим женщинам.

На мою долю пали тяжёлые годы опалы, ненужности, отторжения от дела, которому были отданы лучшие годы жизни и которое он знал досконально. И всё это – результат того, что он был чужд всякого тщеславия, презирал всевозможные связи, не имел «полезных» знакомств, а всегда оставался самим собой. Чувство собственного достоинства было характерно для него всю жизнь. И ещё – отрешённость (в хорошем смысле). За роскошь независимости такие люди расплачиваются дорогой ценой. Так вышло и с Михаилом Михайловичем.

Откровенно признаюсь, что я не сразу поняла, с каким человеком мне выпало «шагать» по жизни. Была, разумеется, влюблённость в Героя, в красивого мужчину, человека, понимающего и знающего литературу, музыку, искусство (всё это уже тогда составляло часть моей жизни и было важным открытием для меня в Михаиле Михайловиче)... Кроме того, общая увлечённость спортом, особенно конным. Читателю понятно, что сошлись не просто два человека, а два человека с общими духовными запросами, для которых житейская мишура была на последнем месте.

Поэтому, видимо, мы и сумели прожить столько лет, подчас не в простых обстоятельствах. Несмотря ни на что (а «отклонений» от той жизни, которую мы называем нормальной, было достаточно) нас уже нельзя было разъединить вплоть до смерти Михаила Михайловича.

Много позже, когда я «повзрослела», стала если не мудрее, то, по крайней мере, научилась оценивать то, чем одарила меня моя Судьба, я поняла, что это счастье встретить такого интересного, с богатой внутренней жизнью, человека. Во многом он и меня заставлял подтягиваться до своего уровня. Это не всегда удавалось, но... марку Громова я стараюсь держать всю жизнь. Для меня было важно, чтобы Михаил Михайлович никогда не мог усомниться в моей человеческой порядочности и верности своим идеалам замужней женщины (я выросла на пушкинской Татьяне).

Поражала и подкупала его необычность, непохожесть на других мужчин. Главное – то, что сначала меня обижало, позже становилось его достоинством в моём сознании. Я невольно смотрела на него как бы снизу вверх, а своим друзьям не раз говорила, что это из-за того, что если мы ходим по земле, то Михаил Михайлович как бы парит над землёй. Такое впечатление возникало оттого, что он постоянно о чём-то думал. Его аналитический от природы ум не мог не работать интенсивно, а для этого требовалась некоторая отстранённость. И это многим было непонятно, в этом многим виделось высокомерие. Это мнение коренным образом менялось при более близком знакомстве.

Никогда не забуду, как много людей приходило на поминки (9 дней, 40 дней, полгода, год). Приходили без приглашения. По зову сердца. И все говорили, вспоминали... Например, лётчики рассказывали, что не было и вряд ли будет ещё один такой защитник испытателей, как Михаил Михайлович. Двери его кабинета (когда он был начальником Управления лётной службы МАП) всегда были открыты. Приходили к нему за советом, помощью и даже просто поделиться домашними делами. И он всегда был готов постоять за лётчиков. Из-за этого у него было много неприятностей с министром авиационной промышленности П.В. Деметьевым, расхожей фразой которого была: «Ты мне дай самолёты, а облетать я их облетаю». Михаил Михайлович стоял на совершенно противоположной позиции. «Жизнь лётчика-испытателя, – говорил он, – самое ценное и дорогое вообще и для государства в частности». Михаил Михайлович выступал за ритмичность работы авиазаводов, против спешки в выпуске самолётов (а значит – и их испытаний) и т.д. Это не нравилось «сильным мира сего». Вот откуда началась травля и унижение, закончившиеся отставкой и фактическим изгнанием из авиации в расцвете сил и неиспользованного опыта.

Когда его не стало, я как-то села за стол с листом бумаги и написала: «Что оставил этот человек после себя на земле – в авиации, в спорте, в культуре...» Оказалось, что очень много. Например, в авиации – сотни испытательных полётов, спасённые для дальнейшей работы самолёты, установление двух престижнейших рекордов дальности (по ломаной и по прямой) при перелёте через Северный полюс. За это он вместе со

своими коллегами по экипажу А.Б.Юмашевым и С.А.Данилиным был впервые в нашей стране удостоен награды ФАИ (Международной авиационной федерации) – медали де Лаво. Кроме этого он создал ЛИИ (лётно-исследовательский институт), став его первым начальником; был инициатором создания единственной в стране уникальной Школы лётчиков-испытателей, выпускники которой продолжили его дело; единственный среди лётчиков удостоился без защиты звания профессора по эксплуатации самолётов и моторов; не имея специального командного образования командовал во время войны (и успешно!) 3-й и 1-й Воздушными Армиями; сделал качественный переворот в методике лётных испытаний; оставил после себя немало учеников, в том числе В.П.Чкалова, для которого сделал ещё одно доброе дело – встал на защиту молодого, горячего и талантливого лётчика, изгнанного из армии за недисциплинированность, и добился его возвращения в ряды авиаторов. А многие ли знают, что благодаря обращению Михаила Михайловича к Л.П.Берии был освобожден из Магаданского ГУЛага С.П.Королев, из Архангельска – легендарный К.К.Арцеулов, летчик, мужество, ум которого спасли жизнь тысячам летчиков (рискуя жизнью он преднамеренно ввел самолет в «штопор» и впервые в мире вывел его из этого состояния придуманным им методом: до него штопор означал смерть для пилота)... И ещё многое-многое другое...

Это была такая богато одарённая натура, что без сомнения, если бы он не стал лётчиком, то он проявил бы себя в других областях. Главное его качество – страстность, увлечённость до фанатизма. Так было и в спорте. Думаю, для многих будет открытием тот факт, что Михаил Михайлович был первым чемпионом нашей страны по тяжёлой атлетике в тяжёлом весе (в 25 лет!). Совсем забыто (а это – интересный момент в спортивной жизни страны), что такой распространённый, любимый молодёжью и принесший столько славных побед вид спорта как пятиборье, был внедрён Михаилом Михайловичем. Первую группу пятиборцев составили энтузиасты – Лагофет, Варакин, Таманов, Мишин и ещё кто-то, при участии самого Михаила Михайловича (насколько позволяла ему служба в Дальней авиации). О конном спорте и говорить не приходится. Ему он посвятил целую главу в своей книге. Важно отметить, что любовь к спорту любовью, но будучи творческим человеком во всём, он и здесь привлекал науку, штудировал книги по физиологии, работы по биохимическим процессам, происходящим в организме спортсмена и лошади. Так им была создана особая, вобравшая в себя знания тренировок скаковой и беговой лошади, методика подготовки стипль-чезной лошади. Эта методика, внедренная мною на практике, показала правоту его выводов и рассуждений. К какому бы делу не приступал Михаил Михайлович, он становился в нем профессионалом в самом высоком смысле этого слова и никогда – дилетантом. Результат – мы с нашей любимицей Дидой установили два всесоюзных рекорда. По прошествии многих лет я, наверное, имею право с гордостью сказать, что поддержка и помощь мужа сделали из

меня единственную в истории конного спорта женщину, отважившуюся поспорить с «сильным» полом в таком чисто мужском состязании как стипль-чез.

Природа дала Михаилу Михайловичу так много! Если бы он стал врачом (а это было возможно, так как семья, в которой он рос, была медицинской: мать – акушерка, отец – врач), то можно не сомневаться – он не был бы посредственностью и в этой области. Если бы он выбрал искусство, мы имели бы незаурядного художника. Если бы пошёл в актёры... Близкие ему люди знали, как великолепно он читал Гоголя, Пушкина, Есенина, Агнiewiczа, Северянина, Джека Лондона... Очень любил басни Крылова. Особенно близок по духу ему был Гоголь. Я, практически профессионально занимавшаяся тещиным искусством, уверяю, что так чувствовать стиль Гоголя, его неповторимый юмор, смешанный с любовью к своим персонажам, красоту гоголевского языка, не мог никто.

Но верх взяла авиация. Главным образом, о ней и эта книга. Нобелевский лауреат поэт И.Бродский сказал: «Человек – это испытатель воли». Это точно о Михаиле Михайловиче.

Важно и то, что он прожил жизнь так, что люди, благодарные ему за поддержку и помощь, обращались к нему в письмах со словами: «Дорогой наш Человек!». Это многого стоит. Вспоминаю, как однажды я сказала Михаилу Михайловичу: «Ты же не знаешь этих людей, а пишешь и ходатайствуешь за них... Достойны ли они этого? Нужно узнать о них хоть что-то, чтобы ставить свою подпись под прошением». (Кстати, это просто поразительно, как его имя помогало людям преодолеть чиновничьи препоны.) Михаил Михайлович ответил мне так: «Раз люди обращаются ко мне, значит, их заставила это сделать нужда. Я должен помочь, а не отворачиваться от них». В этом он весь.

Почти никогда не упоминается ещё об одной черте характера Михаила Михайловича – о его непосредственности. Помню такой случай: мы поехали на просмотр какой-то картины на «Мосфильм». Вошли через проходную на территорию киностудии. Идём. Я озираюсь: всё было интересно для меня. Михаил Михайлович молча шёл рядом. Совершенно неожиданно для меня он вдруг во весь голос запел:

Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил.
И все биндюжники вставали,
Когда в пивную он входил!

Я с удивлением воззрилась на него, не обратив внимания на то, что на каком-то расстоянии впереди нас шла группа людей. И вдруг эта группа остановилась, и все обернулись к нам. От неё отделился человек, в котором я узнала... Леонида Осиповича Утёсова! Утёсов и Михаил Михайлович двинулись навстречу друг другу и радостно обнялись. А я и не знала, что они были знакомы. Видимо, их знакомство относилось ко времени до моего появления в жизни Михаила Михайловича, а потом их дороги разошлись (и так бывает). И вот – встреча! И такая непосредственная!

Я ни слова не сказала об отрицательных чертах характера Михаила Михайловича. Не обошлось и без них. Но я считаю, что это никого не касается и не должно интересовать посторонних. Опять вспоминаются мудрые слова: важно не ЧТО и КАК (написано, сделано, прожито), а КТО.

Хочу закончить словами, которые характеризуют Михаила Михайловича наиболее полно и высечены на его надгробии, на Новодевичьем кладбище: «Философу подвига, теоретику героизма».

Для полноты портрета Михаила Михайловича, чтобы лучше понять его страстную натуру, мне хочется рассказать о двух моментах моей жизни, одновременно серьезных и курьезных.

Первый. Закончился стипль-чез на 6000м, я его выиграла, установив новый рекорд страны, улучшив время рекорда на 18,3 (!) секунд, и это значительный результат. Первая реакция Михаила Михайловича – можно было бы и лучше, т.е. пройти еще резвее. Это потом он говорил и писал о своем восхищении моим «подвигом».

Второй. Я выступала в троеборье. Расписание соревнования было сделано так, что кроссы для лошадей молодого и старшего возрастов проходили в один день. Кросс на старой лошади я прошла нормально, а вот в кроссе на молодой сбилась с пути. Я уже писала, что с разметками кроссового пути в то время дело обстояло очень плохо. Кросс для молодой лошади сначала проходил по следованию старой, а потом для сокращения дистанции сворачивал в сторону. Так вот этот поворот я проскочила. Когда же поняла это, остановила жеребенка и стала смотреть на следы предыдущей лошади (тоже мне «следопыт» нашелся). Эти следы уходили в лес. Я и поскакала по какой-то тропинке в чащу леса. Только заехав куда-то явно не туда, вернулась к старому повороту, но, осознав, что кросс я проиграла (а молодой жеребенок шел так резво, прыгал так легко!), остановила лошадь и до финиша уже шла пешком, размазывая по лицу слезы. Да что там слезы! Всю оставшуюся дорогу, как говорится, я выла белугой. На финише все уже успокоилось – кросс был закончен, а меня всё нет. Думали о несчастном случае. И тут, явление народу – финиширует Громова шагом! Когда всем всё стало ясно, Михаил Михайлович, пришедший на кросс, сказал: «Тебе надо сидеть дома и вязать кружева, а не заниматься конным спортом!» Сел в машину и уехал. Ни слова сочувствия, утешения. Ему было непонятно происшедшее со мной. От природы он был максималистом. Ему неведомы были поражения, проигрыши. Моя же боль его не тронула. А ведь это, возможно, произошло потому, что два кросса, да еще при плохой организации, в один день проходить не следовало бы.

Что же касается следов, сбивших меня с пути и заставивших повернуть в лес, то это были следы другого спортсмена – Фадеева из Эстонии, который тоже сбился с пути и роковым образом повлиял на мой выступление в тот злосчастный год.

До сих пор жаль, что так получилось. Шансов у меня на победу было много. Я шла на сына Фиделио и Диды – Фиделио II, удивительно

способной и талантливой лошади с несчастной судьбой в отличие от своих отца и матери.

Страсть – великое чувство, данное человеку. Оно способно смести все, что мешает ему. Михаил Михайлович обладал такой натурой. Вспоминаю, как он, будучи уже пожилым человеком, любя хоккей, сидел перед телевизором с горящими глазами, а щеки у него пылали...

Но возвращаюсь к работе с Угрюмовым. Я уже писала о трудном его характере. И тут же, прежде всего, должна отметить его грубость, nepзволительную распушенность в обращении с людьми, с молодыми спортсменами. Я боролась с этим его недостатком, как могла, объясняя недопустимость издевательского тона в разговорах, унижающего человеческое достоинство и т.д. К сожалению, самоуверенность, вседозволенность, которую он позволял себе, и безнаказанность, возможно, были результатом недостатка культуры и нежелания расти в этом отношении, поэтому мои усилия не возымели должного влияния на этого, безусловно, неординарного человека. И когда он, приехав в Москву, начал работать в Битце, и пригласил меня присмотреть за ним и другими его подопечными, то всё шло хорошо, пока Угрюмов не распустился настолько, что оскорбил и меня. Хотя и знал, какая может последовать реакция с моей стороны. Второго окрика я уже не потерпела. Просто ушла из манежа, не говоря ни слова. Так разошлись наши дороги, которые могли бы не прерываться. Последовало ли извинение? – Конечно, нет. На пользу это пошло ему? – Думаю, нет. Да и мне жаль.

Еще один штрих к непростому характеру Угрюмова. В конюшне стоял большой добродушный конь – Акрополь. То ли голштинец, то ли еще кто, не помню. Я его очень любила и часто, подседлав, мы уезжали с ним куда-нибудь на природу (хотя сама-то школа, грех сказать, стоит в чудесном месте – поля, леса кругом, словом, – свобода). Юлька бежала рядом или отвлекалась на какие-то свои собачьи интересы. Особенно весной было чудесно, когда просыпался лес от зимней спячки, пробивалась кругом зелень, а на берегах повсюду висели стекляннные банки – в них собирали березовый сок. Чего только люди не придумают себе на здоровье!

М.М.Громов, Н.Г.Громова на Фиделио II, 1953 г.

Отведя душу (поездив верхом), мы возвращались на конюшню. Акропка всегда вел себя хорошо, внимательно к всаднику.

Но обычно в манеже Акрополя работал Угрюмов. У коня была одна серьезная загвоздка: на рыси, на прибавлении, он совсем не выдвигал плечи, замыкаясь на поводу и учащая рысистые махи вместо того, чтобы их расширять и сохранять естественный для него ритм. Я начала работать над этим элементом. Мой любимый прием: встав в центре небольшого круга в одном из углов манежа, я просила спортсмена вести лошадь вокруг меня. В руках у меня было подобие шамборьера. Подобие – потому что таких вещей у нас в продаже не было. В Германии, в Лейпциге, я купила прекрасный шамборьер, но так мне и не удалось им воспользоваться: в 70-летний юбилей Терентьевича (Анастасьева) и подарила его ему. А в Ратомке он был очень нужен мне. Тогда Угрюмов нашел ровный прут орешника и приделал к нему нужной длины сыромятный ремешок. Получилось то, что надо: легкий и удобный. Потом я долго им еще пользовалась и очень берегла. Но как-то в манеже кто-то попросил его, и вернули уже сломанным. Было это уже в Москве. Жалко мне его было еще и как память.

Так вот, работая на кругу, всадник по моему указанию, а иногда и с моей помощью в нужный момент (этот момент видит глаз тренера) мощно высылает лошадь вперед по прямой (вдоль стенки). Лошадь из поворота делает широкий, свободный шаг или вернее – мах, расслабляя плечо и опустив немного шею и голову. Очень важно не задерживать лошадь поводом в этот момент, сохраняя тем не менее контакт-связь со ртом.

Это только начало того, что нужно.

Сначала – одно правильное движение, потом второе, в конце концов, мышцы плеча становятся эластичными, их расслабленность позволяет животному без болевых ощущений идти широко. Так из лошади с мелкими неэффективными движениями «делается» лошадь с рысью, на которую можно залюбоваться, но главное – это будет отвечать Правилам по выездке, которые задают тон в работе и для спортсменов и для судей.

Так я работала и с Угрюмовым на Акрополе. В конце – концов, он стал чудо-лошадью, с изумительно красивой рысью.

На этих занятиях у нас с Виктором произошло первое столкновение.

Работая со мной, он выполнял всё, что я от него требовала. Стоило мне от него отвернуться, заняться кем-либо другим, вижу, бывало, краем глаза, что делает он что-то не так, неправильно. Я опять кричу ему о его ошибке. И так, бывало, много раз. Однажды я рассвирепела. А он спокойно подъехал ко мне и говорит: «А я Вас проверяю. И вот, что удивительно, как бы я ни пытался делать по-своему и по-разному при этом, Вы «бьёте» всё в одну точку, ну никак Вас не сбить». Ну, как к такому эксперименту надо мной отнестись? Я расхохоталась. Что можно было ожидать от меня, твердо знающей азбуку работы с лошадью? Но этому разговору предшествовало мое излишнее волнение, поднявшее мне давление и выбившее меня из строя на несколько дней. Угрюмов тогда испугался этой моей реакции, и опыты надо мной прекратил. Вот такой это был человек.

В ратомской выездковой команде выделялись несколько спортсменов, на которых можно было ставить ставки в будущем. Это Ира Михайлова – очень чуткая и с мягкими руками всадница. С ней было приятно работать. Она быстро все воспринимала и старалась четко выполнять указания, чего нельзя было сказать о второй спортсменке, хотя она считалась первой – Ире Карачевой. Ей Угрюмов отдал лучшую лошадь школы – своего, уже тогда знаменитого, Саида. На нем Угрюмов был шестым на Олимпиаде в Монреале. Это очень высокий результат, тем более для только начинающего выступать на международной арене спортсмена. Чтобы «закрепить» Саида за Карачевой, а значит «выдернуть» его из-под Угрюмова, члена сборной команды СССР, мне пришлось специально съездить в Москву в Спорткомитет и доказывать целесообразность такой пересадки. Разговоры были длительными и сложными, но закончились они в пользу нашей задуманной и продуманной политики – победы на Всесоюзных юношеских соревнованиях.

Но работать с Ирой было трудно. Она слушалась только окриков Угрюмова. Так я и не смогла смягчить её руки, научить не жесткому подчинению лошади человеку, а разумному навязыванию лошади своей воли. Не знаю, как она сейчас работает, остались ли у нее в памяти мои советы, указания и разъяснения, но победителей не судят, как известно, а она стала чемпионкой этих юношеских соревнований.

Зато радость мне доставлял молодой паренек – Гена Седаков. Мягкий, чуткий к лошади, не любивший грубости в работе и, главное, схватывавший всё то новое, что принесла я в команду. В то время у него был конь Выпад. Многое нужно было исправлять у этого коня, да и природа наделила его рядом недостатков, с которыми пришлось повозиться. Вспоминается особенно неприятный изъян в его рыси. Прибавляя, он обязательно разводил задние ноги, да так широко, что зад казался вдвое шире переда. За это судьи очень снижают оценки. Чтобы отучить его от этой беды, мы предлагали ему выполнять разные упражнения, которые не позволяли разводить ноги. Ну, и прочее...

Потом Выпад, как рассказывали, много и долго хорошо работал на школьную команду, на людей, обучавшимся владению лошадью, обучающихся искусству выездки.

Способность Гены и живое восприятие всех тех требований, которые предъявлялись ему, я быстро разглядела. Одного только я понять не могла, почему молодой человек не интересовался нашими «посиделками», разговорами, а убегал сразу домой. Почему это происходило так, я узнала совсем недавно. Встретились на соревнованиях в Комарово, под Санкт-Петербургом, разговорились, и он мне рассказал, в каких житейских клещах он тогда находился. Но я-то этого не знала. Зато от уже взрослого человека, государственного тренера по выездке Белоруссии Геннадия Владимировича Седакова я услышала такое, что могла после этого себя поздравить: не зря я прожила год в Ратомке четверть века назад. А сказал он мне следующее: что помнит все мои замечания, которые я ему высказывала тогда, помнит

сам стиль и процесс работы, которые я насаждала, и теперь он старается это все использовать, применить в работе со своими спортсменами.

Что нужно человеку, который до сих пор считает, что у него жизнь уже почти прошла и как жаль, что он остался не полностью востребованным там, где мог бы помочь и сделать людям хорошее! Это я о себе. Значит, ошибаюсь? Нет, неудовлетворенность осталась – могла бы больше!

ЭПИЛОГ

Последнее десятилетие прошлого века оказалось для меня испытанием всех моих сил – физических и психических. Главным для меня было – устоять перед этим испытанием.

В 1994 году мне сделали операцию, в ходе которой врачи «нечаянно» проткнули легкое. Пневмоторакс... Далее – клиническая смерть; спасибо, эти же врачи вернули меня к жизни, сами удивляясь, почему я ожила. Как мне рассказывали, при отказе-сжатию легких, скажем так, человека нечасто возвращают в наш чудный замечательный земной мир (это начинаешь по-настоящему осознавать только после перенесенного потрясения такого рода). Я же полагаю, что им – врачам – помогла моя природа, мои спортивные легкие. А после этого мне было сказано: «Берегитесь. Теперь в вашем организме самое слабое место – ваши легкие». Но беда свалилась на меня еще раз. Анализ показал необходимость срочной второй операции, операции обширной, теперь уже по поводу рака. Всем ясно, как страшно звучит это слово, а как же чувствует себя человек с таким диагнозом? Но о какой срочности могла идти речь, если из реанимации я попала в палату только через неделю о разрезанным горлом (говорить практически не могла), без никаких сил. Когда ко мне пришли близкие и друзья, они были в шоке при виде немощи, лежавшей на кровати.

Я бесконечно благодарна близкому другу, который не раз поддерживал меня в тяжелые минуты, В.В. Решетникову, Герою Советского Союза, прошедшему войну «от звонка до звонка», знавшему Михаила Михайловича и всегда с почтением относившегося к нему. Он, зная мою страсть к лошадям, принес самый подходящий для той моей ситуации подарок – картину-этиюд знаменитого художника, своего дяди, Федора Решетникова «Лошадь на лугу» (или «Серый»). Стоит старая кляча, как бы раздумывая о своей прежней, возможно, бурной жизни. Спокойная, вернее, уже успокоенная. Что у нее может быть впереди? Все позади. Я взглянула на эту картину и в душе ахнула: да ведь это я в теперешнем моем положении... Эта лошадь висит у меня дома около кровати. Я засыпаю и просыпаюсь с ней. Она вошла в меня, но она и поддерживает меня. Нет-нет, жив-жив еще курилка! Так и на больничной койке я стала размышлять и философствовать о жизни, смерти, возможности человеческого организма... В результате, когда ко мне явились доктора уговаривать лечь на немедленную вторую операцию, я нашла силы им сказать: «Нет». Я понимала, что вторую операцию уже не выдержу. У меня уже не было ресурсов, а они не понимали! Во главе с

генералом – главным хирургом! Я написала заявление о своем решении уйти из госпиталя. Это заявление далось мне не просто. Помогла моя добрая славная дочь. София увезла меня домой. Но что-то надо было предпринимать дальше.

Свет не без добрых людей. Протянула мне руку помощи моя приятельница еще по Институту стали и сплавов – добрая и отзывчивая на беду других Наталия Владимировна Бородина и ее брат – Борис Владимирович Билетов – крупнейший онколог страны; он-то и направил меня в Онкоцентр имени Блохина на Каширке, за что я ему безгранично благодарна. Спасибо специалистам этого Института, помогающим тысячам отчаявшихся людей. Сколько страданий я там увидела. Самое страшное – плачущие дети, ждущие от взрослых помощи, избавления от боли, а мне пришлось на очередной сеанс облучения стоять в очереди именно среди детей. Облучали меня три месяца подряд, т.е. я получила максимальную дозу лучевой терапии. Хотя моя иммунная система подошла к нулю в конце лечения, я осталась жива и живу уже 10 лет и не просто живу, а работаю, действую, хотя годики и добавляются.

Иммунную же систему мне восстановила замечательный доктор-гомеопат Ольга Алексеевна Г. С тех пор я приверженец такого вида исцеления людей от недугов.

Не унывать мне помогало мое старое увлечение чтецким искусством. В Доме Ученых я стала опять выступать на сцене; мои коллеги по студии очень тепло ко мне относились и даже настояли на персональном концерте. Такой бенефис состоялся. Мое сердце наполнено теплом благодарности ко всем,

кто готовил этот вечер без моего ведома. Тем и дороже было то, что произошло. Я построила свои выступления так, чтобы охватить все разнообразие произведений, над которыми я когда-то работала. Это были и самые любимые вещи, такие как «Слово о полку Игореве», стихи М.Цветаевой, малоизвестный юмористический рассказ А.П.Чехова (Антоши Чехонте) «Длинный язык» и много-много другого. До сих пор жалею, что вместо любимого и хорошо нами исполняемого «Графа Нулина» Пушкина, почему-то я со своим партнером В.Тихомоловым читала «Сказку о золотой рыбке». Вечер превратился в не совсем урочное чествование меня, только я так и не поняла, почему это случилось, но то, что это было именно так, вы поймете, прочтя

Нине Георгиевне Громова

Сегодня – восторженно чтима
Женщина... (голос мой дрогнул...)
С именем царственным – Нина,
С победоносным – Георгиевна...

Строки пусть льются лентой,
Вьются венками-лаврами –
К женщине, ставшей легендой,
К женщине – с Громова славою...

Торжественною поэмкой
Строка пусть вослед серебрится –
Актрисе и Амазонке –
Женщине – светлой, как птица...

коллективное подношение-стихи, написанные одной из участниц нашего «Собеседника» Л. Колодяжной, талантливым поэтом, чтецом, певцом, а по жизни – филологом. Много приятного я услышала в тот вечер, но конечно, если я и стала практически профессиональным чтецом, то этому способствовали встречи с незаурядными людьми, такими как режиссер театра им. Моссовета Александр Шапс, Е.Я. Эфрон, Т.В. Девлишева и, конечно, уже тридцатилетнее общение и работа с С.П. Серовой, профессором ГИТИСа (ныне РАТИ), Заслуженным деятелем искусств, талантливой актрисой, режиссером и удивительно человеческим человеком, мягким, добрым, высоко интеллигентным и беспредельно тактичным. Сама – поэт, она чувствует природу литературных произведений. Я не помню случая, чтобы в работе произошла неувязка между текстом и подтекстом. Я всегда чувствовала себя глиной, из которой Сюзанна Павловна «лепит» только ей видимый образ. Когда же проникаешься ее указаниями, то можешь добавить и свое видение. Это сплетение требований режиссера с внутренней чувственной работой актера дает нужный результат. Очень интересно работать и очень интересно слушать, как она работает с другими. На этом не только учишься, а учиться нужно всю жизнь, но становишься богаче духовно. Недаром мы все говорим, что наши среды – это подпитка наших душ. Спасибо милой, славной, бесконечно любимой Сюзанне Павловне Серовой. Я чувствую себя постоянно в долгу перед нею.

В этом концерте принимала участие и моя дочь София, по профессии она концертмейстер. Она и певица Инна Малая (прекрасный голос!) очень украсили тот вечер. Инна пела те вещи, которые я попросила, посчитав, что они по духу связаны с теми или иными произведениями. И я счастлива, что у меня хорошая, отзывчивая дочь. Она не только моя поддержка, но с годами мы становимся ближе друг к другу. Вот и она скоро выйдет на «заслуженный отдых». И ее жизнь не была усыпана розами. Чем могла, я помогала, хотя может быть и требовалось больше от меня. Но оправдываюсь тем, что рядом со мной был человек, которому тоже требовалось мое внимание...

Главное, что я ценю в своей дочери, – это ее постоянный оптимизм. Она не унывает, даже когда ей плохо. Меня когда-то друзья по сцене называли человеком настроения. А она, видимо, много унаследовала от отца. И, слава Богу! Теперь эта ее черта помогает жить и мне.

Так, после больших страданий я получила праздник...

Поддержали меня и конники, не все, конечно, а те, у которых отзывалась душа на человеческое горе. Одной из тех, кто помог мне выстоять была Татьяна Федоровна Ушакова.

В дни Олимпиады 1980 года я познакомилась с молодой красивой женщиной, входившей в нашу советскую команду судей. Разговорились. Меня привлекла в ней жажда узнавать все новое и еще неизвестное ей. После Олимпиады она пригласила меня в Сокольники посмотреть на ее работу с лошадью. Таня не была профессионалом-конником. Кстати, первой ее школой был «Труд» (бывший «Пищевик»). Имея ученую степень

кандидата экономических наук, она работала в НИИ, занимаясь серьезными государственными делами. Но лошади притягивали ее к себе с детства. Не отозваться на просьбу я не могла. И так я стала довольно частым гостем в группе В. Васильева, в которой она трудилась все свободное время.

После Олимпиады-80, Битца

После очередного концерта

Мои слушатели-болельщики из конного мира – Николай Петров и Татьяна Ушакова

«Длинный язык» Антоши Чехонте

Коллектив «Собеседника» после концерта, в центре с цветами С.П.Серова

Я читаю стихи Северянина

Я на сцене Дома Ученых, 2000 год

Начав разговор с того, как правильно выезжать лошадь, как правильно с ней общаться, налаживать контакт, чтобы не ущемлять ее лошадиное достоинство, а наоборот делать ее равноценным партнером, мы продолжили их (разговоры) и по сей день, когда Татьяна Федоровна, став свободным гражданином – пенсионеркой, оставила свой НИИ и по возможности стала работать тренером по конному спорту. Всем, что ее волновало в работе с лошадью, она делилась со мной, проверялись ее тренерские методы, обсуждались сомнения, обговаривались возможности помощи всадникам сделать лошадь максимально отзывчивой на требования человека для полного удовлетворения и удовольствия обоих. Ушакова исходит в своей работе из любви к лошади и уважении ее. Это, а также творческий подход к самому тонкому взаимопониманию между человеком и животным я ценю выше всего. Поэтому все, что накопилось во мне в виде опыта и всадника, и тренера, и судьбы, я старалась передать ей.

Разговоры у нас до сих пор бывают длинными и думаю, небесполезными. Но иногда свои подсказки я высказываю и глядя на живую работу. Я рада, что этот мой опыт не отвергается, а принимается во внимание. Собственно, пожалуй, в основном именно Т.Ушакова больше всех получила от меня советов, объяснений, рекомендаций и пр., которые могли бы пригодиться в каждодневной работе, которой я была лишена уже много лет. Если она это ощущает, ценит и считает важным для себя, то спасибо ей! Теперь мы разговариваем и обсуждаем проблемы всадников, тренеров и судей на равных. Она выросла за эти годы нашего общения в серьезного специалиста. Дай Бог, чтобы она правильно восприняла мое откровение, не осуждая меня и не думая, что я преувеличиваю. Я же обещала читателю быть предельно откровенной. Я благодарна Татьяне Федоровне еще за то, что она до сих пор верит «в мои глаза», т.е. в то, что я вижу и замечаю многое, что ускользает от других. Но для этого следует развивать в себе постоянно любознательность и поддерживать неудовлетворенность в содеянном. Нужно помнить, что сделав сегодня хорошо, покритиковав себя, можешь сделать завтра еще лучше.

Я благодарна всем тем, кто не давал мне чувствовать себя больной, а наоборот – нужной людям. Это, видимо, и заставило меня выздороветь и держаться на плаву уже столько лет, да и сейчас я не собираюсь сдаваться. Как у классика: «Его пример – другим наука»: вот моя жизнь, ее осмысление и может помочь другим быть стойкими, я надеюсь.

Волшебное состояние – жить на земле.

Когда говорят, как могло произойти так, что Вы – легенда нашего спорта – не Заслуженный мастер, я отвечаю – могло. Были люди, которым не хотелось давать мне это звание, хотя другим оно присуждалось за меньшие заслуги. Я всегда спокойно относилась к наградам. Мне казалось, что все еще впереди и придет само собой. Ан, не пришло. Может быть, это не совсем корректное сравнение, но мой

муж был признан в мире лучшим летчиком-испытателем, а звание «Летчик-испытатель» ему так и не присвоили.

Михаил Михайлович – один из первых Чемпионов СССР по тяжелой атлетике, рекордсмен и в гиревом и в авиационном спорте, а Заслуженного мастера спорта СССР он получил как подарок только к 70-летию. Не дали ему и вторую золотую звезду Героя за перелет через Северный Полюс. Что ж, хуже от этого он не стал. Так распоряжается Судьба подвластными ей людьми.

Какие бы лестные эпитеты я не получала за свою жизнь, как бы не называли меня, все это очень трогательно и приятно, но должно быть природа создала меня не то чтобы невосприимчивой к хвалебным словам (не хочу лукавить), и я вполне осознаю ту роль, которую сыграла в конном спорте и тот след, который оставила в его истории и, тем не менее, самый дорогой подарок сделали для меня журналисты. В газете «Спорт-Экспресс» три года назад был опубликован список выдающихся женщин-спортсменок нашей страны за сто лет, т.е. за XX век – по 19 видам спорта. Под рубрикой «конный спорт» были напечатаны две фамилии: Громова Нина и Петушкова Елена. Я прочла это случайно на улице и ошеломленно сказала себе: «Я получила даже больше, чем могла бы ждать от жизни. Выше этой награды – ничего быть не может. Не знаю даже кому сказать спасибо, говорю «спасибо» всем журналистам, проделавшим большую работу по подбору и обсуждению этих фамилий. Как говорил Михаил Михайлович, самое трудное в жизни – объективность. Надеюсь, этот список составляли именно с учетом объективности.

В списке 100 выдающихся мужчин-спортсменов от конников оказался один С.Филатов. Почему не отмечены другие олимпийские чемпионы? Думаю, учитывались лишь те, которые совершили какой-то прорыв в своем виде...

Я сказала себе: «Стоп! Тебе нечего больше желать!»

Вся моя жизнь волей-неволей отражает ту обстановку, в которой мы жили в теперь уже далекие годы, подчиняясь законам советской власти, которую сейчас вовсю ругают. А если вдуматься? Плохо ли прошло мое детство? Да, мы не знали таких разносолов, которые доступны теперь. Но всем ли, вот вопрос. Со всеми недостатками, которые тогда были и которые следовало изживать, большинство людей чувствовало себя в той жизни уютнее, спокойнее, увереннее за завтрашний день. Я иногда думаю, могла ли я со своими способностями, любовью к животным заниматься конным спортом в современном мире? Вряд ли. Не было в кругу, в котором жила я, моя семья, ни олигархов (какое ужасное слово), ни богатых людей, заинтересованных в моем таланте. Мне искренне жаль, что произошли такие коренные изменения в нашей стране, когда кошелек стал определять положение человека в обществе, а не его достоинство, честь, способности. Но я осознаю, что все в жизни мне дало государство, а не «карман».

100 выдающихся спортсменов России XX столетия

<p>Баскетбол Алексеева Лидия Базаревич Людмила Баранова Елена Воронина Гапина Захарова Надежда Засульская Наталья Овечкина Татьяна Сухарнова Ольга Ферябникова Нелли</p> <p>Биатлон Резцова Анфиса Ромасько Ольга Чернышева Венера</p> <p>Велосипедный спорт Гаркушина Тамара Ермолаева Галина Забирова Зульфия Царева Галина</p> <p>Волейбол Булдакова Людмила Еремсева Милития Леонтьева Галина Огиенко Валентина Осколкова Валентина Салихова Роза Сарычева Татьяна Смирнова Ирина Смолеева Нина Третьякова Татьяна Тюриня Любовь Чудина Александра</p> <p>Гимнастика спортивная Бурда Любовь Латынина Лариса Мухина Елена Турищева Людмила Филатова Мария Хоркина Светлана</p>	<p>Гимнастика художественная Батыршина Яна Зарипова Амина Кабаева Алина</p> <p>Карпухина Елена Гребля академическая Константинова Галина</p> <p>Гребля на байдарках Гопова Нина Пинаева Людмила Середина Антонина Шубина Мария</p> <p>Конный спорт Громова Нина Петушкова Елена</p> <p>Конькобежный спорт Аверина Татьяна Артамонова Инга Гусева Клара Жукова Римма Исакова Мария Петрусева Наталья Рылова Тамара Селихова Лидия Скобlikова Лидия Стенина Валентина Степанская Галина Титова Людмила</p> <p>Легкая атлетика Брагина Людмила Казанкина Татьяна Мастеркова Светлана Мельник Фаина Пономарева -Ромашкова Нина Пресс Ирина Пресс Тамара Чижова Надежда</p> <p>Лыжные гонки Боярских Клавдия Вяльбе Елена</p>	<p>Гусакова Мария Егорова Любовь Козирева Любовь Колчина Алевтина Кулакова Галина Лазутина Лариса Сметаннина Раиса Тихонова Тамара</p> <p>Плавание Кошева Марина Прозуменщикова Галина</p> <p>Прыжки в воду Вайцеховская Елена Калинина Ирина</p> <p>Современное пятиборье Суворова Елизавета</p> <p>Стрельба из лука Гапченко Эмма</p> <p>Фехтование Гилязова Наиля Горохова Галина Забелина Александра Князева Ольга Никонова Валентина Прудкова Валентина Растворова Валентина Сидорова Валентина</p> <p>Фигурное катание Белоусова Людмила Бестемьянова Наталья Валова Елена Гордеева Екатерина Казаква Оксана Климова Марина Пахомова Людмила Роднина Ирина</p> <p>Шахматы Быкова Елизавета Рубцова Ольга Руденко Людмила</p>
---	--	---

Я согласна, многое нужно было менять в тактике и стратегии управления нашей страной, но не совершать ту же ошибку, что в 1917 г.: разрушать до основания даже то, что шло на пользу человека, общества! Я не политик и тяги к ней у меня не было и нет. Но как нормальный человек я не могла не понимать, что всякая ломка жизненных устоев не несет пользы. Поэтому-то старшее поколение ценит те доступные нам радости того времени. И совсем не потому, что мы были тогда молоды. Просто народы, люди вообще, были ближе друг к другу.

Дай-то Бог, чтобы то, что я написала о себе, о своей жизни, которую я старалась прожить честно, ничем не запятнанной, воспринималось сердцем, а не с усмешкой или недоверием. Мне хотелось, чтобы молодые люди, прежде всего, нашли здесь то, что сделает их более уверенными в жизни, в спорте, сделает их сердца более мягкими к животным, более жалостливыми и ответственными перед природой.

Поэтому-то я так трепетно относилась и отношусь и к чистоте человеческих отношений.

Годы бегут, и приятно сознавать, что ты вел себя и поступал так, что по прошествии времени тебе не стыдно. Совесть – главное мерило жизни.

Вспоминаю два случая, которые серьезно могли отразиться на моей жизни, но при этом пострадала бы моя совесть. Слава Богу, я не поддавалась искушению, хотя соблазн был велик.

Эти случаи связаны с конным спортом.

Первый произошёл в конце 1960-х годов. После триумфального выступления Сергея Филатова в Риме, где он стал нашим первым Олимпийским чемпионом по выездке. Видимо, он не выдержал выпавшего на его долю счастья быть «звездой» и... запил. Хотя, я больше склоняюсь к тому, что не он запил, а его споили: все хотели чокнуться со знаменитостью, а он не умел отказывать. Рюмка за рюмкой... Всем известно, чем это заканчивается. Из творчески мыслящего целеустремленного спортсмена Сергей превратился в человека, уже не способного контролировать себя и свои действия. Это печально, даже страшно в нашем виде спорта, так как он связан с другим живым существом – ни в чем неповинной лошадей. Я не была свидетельницей «падения» Филатова, но мне рассказывали о его жестоким обращении со своим партнером – товарищем по работе. При этом участившиеся запои. Все это очень грустно. Я знала Филатова другим человеком, когда мы тренировались плечо-в-плечо не один год.

Однажды меня вызвал Президент Федерации конного спорта СССР Петр Прохорович Парышев. До этого я была в течение нескольких лет общественным секретарем Федерации, и Парышев знал меня не только как спортсменку. Я пришла в его кабинет в высотном здании у Красных Ворот. У него был удивительный секретарь – пожилая женщина, влюбленная в цветы и зелень. Поэтому комната, в которой она работала, была похожа на оранжерею: все было увито различными зелеными растениями. Чудо, до чего уютно и красиво было в ее комнате. Я вошла в строгий по интерьеру кабинет Парышева. Разговор оказался для меня неожиданным. Петр Прохорович сразу же сказал мне, что есть мнение передать мне Абсента. Того самого Абсента, который принес олимпийское золото Филатову и стране! Я ошарашенно выслушала это и смогла только ответить, что, ведь, я уже несколько лет даже не садилась на лошадь... Парышев на это ответил, что я вполне сохранилась, а спортивную форму наберу быстро, сев на лошадь. Я попросила его разрешить мне подумать. Он замолчал. А в моем мозгу мысли горели, пылали, я пыталась понять, как поступить правильно. Соблазн был излишне высок. Но... Наконец, мысли пришли в порядок, и я сказала Парышеву: «Петр Прохорович, я благодарна Вам за это предложение. Тем более что когда-то я садилась на Абсента, он мне очень нравился, как-то я даже сказала Сергею, что это женская лошадь. Небольшой нажим, и он летит из-под тебя. Повод мягкий. То, что мне нужно. Но сейчас, подумав, я отказываюсь от такой возможности вернуться в спорт. Филатов был моим коллегой, товарищем по команде. Если бы он сам слез с Абсента и передал его

мне, я бы согласилась взять его... Иначе – я не могу». Парышев помолчал, а потом сказал: «Жаль».

Через некоторое время я узнала, что Филатова «садили» с Абсента. Новым хозяином этой гениальной лошади стал Иван Калита. Калита невзлюбил Абсента. Об этом он говорил мне сам. Калита стал подчинять Абсента себе, а нужно было подстраиваться под уже готовую лошадь. Но работать работал его и выступал на Олимпиадах и международных соревнованиях. С неплохими результатами, но повторить успех Филатова он не смог. Разные характеры, разные руки. А лошадь – тоже индивидуум, личность. Это была не его лошадь. Что ж бывает такое.

Но моя совесть была спокойна и чиста.

Второй случай произошел несколькими годами позже. И опять разговор с Парышевым. Его кабинет. Новое его предложение – стать Государственным тренером по выездке. В то время во главе выездки страны был незабвенный Григорий Терентьевич Анастасьев. Под его руководством наша выездка достигла самых высоких вершин: Олимпийские чемпионы С.Филатов, И.Кизимов, Чемпионка мира Е.Петушкова, командное «золото» Мюнхенской Олимпиады, серебро, бронза наших спортсменов – работа Терентьича. И я, когда-то член сборной СССР и Олимпийской команды, тренировалась под его

руководством и относилась к этому незаурядному человеку с огромным уважением. И вдруг... Я в то время работала в МИСиСе. Иногда забегала в манеж ЦСКА в Хамовниках и была рада-радехонька, когда офицеры давали мне лошадь и возможность отвести душу. От практического спорта я отошла, хотя как Международный судья и член Комитета FEI по выездке я функционировала. И все же предложение Парышева требовало сменить весь уклад моей жизни, но главное – опять приходилось принимать решение: идти против своей совести или с радостью и благодарностью заняться любимым делом, к которому я всегда стремилась, – тренерской работой.

Но как быть? Получалось, что спихиваю достойного человека с места, заслуженно им занимаемого?!

Нет, я так не могла. И опять – отказ. И опять – сожаление со стороны Президента Федерации.

И никто почему-то мне не сказал, не объяснил, что Григорий Терентьевич к тому времени был уже тяжело болен. Он был вынужден уйти на пенсию по болезни. А вскоре его не стало. С его смертью закончилась целая эпоха блистательных побед, выдающихся спортсменов, поднявших авторитет нашего спорта на огромную высоту, признания нашей выездковой школы в мире. Невозможно без чувства благодарности вспоминать этого самородка, таланта, как говорят, от Бога.

Моя жизнь от этих решений, конечно же, пострадала, но совесть – нет!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ... ОНИ ЖЕ – ЗАРИСОВКИ ТОГО, ЧТО БЫЛО И ПРОШЛО, НО О ЧЕМ НЕ ХОЧЕТСЯ УМАЛЧИВАТЬ

Этот материал не поместился в канву моего повествования, но отложить его в сторону я не смогла, потому что здесь я вспоминаю о людях, встречи с которыми «засели» в моей голове, оставив след и на всей моей жизни, и не только. Я назвала его «Мгновения жизни...».

Эти зарисовки касаются каких-то событий, встреч с людьми, впечатлений, памяти о милых моему сердцу животных....

1. О школах («Мои Университеты»)

Я уже упоминала, что мне пришлось поменять много школ, чтобы закончить 10 классов. И не всегда это было просто – влиться в новую школьную среду. Но мне это как-то удавалось. Все школы были разные, разными были и преподаватели. Одни ушли из памяти, но некоторые остались со мной на всю жизнь. Вот их-то мне и хочется вспомнить.

В первый класс я пошла в Прокопьевске, городе несметных богатств каменного угля. Его добыча производится там до сих пор. Помню, что вокруг шахт возвышались горы угля и сопутствующей породы. И так как мы, дети, были вольны в своих передвижениях, то часто убежали в эти темные, лишенные зелени горы, а возвращались домой не лучше шахтеров, поднимавшихся наверх из недр земли. Недалеко от Прокопьевска строился доменный комбинат в городе Кузнецке (тогда Сталинске). Иногда отец брал меня с собой на это строительство и впечатление грандиозности возводимого людьми запало глубоко в душу, раз до сих пор у меня живы картины лесов, металлических каркасов и прочего, что должно было превратиться в громадный металлургический комбинат.

Школа не оставила во мне ни следа, кроме того, что однажды придя домой, я почувствовала себя плохо, а вскоре потеряла сознание и надолго. Я заболела брюшным тифом в очень тяжелой форме. Со мной уже прощались мои родные. Помогла одна хорошая женщина. Она была не просто сердобольным человеком, на мое счастье она была прекрасным врачом. В Прокопьевске в то время работала какая-то группа иностранных специалистов. Вот она-то и была в той группе. Фамилия ее была Ченчик (может быть моя детская память могла и исказить немецкую фамилию, ну что ж поделаешь....)

С медициной, а тем более с лекарствами тогда было сложно. Вот она и «вынынчила» меня. Она даже баловала меня, принося невиданные для сибирских краев деликатесы. Так, тогда я впервые узнала вкус винограда, например, который она брала из своего спецпайка.

Я долго не ходила в школу. Училась, так сказать, на дому. Но в третий класс перешла.

А тут мои родители переехали в город Томск. Какой же это был чудесный город! «Был» - потому что я не знаю, каков он сейчас. Весь в ельях, на берегу величавой реки Томи...Томск с дореволюционных времен называли университетским городом, т.к. там кроме университета было несколько институтов, в том числе – медицинский.

Мединститут находился недалеко от дома на Московском шоссе, в котором мы жили. Все строения института, в том числе коттеджи профессорско-преподавательского состава, были расположены в чудесном лесном массиве, окруженном высоким забором из чугунных решеток. Я все это помню, потому что мне много раз приходилось пробираться через этот забор в институтский парк для того, чтобы пройти в дом, в котором жила семья одного профессора.

Дело в том, что, приехав в Томск, мама устроила меня в музыкальную школу. Наконец-то сбылась моя мечта: я могла снова прикоснуться к черно-белым клавишам рояля, которого у нас, конечно, не было. Но мама договорилась с семьей этого профессора, и мне разрешили приходить к ним по вечерам делать уроки. Дела в музыкальной школе пошли успешно, хотя, честно, я не прикладывала к этому больших стараний. Зато мне было безумно интересно, сидя за пианино, вслушиваться в то, о чем говорили студенты – товарищи дочери хозяина дома. Они обычно собирались в отдаленном углу комнаты и чуть ли не хором учили, вернее заучивали наизусть названия костей скелета, частей черепа и др., причем, если речь шла о костях, составляющих череп, то они держали в руках настоящий череп, рассматривали и запоминали все стыковки этих костей и т.д. Страшно было и в то же время интересно.

Я же в это время сидела за инструментом и делала вид, что прилежно готовлю музыкальный урок и разучиваю пьески Майкапара или гаммы. Чаще же я копалась в лежавших на пианино нотах и пыталась разобраться в непонятных еще тогда нотных сложностях. Так, однажды я наткнулась на «Шествие гномов» Грига. Конечно, эти ноты были мне еще «не по зубам», но даже то, что я смогла разобрать, так увлекло меня, что я стремилась поскорее бежать после нормальной школы в дом на территории мединститута. Результат сказался нечаянным образом. «Шествие гномов» в некоторых местах требовало мелкой техники, т.е. беглой работы пианиста. Все было заброшено, я стремилась к быстроте, и я ее достигла. Но это отрицательно сказалось на той программе, которую нужно было осваивать. Пьески Майкапара я стала играть в таком темпе, который не требовался, но у меня в душе звучало «Шествие». Учительница делала мне замечания, но я оставалась глухой. И она «сняла» меня с концерта, к которому готовила. Не знаю, чем бы это все закончилось, но, примерно, в марте месяце мы, т.е. я с родителями, двинулись на новое место жительства – в деревню Большая Ничка за Абаканом и Минусинском, в отдаленный район Хакасии.

Но еще о Томске. Томск окружен тайгой. Буйство природы – характерная особенность Сибири. Богатство тайги непередаваемо. Чего стоят одни только кедры! Шишки с орехами привозились мешками, и

когда эти шишки сушили в русской печи, изумительный запах (и очень полезный) смолы наполнял весь дом. А потом наступало время, обычно по вечерам, шелушения шишек. Делалось это всей семьей. И обязательно с поиском «счастливых» орехов, т.е. с двумя глазками.

А грибы... Особенно много было под Томском рыжиков. Ходили в походы за этими грибами потому, что лучше, вкуснее соленых рыжиков трудно себе представить. Не считая груздей... Все это было чудесно!

Школа, в которой я училась, была довольно далеко от дома. Но молодым ножкам до этого не было дела. Наоборот, интересно было ходить по улицам гурьбой, особенно зимой, в трескучий мороз. Иногда, когда даже птички налету падали, замерзнув, у нас были перерывы в занятиях. А вообще-то школьные печи давали нам достаточно тепла, и мы порой собирались в классе даже тогда, когда занятия по всему городу отменялись. В 1930-е годы хулиганство среди подростков в городе превысило все возможные нормы (если вообще можно говорить о нормах в таких случаях). Скажу только, что даже школьники (часто переростки, как было в моем классе: и была самая младшая) приходили в класс с финками за голенищами. Что они с ними делали, я не знаю, но даже наличие такого «оружия» не было приятным для окружающих. В моем классе учился мальчик по фамилии Калинин. Он явно был лидером в какой-то группировке, и его побаивались многие. И этот Калинин стал вдруг моим ангелом-хранителем. Он не только провожал меня, но и дарил мелкие красивые вещицы (бусинки, кусочки материи, вышитые бисером и пр.), взятые, ясно, у матери. Его мать работала в типографии. И вот как-то перед моим отъездом из Томска он принес в школу и подарил мне книжечку с сусальным золотом. Видимо, украл у матери. Эту книжечку я берегла вплоть до войны, потом она куда-то делась. А было мне тогда 10 лет, а ему лет 12–13. Разве это не любовь? Как по другому назвать это отношение ко мне?

Был и серьезный случай. Шли мы с девочками из школы. День был морозный. По сторонам дороги огромные сугробы. Навстречу нам шла группа мальчишек, настроенных явно недружелюбно. Они стали задирать нас, мы, разумеется, попытались уйти от них в сторону. Не тут-то было. Один, шпанистый такой, подошел ко мне, сорвал с головы шапку и забросил далеко в сугроб. На дворе – трескучий мороз. Ребятня смотрит на меня и ждет, как я полезу в снег за шапкой. На меня нашла упрямая злость: пусть я простужусь, но за шапкой не полезу. Решив так, я пошла вперед. И тут, откуда ни возьмись, «мой» Калинин. Он налетел на мальчишек и заставил одного из них достать мою шапку и отдать мне ее в руки. Тот сделал все то, что мой покровитель потребовал. Калинина явно все побаивались. После этого случая и до конца моей учебы в Томске никто никогда не посмел меня тронуть. Удивительно, ведь это происходило в том возрасте, когда мы были совсем детьми. Может быть ключик моего безбоязненного поведения в будущем был получен мною тогда?!

И вот мы в Абакане. Самого города я не помню, а вот река Абакан запомнилась. Ждали скорого вскрытия льда. А отец спешил на новую

место работы. Старожилы предупреждали, что переезжать реку на санях уже поздно и опасно. Но ждать ледохода и восстановления переправы на пароме пришлось бы довольно долго. Вот отец и решил рискнуть. Погрузили пожитки на сани, сели сами и тронулись по последнему льду. Лошади храпели, чувствуя опасность... Полозья последних саней проваливались в расщелины растрескивавшегося льда. Неприятное чувство возникало от одной только мысли, что в любой момент мы можем провалиться в реку со всем своим скарбом, лошадьми, сопровождавшими нас людьми... Но Бог милостив, и мы благополучно завершили свой переезд.

От Минусинска наша деревня находилась в 30–40 километрах. Интересно то, что Большая Ничка была деревней в одну большую улицу. Недалеко от Большой Нички находилась Малая Ничка. Но это поселение было уже не деревней, а селом – с церковью и несколькими улицами.

Как-то летом мы проезжали через Малую Ничку – на легковой машине. Как всегда в деревнях, поселках на улицах разгуливали мелкие животные, гуси, куры... Принято думать, что куры – самые глупые птицы. Сначала так действительно можно было подумать уже хотя бы потому, как они вели себя, когда проезжало что-то незнакомое им, например, машина. Они металась, кудахтали, хлопая крыльями и часто попадали под колеса. Это было в самом начале. Прошло не так уж много времени, и куры стали вести себя осторожнее, осмотрительнее. И хотя машин стало больше, под колеса они уже не лезли. А сейчас... Понаблюдайте. Скоростное шоссе, поток машин, а куры в деревнях гуляют по обочинам и вполне осознанно относятся к опасности, исходящей от машин. Вот вам и глупые... Эволюция изменения психики кур совершилась на наших глазах. Разве это не чудо?

Дух соперничества, самоутверждения сидел во мне с детства. Помню, мы жили в сибирской глуши – в маленькой деревне, называвшейся Большой Ничкой. Была еще Малая Ничка. Но это уже было село, большое, с церковью. Почему селение называлось Малой Ничкой, не знаю. Жизнь в деревне была замечательной.

Большая Ничка была удивительно красивой деревней. Она располагалась как бы на склоне очень пологого плато. Одна сторона деревни была на более высокой стороне, на которой находились поля, луга. Другая сторона огородами уходила вниз, вплоть до болота, которое как бы отделяло деревню от роскошного леса, полного различных ягод, грибов и полезных трав. О том, как вели свое хозяйство сибиряки, я уже рассказывала.

Школа стояла на краю деревни – одноэтажная изба с несколькими комнатами. Четырехлетка. Четвертый класс – выпускной. Наша учительница часто пропускала занятия по каким-то причинам. И тогда вести занятия доверялось двум ученицам: одна девочка с очень хорошим почерком вела урок по русскому языку, а второй – это была я – доверялась математика. Конечно, нам давали определенные задания и разъясняли, как вести уроки. Самое замечательное то, что я не помню,

чтобы нас не слушали наши товарищи за партами. Наоборот, уроки проходили серьезно и на дисциплину жалоб никогда не было.

Как-то раз нам дали задание решить дома несколько задачек во время каникул. Я быстро решила все, кроме одной. Застопорилось так, что и дошла до слез. Мои слезы увидел отец. На следующий день к нам забежала наша учительница и показала мне, как решается задачка, и объяснив, в чем я ошиблась. Оказывается, отец (он был заместителем начальника машинно-тракторной станции – МТС), встретив учительницу, попросил ее помочь мне. Сделала она это, прямо скажем, бестактно; я это поняла, почувствовала обиду и оскорбление. Когда мы собрались в класс после каникул, она стала опрашивать всех, кто как выполнил задание. Дошла очередь и до этой задачки. «Кто решил эту задачку?» – спросила она. Некоторые ученики подняли руки. Я – нет, хотя решение ее я знала. Сейчас, вспоминая этот эпизод из жизни одиннадцатилетней девочки, и говорю: – Молодец! Видимо, этот момент тоже стал одним из кирпичиков при формировании моего характера. Другой пример из жизни, повлиявший на меня и запомнившийся навсегда, произошел в зимнюю вьюжную пору. На дворе мело, снега выпало до крыш. Мама работала на почте, через дом от нас. В школу идти было не надо, и я сидела дома. С нами жила домработница Дуня, женщина примерно маминого возраста. Откуда она взялась, не знаю: вообще никогда не обращала внимания на то, что у нас делалось в доме. Да и родители не очень-то допускали меня до своих «разборок». Всю жизнь они то разводились, то сходились, а меня это как бы и не касалось. Я была всегда с матерью и жила своей жизнью, наполняя ее тем, что мне нравилось. А нравилась мне, слава Богу, красота в жизни, я стремилась ко всему, что было интересно. В тот день Дуни чувствовала себя неважно и, сказав, что у нас закончились спички, она послала меня в лавку на другой конец деревни. Я отказалась выходить на улицу в такой холод и ветер. Разразился скандал. Я побежала на почту и рассказала всю эту историю маме. Мама (а она была у меня властной, волевой) вскипела и пошла, грозная, домой. Там она дала нагоняй Дуно («Выгонять ребенка в такую погоду!»), а я вдруг осознала свой некрасивый поступок, мне стало жалко Дуню и стыдно за себя. Этот случай стал уроком для меня навсегда. Никогда, нигде я не жаловалась больше ни на кого. А если и было что-то вроде жалобы, то я знала, что это не грозит неприятностями другим. По-моему, ребенок, каким я была тогда, сделал правильный вывод.

Следующей моей школой стала десятилетка в селе Маслянино, забившимся где-то в глубинке Новосибирской области, в 60 километрах от железнодорожной станции Черепаново. Село большое, разбросанное по большой территории. С одной стороны – поля, с другой – чудесный смешанный лес, полный такого разнотравья, которого хватило бы для изучения всей флоры средней полосы Земли.

Школа была деревянной в два этажа. Ее главным достоинством был совершенно уникальный педагогический состав. Уже став взрослой, я

поняла, что большинство тех наших учителей были высланы откуда-то из их родных мест. Некоторые, я знала уже тогда, приехали из Одессы. Но зачем они это сделали, прошло тогда мимо меня. Мне было-то тогда 12 лет, возраст маловат для осмысления таких поступков взрослых.

Вспоминаю особенно четверых учителей. Иван Митрофанович – учитель математики. Высокий, всегда подтянутый, аккуратно одетый. Ясно, что интеллигент с прошлым. Строгий. Мы его побаивались, но любили и уважали. Он носил очки в тонкой металлической оправе, а может это было пенсне. На его уроках всегда была полная тишина. Малейшее невнимание вызывало у него укоризненное качание головой с добавлением: «Всем смотреть вот сюда», и он указывал пальцем на свою переносицу, на дужку очков, соединяющую две их половинки.

При такой вот строгости он понимающе относился к своей босоногой команде: на уроках, как правило, в непогоду все приходили с мокрыми ногами – обувка-то была плохая – и мы разувались и прислоняли ее к топившейся печке. Так что домой мы возвращались уже в сухих ботинках. Он никогда не повышал голоса и так увлеченно вел свои уроки, что не любил математику и не понимал, из какого крана и сколько вылилось воды или в какую трубу она больше или меньше ушла, было нельзя. Он был учителем, как говорят, от Бога. Счастье в жизни встретиться с таким учителем, даже на короткое время.

Запомнились учителя по литературе и русскому языку и по черчению и рисованию. Они были братьями и жили вместе в доме в центре села. У Ивана Ильича (чертежника) была дочь Нонна. Она училась со мной в одном классе. Нонна Черная... Мы с ней вскоре подружились, и я часто бывала у них в доме.

Яков Ильич (литератор) был удивительным человеком. Любя литературу, он передавал эту любовь своим ученикам. Столько читать, сколько прочитала я книг в Маслянино, больше никогда я не читала. Я была частой посетительницей районной библиотеки. Я буквально поглощала книгу за книгой, часто не совсем понимая, о чем в них написано. Это можно понять...

Яков Ильич немного заикался, но это не мешало ему читать с большой выразительностью и стихи, и прозу. Я уверена, что любовь к художественному чтению у меня от него. А тогда я точно копировала его интонации и даже задержки в речи из-за заикания.

Иван Ильич тоже был увлеченным человеком. Он привил мне любовь к живописи. Я стала интересоваться художниками, их творчеством, а понравившиеся мне картины не раз пыталась копировать. Я чертила на листке и на художественной открытке клетки, потом точно по этим клеткам переносила часть за частью картину на лист. Это требовало большого терпения и времени. Когда говорят: «Скука какая!» – я не понимаю этого: мне никогда не бывает скучно. И это с детства.

Был у нас ботаник, вот не помню его имени, а жаль. Когда весной подсыхала земля, он вел свои уроки, главным образом, на улице, уводя нас в лес, начинавшийся за школой. Ботаника – на природе, природа помогала усвоить науку, разве это не прекрасно!?

Мы любили уроки труда, на которых нас учили столярному делу. Результатом были настоящие табуретки, сделанные учениками. Уроки труда были радостью для ребят. Молоток, гвозди в руках и прочее остались для меня, думаю и для всех тех учеников, на всю жизнь обыкновенным делом.

На переменах нам не давали скучать и шалить. Большая перемена – обязательно танцы под балалайку или мандолину. Играли сами ребята по очереди. И мы стремились разучивать то, что могло пригодиться на таких импровизированных площадках отдыха.

Хорошая была школа. Много полезного давала она детям, ко многому интересному привлекала внимание.

В Маслянино мы жили с мамой в крохотной комнатке, в которой помещались только две кровати и придвинутый к окну стол между ними. Где был отец – не знаю. Завез он нас в это село, а сам уехал. Но я не тужила никогда, когда между отцом и матерью были размолвки. Не мое это было дело. Главное – рядом мама, строгая, но и добрая. Зря никогда меня не ругала. Всю школьную жизнь я от нее слышала только одно: «Твое дело – учиться. Учись хорошо, остальному жизнь научит». Это говорилось тогда, когда я пыталась помочь ей по хозяйству. Она была права. Жизнь научила меня и пол мыть (в армии!) и с посудой управляться, и готовить пищу, когда понадобилось... И я следовала совету и требованию матери – училась и любила учиться. Да и школы этому способствовали. Но, пожалуй, главное в наших взаимоотношениях было *доверие*. Она не спрашивала, куда я иду, но требовала, чтобы я приходила всегда вовремя: сказала – вернусь в 9 или 10 часов – изволь явиться ровно в это время, иначе... что иначе? Разумеется, скандал, но не просто скандал: мама умела воздействовать на самолюбие и вызвать жалость к себе, и я всегда старалась избегать скандалов.

С высоты своих теперешних лет я считаю, что моя мама вела себя совершенно правильно, если, конечно, учесть, что ее метода воспитания попадала еще и на благоприятную почву. Дочь-то росла не только в строгой обстановке, но еще и с пониманием того, что можно себя позволить, а что нельзя. Основа же – стремление к хорошему, не приносящему стыд, за который пришлось бы краснеть.

Я ценила это мамино доверие и старалась поменьше ее огорчать.

Единственный раз я нарушила наши доверительные отношения. Это было, когда я стала встречаться с Михаилом Михайловичем и когда я ответила «да» на его предложение стать его женой. Почему?.. Боялась властного вмешательства мамы уже в мою интимную, тайную сокровенную жизнь, которую я собиралась прожить уже самостоятельно, без мамы-куратора. Ведь мой избранник мог не понравиться ей, а мне ни хотелось давления в этой области моей жизни. Да, так оно и получилось: они, что называется, не сошлись характерами – оба, как теперь бы сказали, – «крутые», привыкшие доверять надо всеми. Но жили спокойно, играла роль выдержка Михаила Михайловича, умение держать себя в руках, но – на отдалении.

У нас как-то гостила мамина младшая сестра, моя любимая тетя Ася. Так, когда она уехала, я вдруг услышала от Михаила Михайловича (и это было единственный раз за всю жизнь!): «Если бы твоя мать была такой, как тетя Ася!» Столько сожаления было в голосе, столько уважения к тете Асе, я поразилась! А что касается меня, то я всю жизнь, нет, не всю жизнь, а лучшую часть жизни – до, примерно, 45 лет – жила как на наковальне: то под одним молотом, то под другим (я имею ввиду характеры). Не хотелось обижать ни того, ни другого. Я понимала, что главным мотивом их несближения с самого начала была ревность, борьба «по мою душу». Но каково было мне? Поэтому-то когда подросла моя дочь, я сказала себе: вмешиваться в ее личную жизнь я не буду, не должна. Человек обязан делать свою жизнь сам. Мы не берем пример с животных, которые нежно опекая и заботясь о своем потомстве, предоставляют им право строить свою жизнь сразу же после повзросления самостоятельно. А у людей существует даже анекдот, по которому старшему по возрасту и умереть нельзя, пока внуки не доживут до пенсии...

Я рада, что моя дочь оценила мое поведение в отношении нее и, пройдя через немалые испытания в своей жизни, одобрила как-то в разговоре мою тактику-стратегию в вопросах воспитания.

В Маслянино у нас произошло несчастье, боль от которого живет в сердце до сих пор.

Как-то мама принесла в дом крошечную собачку – щенка, подобрав где-то на улице. Удивительно, это же был не город, а село, все знали друг друга. Откуда взялся этот крохотный кудрявый комочек, мы так и не выяснили. Малышку назвали Розой. Раньше у нас уже была Розка, когда мы жили в Ачинске. Я тогда еще не ходила в школу. Правда, в музыкальную школу ходила, но занималась на фортепьяно недолго (уроки делала у соседки по дому), но когда мы уезжали из Ачинска, к нам пришла учительница и просила маму обязательно учить меня музыке и дальше. Но, как мы знаем, ничего из этого пожелания не вышло. Так вот, та Розка погибла при родах. Я была слишком мала, чтобы осознать все это, а вот когда в Маслянино появилась вторая Розка, я к ней очень привязалась. Беда пришла неожиданно и очень страшная.

Вернулась я как-то из школы, а Розка меня не встретила... В чем дело? И тут мне рассказали жуткую историю. Тогда была зима, снега навалило много, а у нас во дворе стоял «журавль» – колодец с особым приспособлением для доставания воды. Остов колодца был невысоким, да и снег, залитый водой, превратился в лед.

Соседка по дому пошла за водой. Надо сказать, что более веселой собачки у меня в жизни не было. Настоящая юла. Сама себя веселила. Добрая, ласковая. Пишу, а слезы навертываются и сейчас, хотя прошло-то так много лет! Розка увязалась за соседкой, выскочила на дорожку, бедущую к колодцу, понеслась во весь опор и... поехала по льду, да прямо в колодец!.. Соседка подняла крик. Сбежались к ней несколько человек. Попытались вычерпать Розку из колодца ведром, но она всякий раз при подъеме выпрыгивала из ведра. Вода холодная. Долго такого купания

это маленькое существо выдержать не могло. Утонула моя Розочка! Сидной, конечно, была настоящая истерика. Я обвиняла всех взрослых в жестокости, черствости, бездушии... Кричала, почему никто не мог спуститься сам в колодец, чтобы ее вытащить; проклинала школу, в которой я беззаботно проводила время, когда могла бы быть дома, сидеть в ведро и спуститься в колодец...

Я не хотела понимать, что после такого «купания» собачушка вообще равно не смогла бы выжить. Долго не могла я успокоиться. До сих пор эта боль не проходит. Но теперь я понимаю, что в результате той трагедии моя душа открылась для сочувствия, жалости, подлинной любви к животным.

Летом следующего года приехал отец и забрал нас с собой. Где был отец, что он делал, меня как-то совсем не интересовало. Мы переехали в город Семипалатинск. Для меня начался новый учебный год в новой школе с незнакомыми учителями и учениками. Шестой класс.

Семипалатинск уже тогда был большим городом. Правда, на многих улицах не было асфальта. Дороги были песчаными. Когда жаркое солнце нагревало песок, ходить босиком было просто невозможно. Мы жили в одноэтажном доме, в котором было несколько квартир. Две наших комнаты сверкали чистотой. Как только мы въехали в этот дом, первое, за что взялась моя мама – была побелка, да не простая, а гашеной известью. Известь, под воздействием воды, шипела, бурлила, выделяла какие-то пары, а мама в это время мазала этим раствором стены. Какая она была молодец! Так проводилась дезинфекция и наводилась чистота. После такой обработки в стенах уже не оставалось никакой нежеланной живности.

При доме был большой пустынный двор с множеством отверстий в почве. Это были входы в жилища тарантулов, не много ни мало. Но мы знали, что эти пауки ядовиты только в определенное время года. И мы – детвора – развлекались тем, что из чайников лили воду в эти отверстия в землю. Продолжалось это до тех пор, пока несчастный мокрый паук вынужден был вылезти из своего убежища. Страшно все-таки было, но любопытство преодолевало страх. Рассматривать тарантула было очень интересно, особенно тогда, когда удавалось перевернуть его на спину. Тарантулы очень красивые пауки. Их длинные крючкообразные ноги, конечно, отталкивали, но зато пузо... Какое красивое у них брюшко: лохматенькое, как бархат, коричневое с темными полосками.

В общем, предмет биологии познавался во дворе. Я не помню, чтобы мы когда-то убивали тарантулов. Пожалуй, нет; удовлетворив свое любопытство, мы отпускали их с миром.

Моим любимым занятием в том возрасте было лазанье по деревьям и заборам. Голос у меня был хороший, и я с радостью разводила рулады между небом и землей, сидя верхом на высоком заборе нашего двора.

Попав в большой город, во мне опять зашевелилось желание вернуться к музыке. Сколько слез я пролила, прося маму устроить меня в музыкальную школу. Все было напрасно. Она отвечала одно – у нас нет

предств купить инструмент, а значит, и учиться не за чем. А то, что она губила в девочке, возможно, серьезного музыканта, до нее не доходило. У меня же стремление учиться музыке было серьезным. Это станет понятно хотя бы из того, что я, для удовлетворения хоть как-нибудь этой слепой страсти, сделала на обеденном столе клавиатуру. Да, да... Точно по размерам нарисовала белые и черные клавиши, отделила их друг от друга спичками. И они казались как взаправдашние. Тогда я брала ноты, которые сохранились от учебы в Ачинске и Томске, и принималась «играть», воспроизводя звуки голосом.

Мучительно больно вспоминать те уроки. Надолго, конечно, той «учебы» хватить не могло. Так я и не стала музыкантом, но музыка всегда была рядом со мной. Когда я попала в Москву, поступив в МАИ, то стала постоянным посетителем и Большого Зала Московской Консерватории, и Большого театра (но больше я любила филиал Большого театра, который теперь стал Театром оперетты).

Филиал Большого театра – такой уютный и скромный, что каждый чувствовал себя в нем спокойно, он располагал к восприятию музыки, ради которой туда приходили, в то же время не отвлекая красотой, помпезностью и золотом, как Большой.

Весной 1941 года мне удалось попасть в Филиал на выпускной концерт Хореографического училища Большого театра, запомнилась молодая балерина Майя Плисецкая. Вся Москва после того вечера говорила о ее необыкновенных гибких, выразительных руках. А в «Вечерней Москве» сразу же появилась статья о поющих руках молодой актрисы.

В тот вечер в Филиале собрался весь артистический бомонд: мои глаза не успевали выхватывать из толпы прогуливавшихся в антракте зрителей то одну, то другую театральную знаменитость. Дух захватывало от собравшихся тогда звезд (хотя такого определения еще не было в нашем лексиконе). Но совсем в трепет меня повергла встреча с моим кумиром, любовью – С.Я. Лемешевым. Он был, конечно, окружен знакомыми, поклонниками, был оживлен, радостно настроен. Его светло-серый костюм с красным галстуком вижу, как если бы он был в нем сейчас передо мной.

И надо же быть такому эпизоду в моей жизни: много-много лет спустя, меня пригласили в ГИТИС на приемные экзамены. Мое дело было – проверить знание английского языка у абитуриентов, пришедших в этот театральный институт, с надеждой стать актером или актрисой. Английский язык – ясно, что непрофилирующий предмет, но оценку-то нужно было выставлять. Очень боялась, волновалась, как бы «не зарубить» талант, будущую звезду. Подготовка-то была у многих невысокая. И вот, села ко мне за стол миловидная, худенькая, скорее, пожалуй, хрупкая, бледная девушка и назвала свою фамилию – Лемешева. У меня екнуло сердце. Неужели дочь Сергея Яковлевича? Разговор мы вели на английском языке: мои рассказы, ее ответы подтвердили мое предположение. На фоне уже прошедших экзаменов абитуриентов, она выделялась и знанием языка и свободой общения.

Я не могла не сказать ей, что ее отец был моим кумиром, перед которым я всегда преклонялась. Прошло много лет, Мария Лемешева стала солисткой Камерного Музыкального театра под руководством Б.А.Покровского. Да... Повороты истории судеб разных людей бывают и такими.

О драматических театрах я уж не говорю. Откуда деньги на это? Не забывайте, что билеты во все театры в то время были доступны для всех, для людей любого достатка. А мы, студенты, довольствовались райком, верхними балконами.

Возвращаясь к школе в Семипалатинске. Она находилась далеко от нашего дома. Нужно было пройти много городских кварталов, пока доберешься до школы, располагавшейся на крутом берегу Иртыша. Причем, забора на берегу не было, и мы могли с высоты смотреть на бурные, грозно выглядывшие темные волны этой исторической реки. Мы вслушивались в звуки переворачивавшихся камней, которые гнали волны. Где-то там внизу, думалось, шла битва между монголами и казаками под водительством Ермака. История возникала перед глазами, как живая.

Из учителей в памяти остался Иван Кузьмич – математик. Я всегда хорошо училась по этому предмету, и вдруг, на первом же уроке я получила... двойку! Ошарашенная, я спросила Ивана Кузьмича, за что он поставил мне двойку, так как ошибки в решении задачи не было. Оказывается, он очень придирчиво относился к правильному, точному и аккуратному написанию цифр. В моей тетради он увидел пренебрежение к этому его требованию, не учтя, что я – новичок в классе. Он показал, как пишутся цифры. Особое внимание он уделял написанию нулей: ноль должен писаться не как буква «О», а двумя соединенными полукружиями - «()». Я поняла и, разумеется, приняла все это к исполнению.

Иван Кузьмич был маленьким сгорбленным пожилым человеком, с седенькой бородкой и ясными голубыми глазами. Очень доброжелательный к детям; особо любил тех, кто хорошо учился. А я училась хорошо и математику любила, поэтому скоро стала любимицей этого старого учителя, работавшего в гимназии еще до революции. Педагог старого толка. И так как ходить спокойно я не умела, а все бегала вприпрыжку, то Иван Кузьмич прозвал меня «козочкой», разумеется, любя. Вот такой это был человек. С двоечницы я у него перешла в разряд отличниц. А в памяти он глубоко засел. За многое хочется сказать ему спасибо и, прежде всего, за учение быть организованной в своем труде.

Семипалатинск – степной город, вокруг него огромные поля, покрытые песком. На этой песчаной почве росли помидоры и самые вкусные, самые сладкие грандиозных размеров арбузы. Семипалатинск всегда ими славился. Люди беспощадны и жестоки к Природе. Я понимаю, что науку нужно «двигать», но не за счет же здоровья людей. Атомные взрывы в этих плодородных степях – грех, взятый на себя

учеными. Не ценятся дары, предоставляемые нам Природой. А кедр... Томские кедр, которые растут так медленно, но и живут так долго! Уничтожение их на «столы и стулья»!.. Право, люди не понимают, что творят. А ведь Земля – живое существо, и мы, люди, копошимся на ней как муравьи в своей куче. Земля может когда-нибудь спросить: «За что?!» Что тогда ответят ей люди? Вот уж поистине, как сказал Козьма Прутков: «Глядя на мир, нельзя не удивляться». А Иисус Христос – еще сильнее: «Прости, Господи, их, ибо они не понимают, что творят». Но не до окончания же века – не понимать!..

Учиться в седьмом классе я начала и закончила в городе Актюбинске. Кругом, куда не посмотри, бескрайние казахстанские степи с пылью и сухой травой перекасти-поле. Прогулки за город неинтересны, кроме разве любопытного зрелища – караванов верблюдов, медленно шагающих друг за другом с высоко поднятыми головами и чудесными крупными добрыми глазами, смотрящими на вас с философской пренебрежительностью. Казалось, что у этих животных существует внутренняя, своя собственная жизнь, отличная от человеческой. Особенно хороши были маленькие верблюжата, жавшиеся к животам матерей.

Зато школьная жизнь была ключом. Устраивались, как теперь говорят, вечера-шоу с песнями, танцами, выступлениями на сцене зала певцов, чтецов и др. А как-то раз было объявлено: готовьтесь к маскараду. Вход в маскарадные костюмы: кто на что способен. Участвовали старшие школьники – 7–10 классы. Все были возбуждены. Каждому хотелось придумать что-нибудь такое, что произвело бы впечатление. И все готовилось втайне.

Не знаю, как другие, но я долго мучилась, прежде чем мне в голову пришла мысль сделать что-либо напоминающее костюм Любви Орловой в кинофильме «Веселые ребята». В конце картины она вышла на сцену Большого театра в белом цилиндре на голове и непонятном одеянии, главной частью которого была сеть, обернутая вокруг ее тела... Сеть я не нашла, но заменила ее черным шелковым легким пальто своей любимой тети Аси (младшей сестры мамы), которая в то время гостила у нас и без разговоров, даже с удовольствием, дала мне эту дорогую вещь на вечер. А вот с цилиндром пришлось повозиться. Не зная толком, что это такое – цилиндр, я все же приступила к его сооружению. Нашла картон, белую бумагу, и – дело пошло. С помощью клея соорудила вполне смотретьский головной убор, водрузила его на голову, на плечи накинула тетушкино пальто и отправилась в школу. Вечер-маскарад получился на славу. Все были веселы, стараясь соответствовать своему костюму. Особенно развлекали всех два чертенка. Потом оказалось, что это были две девушки из 10-го класса. Одеты во все черное (трико), с длинными хвостами, они прыгали, бегали, поднимали возню между собой, словом, устроили целое представление. Естественно, что они получили первое место и главный приз. Второе место присудили мне, назвав меня почему-то «бесприданницей» (тогда две картины не сходили

с экранов – «Веселые ребята» и «Бесприданница»). В качестве приза я получила книгу «Айвенго» Вальтера Скотта, прекрасно изданную и с соответствующей надписью. Жаль, конечно, она пропала во время войны. Мы зачитывались этой книгой. Смелые мужественные герои... Нежные женственные героини. Уважение, поклонение достойным женщинам вызывало желание подражать. На переменах мы часто обсуждали и даже спорили по тем или иным событиям, описанным в книге. Мне кажется, что эти разговоры подтягивали всех нас – и девочек, и мальчиков. Не хотелось быть хуже средневековых героев.

Одно серьезное событие произошло в тот 1937 год. Приехал отец и предложил нам с мамой поехать на школьные каникулы не куда-нибудь, а в Москву! Первый раз я увидела этот славный, теперь уже любимый мною город. Остановились мы у каких-то знакомых отца в районе Таганки. Был январь месяц. В Актюбинске «трещали» морозы, а в Москве лил дождь и соответственно под ногами – грязь, слякоть, вода, а мы в валенках и шапках-ушанках. Поэтому наш первый поход – в магазины, где купили галоши с туфлями и легкие шляпки. С красной фетровой шляпкой, с висящей сбоку кисточкой, я долго не могла расстаться; так она была хороша, что вернувшись в Актюбинск, я отказалась от теплой шапки и дошла до дома в страшный мороз, героически мерзнув, но не сдаваясь... Захотелось пофорсить, что поделаешь...

Москву нам показывали наши новые знакомые. Были мы в Третьяковской галерее и других музеях, но наибольшее впечатление на меня произвел Планетарий. У меня даже зародилось тогда желание стать астрономом.

Седьмой класс был окончен, а тут пришло известие об увольнении отца из Армии с разрешением поселиться там, где ему захочется. На семейном совете мы долго обсуждали различные варианты. Смотрели географическую карту. Мое предложение поехать в старинный русский город Тверь (тогда – Калинин) было принято моими родителями. Я же руководствовалась тем, что этот город – самый близкий к Москве, к столице.

Собрали свой скарб и отправились в новое путешествие, на этот раз надолго, потому что в Твери я отучилась в 8–10 классах и, закончив среднюю школу, поехала уже в саму Москву учиться дальше.

Теперь – о школу №17 города Калинина и о наших учителях. Я с благодарностью вспоминаю всех, но особо хочу отметить двух литераторов. Оба они работали у нас очень короткое время, но память и след оставили на всю мою, и думаю, не только мою жизнь.

Один – молодой, только что окончивший пединститут. Высокий, красивый брюнет. Влюбленный в литературу, с уникальной памятью, увлекающийся и зажигающийся мгновенно. Стоило только найти то, что его может «завести». Мы пользовались этим вволю. Представьте себе –

урок. Предполагается опрос по домашнему заданию. Для многих часто это очень приятная перспектива. И вот тогда... кто-нибудь невинным голоском просит преподавателя уточнить какое-нибудь положение, связанное с творчеством, например, его любимого Маяковского или Пушкина, или Есенина, или... да мало ли кого из поэтов. Он тут же загорался, и нужно было только вовремя подкидывать «дрова» в его душу, которая в это время, казалось, отрывалась от земли и парила над нами. Одно стихотворение следовало за другим, одно произведение за другим.

Все, что ни попросишь, – все наизусть и с великолепным чтецким искусством. На этих уроках мы узнавали многое, не помещавшееся в школьных программах. Протекали эти уроки как одно мгновение. Дух захватывало от такой щедрости душевной талантливости человека.

Второй учитель по литературе и русскому языку пришел к нам в девятый класс осенью. Мужчина лет за сорок, худощавый, среднего роста. Всегда необыкновенно опрятно, даже элегантно, одетый. В общем, по виду, по нашему представлению, настоящий интеллигент. Никаких эмоций в общении с учениками. Всегда спокойный, ровный тон. Он невольно вызывал уважение. На его уроках царил дисциплина, нарушить которую было просто невозможно. Но самое интересное, как он учил нас писать сочинения. По прошествии уже многих лет я, вспоминая его уроки и размышляя, думаю теперь, что он не был в классическом смысле педагогом, он был, видимо, журналистом и получил образование соответственно этой профессии.

Так, придя как-то в класс, он объявил нам, что все ученики должны встать по одному у каждого окна по коридорам всех этажей школы и внимательно всматриваясь в то, что откроется глазам, описать эту картину на... я не помню сейчас из скольких страниц состояла тонкая ученическая тетрадка. Много ли интересного в городском пейзаже можно было увидеть из окна?

Крыши разных домов, серые дворы, серое грустное осеннее небо. Тоска во всем. А выразить все это нужно было на многих страницах. Выполнили мы то задание и сдали тетради, удивляясь, какую же работу ему нужно было проделать, читая наши опусы.

К еще большему нашему удивлению, очень скоро учитель вернул нам наши «произведения». Более того, наши сочинения были исчерканы красным и зеленым карандашами. Он объяснил, что то, что подчеркнуто красным цветом – явный шаблон, взятый из газет или еще откуда-нибудь. Зеленый цвет означает оригинальность мысли, свежий взгляд на предмет. Поэтому следующее задание состояло в том, чтобы сочинение уплотнить до половины тетрадного масштаба, выбросив все предложения и слова, подчеркнутые красным, и оставив то, что было подчеркнуто зеленым.

Снова проверка преподавателем, снова его новые замечания и снова задание – уменьшить текст до одного листа. Содержание при этом не должно пострадать. В конце концов, описание видимого из окна и изложенное сначала на листах целой тетради превратилось в сочинение на одной странице.

Работа была проделана огромная и нами, и учителем. Но раз я до сих пор помню этот стиль работы, то, значит, это делалось не зря, а на пользу развивавшихся мозгов учеников. Я вспомнила о такой работе, когда училась на курсах радиожурналистов. Я тогда подумала, что наш учитель таким образом учил нас излагать свои мысли сжато, ясно, выразительно. Так, как требует радиожурналистика.

Спасибо ему за то, что благодаря его методике, я была уже в какой-то мере подготовлена к требованиям такой работы.

Все-таки удивительно содержательную жизнь устраивала нам школа и ее педагогический состав.

Я любила школу, любила учиться. Но, видимо, учеба мне давалась довольно легко, потому что у меня находилось время на массу других занятий. И все я делала с увлечением, все мне было интересно. Так должно быть в человеке зарождается страсть, а потом и фанатичная любовь к какому-либо увлечению. Способствовало этому и сама школа №17 города Калинина со своими замечательными учителями. Они заботились и думали не только о том, как донести до учеников свой предмет. В школе всегда, как теперь говорят, проводились различные мероприятия. Я была в 9 классе, когда в школе был организован кружок танцев, например. И мы научились танцевать танго, фокстрот, вальс... Я почувствовала себя, помню совсем взрослой, когда ко мне подошел и стал моим партнером на весь курс обучения Володя из 10-го класса (уже выпускник!). С каким увлечением мы изучали разные па, а в конце так красиво могли держаться в танце! Причем, так как в нашей школе не было большого зала, то мы ходили танцевать в школу №1 за рекой Тьмакой. Это было большое старинное дореволюционной постройки здание с большим залом, где можно было развернуться. Танец требовал координации движений, и овладение им давало ощущение легкости и радости от движения. Спорт также требует координации, правильного владения своим телом. Может быть, те танцы были капельками, которые помогли мне быстро овладеть и спортивным мастерством.

Я люблю танцевать, с упоением отдаваясь ритму движения и, что немаловажно для партнерши, полностью подчиняясь ведущему танец – партнеру. Собственно, последнее является главным условием красивого, доставляющего радость танца. Танцевала я много. Во времена моей молодости часто устраивались различные балы, да и танцплощадок было достаточно. Теперешние дискотеки – не то, с моей точки зрения: толчея, дергание различными частями тела, почти не сходя с места... Нет... Движение – вперед, вперед – вдохновляет человека, дает здоровье. Простите меня, молодые читатели. Может быть, это покажется «брюзжанием». Критику принимаю. Да, танцевала я много, но в памяти остались только два танца. Вальс и полька.

Когда закончились международные соревнования в Бухаресте, Румынская конноспортивная федерация устроила прощальный бал. Оркестр заиграл вальс. Сердце мое встрепенулось: скользить по паркету в вихре вальса, это ли не наслаждение! Но ведь испокон веков принято, женщина ждет, когда ее пригласит на танец мужчина. Стою и я. Жду...

Ну, совсем как Наташа Ростова из «Войны и мира» Л.Н.Толстого на первом балу. И вдруг ко мне подходит огромного роста толстый-претолстый уже в возрасте румын. Отказать невозможно, но в душе – огорчение: пропал вальс. Я положила руку ему на плечо, и мы пошли... Зал был большой, но я перестала ощущать его простор с первых же шагов. Я была худенькая, тоненькая и занимала, наверно, только половину фигуры моего партнера. Вел он меня с таким мастерством, мы двигались так легко, что мне казалось, я не танцую, я летаю по воздуху, кружась по этому залу, как бы не прикасаясь к полу. Я до сих пор благодарна этому румыну за те ощущения счастья танцевального движения, которое он дал мне испытать. Видимо, он был хорошим танцором старой школы.

Полька... Я никогда не училась этому танцу, а вот пришлось танцевать и не где-нибудь, а в Польше. Конечно, там проходили международные соревнования и, конечно, в конце был устроен пикник на природе, в красивейшем месте под Ксёндржем. Это место хорошо известно и современным спортсменам. Роскошный уголок природы с вековыми деревьями в парке, окружающем старинный замок. Рядом конный завод, которому уже не одно столетие. Конюшни построены очень давно, но своей прочностью и красотой отделки могут стать музейными.

Это была большая деревянная площадка, по бокам которой на вертеле готовились целые туши баранов. По мере готовности мяса все подходили, и сами срезали приглянувшиеся кусочки. Тут же стояли столы с другими соблазнительными яствами. Вечер был довольно прохладный, хотя на темном небе сияли тысячи звезд, но они не согревали, и тем, кто оделся по бальному, легко, было неуютно. На мне был летний, но спасавший меня от холода плащ. Я пишу об этом потому, что далее произошло следующее. Заиграл оркестр. Вижу, люди готовятся к танцу. Вдруг ко мне подходит начкон завода и приглашает открыть бал. С замиранием сердца любительницы потанцевать я приняла приглашение и только тогда я поняла свою оплошность: играли-то польку, а я никогда ее не танцевала! Но отступать было уже поздно. Будь, что будет, решила я! В толчее люди не заметят мою нескладность... А получилось все не так, как я думала. Увидев своего начальника, вышедшего на круг с гостьей, все остановились, и мы оказались в одиночестве на глазах у всех. Мы открывали бал... Нужно отдать должное, начкон был отличным партнером, также как тот румын. Он вел меня так, что я не могла не попасть в темпо-ритм музыки. Мое дело было точно следовать движениям и требованию партнера. Но страху я натерпелась порядочно. Все смотрели, наблюдали, оценивали. При этом мой плащ развевался, а я, наверно, из-за этого, полагаю, выглядела как толстенная пышная пани. Легче стало, когда наконец-то к нам стали присоединяться другие. Не забуду, как после этой польки ко мне подошла Елена Владимировна Петушкова (тогда она была для нас просто Ляля, она была членом нашей советской делегации и выступала на соревнованиях, а я, будучи уже Международным судьей, их судила) и сказала: «Ну, Нина Георгиевна, я не ожидала от Вас такой прыти. Вы –

молодец». Приятна оценка следующего молодого поколения. Мне было тогда уже лет 60, а может быть и больше!

Потом, в это же время, в школе был создан драмкружок, которым руководила милейшая женщина – бывшая артистка.

Первый раз я вышла на сцену клуба шахтерского поселка «Золотые прииски» в Сибири, когда мне было лет пять. Прекрасно помню темный зал, заполненный людьми, сцену с красным занавесом, горящие лампы (электричества тогда в тех местах не было) и взволнованную маму, спрятавшуюся за полотнищем занавеса с текстом стихотворения, которое я должна была читать. Но я вышла на авансцену и смело «выдала» это стихотворение зрителям. Подсказки не понадобилось.

Позже во всех школах (а мне пришлось за 10 лет учебы поменять 7 школ) я была активной участницей самодеятельности, и всегда меня тянуло к драматическому, к чтецкому искусству. И, конечно, в школе №17 я была участницей всех программ драмкружка.

У нас ставились и серьезные постановки. Так, была поставлена пьеса Островского «Бедность – не порок». Я играла героиню Любушку, которой чуть было не испортил жизнь деспот-отец-купец, запретивший ей любить молодого человека, к которому было привязано ее сердце.

Наградой для меня за игру были слезы зрителей, переживавших за бедную девушку. Слезы, конечно, выступали у пожилых женщин. Но для артистки (в кавычках или без них) это значило многое. Мы выступали не только в школе, но и на других площадках. (Например, в военном химическом училище, которое находилось недалеко от нашей школы).

Школа мне много дала и в общем развитии. Безусловно, играл здесь фактор моей, так сказать, неуёмности, всеядности. Училась хорошо, активная, живая... Вот и отправили меня от Калининской области во Всесоюзный экспериментальный детский лагерь (для старшеклассников) в Крым. Жаль, этот лагерь, т.е. лагерь с такой организацией, просуществовал недолго. Помоему, одно лето. Я попала в августовскую группу. Нас было человек 28, съехавшихся со всего Советского Союза. Встреча была в Москве. А далее – поезд и Отузская долина. Отузы расположены между Коктебелем и Судакон. Это виноградная долина с несколькими домиками, в которых и поселили нас.

Лучшего пляжа (с мелким песком) и, мне кажется, лучшего Черного моря нет нигде в благосло-

Группа турлагеря «Отузы» перед походом на «Шапка Мономаха»

енном Крыму. Обстановка в лагере была поразительной. Представьте себе, 28 подросткам была предоставлена полнейшая свобода. Хотя при нас были удивительные взрослые люди. Это не были вожатые, как принято называть в лагерях руководителей. Мы часто ходили в походы, так что ваш покорный слуга своими ногами обошла значительную территорию восточного Крыма, «покоряла» знаменитые горы Карадаг с вершиной Карагач, «обследовала» маленькие бухточки побережья, которые обогатили нас знанием большого количества полудрагоценных камней, тогда еще попадавшихся под ногами. Говорят, теперь туристы значительно обеднили эти чудные местечки. Результатом стала большая коллекция камней, вплоть до полудрагоценных. Я нашла даже друзу аметиста; эту коллекцию я передала школе. А руководил этими походами замечательный человек, геолог по образованию.

С нами занимались литератор, биолог...

Был у нас и физкультурник, и другие руководители.

И при этом мы могли сами по себе пойти на море купаться. Эта «свобода» чуть было не закончилась для меня плохо. Был шторм. Мы решили, что он уже почти кончился, а нам очень хотелось поплавать. Но когда мы пришли на берег, то увидели, что Черное море действительно черное и бурлит во всю. Девчата посмотрели-посмотрели и решили вернуться в лагерь, а ребята полезли в воду, тем более, что вода море казалось уже не таким грозным. Нужно было только преодолеть буруны, высокие волны у берега. А я...Ну, как я уступлю мальчишкам (вот что, видимо, привело меня и к стипль-чезу, в котором выступали только мужчины)! Поплыла за ними. Действительно, за большими береговыми волнами море стало вроде успокаиваться, во всяком случае, эти волны стали более длинными и гладкими. Плыть стало очень легко и приятно. Даже отдохнуть можно было, покачиваясь на волнах: они не накрывали и не устрашали.

Но мальчишки уплывали все дальше, и я стала понимать, что такой большой заплыв мне не по силам. Повернула назад. Все шло хорошо до тех пор, пока не подплыла к берегу. Я стала уставать, волны захлестывали и не давали выйти из воды. Я уже достаточно нахлебалась соленой морской воды. Наконец, почувствовала дно. Но только хотела встать, как волна с берега подмыла подо мной песок, и я мгновенно очутилась далеко в море. Вновь предпринимаю попытку подплыть к берегу, но происходит тоже самое. И что удивительно, с каждой моей попыткой выйти из этого бурлящего ада, я оказывалась каждый раз все дальше и дальше в море. Меня уже охватил страх. Силы оставляли, а берег оставался недосыгаемым. И на берегу не было никого, девочки ушли в лагерь. Несклько раз волна меня выбрасывала уже почти на берег, но либо я не успевала встать на ноги, либо не могла удержаться на ногах. Отчаяние охватило меня. И только какая-то очень большая волна выкинула меня достаточно далеко, и я, цепляясь руками, ногами, «зубами» смогла вылезти, устояв против силы отлива. Долго не могла отдышаться и прийти в себя от испытанного страха. С тех пор я побаиваюсь воды и отношусь к ее силе и возможностям с уважением.

В лагерь приплелась одна, ребята вернулись много позднее. Никаких нравоучений, никаких «втыков» за купание в бурном море мы не получили. Вот такая обстановка была в Отузском лагере. Замечательная.

Любопытен такой момент. Перед каждым походом (а мы иногда уходили и на 2–3 дня) нас кормили (это в страшную южную жару!) селедкой с отварной картошкой. Считалось, что в походе люди тратят много соли через пот, потому, дескать, требовалось компенсировать эту потерю таким образом. Но в походе по Крымской горячей земле пить нам хотелось ужасно, и мы рады были каждому родничку, обнаруженному по дороге.

Очень много интересного я узнала в этом лагере, да и собравшиеся ребята были интересными каждый по-своему.

Как-то из нашей Отузской долины мы совершили поход в Судак с заходом в Старый Крым. Это небольшой и старинный городок в центре полуострова. Интересен он тем, что там находится музей чудесного писателя-романтика XX века Александра Грина. Кто не знает его «Алых парусов»? А если не читали книгу или не видели фильма под этим же названием, советую – прочитайте, посмотрите. Душа воспаряет от этой литературы, делается чище, восторженнее – это немаловажно в жизни.

В городе Старый Крым находился, а может быть и сейчас находится, Краеведческий музей. Директором музея был маленького роста, уже в годах, мужчина. Но какой человек! Мало того, что он увлеченно рассказывал нам о своем детище, но он еще и водил нас по окрестностям Старого Крыма, показывал пещеры, в которых я впервые увидела сталактиты и сталагмиты (одни нарастают снизу – от капель воды, падающих с потолка, другие – свисают с потолка) – чудное зрелище! Вход в некоторые пещеры был через отверстия в земле. Спускались, помогая друг другу. Темнота, а в руках у нас факелы... Есть от чего развиваться воображению!

Впечатление от всего увиденного и услышанного – грандиозное, сказочное. Этому способствовал сам наш экскурсовод. Его увлеченные рассказы захватывали дух. Кроме того, этот необыкновенный человек оказался еще и меломаном. Он рассказывал нам о любимых им операх и других музыкальных произведениях. Почувствовав во мне заинтересованного слушателя, он, помню, напел мне чуть не всего «Евгения Онегина», начиная с увертюры... И все – во время похода.

Старый Крым, в пещере, август 1938 г.

В своей жизни я знала еще одного человека, способного напеть целое музыкальное произведение и не только напеть, но и насвистеть. Это был настоящий художественный свист. До войны в концертах выступала трагедная артистка Таисия Савва. Она блестяще исполняла любые музыкальные произведения свистом. Вот и Михаил Михайлович, мой муж, обладал таким даром. Особенно ему удавались фортепьянные концерты его любимого Рахманинова.

Вот в такой обстановке мы жили в Крыму. Как же не вспомнить с благодарностью Елизавету Александровну, директора нашей школы, которая послала меня в тот год в Крым. А ведь могла направить и свою дочь (десятиклассницу) или еще кого-либо из старших классов. Это я рассуждаю с позиций теперешней жизни, как посмотрю вокруг...

И все же основное влияние на меня имели мои подруги по классу. С некоторыми из них близость во всем – во взглядах на жизнь, на всё, что наполняет человеческую жизнь – сохранялась до конца жизни моих милых славных подруг. Их у меня было немного. Но мы были близки по интересам, по духу. И во время войны, потеряв след друг друга, мы, тем не менее, не сомневались, что каждая из нас пройдет тропой войны через армию: одна стала врачом и лечила раненых на Дальнем Востоке во время войны с Японией; вторая была связисткой на основных фронтах Великой Отечественной войны; я стала переводчицей в Генштабе Министерства Обороны.

Несколько слов о второй подруге. Хотя, по правде, она была первой и самой дорогой. Простилась я с ней три года назад. Тяжелое было прощание. Я осиротела. Это был безупречно чистый человек, кандидат исторических наук с обширными знаниями и, главное, трезвого ума.

Мне до сих пор ее не хватает, не с кем посоветоваться и получить то, что у меня не вызывало бы отторжения, невосприимчивости. Гуля Пустовоит. На самом деле она была Сусанной Андреевной. А Гуля – это пошло с детства, со школы. Тогда она была еще Петровой. Русская чудная женщина.

Мы все любили искусство, литературу. При бедности моей и Гулькиной семей мы ходили на концерты Лемешева (он тверяк и первый обкат сольной программы всех романсов П.И. Чайковского, например, он сделал в Калинин). К нам приезжали лауреаты Международных конкурсов скрипачей, и я была на концерте Буси Гольдштейна (потом он стал Борисом); он был тогда так юн, что выступал в пионерском галстуке.

Три подруги - Гуля Петрова (Пустовоит), я и Лида Силаева, Калинин, 9-й класс, 1938 год

Мягкий красивый голос грузинской певицы Тамары Церетели нельзя было сравнить ни с чьим другим. Исполнение ею романсов до сих пор может считаться эталонным. Даже своим внешним видом она притягивала к себе внимание публики: стройная при достаточно плотной фигуре, с гордо поднятой головой, а в гладко причесанных черных волосах струилась серебряная дорожка седины...

Мы жили полной жизнью. Родители давали нам на завтрак по 10 копеек в день. Вы думаете, мы их проедали? Нет, они шли у нас (когда подкапывали) на кино, театр, книги или же... У нас была такая игра, мы стремились обходиться без словечек, засоряющих нашу речь, таких как «значит», «ну», «вообще» и др. Разумеется, следили друг за другом. Употребивший такое слово-паразит выплачивал дань из этих 10 копеек, как правило, конфетами. Разве это плохо? Я бы сказала теперь: «Молодцы, девочки!» И плюс к этому – спорт, лошади... Кстати, обе мои подруги стали «Ворошиловскими всадниками» на год раньше меня. Но вот видите, только я осталась связанной с лошадью на всю жизнь.

Я забыла объяснить, почему в конный спорт пошли одни девочки. В этом главную роль сыграл Яша Сорочкин. Этот паренек увлекся боксом, был хорошо развит физически, подавал большие надежды в этом виде спорта. Мальчишки явно завидовали ему, и когда стали набирать молодежь не только в конный спорт, но и в боксерскую секцию, то туда рванулись почти все мальчишки нашего класса. Произошло вот такое разделение. Но как около лошадей осталось только несколько человек, так и боксерами стали единицы. После первых же занятий мальчишки стали приходить на уроки то один, то другой с синяками, с разбитыми носами, подбитыми глазами. Выдержали первое знакомство с этим мужественным видом спорта немногие. Вот такой был у нас класс. Хороший класс. Ребята все стремились к какой-то деятельности. Даже более того, когда пришли к нам из военкомата и предложили мальчикам пойти учиться в военное училище, то двое или трое пошли туда, так и не закончив десятилетку. Эти ребята встретили войну – Великую Отечественную – уже офицерами.

А сколько шума в городе и у нас в школе наделал приезд молодого лейтенанта – Героя Советского Союза. Как горды мы были, что на Халхин-Голе проявил храбрость и мужество бывший ученик нашей школы!

2. Штрёмсхолм

Недалеко от Стокгольма есть небольшой городок Штрёмсхолм. Там иногда проводились международные семинары судей по выездке. Их инициатором был, конечно, полковник Ниблеус. В этом городке находилась, может быть и сейчас находится, конная школа, на базе которой готовились кадры тренеров по конному спорту. Я всегда интересовалась, как на Западе готовят кадры. После ликвидации кавалерии в нашей стране это дело попросту заглохло. То, что пытаются делать в институтах физкультуры, не дает практически ничего.

Я много разговаривала по этому поводу с немецкими специалистами, но пришла к выводу, что их система подготовки тренерского состава и даже просто конюхов для нас не подходит: слишком сложная, длительная и дорогая. А вот когда я столкнулась со шведской системой, то поняла – она вполне подходит и нам. Подробно описала, как работают шведы над этим вопросом и передала свои рекомендации в Отдел конного спорта. Начальником Отдела в то время был Н.Ф. Шеленков, тот самый Шеленков, во взвод которого я пришла после войны, но так бесславно пришлось и уйти из КВОКШа.

Странно, но все мои призывы о необходимости думать об улучшении квалификации наших тренеров не были услышаны. И то, что сейчас у нас плохо, отвратительно плохо обстоит дело с тренсоставом, тянется с тех пор и «благодарить» нужно, прежде всего, Шеленкова. Старшее поколение, получившее необходимое образование и навыки работы с лошадью у кавалеристов-профессионалов, уже ушло, а молодое осталось на мели. Чтобы овладеть искусством, например, выездки, как основы работы с лошадью, требуется профессиональная подготовка. Плохая самодеятельность приводит и к плохим результатам. Брак в выездке ведет к потере, испорченности иногда очень талантливых лошадей, которые могли бы стать гордостью не только владельцев, всадников, клубов, но и страны.

А в этой школе в Штрёмсхолме работали всего несколько человек: начальник школы, обеспечивавший жизнедеятельность школы, тренеры по троеборью, конкуру и выездке и ветврач. Они читали лекции, они же и проводили практические занятия.

Я не помню сейчас, сколько времени длился каждый курс, кажется полгода. Помню только, что по окончании все сдавали экзамены и получали право работать в спортивных школах в течение года по определенной программе (вроде нашей общей начальной школы).

Время от времени тренер-инспектор из Федерации, объезжая клубы, проверял качество их работы и давал оценку. Через год эти люди возвращались в Штрёмсхолм и прослушивали уже более продвинутый курс, дававший им право на работу по более сложной программе. Затем они проходили обучение на третьем курсе, после чего уже могли дальше работать самостоятельно.

В эту школу приезжали спортсмены и тренеры из других стран.

Конечно, в школе была конюшня с небольшим составом лошадей, но по-разному подготовленных.

Почему бы не перенять хорошее и не сделать то, что помогло бы вытащить наш конный спорт из застоя! Наша главная беда, по-моему, в

Я читаю «Письмо Татьяны»

том, что как-то получается так, что если человек что-то уразумел, чему-то немного научился, то он становится излишне самоуверенным и теряет любопытство узнать еще больше. Но без любопытства не может быть прогресса. Это – аксиома. Вот тогда и возможны такие «выступления» некоторых молодых спортсменок, еще не оперившихся как следует, но уже возомнивших о себе как о специалистах высшего порядка. Это я вспомнила сценку в манеже ЦСКА, когда молодая спортсменка, недовольная оценками судей, «бросила вызов» всей судейской коллегии и мне персонально: «Вы бы сами сначала научились ездить верхом, а потом уж брались судить нас!» В этом проявилось не только отсутствие культуры вообще и поведения, в частности, но как раз то, о чем я писала выше: «знать ничего и никого не хочу, что было до меня». Зачем учиться у старших? (Вспомните, как поступила Лайма Шелалене). Без любознательности и на лошади далеко не уедешь. Честное слово. А уж как же нужна людям самокритичность, и говорить не приходится.

В этом Штрёмсхолме произошел такой забавный эпизод в моей жизни. Сидели мы как-то в парке за столиками, отдыхали, разговаривали, пили кофе... Вдруг полковник Ниблеус обращается ко мне: «Нина, прочтите какое-нибудь стихотворение на русском языке. Хочется послушать, как звучит ваш язык». Я растерялась. Я знала поэзию достаточно хорошо и незадолго до поездки в Швецию участвовала в концерте в Доме Ученых с какими-то стихами. Но просьба была настолько неожиданной, что я ничего не могла вспомнить. Наконец, собралась с духом и начала читать... знаете что? – «Письмо Татьяны Онегину»! Вспомнила школу!..

!Я вам пишу, чего же боле,
Что я могу еще сказать?..
Теперь я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать...! и т.д.

Читала, четко обозначая рифму и стараясь донести красоту звучания русской речи. А ведь «Письмо Татьяны» я выучила, по меньшей мере, 40 лет назад! Ай, да, Пушкин! Выручил!

3. Чемпионы и рекордсмены СССР на Красной площади

В 1950 или 51-м году во время празднества Великой Октябрьской революции для прохождения перед Правительственной трибуной была образована колонна чемпионов и рекордсменов СССР. От конников в эту колонну включили меня. Собрали нас на Манежной площади, тогда еще свободной и просторной – гуляй – не хочу! Хотя это и был уже ноябрь, но день выдался довольно теплый (для этого времени года), пасмурный, но сухой. Мы все были одеты в красные чемпионские свитера (такими свитерами награждали всех победителей Всесоюзных соревнований. Один свитер я берегу до сих пор – теперь он уже раритет). Как бы то ни было, мы стали замерзать.

Тогда начальство, пожалев «цвет» спорта, отправило нас погреться в гостиницу «Москва» (где она теперь? или – что с ней будет?). Собрались

то молодость страны. Сразу же начались танцы, песни. Разогрелись, а тут и команда строиться. Проходили мы Красную площадь, конечно, не маршевым шагом, как военные, а свободно, но ровность рядов старались сохранять, особенно тогда, когда проходили перед Мавзолеем Ленина, на трибуне которого стояло все наше Правительство, но внимание, конечно, привлекал Иосиф Виссарионович. Держать строй и искать глазами Сталина было не так-то просто, но для нас – увидеть вождя было самым главным.

После окончания парада нас всех развезли по домам. «Thrilling Day», как говорят англичане («Волнующий День»).

4. Дети конников

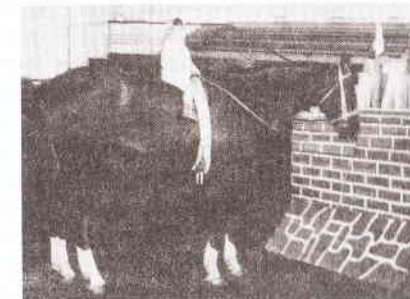
У многих из нас росли дети. И, конечно, они были частыми гостями в конюшне и на плацу. Нередко с ними приключались разные – и серьезные и смешные истории.

Так, однажды(!) я привезла на Сходню свою трехлетнюю дочь.

День был чудесный, работу с лошадьми все закончили, вся площадь и выездковый манеж были пустые. Даже люди ушли – кто отдыхать, кто – куда, словом, я спокойно оставила внутри манежа свою малышку и куда-то отлучилась, скорее всего, на минуту ушла в свою коморку-закуток-чуланчик, служившую мне пристанищем в лагере. На одну минуту... Этого хватило, чтобы в течение этой минуты произошло нечто, слава Богу, только насмешившее нас всех. Я услышала страшный рев своей дочурки и крик кого-то: «Нина Георгиевна, спасайте Сонечку!» Я выскочила из дома и вижу: на заборчике манежа висит моя дочь и голосит, что есть мочи, а к ней уже бегут люди. Надо сказать, к нашим маленьким детям всегда все относились со вниманием. Так было и в этом случае. Мою Софушку сняли с забора еще до того, как я подбежала к ней. Она уже успокоилась, когда мама оказалась рядом с нею. Как же это могло произойти? Видимо, она захотела выйти из манежа, но то ли не поняла, где ворота, то ли не захотела идти до них, только полезла через заборчик, да зацепилась штанишками за один из острых колышков, из которых состояла ограда манежа. Зацепилась и повисла вниз головой: она же была еще совсем маленькой, хотя и

Первая лошадь моей Софии

Аленка на Акрополе

принимала уже такие серьезные решения, как преодолеть забор, или обойти его...

А несколькими годами ранее родилась дочь у Левиных. И вот однажды (тоже!) Александра Михайловна приехала с нею на конкурную тренировку и положила девочку в тень за каменной стенкой. Галка спит. Мать прыгает отдельные препятствия. И вдруг кто-то приехал на эту площадку и сразу же направил лошадь на каменную стенку. Никто и ахнуть не успел, как этот всадник перемахнул через стенку и через спящего ребенка. Хорошо, что прыжок был удачным, а если бы... как часто бывает, стенка рассыпается от удара, а... страшно было подумать, что могло произойти... Что уж пережила Александра Михайловна, можно только предполагать.

Когда я работала в Ратомке, Угрюмов тоже привозил свою Аленку из Минска и сажал на лошадь. Довольная девочка радовалась такому случаю, пока однажды (опять!) Акрополь, на котором она сидела, не двинулся неожиданно вперед и Аленка с высоты роста огромной лошади шлепнулась в опилки манежа. Рев, конечно, был отчаянный, но скорее не от боли, а от неожиданности и страха.

Все-таки конники – сумасшедшие люди.

5. Конфликт с Василием Сталиным

Не хотелось вспоминать историю «общения» с Василием Иосифовичем Сталиным (между собой мы называли его просто Васей), но многие, узнав, что и такое со мной было, всегда просят написать о том времени.

Постараюсь коротенько. Более подробно об этом рассказал Михаил Михайлович в своей книге «На земле и в небе», потому что эти взаимоотношения касались больше его, чем меня.

О том, что я почти год состояла членом конноспортивной команды ВВС и как я туда вынужденно попала, я уже писала. Рассказала я также о том, что с радостью вернулась в ставший мне родным «Пищевик». А далее события развивались приблизительно так. Василий Иосифович (это чувствовалось по многим его поступкам) относился к Михаилу Михайловичу, его популярности и прочим качествам, с ревностью, (даже машину приобрел как у Громова) а тут ему представился случай унижить Громова. Как не воспользоваться!.. Тем более что его как раз избрали Председателем (теперь мы говорим – Президентом) конной Федерации. На одно заседание был вызван и Громов. Все знатоки конного спорта во главе с Васей осудили методику тренировки лошади, разработанную Михаилом Михайловичем. Я не буду вдаваться в подробности этой истории, но на какое-то возражение Громова Вася ему бросил: «Вы,

Испуганный папа
В. Угрюмов с
Аленкой

может быть, даже к отцу пойдете жаловаться?». Михаил Михайлович ответил: «Если сочту нужным, то пойду!».

Так вот уже из этого можно понять, какая обстановка складывалась вокруг Громова. А тут еще я подбавила: выиграла стипль-чез на 6 км и троеборье на лошади, принадлежавшей Михаилу Михайловичу и подготовленной по Громовскому методу.

Реакция Васи была своеобразной: он приказал своим подчиненным арестовать лошадей Громова – Диду и ее сына Фиделио II. Приказ есть приказ. Группа солдат во главе с офицером – адъютантом Василия Иосифовича Сталина пришла на конюшню «Пищевика».

Был теплый летний день. Все двери в конюшне были открыты. Так как это была середина дня, то народу было мало. Но те, кто там был – конюхи, тренеры, – что называется, глазом не моргнули, и когда пришедшие потребовали вывести Диду, кто-то из старших сказал: «Конюшня открыта, берите тех лошадей, которые вам нужны», отказавшись принимать участие в этом действе, хотя все понимали, с кем они имеют дело. Солдаты вывели из денников двух лошадей и увели. Все присутствовавшие при этом выдержали длительную театральную паузу, но ничем себя не выдали, когда увидели, что уводят не Диду, а похожую на нее Победу. Это делает им честь! Настоящие Люди, настоящие мужчины, с совестью и достойным отношением к несправедливости даже сильных мира сего. А где же страх? Он не работал. Молодцы!

А получилось так потому, что пришедшие казенные люди не очень разбирались в лошадях, а у денников не было дощечек с кличками лошадей.

Дальше произошло следующее. Я пришла на вечернюю проводку, но еще не доходя до манежа, увидела бегущего мне навстречу Левина. Он на ходу стал рассказывать мне о том, что произошло, и добавил: «Наверняка за Дидой вернутся, когда спортсмены увидят ошибку. Что делать, решайте сами. Мы бессильны как-то противостоять, сами не понимаем». Что мне было делать? Михаила Михайловича не было в Москве, он уехал в командировку по своим авиационным делам. Я вошла в денник Диды, села в уголок и стала размышлять. Единственный выход я видела в том, чтобы забрать Диду на дачу. Но днем одной ехать даже думать нельзя было: Дида боялась автомобильного движения, шума, уличного грохота. Она могла сбросить меня по дороге. Этого еще не хватало. Значит, нужно было ждать ночи. Пока я так размышляла, к двери денника подошла группа военных. Я вскочила и встала в проеме двери. Офицер, глядя мне в глаза, голосом начальника, т.е. приказным тоном, сказал: «Отдайте лошадь по-хорошему». Я – в ответ: «Не отдам. Возьмете только силой». Далее идет диалог: - «Вы что, не понимаете, чей это приказ». – «Понимаю. Но отдам Диду, только если вы дадите мне бумагу, подписанную Василием Иосифовичем». Вижу, он хватается за кобуру. «Не пугайте меня, так будет лучше». И захлопнула дверь денника. Они потоптались-потоптались и ушли наконец. Я села на сено в ногах Диды и думала свою горькую думу.

А она, моя лапушка, мирно жевала сено, видимо, довольная, что с ною рядом хозяйка и шум от чужих людей утих. Человеческие страсти проходили мимо нее. К вечеру я даже задремала в уголке денника, а с рассветом зачистила ее, подседлала и уехала на дачу в дер. Жуковка, это примерно 35 км по Волоколамско-Рублевскому шоссе. Но движения почти не было, и мы благополучно добрались до дачи, если не считать, что где-то по дороге Дида «прихватила» ржавый гвоздь. Вновь – хромота. Но на следующий день я съездила в Горки-Х на 1-й конный завод, привезла оттуда коваля, который и привел Дидины копыта в порядок.

Ну, а дальше? Приехал из командировки Михаил Михайлович. Кинулся к С.М.Буденному, но помощи от него не получил; тогда он обратился к К.Е.Ворошилову. Тот отнесся с пониманием к рассказу Михаила Михайловича. Тут же позвонил Васе. Но того, как сказали, не было на месте. «Пьяный, наверное», - сказал Ворошилов и позвонил Буденному. То, как и что он сказал главному коннику страны, примечательно: «Тут ко мне обратился Михаил Михайлович Громов по поводу ареста его лошадей Василием. Я не мог до него дозвониться и прошу тебя навести порядок в своих конных делах. А то ведь что получается, сегодня лошадей арестуют, а завтра очередь дойдет до жены... Вот так. А я еще тоже попытаюсь поймать Василия». А Михаилу Михайловичу он сказал, чтобы он не волновался, все будет в порядке.

Так оно и было. Победу и Фиделио II вернули в «Пищевик», а мы с Дидой после того, как она «отхромалась», тоже приступили к тренировкам уже на своей родной базе. На носу были Московские соревнования, на которых мы с нею установили второй всесоюзный рекорд, но на 4000 м. Каково было это Семену Михайловичу и Васе Сталину – не знаю.

6. Милочка Прудникова

Первые годы 1950-х были для конников очень тяжелыми. Каждый год мы кого-нибудь хоронили. Умерла милая Таня Лилова (какая-то опухоль в мозгу, возможно от падения), разбился на тренировке кроссу великолепный троеборец Сова. Разбился на тренировке к стипль-чезу наш пицеевонец, вместо которого мне пришлось войти в ряды стиплеров... Упала на конкуре Зоя Тарасова, разбив себе лицо так, что никакая пластическая операция не смогла вернуть ей её миловидное славное личико. И совсем уж тяжелой для нас была смерть после падения на «бочках» в конкуре Милочки Прудниковой. Следом за ней мы похоронили её тренера Игоря Ковригу. Историю о Милочке и Ковриге я расскажу подробнее.

М.Прудникова на Игре

Милочка Прудникова была очаровательной, очень женственной девушкой. Студентка библиотечного института. Но куда денешься от любви к лошади. А тут еще встреча с интересным человеком и мужчиной Игорем Яковлевичем, незаурядным тренером и спортсменом. Любовь... Что ж, это была действительно нежная любовь. Наши отношения с Милочкой были достаточно близкими, чтобы я могла так говорить.

У Милочки было две лошади Голдкирша и Игра. Первая – для троеборья, вторая – для конкура. Особого класса в Голдкирше не было, но она была хороша собой и с хорошим характером. Игра же прекрасно прыгала, но была несколько «сумасшедшей». Она могла «подхватить», особенно, когда шла на препятствие, и всаднику не всегда удавалось с ней справиться. А этот «подхват» грозил, как правило, тем, что она могла сорваться на прыжок не в том месте, которое давало правильный расчет. Это опасно. Я помню, как перед каким-то конкурсом мы сидели с Милочкой на траве на ипподроме, разбирали маршрут, разговаривали о лошадях, и вдруг Милочка говорит: «Не люблю я Игру, я не верю в неё. Вот когда я сижу на Голдкирше, я уверена, что если что-то случится неладное, Голдкирша сделает всё, только чтобы не причинить мне вреда. А Игра – нет. Ей всё равно!». Мне вспомнились эти слова, когда Игра задела эти злосчастные бочки, они рассыпались, а Милочка с Игрой упали по другую их сторону. Страшно было смотреть на всё это. Через три дня Милочка скончалась в Боткинской больнице. Состояние Игоря Яковлевича трудно себе представить. Видимо, он корил себя за то, что посадил её на Игру. Ему так хотелось, чтобы Милочка выполнила «мастера», а Игра давала такие возможности.

Дальнейшие события были связаны со мной, и вот каким образом.

В тот далекий день я пришла в «Пищевик» несколько позже обычного. Начальник школы Владислав Витальевич Беляков был взволнован и весь, как говорится, на нервах. Он рассказал, что несколько раз в школу звонил Коврига и спрашивал меня. Последний звонок был незадолго до моего прихода, и так как меня все еще не было, он обратился с просьбой к Белякову выполнить то, что он попросит. Владислав Витальевич сразу заподозрил что-то неладное, но дал слово сделать всё, что от него будет зависеть. А далее Коврига стал говорить что-то невероятное. Он стал просить Белякова взять Голдкиршу из «Спартака» и передать ее Громовой, т.е. мне. «Сделай все, что только можешь. Собаку я пристроил, а это моя последняя просьба» - сказал Коврига и попрощался. Через какое-то время нам сообщили, что на станции Петрово-Разумовское под поезд бросился мужчина. Это был Игорь Яковлевич.

Хоронили мы их в один день.

В.В.Беляков начал переговоры со «Спартаком» о Голдкирше. Он всеми силами хотел выполнить последнюю волю Ковриги. Предлагал деньги, предлагал взамен любую лошадь (кроме, конечно ведущих) из нашей конюшни. Всячески старался условить спартаковцев, но те – по слухам, в основном – женский состав, имевший большое влияние на всё в «Спартаке» - стояли «стеной»: «Нет». Зачем им сдалась Голдкирша без Милочки, не понятно было. Так и вышло: лошадь пошла по рукам, никакой

«погоды» в обществе не сделала и закончила, по-моему, в учебных группах. Я, конечно, понимаю, почему так повели спартаковки. «Виновата» во всем была я: они не хотели, чтобы Голдкирша попала в мои руки, несмотря на весь трагизм положения.

Мне Голдкирша в общем-то не очень нужна была: у меня в это время в работе было три лошади. Четвертую было бы уже тяжело работать. Но никаких колебаний у меня не было. Я стала бы её готовить к «Малому призу» в память о хороших людях. И последний поступок Ковриги – забота о судьбе лошади, которую любила Милочка, не мог не вызвать в любом человеке ответного чувства.

Много лет я старалась после этого не встречаться со спартаковками, чтобы не смотреть на них. Мне было стыдно за них.

Как много всякого разнообразия в нашей жизни и в характерах окружающих нас людей – от великодушных, искренних до совершающих безобразные поступки.

“Ce la vie” – («Се ля ви»), как говорят французы («такова жизнь»).

7. Борис Лилов

Борис Лилов был превосходным конкурстом и самым достойным учеником Е.Л. Левина. У нас существовали негласно как бы две школы прыгунов. Одни конкурсты предпочитали прыгать, предоставляя инициативу лошади. Дело всадника – правильно подать лошади препятствие и подвести её с нужным расчетом. Человек дает правильную скорость подхода к препятствию и помогает ей если нужно. Человек и лошадь здесь выступают равными партнерами. Конкурсты другой школы вели себя по-иному. Они всю инициативу брали на себя. Лошадь поднималась на прыжок только с последнего посылы всадника, рассчитавшего место отталкивания. Лошадь здесь была слепым «орудием» в руках человека. Делалось это так: лошадь идет на препятствие, видит его, но человек посыл на прыжок дает энергично только в последний темп галопа,

Милочка Прудникова

Дарлинг

приказывая ей – прыжок! Часто такой метод приводит к силовым прыжкам. Лучшими представителями этой второй школы были Левин и Лилов, обладавшие от природы великолепным глазомером и подчинявшие лошадь полностью своей воле.

Я не могу сказать, что любила Лилова. Я не люблю грубиянов и завистников. В нем эти качества часто ярко проявлялись. Но я очень ценила и даже восхищалась его спортивными способностями.

Груб он был не только с людьми, от его грубости страдали и лошади.

Был у нас спокойный, даже флегматичный тракен – жеребец Дарлинг. По колодке он был классическим тракеном. Прозвали мы его Профессором, потому что хитрый он был беспредельно; всегда сам себе на уме. Короче, ума палата, а не лошадь. Например, седлает его новичок. Он – сама смиренность. Садится на него молодой спортсмен... Он все команды выполняет беспрекословно. Но, до поры до времени. Ему требовалось всего несколько минут, чтобы разобратся в «квалификации» всадника. Как только ему становилось ясно, что на нем сидит неопытный человек, так немедленно следовал резкий взбрык или еще что-нибудь, и... человек на земле. Дарлинг не убежал, а стоял рядом, как бы насмехаясь: «Что, получил?!». И так могло продолжаться бесконечное количество раз, пока, наконец, тренер не обращался к кому-нибудь из мастеров с просьбой сесть на него и «укротить», т.е. наказать за такое поведение. Но вся штука-то и была в том, что мастер мог ездить на нем сколько угодно и Дарлинг вел себя так, что наказывать его не за что было. Когда менялись в седле мастер и новичок, история повторялась. А еще Дарлинг отличался ото всех лошадей тем, что с удовольствием поедал из рук бутерброды с селедкой.

Так вот, как-то на Сходне Лилов вошел в станок к Дарлингу, чтобы подседлать его. Что случилось, непонятно, только Дарлинг цапнул Лилова. Видимо, было больно, но реакция все равно была такой, какую нельзя оправдать. Обладая взрывным характером, Лилов вскипел и начал избивать лошадь на привязи хлыстом. Один из ударов пришелся по голове и прямо по глазу. Глаз сразу покрылся белой пленой. Это охладило Бориса, и он побежал к Григорию Дмитриевичу Доильневу. Дядя Гриша осмотрел бедолагу и принял решение немедленно применить народное средство от бельма на глазу, благо ему было все известно, что касалось лечения лошадей. Мне рассказывали, что он взял сахар, превратил его в порошок и вдул этот порошок в травмированный глаз. Потрясающе, но это помогло, и глаз, в конце концов, стал нормальным. Потребовалось только время.

Этот безобразный поступок ведущего спортсмена, к сожалению, прошел незамеченным для всех конников.

А теперь о другой стороне этого же Лилова. Идем мы с ним как-то из школы в сторону Белорусского вокзала, разговариваем... С лошадями незаметно перешли к литературе. И тут, совершенно неожиданно для меня, Лилов стал читать наизусть стихи Есенина, Пушкина... И совсем уж «доконал» меня знанием рубаи Омара Хайяма. В то время этот поэт XI века мало кому был известен. А Лилов прочел наизусть несколько

четверостиший! Вот как в одном человеке могут ужиться такие разные качества характера. Второе, конечно, предпочтительнее обнаруживать товарище по работе.

Вспоминается одна трагикомичная история, связанная с Левиным, Лиловым и мною.

Мы готовились к каким-то очередным соревнованиям. И вдруг у нас, у троих, случилась беда: мы заболели. Но чем? Как раз на тех местах, на которых мы сидим в седле, у нас «вскочили» фурункулы. И так-то они причиняют большую боль, а тут – на таких местах. Но тренироваться по-прежнему надо. Каждый из нас старался найти наименее уязвимые места и получалось, что мы все трое выезжали сидя боком. Малейшее смещение причиняло такую боль, что хоть реви! А на прыжках боком уже не усидишь, поэтому при каждом толчке «из глаз летели искры». Мучились ужасно. А зрителям смешно. Конечно, насмешек и хихиканий было много. Стали лечиться... Чем?.. Кто-то сказал, что в таких случаях помогают сырые куриные яйца. Взяли у своей сторожихи яйца. Стали пить. Одно яйцо в первый день, два – во второй, три – в третий и т.д. Нужно было дойти до 10 яиц. Левин отказался, а мы с Лиловым начали такую «диету». Я выдержала, по-моему, не то четыре, не то пять дней, а Борис довел «лечение» до конца. Но сдвигов не было. Тогда Левин уехал в Москву (это происходило на Сходне) и вечером вернулся с какими-то порошками. Сам выпил и нам дал. Он сказал, что это какая-то сера. Не исключено, что он получил эти порошки у кого-то из ветврачей. Очень скоро мы все трое оправались от этой напасти и забыли о своих страданиях.

В то время мы часто обращались со своими болячками к ветеринарам. Помощь нам оказывалась всегда.

Вот такая история: и смех, и слезы.

И еще:

Осенью 1951 года Левин, Лиллов и я поехали на Украину.

Нас пригласили на местные соревнования одного конного завода под Винницей. Уже не помню почему, но нам пришлось задержаться в городке на несколько дней. Город Винница – зеленый уютный, но ужасно скучный. Единственным развлечением был базар, куда мы ежедневно ходили по утрам, чтобы купить к завтраку свежее молоко, сметану, творог. Затем мы возвращались в номер и там пиршествовали. Украинские продукты с базара были замечательно вкусные. А дальше что делать? Выручали книги, но и они не скрашивали серую жизнь в серой невзрачной гостинице.

Радостью стало приглашение на местную кондитерскую фабрику. Мы побывали во всех цехах и наблюдали за тем, как на конвейере рождаются разные виды карамелек и леденцов. Еще событием для нас стало легкоатлетическое соревнование, устроенное в городе. Кросс проходил по улицам Винницы. Все население городка высыпало из своих

домов. Люди стояли по сторонам улиц на всем протяжении кросса. Я тоже пошла посмотреть на это соревнование. Помню, рядом со мной стояла старушка, с любопытством наблюдавшая за тем, что происходит на улицах. После мужчин в бег включились женщины. И тут моя соседка не выдержала, всплеснув руками, она буквально завопила: «Глянь-ко, глянь-ко, дивчина з ума ашла. Без юбки, ай-яй-яй...» Откуда взялась старушка со своими дремучими понятиями в 50-е годы XX века?! После кросса девушки со знакомой уже кондитерской фабрики захотели сфотографироваться со мной. Вот это фото.

Н.Громова с командой Винницкой кондитерской фабрики, занявшей первое место в эстафете

Где в это время были Лиллов и Левин, не знаю. Но до конного завода я так и не доехала: у меня разболелся зуб, да так, что ничем успокоить его не удавалось. К местным врачам я пойти побоялась. Вот я и попросила Левина отправить меня назад в Москву. Так мы и расстались: я уехала домой, Левин с Лиловым продолжили задуманный вояж

8. Нина Менькова

Эта женщина отдала всю свою жизнь, всю свою любовь лошадям. Нельзя было и подумать, что невысокая хрупкая девушка так привяжется к лошадиному племени, что посвятит ему всю себя. Теперь, когда она стала знаменитой спортсменкой, известной не только в нашей стране, но и в мире, мы можем говорить о ее таланте спортивном, таланте берейторском, удивляться и восхищаться ее спортивному долголетию, способности сохранить в себе страсть к нервозным выступлениям, т.е. оставаться бойцом на спортивной арене уже много-много лет, это – теперь. А начало ее спортивной карьеры определилось не сразу, и ей предшествовал многолетний труд, учеба, которые не выдвигали, однако, ее в первые ряды, хотя ей в руки попадали великолепные лошади. В чем же дело?

Надо признать, что судьба, жизнь, как правило, распоряжается так, что имя человека, отдавшего все свои силы, всю душу своей работе со многими лошадьми, будет связано с кличкой только одной лошади, редко двух. Так случилось и с Ниной Меньковой. Это о ней я пишу с таким уважением.

В ее руках оказалась очень интересная для выездки, талантливая, красивая лошадь – Диксон. Энергии у него было хоть отбавляй.

Флегматичная лошадь доставляет мало удовольствия всаднику в работе с нею. Тоска, да еще тратятся силы и не всегда оправданно. Но и горячая, энергичная лошадь – часто тоже не «подарок». Но таким был Диксон. Найти к нему нужный подход, а главное – почувствовать, когда его энергии вполне достаточно для достижения максимального впечатления на судей, прежде всего, было непростым делом. Силой эту энергию не укротишь. Терпение и точность в воздействиях к таким лошадям, пожалуй, главные требования.

Многому «научил» Диксон Нину Менькову. Это без сомнения. Он заставил ее много думать о природе лошадиного сопротивления, о том, как добиться доверия к человеку, как гасить чрезмерное возбуждение и, наконец, как шаг за шагом заставить такую лошадь работать в нужном режиме ритма движения.

Я пишу об этом так уверенно, потому что мне пришлось соприкоснуться с трудностями выезда Диксона, и я счастлива, что могла в самый ответственный момент помочь Нине. А было это так. Раздается телефонный звонок. Я беру трубку и неожиданно для себя слышу голос Нины Меньковой. Она говорит, что чувствует себя в тупике, что явно что-то не ладится в работе с Диксоном и что она просит меня приехать в «Зенит» (Измайлово), посмотреть ее работу и, если возможно, помочь. Я никогда в жизни никому не отказывала, тем более, когда просьба исходила от способного спортсмена, работающего с перспективной лошадью. Мне самой становится очень интересно разобраться в чем дело. Но первым моим вопросом был: «Как на мое вмешательство посмотрит тренер?» У Нины в то время тренером был Саша Щерба, талантливый спортсмен, но не «чистый школьник». Нина ответила, что в этом плане беспокоиться не о чем, все будет в порядке. И я отправилась в Измайлово.

Нина выехала на Диксоне, стала работать, а я – наблюдать. Первое же мое замечание касалось прибавленных аллюров, особенно – на рыси.

Диксон сам по себе энергично «махал» ногами, а всадник заставлял его еще больше выбрасывать их вперед и вверх, да так, что порой казалось, они выскочат из плечевых суставов. Я объяснила Нине, что нужно помнить пословицу «что слишком, то не здорово» - это раз, а, во-вторых, разницу внутри аллюра нужно делать так, чтобы сохранять гармонию в движении. Все переходы из собранной рыси в среднюю или прибавленную следует делать без резкой разницы в качестве движения, т.е. должен сохраняться общий рисунок для всех видов рыси. Меняется экстерьерная рамка лошади, это правильно; усиливается или ослабляется шенкель, работающий в гармонии с поводом, чтобы сохранить «engagement of hindquarters», т.е. подведенный зад, являющийся мотором для продвижения вперед, но недопустим «рваный» переход из, например, собранной рыси в прибавленную, когда спокойно, нормально выдвигающиеся лошадиные конечности начинают буквально «хлопать» по воздуху, теряя эластичность, мягкость, красоту движения при недостаточном его расширении. В таких случаях помехой часто является повод, грубая рука, не дающая лошади самостоятельно «нести

себя», не теряя равновесия. Диксон и так старается вовсю, но где-то должен быть предел. Не уравнив его за счет согласованной и справедливой, т.е. правильной работы рук, ног и корпуса человека нельзя получить то, что требуют Правила по выезде FEI.

Нина Менькова – умный и быстро схватывающий замечания человек. Она внимательно меня выслушала и сразу же стала пытаться сделать так, как надо, т.е. перестраивать свою работу. Далеко не сразу Диксон поддавался измененным требованиям. Бедняга уже привык бросать свои ноги на пределе возможного. От этого он еще больше «заводился». И тогда Нина его останавливала. И они стояли минуту-две, иногда больше, пока с Диксона не снималось напряжение полностью... Без этого «отдыха»-отключения работать было бессмысленно. В таких случаях люди обычно стремятся «уроботать» лошадь, упорно требуя от нее свое. Оказывается, этот метод не всегда эффективен, и вот Нина применила свой для остужения темперамента Диксона. Конечно, такой подход требует большего времени, но что поделаешь...

Еще несколько раз я приходила и помогала Меньковой и Диксону. Результат оказался потрясающим. На предыдущих соревнованиях они не попадали даже близко к достойным местам. Это-то и взволновало Менькову. Она хотела понять в чем ее ошибка, тем более, что и с предыдущей великолепной лошадью – Запуском – она ничего не сумела сделать. А тут, в первом же старте в Битце, Диксон стал призером, если не победителем, я не помню. Молодец, что еще можно сказать.

Далее события развивались так. Менькова и Диксон, став членами Сборной Союза, стали тренироваться в Битце. Я иногда приходила взглянуть на них, подкорректировать их работу; происходило это нечасто. Наши отношения складывались как нельзя лучше. Я радовалась, что хоть чуть-чуть могла помочь упорной всаднице и чудесной лошади. Пока...

Однажды раздался телефонный звонок (как в начале нашего сближения), я взяла трубку и опять услышала голос Нины. Она жила в то время в гостинице в Битце. То, что я услышала, лишило меня дара речи. Я молча слушала, ничего не понимая. А было сказано мне буквально следующее: «Нина Георгиевна, я прошу вас больше ко мне не приходите. В вашей помощи я больше не нуждаюсь. Кроме того, каждый ваш приезд действует на всех как красная тряпка на быка. А мне нужно жить и работать здесь». Все. И положила трубку. А я так и осталась стоять с открытым ртом.

Сколько я не думала об этом разговоре, но так и не смогла разобраться во всех его коллизиях, понять, кто они – эти люди, на которых я так действовала своим присутствием.

Но если меня не хотят видеть – не надо. Я перестала ездить в Битцу. Когда же приходилось судить там какие-либо соревнования, я старалась не встречаться с Меньковой. Я чувствовала себя неловко при встрече с ней. Но почему я?.. Вины за мной никакой не было, а цель... да! Мне хотелось сделать эту пару лучшей в мире. Амбиции? Пусть, да... Прошло много лет. Она также меня избегала или, проходя мимо, опускала глаза,

как если бы мы не были знакомы. И только в прошлом 2003 году(!), вдруг я услышала: «Здравствуйте, Нина Георгиевна!» Я даже вздрогнула: так это было неожиданно. Ответила ей: «Здравствуйте». Более того, не выдержала и похвалила ее за последнее выступление. Пусть хоть так. Ведь мы здоровые люди! А судьей может быть только человеческая совесть.

Что касается Диксона, который вывел Нину «в люди», то мне до сих пор очень жаль, что его хозяйка отказалась от моей помощи. Быть слишком самонадеянной тоже нехорошо. Глаз тренера, заинтересованного человека со стороны нужен и самому заслуженному спортсмену. А я видела Диксона на самой высокой ступени почета.

Грустное окончание этой маленькой «трагикомедии».

9. Люда Аминева

На прекрасной лошади сидела совсем еще молодая всадница. Но пара смотрелась. Готовились к серьезному для них соревнованию. Людмила Добровольская и Татьяна Ушакова, курировавшие эту пару, пригласили меня посмотреть на Эрбита и Люду Аминеву в работе. Я с радостью согласилась. Результат нашего общения – мои замечания, т.е. я сказала им, что мой «свежий» глаз увидел, чего не хватает и что нужно подправить для дальнейшего совершенствования лошади. Тренеры согласились со мною, и уже в следующий раз лошадь выглядела иначе.

И вот наступил день соревнования (в ЦСКА). Я сидела на трибуне и с нетерпением ждала выхода Аминевой-Эрбита. Когда они появились на манеже, со мной происходило что-то невероятное. Я давно так не волновалась на соревнованиях. У меня было такое состояние, как будто я села в седло вместе с Людой. Мы стали с нею единым целым. Въезд в манеж. Я прокручивала в голове: делай то, делай это; не забудь о корпусе; шенкель работает так-то на этом упражнении; повод, главное, не затяни: мягче-мягче... У меня было впечатление, что я *веду* лошадь от буквы к букве, от одного элемента к другому. Это я «вселилась» в Люду и сама выступаю, и работаю вместе с нею...

И так весь тест. Когда Аминева закончила езду, я дрожала от возбуждения: мои «токи», направленные на всадницу, были восприняты

С Людой Аминевой после соревнований

ею. Так мне, по крайней мере, казалось. Что это? Телепатия. Возможно. Но проехать езду вместе со спортсменом, сидя на трибунах, буквально в «отключке» от обстановки, - со мною такого еще не было! А ведь – была победа!

Люда Аминева с Эрбитом стали победителями в престижном тогда соревновании «Самсунг». Я чувствовала себя тоже счастливой в тот день.

После соревнований, чтобы хоть как-то отблагодарить Люду за прекрасные мгновения пережитого, я подарила ей мои «олимпийские» сапоги, те, которые нам сшили для Олимпиады 1956 года – самую дорогую память о прекрасном прошлом. Они хорошо у меня сохранились и, надеюсь, еще послужили талантливой спортсменке в работе.

10. Литва – Яшюны

1980-е годы подарили мне знакомство с замечательными людьми из литовской команды и прежде всего с Лаймой Шелалене.

Соревнования в Олимпийском центре – Битце собирали спортсменов из всех республик нашей великой и необозримой страны, называвшейся тогда СССР.

Лайма Шелалене и Н.Г.Громова в Битце

Как-то приехала я в Битцу вместе со своей подружкой Юлькой – гладкошерстным фокстерьером. Подходит к нам небольшая светловолосая женщина, представляется – Лайма – и предлагает увести Юльку в гостиницу. Это был хороший выход. Так и сделали. К вечеру все члены выездки Литвы собрались в этом номере. Разговорились. Я полюбопытствовала, что заставило Лайму подойти ко мне. Ответ был неожиданным. Лайма стала объяснять, что ей непонятны многие мои оценки как судьи и ей хочется узнать, почему они часто не совпадают с оценками других судей и ее собственными представлениями. Длинный получился разговор... Я выложила им все, что я приобрела в своей спортивной жизни, в результате опыта судейства международных соревнований, работы в Комитете по выездке... Разъяснила их ошибки, необходимость исправлений их и как это делать. Эта встреча стала началом нашего дружеского творческого сотрудничества на многие годы.

Лайма попросила меня помочь команде. Когда они стали тренироваться на ипподроме, я пришла в манеж (теперь этот манеж уже не принадлежит народу в широком смысле слова, как было раньше. Этот

манеж стал частным, для богатых людей. Все в жизни меняется, по-моему, не всегда к лучшему), заняла свое положение тренера внутри группы, огляделась и стала делать замечания то одному, то другому всаднику, пытаюсь добиться нужного результата. Лайма встала около меня и двигалась со мною вместе: я – шаг вправо, и она – шаг вправо; и – повернулась налево, и она поворачивается налево, т.е. повторяла каждое мое движение. В конце концов, я не выдержала и спросила, зачем она все это проделывает. Её ответ опять меня поразила. Она сказала, что хочет понять мои указания, но для этого она должна видеть все с той точки зрения, с которой я вижу неправильности в работе человека и лошади. То есть она как бы совмещала свой взгляд с моим, а значит и видеть начинала то же, что и я; мои же объяснения подкрепляли увиденное. Таким образом, у нее росло и укреплялось то же видение рабочих моментов выезда. Всадники старались выполнять мои указания, и результат стал быстро проявляться. Иногда и я садилась на какую-нибудь лошадь и показывала, как нужно правильно делать то или иное упражнение. В то время я еще способна была и на демонстрацию такого рода. Однажды это произошло в присутствии Михаила Михайловича, который попросил взять его на наши занятия, пообщаться с лошадьми, подышать знакомым целительным воздухом ипподрома. И я была счастлива, что смогла сразу добиться от лошади того, что не мог молодой спортсмен. Между прочим, для поддержания авторитета тренера такие поступки бывают бесценными и важными.

Когда Михаила Михайловича не стало, я уехала в Литву и некоторое время работала там, на базе конноспортивной школы в поселке Яшюны близ Вильнюса. Чудесные места. Лес, небольшое поле для работы, манеж, конюшни. А коттедж Лаймы и ее мужа Пранаса! На берегу речки. Лебеди плавают, а душа замирает от открывающейся с балкона красоты. Вспоминаю, как строился этот дом. Мы все – спортсмены и тренеры этой школы принимали участие в его возведении: оклеивали обоями комнаты, красили крыльцо, сажали кустики и пр.

Дружно жили, помогали друг другу. У всех было одно стремление – целеустремленно двигаться к совершенству, к познанию этого совершенства. И наши лошади откликнулись на наше упорство. За довольно короткое время (для выезда) мы сделали прекрасно работающих лошадей, таких как Декоратос, Гренобль и др. Особенно хорошо в работе был Декоратос под Светой С. Работать он любил, усваивал новые элементы быстро и без сопротивления. Да и всадница Декоратос становился прекрасной большепризной лошадью. Уравновешенный по характеру; ему можно было довериться. Как-то на соревнованиях в манеже ЦСК я должна была выпустить Свету с Декоратосом впервые по Большому Призу. Волнения Светы, Лаймы и мои были закономерны, тем более, что ряд элементов исполнялся не совсем уверенно.

Я вообще к разминке всю жизнь относилась серьезно, понимала, что к выступлению по любому виду (конкуру, выезде, скачкам) должна быть

точно продуманная подготовка. И все лошади требуют различной разминки, как по времени, так и гимнастическим упражнениям. Так, например, перед стипль-чезом я разминала Диду в полном оголовье с мундштуками, зная, что она будет меньше нервничать и не тратить силы перед изнуряющей борьбой в скачке. Перед конкурсом для Боржома достаточно было сделать обычную десятиминутную рысь и по три минуты галопа в одну и в другую сторону. Для Фиделио разминка была большей и т.д.

Стала думать, что делать с «сырым» еще Декоратосом. И решила, что на разминке работать его по элементам не следует, а построить ее так, чтобы лошадь была подготовлена физически и спокойна с точки зрения психики. Сказала об этом Свете, а та – в слезы: ведь все привыкли, разминаясь повторять все элементы, входящие в езду. Стала убеждать Свету не «трогать» Декоратоса, т.е. не заставлять его делать пассаж, пиаффе, пируэты, менку ног, не делать ничего, где может ошибиться лошадь (хотя чаще по вине всадника). То, как делается разминка, не отличается от обычной работы с ошибками и исправлениями, нередко происходящими с включением нервов, как человека, так и животного. Перед соревнованиями всадник и так нервничает и допустить ошибку он может всегда, но это может привести к неправильному восприятию лошадью указания, поступающего от человека. Не понимая, лошадь тоже может ошибиться. Так одна ошибка влечет за собой другую.

На выступлении это не может не сказаться. Поэтому, несмотря на Светины слезы, мы построили разминку следующим образом: сделали рысь налево-направо, также небольшой галоп, а потом пошла работа на стибания, отработку рта на мягкость; большое внимание уделили «резинке» (или «гармошке», как хотите) на рыси и на галопе, смене направления, следя при этом за правильной рамкой – осанкой на всех аллюрах, правильным подведением зада; каждый угол манежа использовался для полуодержек. Менку ног

БЪЛГАРСКИ ОЛИМПИСКИ КОМИТЕТ

УЛ. МАРИН ДРИНОВ № 18 - СОНДЖА

ТЕЛ. 44001, 44002

7. VII. 70.

Уважаема г-но Громова,
 С большим интересом и с удовольствием
 мы прочитали Вашу статью в сентябрьском
 № журнале "Коневодство и конный спорт".
 Конечно, это Ваше изложение не совсем
 идеальное, если Вы не отговариваете.
 Хотела отступить Вашу статью; ... Вы
 отметили лошадей как карьеристки - это со-
 бственно, но рассуждалось: это нужно по-
 казать? и формулировка "и ста-
 рались, чтоб меньше останавливались карьеристки!"
 Сделали отступление, но с благодарностью
 упомянули Ваши впечатления в соревнованиях
 в Гренобле. Это хорошо, что не по принципу, а
 по сути, так как было в это время
 в Франции и в Ла-Болле, где Вы принимали
 на соревнованиях лошадей по Франции.
 Мысли были лучше и с секретом
 от Вас
 Г-жа Мария Дринова-Дринова

делали только в углу, когда лошадь не может «соврать» и обязательно под счет «раз-два-три» с акцентом на «три». Основное внимание уделялось тому, чтобы поставить лошадь в положение, когда она сама «несет себя», не повисая на поводу (т.е. в мягком контакте).

Пассаж и пиаффе только однажды обозначили.

И что же? Декоратос меня не подвел. На манеже он работал даже лучше, чем обычно, а в один темп (самое слабое место!) ни разу не ошибся.

Я, конечно, ликовала. С тех пор такой метод я проверила не раз (конечно, с теми, кто шел на такой эксперимент) и всегда без осечки. Попробуйте, не бойтесь.

И не мучайте и не изнуряйте ни себя, ни лошадь. Она вам отплатит добром на это. У лошадей прекрасная память. Поэтому на разминке и в манеже главное в работе всадника – сосредоточенность, в результате которой вы будете действовать правильно и четко.

Я с гордостью вспоминаю, что мои понятия о выездке, рекомендации, излагавшиеся в те далекие времена в различных статьях, получали резонанс и за рубежом. Я не могла не сохранить письмо генерала полковника В.Стойчева.

В 1970-е годы я активно сотрудничала в журнале «Коневодство и конный спорт», писала отчеты о международных соревнованиях, на которых я судила, о работе Комитета FEI по выездке, помещала методические статьи и т.д.

Открытием для меня было то, что этот небольшой, но всегда емкий по содержанию журнал был популярен не только в нашей стране. Как-то раз в журнале напечатали мою очередную статью о работе с лошадью; приемах, помогающих правильно выезжать лошадь, и конечно, о любимом моем «пунктике» того времени – сохранении темпо-ритма в процессе езды. И вдруг я получаю письмо из города Софии от генерала Стойчева. Вот оно, как подтверждение правильности моих требований к выездке лошади.

Генерал Стойчев был для Болгарии таким же главным конником, как для нас – Маршал Буденный. Кроме того, Стойчев принимал активно участие в общественной жизни мирового конного спорта. Много лет он был членом Бюро ФЕИ.

Я считаю для себя за честь получить письмо от него с одобрением того, что я написала в нашем журнале «Коневодство и конный спорт». Так неожиданно. Наши публикации читались за рубежом, за нашей работой следили! Это оказалось приятным открытием.

Работа в Литве оставила во мне самые светлые воспоминания. Сама обстановка, создаваемая Лаймой как старшим тренером, была деловой и дружелюбной. Мы принимали участие в разных соревнованиях.

Там я познакомилась с Витаутасом Габрюносом. Талантливый архитектор, он был увлечен лошадьми и несколько лет стоял во главе Литовской конноспортивной федерации. Наши встречи в Вильнюсе

незабываемы. Он в роли добровольного гида показал мне свой любимый город – старый и новый. С увлечением рассказывал историю многих улиц, старинных мест города, храмов. Рассказывал о строительстве новых районов города, в котором принимал непосредственное участие и он сам. Кстати, от него я узнала, как в Вильнюсе был выстроен знаменитый православный собор Петра и Павла.

Кто когда-либо попадет в этот замечательный город, советую совершить экскурсию в этот храм. Он стоит целехонький уже много лет и даже упавшие рядом бомбы во время войны не могли поколебать его крепости. А внутри... внутри он украшен множеством скульптур и барельефов, причем последние, конечно, не выдержали бы сотрясений от взрывов, если бы делались принятым методом, т.е. обычно делаются барельефы, а потом «приклеиваются» к стенам, колоннам. В этом соборе все сделано способом вытяжки из покрываемой стены штукатурки (у скульпторов, может быть, это как-то иначе называется – я же объясняю на простом обывательском языке). Поэтому так разнообразна лепка, поэтому-то нет ни одного сюжета абсолютно одинакового по исполнению. Работа эта была колоссальной, но оказалась вечной, судя по тому, как выдержал храм военные невзгоды.

Интересна для меня была встреча в Яшюнах с человеком, тоже далеким от спортивного мира, но увлекшимся конным спортом. Он стал судить конкурные соревнования и потом возглавил судейскую коллегию Литвы. В Яшюны он (к сожалению, забыла его фамилию) приехал специально поговорить со мной, чтобы разобраться в разбросе оценок, выставляемых судьями по выездке.

Поговорив на скамеечке возле конюшни, я попросила Лайму подседлать двух лошадей, чтобы на примере их работы четко обозначить для этого человека, что хорошо и что плохо, а отсюда – какие оценки ставить в разных случаях и за что. Часа два – три мы делали разбор выездковых элементов, причем я просила спортсменов показывать правильно исполненные упражнения и с ошибками. Забавно, когда нужно было пройти неправильной рысью, например, с затынутыми плечами или отставленным задом, либо танцующими движениями, т.е. с большей паузой подвисяния, чем требует обычная рысь, это никак не получалось, хотя еще совсем недавно мне приходилось избавлять их от этого.

Тем не менее, этот самый настоящий семинар для одного человека прошел не без пользы для него и для меня, потому что примерно через год Лайма мне сообщила, что глава литовских судей ездил в ФРГ, где судил конкурные соревнования, но вместе с тем специально поинтересовался взглядами на судейство выездки. Свободно общаясь с немцами на их языке, он задавал им вопросы те же, что и мне. Как Лайма рассказывала, он был приятно удивлен полным совпадением подходов к созданию оценки у меня и у немецких судей. Правильность моих суждений подкрепили и мой авторитет в Литве. Для меня это не было неожиданностью, и все же признание было приятно. В то время, осознаю, я чувствовала себя уверенной, садясь в судейскую будку, хотя и всегда очень волновалась. Этому способствовало и то, что после

соревнований ко мне часто подходили люди (спортсмены, тренеры) и говорили, что в своей работе они ориентируются на мои оценки. Такое доверие, такое отношение дорогого стоит. Как же не волноваться! Естественно, внимание было напряжено, чтобы не сделать ошибки. Память у меня была хорошая. И в судействе я ориентировалась на такой принцип: запоминала, какие оценки у меня получили первые две лошади, а потом все остальные проставлялись в результате сравнения с первыми. Общие оценки каждой лошади оставались перед глазами до конца соревнований. Такой метод требовал большой траты нервных сил и внимания, но очень помогал в работе. Ведь самое трудное в жизни – быть объективным судьей. Но судьи этому должны следовать всегда.

У судей не должно быть равнодушия к работе всадника на манеже. К сожалению, это приходится нередко наблюдать.

Удивляешься порой и тому, что наши судьи, видя одних и тех же лошадей и всадников на разных соревнованиях, не замечают их роста, а это не просто обидно для спортсменов, тренеров и даже зрителей, но вносит сумятицу в их будущую работу. Люди перестают понимать оценки, и какие критерии в них заложены.

К сожалению, некоторые судьи вообще не используют правило сравнения работающего на манеже всадника с предыдущими, которые должны оставаться у них в голове на протяжении всего судейского дня. «Отсудил одного – и из головы вон». Следующий всадник для такого судьи – новый чистый лист. И так все время. А это неправильно. Такое отношение к работе не может привести к объективной расстановке участников соревнования по местам. Средние оценки, уравниловка приводят к тому, что хорошо выезженная лошадь не попадает в десятку, а сырая становится победителем. Бывает такое.

Хотелось бы пожелать судьям не бояться ставить высокие баллы, также как и низкие одному и тому же всаднику, если он заслужил их, исполняя тот или иной оцениваемый элемент.

Милая мама,
Нина Тесляева!
Спасибо Вам за
Ваш труд, за
каждую коню и
заборце ей, за
исполнение и заботу
о каждой из
приходите на манеж
Шренковцу и
которым всегда
будет мое искрен-
нейшее по-
клонение мно-
им - мамочка моя,
люб- Ваш сын
М.М. Громов

Прощальное письмо литовцев в
память о конкурсах в Вильнюсе,
30.08.1985 г.

Что же касается общих оценок, то становится печально, когда видишь разногласия в баллах между упражнениями, за которые проставлены оценки, и оценкой в графе, по сути вмещающей в себя эти упражнения (в ней стоит 5 или 6, в лучшем случае). Такого несоответствия быть не может и не должно.

Дальнейшая моя история общения с Литвой, милой моему сердцу, печальна: началась в наших странах перестройка, которая привела к разобщению даже в таких областях, как спорт.

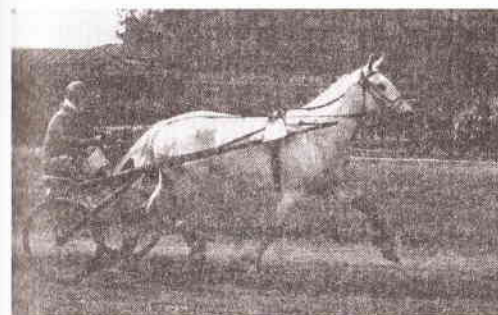
А еще ранее перестройки, подцепив какой-то страшный грипп в Киеве на соревнованиях, пал Декоратос, наша надежда и радость. Потом пришло расставание с Греноблем, который нам стоил огромных сил, чтобы сделать из него, нескладного раскоординированного от природы, малоприспособленного к выполнению сложных большепризных элементов, лошадь, которой могла бы гордиться любая спортивная школа. Если Декоратоса работала мастер спорта, то на Гребле сидела в то время далекая еще от мастерства Раминта С. Молодец, справилась: и сама всему научилась и Греблю научила. Гренобль был продан. Ничего не поделаешь – веление времени.

Связь с Литвой у меня не потеряна, но жаль, что она не получила творческого развития.

11. Как мы «породнились» с А.М.Ползуновой

Надолго задержалась любовь Михаила Михайловича Громова к рысачке Гаити. Она не была его собственной, но он принял самое трогательное и серьезное участие в ее судьбе. Гаити была серой масти – небольшого роста хорошо скроенная по экстерьеру кобыла. Это была лошадь, рожденная для рыси, как аллюра. Она никогда не сбивалась с хода, как бы трудно не складывались ситуации во время бегов. Но отдавалась вся работе, как чистокровная в скачках. Бег ее был невероятно красив и производителен. Да и сама ее красота была трогательно женственной, полной обаяния. Бывало войдешь к ней в денник, она лежит и не подумает даже встать. Не потому что ей лень

подняться или она устала... Нет, она просто очень доверяла людям и продолжала нежиться в их присутствии. Что вам надо, казалось, хотела она спросить, открывая свои огромные глаза с большими длинными ресницами. Протягиваешь ей кусочек хлеба, сахара или морковки, она, как бы делая тебе одолжение и хлопая своими

М.М. Громов на Гаити

длинными белыми ресницами вверх-вниз, осторожно берет из рук подношение, не шелохнувшись; приходилось наклоняться к ней.

История этой привязанности Михаила Михайловича уходит к первому военному году. Гаити, как я уже сказала, была мала ростом, а значит не попадала в список элитных лошадей. Она никому не была нужна, а значит ее ждала гибель в тех условиях, или прозябание в каких-либо малозначимых хозяйствах. Михаил Михайлович (популярность его была в то время велика и позволяла ему делать много добрых дел не только людям, но, как в данном случае – коннозаводству), когда началась война, забрал Гаити с ипподрома и отправил в тыл вместе с Летоисследовательским институтом, создателем и первым начальником которого он был. Так Гаити вместе с оборудованием ЛИИ эвакуировали в Новосибирск. Михаила Михайловича в то время командировали в Америку: нужны были самолеты (потом эти самолеты стали поступать к нам по лендлизу – особому договору между СССР и США). А Гаити осталась на попечении верных и добрых друзей Михаила Михайловича.

Потом Гаити вернули в Москву. Жизнь на ипподроме начала восстанавливаться, и она попала в руки опытного наездника Н.Р. Семичова, стала выступать. Иногда в заездах на ней участвовал Михаил Михайлович (под фамилией Михайлов), всегда восхищавшийся ее спортивными возможностями.

После войны стали возрождаться и конные заводы. Гаити, несмотря на то, что ее сначала выбраковали из-за роста, поставили-таки в Дубровский конный завод. И вот там, на этом заводе, она проявила себя как замечательная матка – ее жеребята были очень хороши. А дочь – Гугенотка – стала дербисткой, принеся славу своей хозяйке – А.М. Ползуновой. Сейчас, встречаясь с Аллой Михайловной, мы всегда смеемся, что мы «породнились» из-за Гаити. Она объединяет нас по жизни.

А вот что пишет Михаил Михайлович о Гаити в своей книге «На земле и в небе».

«Во время бега Гаити была на высоком элегантном ходу. Движения ее были удивительно развязны, широки, свободны. Суставы отличались поразительной гибкостью. Во время бега ее передние ноги, казалось, вытягивались от самой холки, а не от плеча, а задние во время отхлеста образовывали совершенно прямую линию. Ее способность к резвости была удивительна. Каждую неделю на резвой она «подавалась» и резвости чрезвычайно. Я очень рад, что мне удалось Гаити, эту забракованную по росту лошадь, взять под свое покровительство и выявить ее колоссальные способности: 2 минуты 6 секунд на Московской дорожке».

И еще: «Для Гаити, ввиду ее малого роста, для облегчения бега я сделал специальную «американку»: оглобли были несколько короче, чем в качалках, принятых у нас на ипподромах. К тому же я предпочел «американку» потому, что у нее выгоднее накат: наездник сидит значительно ближе к лошади, чем в качалке, почти сразу за ее хвостом, а это улучшает аэродинамику. Кроме того, центр тяжести у «американки» с

наездником дальше от центра опоры колес. Это обстоятельство как бы снимает с лошади вес, так же, как у рикш в Китае и Японии. Колеса были сделаны с дюралевыми ободами, и вся конструкция экипажа весила всего 16 килограммов! Я сбросил 5 кг собственного веса и довел его до 11 кг (при росте 184 см)» И далее:

М.М. Громов среди наездников после заезда: еще не «остывшие»

«Я до сих пор отчетливо помню, как я выиграл на Гаити в призу с самыми резвыми лошадьми того времени. Николай Романович Семичов, один из ведущих старейших и талантливейших мастеров-наездников, ехал тогда на Згидном, который через некоторое время выиграл Дерби. Во втором повороте (последнем) я был рядом со Згидным. Мы с Семичевым «сидели в спину» двум отличным конкурентам. Я ехал в поля на втором колесе. В конце поворота меня начал обходить еще один соперник, и я принужден был взять вправо, чтобы не попасть «в коробочку». Это мне удалось. Я ждал только момента, чтобы выйти на последний бросок. Гаити обладала феноменальным броском в конце (если остальную дистанцию пройти на ней ровно). Я это знал и ждал. Со стороны трибуны казалось, что Гаити безнадежно проигрывает, так как она шла по полю, а конкурент впереди взял еще несколько на себя, чтобы оттянуть назад, поэтому Згидный получил возможность выйти «на-ключ» и этим выиграть у Гаити и обойти своих соперников, которым он шел «в спину». Но я помнил, что резвость в броске у Гаити – ее непревзойденное свойство. Казалось, сколько вы у нее «попросите» – столько она и отдаст своих сил. Так и вышло. При выходе на последнюю финишную прямую Згидный вышел «на-ключ» и явно стал обыгрывать своих конкурентов. Чтобы его не упустить, я тоже вылез из-за спины своего конкурента, но по полю. Достаточно мне было чмокнуть, как моя красавица сразу сравнялась с впереди идущими. Згидный и Гаити обошли своих соперников с двух сторон. Но когда я подкрикнул ей: «Хоу-дай, дай!», она в последний момент вырвала победу у Згидного. Со временем 2 минуты 6 секунд она закончила красивейшую борьбу, сделав без одиннадцати последнюю четверть».

Могу сказать только одно: ездить на Гаити было одно наслаждение. Казалось, сколько отдашь вожжей, столько и получишь от нее резвости. Незабываемое на всю жизнь чудо-животное. Однажды я попросил одного старого наездника сделать резвую на Гаити и сказать свое мнение о ней. Он проехал. Потихоньку слезая, бросив вожжи, старик промолвил в чисто русском стиле – немногословно и небрежно: «Безминутная лошадь!». Это высшая оценка знатока».

12. Н.А. Пешкова

У меня в квартире висит мой портрет, написанный Н.А. Пешковой. Надежда Алексеевна – прекрасная художница, член МОСХа, была не менее прекрасным человеком. Для меня она была идеалом женственности. Ее обаяние распространялось на всех, кто ее окружал. Мне нравилось в ней все: как она не спеша ходит, говорит немного нараспев, просто, но красиво одевается... Вообще Надежда Алексеевна была женщиной, которой хотелось подражать, по крайней мере – мне. Она была хороша собой, но не красавица в классическом стиле. И между тем именно скромность освещала всю ее неповторимую прелесть. В ее обращении с людьми не было никакой натянутости. Не верится, что наши близкие отношения длились почти четверть века, вплоть до ее ухода из жизни. А Михаил Михайлович познакомился с ней и ее семьей много раньше – в середине 1930-х, когда он испытывал самолет Андрея Николаевича Туполева «Максим Горький» – самый большой самолет в мире того времени. Как он рассказывал, посмотреть на этот именной самолет на аэродром приехали члены семьи А.М. Горького, среди них была очаровательная молодая женщина, которую все называли почему-то Тимошей. Это была невестка Горького. В разговоре выяснилось, что ее сестра, Вера Алексеевна, замужем за Михаилом Яковлевичем Громовым. Оказалось, что этот Громов – дядя Михаила Михайловича. Так, нечаянным образом восстановилась связь с одним из Громовых и было установлено отдаленное родство с великим писателем. Восстановилась – я написала так потому, что после отказа отцу Михаила Михайловича родителями благословить его брак с Любовью Игнатьевной Андреевой (мезальянс – родители Михаила Константиновича были дворянами, а со стороны Любови Игнатьевны – все крестьяне, сумасбродство и глупость), он ушел из семьи и как ни тяжело было жить (они оба были студентами: он учился на медицинском факультете Московского Университета, она – на фельдшерских курсах), разрыв с родней сохранился на всю жизнь. А тут вдруг – дядя... Но это все к слову. Мне хочется, чтобы люди знали об этой великолепной талантливой женщине.

В доме, в котором жила семья Горького (до революции особняк миллионера Рябушинского), всегда собирались интересные люди – писатели, художники, артисты, ученые, летчики и др. Но центром этого общества была Надежда Алексеевна, хозяйка дома и «магнит» для многих.

Н.Г. Громова,
художник Н.А. Пешкова

Музыкально-литературные вечера и просто общение людей близких по духу.

Мне, конечно, было непросто вращаться в новую жизнь, новую среду. Но такт и простота Надежды Алексеевны сделали свое дело. Моя настенчивость, связанная также и с возрастной разницей (ее дочери были мне практически однолетками), была побеждена. Должна признаться, мне всегда было интереснее находиться в кругу людей старше меня, чем среди сверстников.

Вот в этом-то доме гости Надежды Алексеевны часто «набрасывались» на меня, расспрашивая о конном спорте, о лошадях, а я всеми силами старалась увернуться от этих разговоров, стесняясь своего увлечения. Почему, сама не знаю.

Надежда Алексеевна умела устраивать самые разнообразные вечера, поднимая всем настроение. Она умела разбудить стремление к красоте. Не помню, в каком году, но как-то она сообщила всем приглашенным, что «объявляется открытие ситцевого бала». Это означало, что все дамы должны были прийти в вечерних платьях, сделанных из ситца, самого дешевого материала. В этом мог проявиться простор в изобретательности каждой из приглашенных. Простая, казалось бы, придумка, а людям она дала много. Это маленький пример, как можно внести в свою жизнь разнообразие и радость.

А как она умела накрывать на стол! Это тоже искусство. Например, однажды были расставлены на столе чашки для чая, но все они были разные. А между ними лежали красиво подобранные по цвету кленовые листья (была осень)! Ничего, казалось бы, особенного, но... выглядело все так красиво, так празднично!.. Это был ужин для небольшого круга близких людей. И никаких разносолов. Была подана запеченная в духовке рисовая каша на молоке, ставшей почти коричневой. Вкуснота необыкновенная!

Во всем, даже в этой сервировке стола чувствовалось то, что мы называем благородством и умением создавать и чувствовать красоту.

Конечно, я считала для себя большой честью позировать ей, когда она попросила меня об этом. И все же до сих пор я чувствую свою вину перед женщиной, которую я к тому же обожала. Моя вина в том, что я недостаточно часто заходила в ее мастерскую, и она была вправе быть недовольной, но никогда ни одного слова недовольства я от нее не слышала. У меня же была сумасшедшая жизнь – тренировки, семья, переезд в новую квартиру в высотный дом на пл. Восстания (теперь пл. Кудринская) и пр. и пр. Я разрывалась, а портрет, как говорила Надежда Алексеевна, остался не полностью законченным. Тем не менее, эта ее работа получила высокую оценку знатоков на выставке в Манеже. И вот теперь этот портрет останется на память моим потомкам.

А разве можно забыть такой штрих в наших отношениях: когда в 1949 г. родилась у меня дочь, первыми, кто поздравил меня с такой радостью были Надежда Алексеевна и ее близкие – муж Попов Владимир Федорович, Толстая Людмила Ильинична, жена (вдова) нашего знаменитого писателя Толстого....

Это поздравление от них я получила раньше, чем от Михаила Михайловича, бывшего в командировке где-то далеко от Москвы. Сердце теплеет до сих пор от этих воспоминаний.

А какие "посиделки" она и Владимир Федорович устраивали у костра на своей даче в деревне Жуковка! Главное - всегда присутствовала простота и необыкновенная легкость в общении между собравшимися.

13. А.К.Тарасова

Второй женщиной, оставившей в моей душе неизгладимый след, была Алла Константиновна Тарасова. Знаменитая артистка, гордость нашей сцены, и вместе с тем – простая милая хозяйка, всегда с распростертыми объятиями встречавшая своих гостей, порой и неожиданных, как часто мы бывали с Михаилом Михайловичем, когда навещали ее и ее мужа Александра Семеновича Пронина летом на даче. У меня в ушах до сих пор слышен ее голос, особенно тембра, только ей присущий: «Сашенька, посмотри, кто к нам пришел! Иди скорее, встречай». Или его: «Алюня, Алюня, какая радость, Михаил Михайлович пожаловал!» И так каждый год, потому что мы навещали их ежегодно в любимых ими Снегирях.

А.К.Тарасова

Когда мы приехали в первый раз, меня поразило, как встретила нас эта избалованная вниманием и любовью людей, обаятельная, ни с кем не сравнимая ни по таланту, ни по красоте женщина. Я понимала, что с Михаилом Михайловичем она могла быть ровней во всем, а я... я была слишком молода, так мне казалось. И, тем не менее, первое, что она сделала, это схватила меня за руку и, сказав: «Пусть мужчины поговорят одни», повела показывать окрестности дачи, а посмотреть там было что. Дача Тарасовой стояла на склоне возвышенности, спускавшейся к речке Истре. Река небольшая, но местами быстрая, а главное – холодная-прехолодная. Купаться в ней даже в жару было не всегда приятно.

Рассказав об особенностях р. Истры (мне сразу же вспомнились родники в противотанковых рвах, которые мне пришлось копать на Брянщине), она энергичным шагом повела меня на другой берег. Высота берега была приличной, и я удивлялась, как легко преодолевала эти высоты Алла Константиновна. Для меня ее возраст казался солидным, а на самом деле ей не было еще и пятидесяти. Когда я дожила до этого возраста, я поняла, что это только расцвет человеческой жизни. И если ты здоров, то полноту жизни можно ощущать, только войдя в эти годы. Тогда мы долго гуляли, радуясь красоте природы тех мест. А мужчины, между тем, наслаждались общением друг с другом.

Их знакомство состоялось на фронте. Михаил Михайлович командовал 1-й Воздушной армией, а начальником штаба этой армии был А.С.Пронин. Он имел чин генерала, но никогда не производил впечатления военного человека. Невысокого роста, немного округлого телосложения с мягкими, добрыми чертами лица. Он был безгранично влюблен в свою жену. Она отвечала ему тем же. Я смотрела на них с восхищением, полагая их идеальной супружеской парой. Мы познакомились в 1947 году. Срок их совместной жизни тогда был еще небольшим, около трех лет. А познакомились они на фронте: в Воздушную армию приехала бригада артистов МХАТа, в которую входили ведущие мастера этого прославленного театра, в том числе и Алла Константиновна. Завязался роман, ставший счастьем для них обоих.

А.К.Тарасова и А.С.Пронин у обрыва

Когда отмечалось 70-летие Александра Семеновича (это был тесный круг близких друзей, прежде всего, Аллы Константиновны – Массальский, Зуева, Калиновская и еще несколько человек) Алла Константиновна в конце вечера сказала такие слова, которые заслужили не все мужья, не все мужчины, прожившие со своими женами уже четверть века. Она говорила о том, какое счастье ей выпало встретиться с Александром Семеновичем, как она благодарна судьбе за то, что вот уже много лет рядом с ней находится чудесный добрый внимательный человек. Великолепные слова она нашла для своего «Сашеньки».

Да, они жили друг для друга. Михаил Михайлович иногда «фыркал» по поводу, как он говорил, сюсюканья Александра Семеновича и постоянной готовности отдать все свое внимание любимому человеку. Я возражала ему: кому из женщин не хотелось бы оказаться на месте Аллы Константиновны. Женщине так хочется ласки, внимания и побольше, и всегда. Никакие прожитые годы не гасят желания быть постоянно любимой, а не только тогда, когда горит страстью сердце мужчины. Она это получала от Александра Семеновича. Потому-то и была счастлива. Когда же Тарасова умерла, Пронин не надолго ее пережил. Каждый день он ходил на кладбище. В конце концов, заболел. Мы навещали его в Красногорском военном госпитале, а потом и попросились. Михаил Михайлович очень его любил и уважал. С ним и с Аллой Константиновной ушли лучшие годы нашей жизни. Потом жизнь покатила быстро под откос и нашего существования на земле.

А было замечательно.

Неоднократно мы вместе встречали самый чудесный и поднимающий настроение праздник – Новый Год. Это происходило либо в ЦДРИ (Центральный Дом работников искусства), либо дома.

В ЦДРИ так организовывали этот праздник, что каждый переход из одного года в другой оставлял память надолго.

Прежде всего, незабываемые концерты – веселые, наполненные доброкачественным юмором (это я сравниваю с тем, что приходится часто сейчас смотреть и слушать, когда не понимаешь, что же смешного, остроумного в том, о чем говорят актеры, чему смеяться: так неинтересны, плоски их шутки).

В ЦДРИ вел такие концерты, как правило, мэтр эстрады, великолепный Гаркави, большой, полный, даже грузный, человек, удивительно легко двигавшийся по сцене. Он был первым из лучших среди конферансье. А какими выдумками веселили собравшихся эти чудо-мастера поднятия настроения!

Помню, в моде были разные розыгрыши, а призом для отличившихся неожиданно оказывались какие-нибудь живности – петух, обалдевший от шума, огня и вступавший в общий хор своим клохтаньем, или визжащий поросенок...

Разъезжались под утро полные сил и бодрости.

Вспоминается Новый Год у нас на даче в деревне Жуковка.

Алла Константиновна в тот вечер была занята в театре, и поэтому они с Александром Семеновичем приехали тютелька в тютельку под бой Кремлевских Курантов. Вошли в дом и стали поспешно раздеваться. Я, встречая гостей, остановила их. Прошу не раздеваться. Они в недоумении. У нас же замысел был такой: Новый Год встретить на улице. Там под огромным дубом, росшим у дома, стоял стол с фруктами и шампанским. Напротив красовалась живая голубая ель, которую я разукрасила игрушками, в основном – из легкого картона. Эти игрушки были легкие и, как живые, вертелись от маленького ветерка. Когда ровно в 12 часов ночи на ели загорелись гирлянды разноцветных электрических лампочек, эти картонные зверюшки и прочие украшения «заиграли» особенно.

После того как мы встретили Новый Год «на природе», все ринулись в дом отогреваться – зима была в тот год настоящая, русская. Застолье было заполнено веселыми разговорами, шутками, словом, это был настоящий отдых для души, когда ежедневные заботы, труды отходили на далекий план жизни.

После стола пошли в гостиную, Михаил Михайлович открыл радиолу. Это был замечательный музыкальный инструмент, воссоздававший

В ЦДРИ в ночь на Новый 1950 год

почти органное звучание пластинок. Он привез ее из Америки, когда сделал свой знаменитый перелет через Северный Полюс. Поставил «Цыганскую плясовую». Надо сказать, что Михаил Михайлович и Александр Семенович очень любили цыганское пение. Зная это, к ним на фронт однажды приехала фронтовая бригада цыганского театра «Ромен». Радость цыгане доставили фронтовикам невероятную. Много лет после окончания войны нет-нет и звонили нам артисты из этой бригады, а мы с Михаилом Михайловичем были нередкими гостями их театра. Тогда он находился в Гнездиновском переулке, в центре Москвы. Но в основном мы ходили на концерты с великолепными мастерами, такими как Христофорова и другие. Очень мы любили Раду и Николая Волшаниновых. Михаил Михайлович говорил, что за одно только исполнение Радой романса «Не уезжай ты, мой голубчик» ей можно дать звание Народной артистки СССР. Как-то у нас в квартире на пл. Восстания (теперь – пл. Кудринская) собрались гости. Отмечали очередной день рождения Михаила Михайловича. Нужно сказать, хотели мы этого или не хотели, люди приходили не спрашивая – поздравить, как они говорили, Великого летчика. Все было бы прекрасно, если бы не серьезные сложности, возникавшие у меня, хозяйки дома. Я каждый год с ужасом ждала приближения этого дня – 24 февраля. Что готовить, сколько пирогов печь, на сколько человек рассчитывать?.. Голова шла кругом. Дверь в квартиру была открыта.

Так вот в один из этих дней неожиданно к нам пожаловали и Волшаниновы, которых встретили с восторгом. С Николаем была гитара, а значит и любимые цыганские песни.

Но вернемся к встрече Нового Года в нашем доме. Под «Цыганочку» вышли в центр комнаты Михаил Михайлович и Александр Семенович. На голове Михаила Михайловича – платок: Он – цыганка, Александр Семенович – цыган. Представьте эту пару: один – высокий поджарый, другой – невысокого роста, полный, и всё же – первый – она, второй – он. Танцевали они с упоением, с восторгом, доставляя нам, зрителям, непередаваемое удовольствие. Особенно, когда Михаил Михайлович начинал «работать» плечами. Цыганская дрожь у него получалась восхитительно.

Потом ставили пластинки с другими танцами.

Я как-то ушла на кухню, по хозяйству, а когда вернулась, не успела еще облюбовать себе место, как подбежал ко мне Михаил Михайлович, схватил меня и пустился вальсировать со мною на руках. Все опять были в восторге.

Приятно, что всё это было. Не во сне, а наяву.

После войны, после тяжелейших испытаний, переживаний люди стремились украсить свой быт не мишурой, а создавая теплую приятную обстановку для общения, свободного полетного состояния души.

Никогда не забуду день, когда Алла Константиновна и Александр Семенович приехали к нам на дачу (где мы постоянно проживали)... моей Софочке исполнился один год (февраль), и она уже могла сидеть на

детском высоком стуле вместе с нами за столом.... Тарасова-Пронин приехали поздравить ее с важной для нее и для нас датой. Софийна восседала на своем троне и время от времени кокетничала с Аллой Константиновной. Сознавала ли она в это время, какие удивительные бесценные подарки она получила тогда от Народной артистки СССР? А это было шелковое нарядное платье (в то время это равноценно чуду было, и я его храню до сих пор) и куст живой цветущей сирени! Этот куст весной был высажен в грунт, потом с годами превратился в огромное растение, белые грозди которого всегда радовали нас и напоминали о тех, кто дал нам эту радость.

Главное, что я вынесла из общения с Аллой Константиновной и Надеждой Алексеевной, это *простота* во взаимоотношениях между людьми. Там, где кончается простота, начинается ложь, неискренность, проявляются манеры надуманные, неестественные.

14. Комарово

Под Санкт-Петербургом есть чудесное дачное место – Комарово, известное всем по песенке: «На недельку до второго, я уеду в Комарово». Когда я первый раз попала в это Комарово, то сразу же поняла: и «заболела» этим местом.

Действительно, смешанный лес с преобладанием сосны поразительно «вкусен» (иначе не могу его назвать), дышишь и не можешь насытиться, а если еще потянет ветерок с залива и к этому лесному аромату добавится морской воздух с ощущением йода, то совсем слов не найти, чтобы поблагодарить Природу за это чудо, этот райский уголок.

Конный клуб, расположившийся на верху береговой полосы. Лучшего, более здорового места для лошадей трудно найти, тем более, что и грунт там – песок. Можно только радоваться за людей, создавших там конную базу. Любя море вообще, я, конечно, не преминула спуститься вниз к воде. Только посидеть на берегу где-нибудь на теплом валуне, посмотреть вдаль на морскую гладь, кажется, сразу становишься здоровее, во всяком случае, спокойнее, уравновешеннее, миролюбивее. Я бывала на берегу после рабочего (соревновательного) дня и смотрела на закат; изменение цвета моря – завораживает! Особенно, когда сливается на горизонте вода и небо... Как-то раз я оказалась свидетелем удивительного зрелища. На море стоял полный штиль, и воздух висел над ним как марево, практически одного цвета. Различить, где граница воды и воздуха было невозможно. Видишь только, что нет по отдельности моря и неба. Странное такое ощущение нереальности. В тот момент я посмотрела налево, в ту сторону, где всегда проглядывался со своими строениями Кронштадт. И тогда я буквально онемела. Я не увидела привычную картину далекого острова: в воздухе «висели» очертания Кронштадта, у которого не было основания. Он парил в белёсом воздухе, ни на что не опираясь. Это могло быть только в сказке, не наяву. Потрясающее зрелище. Ничего подобного я никогда не видела. Увиден

такое на полотне художника, можно не поверить, что это возможно. Жаль, не было с собой фотоаппарата. Это было фантастическое зрелище, как выраж в пустыне.

Недалеко от конноспортивной базы находится кладбище. Не пойти на это кладбище я не могла: ведь там похоронены люди, составляющие историю и гордость нашей страны. Как же было не поклониться Анне Андреевне Ахматовой, Дмитрию Николаевичу Лихачеву, легендарной балерине Спесивцевой... Если бы я это не сделала, то чувствовала бы вину перед ними, перед собой.

15. Еще раз о Диде

В моих руках побывали разные лошади – разных пород и характера, темперамента и удачливости в жизни, наконец. Но чтобы с кем-то (кроме Диды) постоянно происходили какие-либо ЧП, надрывавшие мое сердце, чаще чем с Дидой, я не помню. С Дидой всегда что-нибудь приключалось обязательно. Пловдь в копыте (где она его могла подцепить?!) – не новость почти для всех всадников, но если брок, за бромом рана в воде, сползание на боку по склону оврага, падение вверх ногами и многое другое, что сразу не вспомнишь... А происшествие, случившееся на рабочем кругу ипподрома, забыть никогда невозможно.

В тот день я отработала Диду по полной программе, а программа была серьезная – мы сделали большую резвую. Большая – это значит 2000 м на пределе сил и возможностей. Резвая отнимает у лошади много сил, это самая серьезная нагрузка на нервную систему и мышечный аппарат животного (да и человека). Обычно я высаживала своих лошадей после работы сама, а тут... Надо сказать, около нас, спортсменов, постоянно «вились» разные мальчишки. Было нормой слышать: «Дяденька (тетенька), дай лошадку пошагать». Конечно, давали и никогда ничего страшного не происходило.

В центре рабочего круга (примерно, там, где теперь находится манеж «Прадар КСК») стояли препятствия. Песчаный грунт, всегда сухой, очень устраивал нас для тренировок. Вижу, конюристы готовятся к прыжкам. Естественно, захотелось посмотреть. А тут как тут мальчишка. Знала, что он вертится около нашей конюшни постоянно, но и все... Как бес попутал, подумала, Дида устала, вести себя должна мирно – спокойно, и посадила мальчугана в седло, отпустив при этом подруги. Сама присоединилась

Мой портрет на Диде, бронза, скульптор Р.Кириллова

к конкуристам. Наблюдаю за Дидой... Круг отшагали они нормально, пошли на второй...

В левой стороне, если смотреть со стороны основной скаковой дорожки, стояло какое-то длинное белое здание, я не знаю его предназначения, но это была не конюшня. Так вот, когда «моя пара» доходила до этого места, они исчезали из поля моего зрения. Каких-то минуты я их не видела. Потом они появлялись снова. Когда Дида ушла на второй круг шагания, я проследила, как они скрылись за этим зданием. Спокойно ждала их появления.

То, что произошло дальше, леденит душу до сих пор. Вдруг мы все на площадке видим, что Дида выскакивает из-за постройки и несется во весь опор по скаковой дорожке. Это – после уже выполненной резвой! Красота была неопишная. Резвый галоп у нее был настильный, она как бы прижималась к земле, хвост на отлете... Но какво было мне! Первая мысль – как мальчишка, удержится ли? Вторая – хуже: я поняла, что может произойти трагедия и с мальчуганом и с лошадей – подпруги-то отпущены... Дида готовилась к скачкам, поэтому была худая и поджарая. Седло может сбиться назад и что еще хуже, перевернуться! Тогда оно будет бить ей по задним ногам и... что тогда?!

Я бросилась наперерез ей. Конкуристы выстроились поперек дорожки, но куда там, Дида прошмыгнула между ними и пошла «чесать» дальше. Все. Я теряю лошадей из-за перегрузки работой (а работа эта точно дозирована). Это мне было ясно, но главное, что будет с мальчишкой... А он вцепился ей в гриву и сидел в позе жокея... что ее еще больше разжигало. Как мое сердце все это выдержало, не знаю. Только ноги подкосились, и я рухнула наземь, в песок, не зная, что делать дальше. А те в это время скакали дальше и опять скрылись за этим белым зданием. Я вскочила и побежала опять навстречу, со мной побежали и другие спортсмены. Концовка этой истории такова: в левой стороне этой части ипподрома находились ворота, за которыми стояли рысистые конюшни. Чтобы попасть на ипподром, мы проезжали мимо этих конюшен по зигзагообразной дороге. Так вот Дида, видимо, сообразила, что хватит выматываться на резвой работе, и после второго круга резко свернула в эти ворота. Там по дороге между конюшнями вправо-влево, опять вправо-влево, вылетела на Скаковую улицу и прямо на Калугин двор.

Двери в нашей конюшне были открыты. Она влетела, как потом рассказывали, в эти двери, ободрав бока, и прямо в свой денник. Когда я прибежала в конюшню, она уже спокойно стояла у себя дома, а дежуривший конюх соскребал ее шерсть с дверей. Но где же мальчуган? Никто его не видел. Сердце замирало от страха: не разбился ли где по дороге? Я пошла опрашивать всех, кто мог быть свидетелем этой скачки. Люди из рысистых конюшен действительно видели, как мимо них пронеслась на сумасшедшем галопе лошадь с мальчишкой наверху. Наконец, кто-то сказал, что на одном из поворотов он упал, а лошадь ускакала. Я к этому человеку: «Что с мальчиком?» «Да, ничего, - был ответ, - Встал, потирая какой-то палец и ушел». Слава Богу! У меня появилась

способность дышать, во-первых, а во-вторых, возможность подумать о Дида. Вернулась к ней. Замазали ранки и снова вывела ее теперь уже окончательно вышагивать. Мальчишку этого у нас больше никто не видел. Мне до сих пор страшно даже представить, что могло бы быть, если бы он удержался на Дида до конца. Ведь ворота в конюшне были низкие, и если бы садились в седло в конюшне, то буквально ложились на шею лошади, а они это прекрасно знали и соответственно вели себя, выходя как на полусогнутых. Могло бы случиться так, что голова у мальчика просто раскололась от удара. Ох, лучше не думать, если бы, да кабы... Хорошо то, что хорошо кончается. Но больше я таких экспериментов уже никогда себе не позволяла.

Но что же все-таки могло случиться, что Дида, как с ума сошла, с шаговой спокойной работы сорвалась в резвый галоп на пределе своих сил?

Я думаю, мальчишке надоело тихо шагать и, зайдя за белое здание, он симитировал жокейскую посадку и немного ее высрал. Этого могло быть достаточно: она как пуля рванулась вперед, а остальное вы знаете.

Еще один «страшный» случай – и опять с Дидой, и опять на ипподроме, на том же рабочем кругу, и опять после резвой работы, требовавшей отдыха для нее (для меня, кстати, тоже). Шагаем мы с ней, повод свободен, обстановка спокойная, никаких спортивных лошадей нет. В такие минуты происходит полное «размагничивание». И вдруг я слышу, где-то сзади недалеко безумное хриплое ржание. Оглядываюсь – прямо на нас несется разъяренная страстью морда жеребца-рысака. Где-то он вырвался и, увидев кобылу, рванул к ней. Ощущение от общения с жеребцом в такой обстановке не из приятных. Конники знают, чем это общение может закончиться. А я не хотела прощаться с жизнью таким образом. Дида – чистокровная. Понятно, что рысаку ее не догнать, если ее выпустить, но беда была в том, что мы закончили резвую работу и вторая резвая для лошади могла привести к плачевным результатам и даже к гибели. Но делать было нечего. Я подняла Диду в галоп и стала удирать от жеребца. Он – за нами, не отстает: для него добыча была привлекательной. Я подпускала его на безопасное расстояние и опять просила Диду прибавить. Так мы проскакали половину рабочего круга. Подойдя к воротам, я направила Диду к ним, а там нас уже ждали люди из рысистой конюшни. Как только мы с Дидой пролетели в ворота, их тут же закрыли, и наш преследователь уткнулся головой в железную решетку. Мы добрались до своего манежа, а я долго приходила в себя: воображение необходимо даже развивать, но как в этом случае, оно долго не давало успокоиться.

Даже с Дидиной скульптурой произошло неладное. В Москве живет замечательный скульптор-анималист Роксана Кириллова. Все ее работы отражают не только большой талант художника, но и большую любовь к животным, над скульптурами которых она трудится. Много великолепных работ подарила эта талантливая женщина людям. Напомню, если кто не знает, что в сквере перед ипподромом все любят подлинным шедевром мастерства – мальчики, купающие лошадей. Это сделала

Роксана Сергеевна.

Из ее рук вышли портреты Левиной на Пальме, Филатова на Абсенте, Петушковой на Пепле. Но лучшей ее работой я считаю Диду со мной. Дело в том, что и Пальма, и Пепел показаны в статике, а Дида – в динамике. Это наиболее трудная форма передачи состояния живого организма. А у Диды – каждая мышца играет, лошадь – вся в порыве движения. Уши прижаты. Видно напряжение борьбы... И изумительное ощущение единения настроения человека и лошади.

А дальше произошло следующее. После выставки в Манеже эту скульптурку (она небольшая) приобрела Третьяковская галерея. Одно время она стояла там спокойно в стеклянном шкафу. Но вот при смене, видимо, экспозиции ее нужно было переправить в другой зал. При переносе работник музея ее уронил. Отломились ноги. Роксана Сергеевна взяла скульптурку Диды, чтобы восстановить у знакомого мастера по бронзе. Когда же она пришла за ней, мастер отказался ей ее вернуть, заявив, что Диды у него нет. – Где она? – Он не знает. Чудеса от недобросовестности людей...

Но этого мало... В это же время происходит пожар на даче у Роксаны Сергеевны, где у нее находилась мастерская. Сгорели или расплавились и первые копии скульптуры, сделанные в пластилине. Как грустно писать об этом. Мало того, что жаль Диду в бронзе (осталась только фотография), но и вещь, сделанную скульптором, думаю, в особом состоянии духа творчества.

16. Юлька

В своем повествовании я уже рассказывала о своем спутнике – Юльке. Четырнадцать лет она согревала мою душу и даже тело (вспомните, что я писала о нашей жизни в Ратомке). Юлька сопровождала меня всюду. Она была в Белоруссии, на Украине, на Кавказе, словом, куда заносила меня спортивная и другая Судьба, там везде была со мной эта маленькая собачка. Она знала, как вести себя дома, в гостинице, переносила переезды на большие и маленькие расстояния на легковых машинах, в грузовиках, на поезде, летала в самолетах. Всегда была со мной рядом или в рюкзаке за спиной.

Как в любом фокстерьере в ней было развито чувство собственного достоинства, которое проявлялось чаще всего в доказательстве человеку своей самостоятельности. Но кочевая жизнь со мною не могла не сказаться на ее характере. Особенно я почувствовала это в Нальчике. В 1977 г. там

Юлька

проводились Всесоюзные соревнования. Организация этих главных в нашей стране соревнований была отвратительной. Руководители не были готовы даже прилично встретить и своевременно разместить приезжающих людей. При воспоминании о лошадях, в каких местах некоторым из них приходилось стоять – до сих пор жуть берет. Грязь, неустроенность, плохое питание, отвратительные поля для тренировок и проведения соревнований, особенно троеборных! Вот что осталось в памяти о Нальчике. Мы с Юлькой похудели там на несколько килограммов. Но это-то ничего. Другое держало меня все время на веревках: не разрешили проводить собаку (вернее, собачку) ни в гостиницу, ни в столовую. Приходилось есть какую-то малосъедобную муру на открытых площадках: сама садилась за столик у ограждающих эту так называемую летнюю столовую перил, а Юльку на длинном поводке держала рядом за ними на земле. Глаз с нее спустить было нельзя, потому что ко мне много раз подходили местные жители и с хорошим кавказским акцентом обращались: «Продай собаку. Много денег дадим». Кругом же были поля, леса, полные дичи и всякой живности. Охотники не могли не понимать, как ценна и важна для них такая норная собака.

И вот как-то раз, закутав ее в плащ и держа этот «сверток» в руках, я прошмыгнула мимо бдительных швейцаров в гостиницу, в свой номер, где я жила с женой одного белорусского руководителя. В комнате никого не было. Да эта женщина почти и не появлялась в номере, проводя время с мужем. Так что жили мы практически вдвоем с Юлькой. Был вечер. На ужин со спортсменами я не пошла, опять-таки из-за Юльки. По дороге в гостиницу тоже ничего не купила. Стало грустно, решила пойти купить молока в магазинчик напротив гостиницы. Я не любила оставлять Юльку одну. Но тут, думаю, много времени этот поход не займет. Пошла. Возвращаюсь, открываю дверь, а Юлька меня не встречает. Сердце – сразу в пятки. Мысли забегали – одна чернее другой. Может быть, моя соседка заходила... Оставила дверь приоткрытой, и Юлька могла kinуться за мной. Все возможно. Может быть, заходила уборщица и выгнала ее из номера?... Сама же я, бросив покупки на стол, зову ее: «Юля, Юля!» Тишина... Стала обследовать все углы. Нет... Полезна под одну кровать. Нет... Под другую... И вдруг, в дальнем темном углу увидела белый сжавшийся комочек... «Юленька, Юля!» – послышалось шевеление. Она вылезла только тогда, когда окончательно поняла, что это – я. Поразительно, как хорошо она ориентировалась в обстановке. Живя в гостинице, она ни разу не выдала своего присутствия, хотя дома и в Ратомке, всегда на каждый стук в дверь, как и полагается собакам, лаяла и проявляла свои хозяйские наклонности. В гостиницах она всегда была безмолвной. В тот раз, оставшись одна, она либо чего-то испугалась, либо решила найти безопасное место, просто понимая свое нелегальное положение. Иначе как объяснить это ее поведение.

И еще – из тех же Нальчикских впечатлений.

Лошади нашей белорусской команды стояли, слава Богу, на сухом бугре. Следом за нами стояла украинская команда. Это были летние

конюшни на открытом воздухе. Удивительно, как быстро уразумела Юлька, где начинаются и где заканчиваются наши владения. Раз это наши лошади, значит, их надо охранять, решила моя умница. И она не позволяла даже украинцам проходить мимо. Доходило до курьезов, потому что она не ограничивалась лаем, а хватала всех за штаны. Сама же никуда от «своих» денников не отходила. Часто, отпустив всех спортсменов и конюхов на обед или отдохнуть, я оставалась одна около лошадей; прилягу в тени со своим верным сторожем и спокойна: уж она-то «чужого» не пропустит.

А ведь такой преданной Юлька стала не сразу, а только годам к трем. Это связано с ее появлением у нас, в нашей семье. Произошло это так. Прихожу я как-то с работы, вижу в вестибюле около лифта сидит девушка с гладкошерстным фоксом. Ну, разве я могла пройти мимо? У нас много лет были два фокстерьера – Тами и Келли. Но в то время, о котором я рассказываю, их уже не было в живых. Заводить новую собаку мы не собирались: слишком тяжело было прощание с ними. В те годы мы как-то подряд потеряли Диду, потом Читу (дворняжку – любовь Михаила Михайловича), а затем не стало Тами и Келли. Чересчур все это было больно.

А тут – сидит очаровательный гладкий фоксик. Девушка подняла на меня глаза и говорит: «Вы не Нина Георгиевна?» Я изумилась, но ответила: «Да». Далее эта милая девушка рассказала, что она шла в институт и увидела около метро (далеко от нашего дома) собачку, явно потерявшуюся. Девушка понимала толк в собачьих породах, остановилась и стала наблюдать. Собачка пыталась то запрыгнуть на трамвай, то прошмыгнуть в метро, но отовсюду ее гнали. Как она не попала под машину, можно было только дивиться. Тогда эта девушка подошла к собачке и взяла ее на руки. Та не сопротивлялась. Об институте уже речи не шло. Так Юля (так звали девушку) очутилась в нашем доме. Пришла она в знакомую семью, у которых всегда были собаки, но они отказались взять собачку себе, посоветовав пойти к Громовым: «У них всегда были гладкошерстные фокстерьеры». Юля и пошла. Дверь открыл Михаил Михайлович, который на ее просьбу взять собачку, сказал, что без Нины Георгиевны он это сделать не может и что она, т.е. я, должна придти с минуты на минуту. Вот она и пошла ожидать меня внизу. Взять найденныша к себе Юля не могла, потому что у них в семье в то время была ценная эрдельша. Разве я могла отказать такому славному сердобольному существу, как эта девушка. Разумеется, домой я явилась с приобретением, которое назвали Юлькой в честь этой девушки, но с ее разрешения. Михаил Михайлович ничуть не удивился, увидев меня и собаку. Но, понимая, что это породистая собака, он сообщил об этой находке в охотничьи и другие кинологические организации. Прошли сутки, вторые... «Хозяева» не находились. Что это были за люди? На третьи сутки Михаил Михайлович, совершенно очарованный Юлькой, заявил: «Раз три дня никто не хватился, я ее никому уже не отдам». «Залезла» Юлька ему в сердце за эти дни. Что ж, это хорошо, подумала я, хотя главные хлопоты

о собаке, конечно, ложились на меня, но мне тоже не хотелось с нею расставаться.

Ей было с полгода, не больше, но какой же трудной она была! Прежде всего, недоверчивой. А не доверяла она только хозяйке (гуляла-то я с ней). Почему? Сначала я гуляла с нею на поводке. Потом стала спускать на свободу. Тогда вместо американского посольства около нашего дома на пл. Восстания было большое, огороженное со всех сторон пространство, на котором встречались все собачники района, равно как и все мамы и бабушки с малыми детьми. С какими интересными людьми я перезнакомилась там, пока наши ненаглядные четвероногие резвились. Но когда надо было взять Юльку на поводок, на мой зов она шла не ко мне, а от меня. Любой чужой человек мог поймать ее за ошейник свободно, но только не я. Она смотрела дикими испуганными глазами. Она явно боялась меня, поняв, что я – ее хозяйка. Только к трем годам лед недоверия растаял. Три года я боялась около нее даже резко поднять руку, видя как сжимается ее маленькое тельце. И тогда я поняла, что она не просто потерялась, она сбежала... Видимо, она все свое раннее детство находилась в жестких руках, требовавших от нее то, к чему она не была готова по возрасту. Поэтому и пострадала ее психика.

Юлька была очаровательным существом. Она понимала все, что вокруг нее делалось. Только внешне это не всегда проявлялось. Внутри же себя она очень тонко переживала, если что-либо происходило неладное.

В 1985 году в январе месяце не стало Михаила Михайловича. Она видела, как его унесли на носилках. Мы остались в квартире вдвоем. Потом было нашествие народа. Поминки. Она все это наблюдала. А месяца через два после этого я не выдержала – гипертонический криз, и у нее на глазах меня увезли из дома такие же люди в белых халатах и с носилками. Она осталась одна в квартире. Что она могла думать? Какие переживания охватили ее, какие потрясения? Она не могла знать, что перед тем как покинуть дом, врач по моей просьбе позвонил дочери и попросил ее немедленно приехать и забрать к себе Юльку. Была ночь. Для Юльки, я думаю, эти переживания были равнозначны трагедии. Софа (моя дочь) приехала уже в полночь, взяла ее и увезла к себе. Юлька знала ее дом, но... Дня через два Софиша пришла навестить меня и, как бы между прочим, спросила, не замечала ли я, что Юлька плохо видит и плохо слышит. Я удивилась и полностью это отрицала. Она покачала головой и сказала: «Проверю еще раз». Каждый раз, когда Софа приходила ко мне в госпиталь, она подтверждала явную глухоту Юльки и плохое зрение.

Через 21–24 дня я вышла из госпиталя, встретила меня не Софа (она была на работе), а ее подруга детства – Танечка, дочь Геннадия Дмитриевича Ракова, фронтového водителя Михаила Михайловича. Это был изумительный человек, великолепный знаток машины, у него были «золотые руки». Он мог делать или чинить что угодно – от мотора до часов. Талант-самородок. Геннадий Дмитриевич был моим первым учителем, преподавшим главные правила вождения автомобиля и

поведения за рулем. Он был очень нервным человеком в жизни, но за рулем – не только само спокойствие, но иначе как непрошибаемым его, бывало, не назовешь. Специалист первого класса, он вел машину только по обстановке. То же он внушал и мне. И спасибо ему за это. У меня водительский стаж уже более 50 лет, и всегда я помню наставления разумного человека – высокого профессионала своего дела.

Такой же талантливой выросла и его дочь, только в другом направлении. Она могла бы быть прекрасным художником, дизайнером, если бы было немного больше удачи в жизни. Но хорошим человеком она осталась на всю жизнь.

Так вот Татьяна меня встретила, и мы сразу же пошли в гараж, чтобы взять машину и ехать за Юлькой.

Приехали на квартиру моей дочери, открыли дверь. Никто нас не встречает. Люди все на работе. Это понятно. А где же Юлька? Вошли на кухню. Смотрю, под столом на подстилке лежит клубочек – Юлька, и никакой реакции на вошедших. Я полезла под стол, зову ее. Никакого внимания. Зашевелилась моя Юлечка только тогда, когда я прикоснулась к ней, и она почувствовала мой запах.

Неуверенно встала, потянулась ко мне. Я схватила ее и в слезах понесла в машину. Посадила на ее место – переднее кресло рядом со мной, а Таня села сзади. Потом, когда мы приехали домой, Таня рассказала, что она всю дорогу наблюдала за Юлькой. Она не легла, как обычно, а сидела и все время не спускала с меня глаз, как бы не веря, что «вот она, опять рядом».

Действительно, я убедилась, что Юлька стала плохо видеть и плохо слышать. Прошло какое-то время, и зрение к ней вернулось, а вот слух – нет. До конца ее жизни мы с ней «разговаривали» хлопками (ладонь об ладонь). Эти резкие звуки она слышала, а моего голоса, если она была на отдалении – нет.

А как же любила Юлька Ратомку! Бывало, едем с ней утренней электричкой из Минска (поезд из Москвы приходил рано), она сидит или на коленях, или на скамье рядом. Молчит, смотрит в окно. Само спокойствие. Но как только до Ратомки остается, примерно, две остановки, моя Юлька меняется. Начинает волноваться, не может усидеть на месте. Как будто узнает деревья за окном, хотя они все, казалось бы, одинаковые. Остановка поезда, и тут только держи ее: старается вырваться и бежать... Я спустила ее с поводка, только перейдя железнодорожные пути. А дальше – ищи-свищи ее. Дорогу к манежу она знала хорошо. И ее в поселке все знали, я не боялась за нее.

«Друзья» - Юлька и Аленка Угрюмова в манеже

Как-то выйдя из вагона и перейдя железнодорожные пути, я, как обычно, пустила ее на свободу. Впереди шла группа каких-то людей. Было еще темно. Юлька несется мимо них, даже сквозь их ноги, вперед, и вдруг я слышу: «Ребята, да ведь это Юлька. А где же Нина Георгиевна?» Ребята остановились, а я подошла к ним. Это были ратомские спортсмены, ехавшие в том же поезде, но в другом вагоне. Приятная встреча, тем более, что ребята немедленно подхватили мой груз; а освободившись от тяжести, я зашагала бодрее. С Юлькой мы встретились уже только у манежа.

Вот такие истории приключались с моим дорогим дружкой. И опять думаешь, как же человек должен ценить преданность и смывленность братьев наших меньших, как же с его умом-разумом нужно быть более добрым и внимательным к ним.

Много интересного приключалось с моей Юлькой за 14 лет ее жизни со мною, но вот то, что мне пришлось наблюдать как-то на пустыре около моего дома в Москве, удивительно.

На этом пустыре к нашей людской и собачьей радости (это же в центре Москвы!), росли вековые сосны. Под ними обычно пристраивались молодые мамы с колясками. Но иногда любили посидеть в их тени и мы, собачники. И вот как-то сижу я под сосной с книжкой в руках и наблюдаю одним глазом за Юлькой. День был жаркий. Набегавшись, она легла под другой сосной поодаль от меня. Я уткнулась в книжку, но не надолго. Мое внимание привлекло странное поведение Юльки. Лежала спокойно собака – лежала и вдруг как вскочит растерянная, чем-то возмущенная. Это было понятно по тому, как она крутила головой, явно не понимая, что происходит вокруг. Потом успокоилась и опять улеглась в тени сосны.

Я отложила книгу, стала за ней наблюдать. Прошло несколько минут... И тут я заметила на сосне ворону. Она сидела на ветке, поглядывая вниз. И вдруг вижу, как ворона вытянула шею и выпустила что-то из клюва. Это была сосновая шишечка. Шишка попала точно в Юльку. Бедняга, все еще не понимая, что происходит, снова заволновалась, забегала... А ворона, с интересом склоняя голову с боку на бок, наблюдала за ней. Значит, и в первый раз ворона сыграла с ней такую же шутку. Но больше на это место Юлька уже не легла, а вороне стало скучно, и она улетела.

Вторая история с воронами приключилась на том же месте. Я наслаждалась покоем под этими роскошными соснами, а Юлька грызла найденную где-то косточку. Косточка была свежая (я проверила), поэтому и позволила ей наслаждаться любимым собачьим делом.

Вдруг откуда ни возьмись прилетела ворона и заинтересовалась этой косточкой. Скок-поскок вокруг Юлькиного носа... Потом, осмелев, подскочила совсем близко с явным намерением отобрать косточку. Сначала Юлька не обращала на нее внимания, но когда та совсем обнаглела, рыкнула на нее, продолжая грызть свою добычу. Видя, что ей не одолеть собаку, ворона улетела.

Через несколько минут прилетели уже две вороны. Это первая привела свою подружку. Тактику они выбрали такую: пока одна ворона

подступает к желанной косточке с одной стороны, другая подкрадывается к носу собаки с другой. Действия их были разумны и хорошо слажены. Но, тем не менее, Юлька с фокстерьерской реакцией успевала «откусываться» от одной вороны и, не выпуская кости изо рта, кидалась на вторую. Поняв, что «враг» силен и недоступен им, вороны улетели.

Прошло какое-то время, и я вижу, что к Юльке «планируют» уже три вороны. Невероятно... Все три вороны окружили Юльку, но как? Дво – также как в предыдущий раз, а третья стала заходить сзади, пытаюсь схватить Юльку за хвост! С первыми двумя моя бедняжка управлялась вполне уверенно, защищая свое добро, а вот когда третьей удалось цапнуть ее за хвост, тут самообладание покинуло Юльку, такого оскорбления она не ожидала... Защищаясь, она резко повернулась, чтобы наказать обидчицу и, забыв про кость, выпустила ее, за что и была наказана. Одна из ворон схватила косточку и улетела. За нею улетели и другие. Долго не могла успокоиться Юлька, осознав, как провели ее пернатые. Но вороны-то хороши! Какая смекалка, какая настойчивость и какая к тому же поддержка друг друга!

17. Финька

Был чудесный летний воскресный день. Мы с Михаилом Михайловичем сели в свой «Москвиченок» и поехали на конюшню к нашей дорогой Дидуне. Михаил Михайлович поднялся в кабинет начальника школы Владислава Витальевича Белякова. Он был на месте. Вскоре, войдя в конюшню, мужчины объявили мне, что они собираются поехать на Птичий рынок. «Зачем?» - «Просто так. Посмотреть». Решили, поехали. Остановились около рынка. А там не просто много народу, а сплошная толпа, через которую нужно продираться, используя локти. Я отказалась «гулять» по такому скопищу людей, тем более, что и смотреть на животных, которых предлагают тебе купить, мне не хотелось. Я осталась сидеть в машине. Прошло довольно много времени. Наконец, вижу – идут мои мужчины и несут с собой какую-то маленькую голубую клетку. Что в ней? Открываю дверцу машины, и они ставят эту клетку сзади к стеклу над сидением, а в клетке – маленькая ярко-желтая птичка с темным удлинненным пятнышком у правого глаза. Как только клетка приобрела устойчивость, птичка вспорхнула, расправила свои крылышки и... запела! Да так заливисто, громко, меняя одно «колени» на другое... Столько радости было в этом пении, столько залихватской удалости, самоуверждения, что произошло бы чудо, если бы мое сердце не дрогнуло... Потому что, первое, что я спросила, сколько стоит такое приобретение. Оба переглянулись, и Михаил Михайлович успокоил меня, сказав, что это самый недорогой кенар, бывший на рынке. Уже потом Владислав Витальевич «выдал» Михаила Михайловича, рассказав, что когда они попали в ряды певчих птиц, Михаила Михайловича нельзя было выпустить оттуда. Когда же они стали интересоваться ценой, то поняли, что самые дорогие птицы сидят на самом верху пирамид из клеток, но и

поют они лучше всех. Так вот наш Финька (я так его назвала) был на самой верхотуре и заливался без передышки на весь рынок. Как можно было такому азартному человеку, как Михаил Михайлович, устоять?

Так появилась у нас в доме моя любовь – кенар Финька.

Пока мы ехали до дачи, Финька пел без передышки. Его не смущала триска, он не обращал внимания на шум, он наслаждался своим искусством...

С тех пор, пока эта моя дорогая птица была жива, в деревне, где мы жили, говорили: «Кенар поет, значит Громовы переехали на дачу (на лето)». Финька не пел только в двух случаях: когда он ел, или когда спал, но для этого нужно было его клетку накрыть. Я пыталась считать, сколько же разных «колен» в его пении, но сбивалась. Не меньше шестнадцати. Это говорило о его невероятных способностях, птичьим певческим таланте.

Закрыв окна, двери, я часто выпускала Финьку полетать на свободе, хотя клетка у него была большая, хорошая.

Он с удовольствием летал и знакомился с разными комнатными предметами. Особенно его привлекало зеркало над камином. Устроившись на полке перед зеркалом, вглядывался в свое изображение, но в конце концов, не выдерживал, перышки у него на загривке поднимались, крылышки расправлялись, значит в нем заговорили бойцовские инстинкты... И тут же начинался «бой» с самим собой – забияка был отчаянный!

Жил Финька на радость нам всем. И тут произошел поворот в этой жизни. К нам в дом принесли котенка – такой маленький пушистый, ласковый комочек. Но эта прелесть внесла в дом и постоянную напряженность. Финька... Нужен был глаз да глаз за тем и за другим. Пока котенок был мал, все шло своим чередом, но когда он подрос, Финькину клетку приходилось ставить на такие места, где кошачье любопытство не грозило бы птичке. Осложнения начались и с уборкой клетки. Я старалась делать это сама, но иногда кто-нибудь пытался проявить заботу и без меня. Вот так и случилась беда.

Незабываемый день. Я пришла с работы, раздеваюсь и... о, ужас! – идет ко мне наш коташка, а в зубах у него что-то желтое... Я не поверила своим глазам – Финька! Но еще жив, клюв раскрыт... И это – во рту у кота! Я бросилась к нему, и он спокойно отдал мне птичку, но в каком виде, в каком состоянии!..

А кот смотрит на меня невинными глазами: ведь он охотник и принес мне добычу!.. За что его наказывать? – Не за что. А у самой сердце разрывается, глядя на несчастного Финьку: полножки нет, вторая – искорежена, дышит тяжело, крылья распушены. Что делать, что делать? Позвонила в ветлечебницу. Сказали, что таких маленьких птишек они не лечат. Тогда в голову пришло – зоопарк, уж там-то разные специалисты должны быть. Отправилась туда с Финькой. Приняли хорошо, сердечно. Врач осмотрел его и сказал, что крылья целы, но вся грудка в таких гематомах, что он вряд ли выживет: глубокие нарушения внутри. Тем не менее, дал мне лекарство и сказал, как и сколько его давать.

Трое суток я практически не спала. Сидела или ходила по комнате Финькой на ладошке, прикрыв сверху другой. Постепенно он стал успокаиваться, согретый человеческим теплом, а на четвертый день даже дышать стал лучше, и я уже могла устроить некое подобие гнездышка, положить Финьку туда и сама отдохнуть.

Выздоровление было длительным, но безнадежность уже ушла. Синяки на грудочке стали менять цвет, а потом и вовсе исчезли. Какой же бум устроила я в своей семье после этого! Оказалось, кто-то вычистил клетку и неплотно закрыл дверцу. Финька высочил и на радостях стал носиться по комнате. А тут появился котенок. Шустрый был, да и Финька, видимо, не видел в нем опасности. Хорошо еще, я вовремя вернулась с работы.

После этого происшествия Финька прожил еще два года. Так как одна ножка у него была укорочена, а на второй не было даже пальчиков, чтобы уцепиться за ветку, я сделала для него помост: установила в клетке линейку, а чтобы он не скользил по ней, обшила сукном. Финька быстро приспособился к своему инвалидному состоянию. Крылья были целы – вот главное. Он стал летать, но уже только при мне.

Через год после болезни Финька запел. Конечно, это было уже не то залиvistое пение, через которое он выражал радость, переполнявшую его маленькое сердечко, свою любовь к жизни. Нет, это были попытки пения, и если ему удавалось «прочирикать» два-три колена, для меня это уже была большая радость.

Но продолжалось это недолго. Финька стал хмуриться, хохлиться. Ему явно было не по себе. И однажды...

Это было ночью, ближе к утру. Я спала. У меня вообще всю жизнь такая привычка: просыпаюсь, ноги вниз, и они попадают прямо в стоящую у кровати тапки. Никогда не хожу по полу босиком.

А тут... Внезапно, как будто кто-то резко толкнул меня, нарушил мой сон. Просыпаюсь и босиком, еще ничего не понимая, в полудреме бегу в другую комнату, туда, где на серванте стоит клетка Финьки. Включаю свет, скорее забираюсь на стул и вижу – бедная моя птаха лежит сверху лапками. Я схватила его, да что там – это был конец; это мой Финька разбудил меня, прощаясь со мной. А как иначе объяснить мое поведение? Говорят о телепатической связи между людьми. Я убеждена, она существует и между людьми и животными. нужно только очень сильно любить друг друга.

А что же тот котенок? Он вырос в большого сильного кота. Когда мы переехали на дачу, он быстро включился в вольную деревенскую жизнь. Несколько раз пропадал из дому по несколько дней. Возвращался часто со шрамами и другими знаками побоищ, которые происходят между котами. Отлеживался, отъедался и опять, верно, - в бой. И однажды он не вернулся с ристалищ. Где они происходили, разве знаешь... Но искать его я не пошла. Это первый и единственный в моей жизни случай, когда я не бросилась искать свое животное. Взяла грех на душу. Слишком живой еще была во мне рана, образовавшаяся с потерей Финьки...

18. О Киеве

Впервые я попала в Киев уже взрослым человеком, с оформившимися взглядами и много уже в жизни сумевшим повидать. Киев для меня был началом-начал нашей Родины – Руси. Соответственно, подъезжая к городу, я уже испытывала волнение. Выйдя на перрон, я осмотрелась и первое, что сделала, - пошла в камеру хранения и сдала свои вещи. Оставшись налегке, я отправилась на привокзальную площадь, нашла экскурсионный автобус (экскурсия по городу), заняла свое место и стала с нетерпением ждать отправления. Хотелось побыстрее познакомиться с городом, хотя бы в общих чертах. Вошел гид – небольшого роста мужчина лет под пятьдесят. И началось увлекательное путешествие. Экскурсовод попался на редкость интересный, хорошо знающий город, но главное – любящий его. Рассказывал обо всем – истории города, улицах, зданиях, мимо которых мы проезжали – с увлечением, со страстью. Два примера. Проезжаем Киевский оперный театр. Наш гид добавляет к своему рассказу теплые и в то же время, сказанные с гордостью слова: «В этом театре пела соловейко украинского народа Оксана Петрусенко». Когда он произнес это имя, мое сердце дрогнуло. Оно вернуло меня в детство. Мы жили тогда в деревне Большая Ничка в Хакасии. Кто-то из работников МТС (Машинно-тракторная станция) привез из Минусинска пластинку. Я услышала чистый высокий звонкий голос певички: «Ой, не свитит месяченько». Он заморозил меня. Я слушала и слушала певичку и так хотелось выводить самой такие же рулады... А было-то мне тогда всего одиннадцать лет...

Едем дальше... Проезжаем большое здание, стены которого выкрашены в красный цвет. Немного странновато оно выглядит из-за этого. Экскурсовод говорит: «Это – Киевский Университет» и рассказал, что когда-то, в начале XX века студенты Университета подняли бунт по какому-то поводу. Вмешаться пришлось даже полиции. Царь Николай II, узнав об этом, приехал в Киев, встретился со студентами, а в конце сказал: «Выкрасить стены этого учебного заведения в красный цвет, чтобы они напоминали молодым людям об их недостойном поведении и чтобы им всегда было стыдно за себя». Вот такая удивительная история.

После этой экскурсии я отправилась на Днепр и искупалась: ведь князь Владимир Красно-Солнышко сам принял Крещение в этой реке и своему народу повелел последовать его примеру. Так поступила и я. И только после этого, успокоившись, я направилась на вокзал за своими вещами. Пора было устраивать свое житье-бытье в гостинице.

Любую свободную минуту я старалась использовать, чтобы лучше познакомиться с Киевом. Киево-Печерская Лавра, монастыри, храмы, расписанные лучшими художниками всех времен, все привлекало, тнуло узнать о них больше. Протопала не один километр своими ногами, чтобы все это увидеть. А в результате у меня появилось абсолютно определенное ощущение: «Если бы у меня был выбор, если бы я могла решать сама, где мне хотелось бы жить, то – только в Киеве!»

Я влюбилась в этот город, в его окрестности с изумительными пляжами на такой же изумительной реке, парками, грандиозными каштанами... Не город, а мечта!

Наши древние предки знали, где обосновываться и создавать такое огромное государство как наша Россия.

На этом я заканчиваю и благодарю всех, кто проявил внимание к моему труду. Воспоминания не всегда просто даются. Они заставили меня просмотреть мою жизнь. Все как в кинофильме. И это потребовало не только много времени, но, поверьте, и нервов.

Буду рада, если читатель найдет в этой книге полезное и нужное для себя.

Искренне Ваша

Н.Г. Громова

P.S. В третьей части книги читатель может познакомиться с методикой подготовки лошади к выездке и стипль-чезным скачкам, а также советами судьям по выездке, и с "Памятками", составленными в разные годы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Прошло несколько лет со времени написания и издания этой книги. И думала, на этом я завершила то, что задумала. Но оказалось - нет. Оказалось, многие заинтересовались тем временем, в котором я прожила свою спортивную жизнь, людьми, в окружении которых я жила, а также брошюрой, в которой я старалась доступно объяснить, как выезжать лошадь, как вырабатывать у нее рефлексы, приводящие к правильной работе лошади под всадником согласно Правилам ФЭИ по выездке. Я - не святая и в своей жизни делала много ошибок. Не хочется, чтобы следующие поколения любителей конного спорта наступали на те же грабли, что мое поколение когда-то.

Везде и во всем я призываю всадников к терпению и любви к лошади, а совершенные ошибки относить не на счет четвероногого партнера, а только к себе. Меня радует, что многочисленные просьбы уже новых подросших за это время всадников говорят о том, что мой труд, мои выводы, мои призывы, очевидно, доходят до сердец. Вот поэтому я приняла решение о втором издании книги "Лошади и моя Судьба" с небольшим добавлением, которое родилось у меня в процессе работы с двумя молодыми талантливыми всадницами. Это так называемые "Памятки", посвященные Первая - Елене Серегинной /жаль только, что, видимо, обстоятельства жизни не позволили ей серьезно продолжить занятия выездкой/, и Вторая - Людмиле Идрисовой. С последней жизнь связала меня на целые три с лишним года. Эти "Памятки" написаны мною под влиянием занятий с этими спортсменками и были приняты благожелательно буквально всеми, кто их читал. А раз так, то естественно мне захотелось познакомить с ними своих будущих новых читателей.

История второй "Памятки": с Люсей Идрисовой и ее мамой Вероникой Ефимовной я познакомилась случайно во время одного из семинаров для судей, которые - совершенно правильно - Федерация конного спорта России стала регулярно устраивать с приглашением известных специалистов из-за рубежа. Хотя в нашей жизни, в нашем сознании крепко утвердилась поговорка "Несть пророков в своем Отечестве", справедливо вспоминать и давно забытое, но также следует знать возможные новые веяния, которые могут прийти извне.

Вероника Ефимовна, откуда-то узнав о моем прошлом, настойчиво стала просить меня посмотреть лошадь, недавно купленную семьей. Девочке, которой предстояло освоить эту лошадь, было всего 13 лет. Не знаю почему...но я согласилась. Я увидела искреннюю и серьезную заинтересованность мамы в будущей карьере дочери и ее собственный интерес к конному спорту, его особенностям и тонкостям. Назначили встречу.

В тот незабываемый вечер работала на Бизе /Бизнесе/ очень способная и сильная всадница. Незабываемый, потому, что сразу же /а это бывает не всегда/ лошадь мне понравилась: правильный экстерьер,

гармония в пропорциях, хорошая грудь и постав ног, ну и т.д. Обратила внимание на его глаза - живые, с огоньком и любопытством. Словом, все говорило о том, что эта лошадь будет любить работать. А это немаловажно. В нем не было равнодушия к окружающей обстановке, к тому, что от него требуют делать. В то же время это был индивид, личность, характер, с которым нужно было считаться. В нем кипела ни на что еще не выплеснувшаяся энергия, та энергия, которую в Правилах по выездке называют импульсом, т.е. внутренним желанием лошади двигаться вперед.

Бизе было семь лет. Он прошел тяжелые испытания в руках прежних "хозяев". Как рассказывают, продали его в основном из-за того, что он наотрез отказался прыгать, т.е. из него хотели сделать конкурную лошадь, да, видимо, поспешили с требованиями, сорвали психику. Но зато сумели привить нелюбовь к людям /кусался, не давал спокойно садиться в седло и т.д./. Поговаривали о его неадекватности в поведении и даже опасности ездить на нем. Первая мысль у меня была - зачем же такую лошадь купили девочке-ребенку? Но понаблюдав за Бизнесом, я не увидела тех страшных пороков, которые ему приписывались, и тем более - неадекватности. Об этом я и сказала сразу хозяйке лошади.

Далее пошел разговор о приобщении меня к работе с Бизей и Люсей. Сначала я отказывалась, но потом.... уж очень он мне понравился, согласилась. Понравилась мне и девочка: высокая, стройная, с длинными ногами, которыми она могла "обнять" бока лошади, что очень важно для правильной работы шенкелем. Сказала я и о том, что доверие этого прекрасного животного возможно вернуть только терпением и любовью, но для этого потребуется много времени. Так оно и вышло: прошло три года, и Бизя стал совершенно другим. Его можно даже без опаски целовать в губы.

Прежде всего я попросила ездившую на Бизе всадницу показать, что МОЖЕТ Бизя. И вот тут возникла конфликтная ситуация. Заключалась эта ситуация в том, что школа работы берейтора Бизи и моя были различными. Моя изложена в этой книге и в брошюре, посвященной выездке лошади, а коротко она заключается в том, чтобы добиться от лошади исполнения различных элементов езды на свободных /не закрепощенных/ движениях, эластичность которых и создает гармонию, легкость, красоту сотворяемого на манеже парой человек-лошадь. Казалось бы как мало для этого надо: правильное использование средств управления и, главное, чтобы лошадь сама шла на повод, не боясь его и не воюя с ним, и работала с удовольствием /как говорят выдающиеся конники, felt happy" чувствовала себя счастливой/. К сожалению, в жизни нам приходится наблюдать обратное: всадник сидит в седле, вцепившись в повод. Повод часто играет роль упора, устойчивости в посадке. Грубое давление железа на углы губ причиняет боль лошади и сковывает ее движения. Вот эти скованные движения я и увидела у Бизи в тот вечер. Попросив разрешения вмешаться в работу берейтора, я, старалась не обидеть ее, объяснила ее ошибки и мои установки. Это была опытная и сильная всадница, которая скрепя сердце, как мне

оказалось, подчинилась моим указаниям, которые заключались в основном в просьбе смягчить повод. Какое же благородное и понятливое животное - лошадь! Бизя как будто бы только и ждал этого момента! Мышцы шеи, затылка расслабились, шея удлинилась, плечи развязались, а он сам буквально полетел! Боже, какая красота раскрылась в этом скуреженном животном! Но... по окончании этого занятия работавшая на Бизе спортсменка, видимо, не поняв, какие перспективы открываются перед нею, не поняв, что человек всю жизнь должен постигать что-то новое, двигаться в своем развитии вперед, не удовлетворяясь тем, что уже освоено, заявила, что заниматься с Ниной (всего лишь она отказывается, так как у нас с ней различные представления о выездке и работать в моем стиле она не будет. Ну, что ж! Кому из нас хуже, покажет время. Но трещащие от натяжения поводья, конечно, я никогда не приемлю...Выходит, разговор о мягком поводе остается одним разговором!.. Физическая сила человека (в руках) не должна присутствовать при выездке лошади. Мне могут возразить, что многие даже именитые заграничные всадники ездят на жестком поводе. Я могу это объяснить только тем, что лошади многих лидеров конного спорта за рубежом, хотя и легкие на движении, массивные, могучие по телосложению и поэтому, естественно, как правило тугоуздые. В нашей стране распространены лошади другого склада - более легкие, элегантные и часто мягкоуздые, т.е. требующие более деликатного с ними обращения. Так не надо вопреки природе делать их тяжелыми на руку. Мне жаль способных и сильных спортсменов, даже ходящих в ранге "выдающихся", которые забывают о том, что всегда следует относиться критически к себе, постоянно чувствовать неудовлетворенность в том, что ты делаешь. Только в этом залог совершенства, прогресса и успеха в работе. К этому нужно прибавить еще любопытство, любознательность. Не я это все придумала, но я сама прошла через это и, наверное, не зря. Простите меня за нравоучительный тон, но это из самых добрых побуждений.

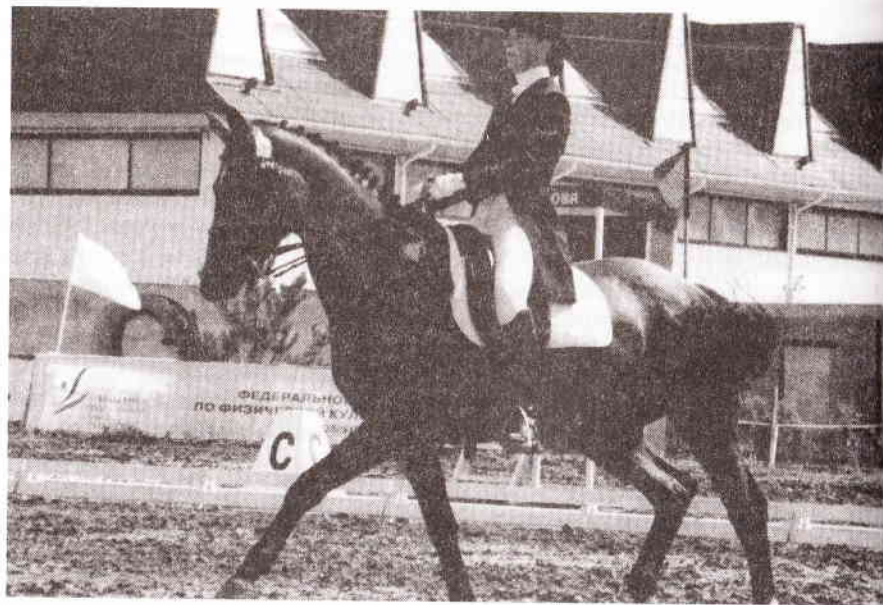
Так Люся стала сама осваивать проблемы выездки: обучаться и одновременно переучивать Бизю без берейтора. Сложная задача, прямо скажу. Решалась она, конечно, безконфликтно, учитывая сложности характеров обоих - подпорченного недоверчивого у Бизи и подросткового, но гонористого, амбициозного, своевольного, при этом нетерпеливого и часто подвергающегося влиянию со стороны, извне, Люсиного.

Терпения требовалось всем - и Бизе, и мне, и Люсе, и Люсиной маме, принимавшей самое активное заинтересованное участие в нашей общей работе. Началось с того, что Вероника Ефимовна попросила меня подробно объяснять Люсе что требуется делать, сидя в седле, и как. При этом она весь урок и все мои указания снимала кинокамерой и записывала, с тем чтобы, как она говорила, дома можно было заново прослушать, обдумать, всматриваясь в экран телевизора.

Так продолжалось довольно долго. У них дома, наверное, целая фильмотека сохранилась наших начальных занятий. Спасибо ей за это

доверие. Зато сколько радости мы испытали, когда можно было уже увидеть, что пара Люся-Бизя состоялась: Чемпионка и призер многих соревнований, в том числе Спартакиады народов России и Чемпионата России среди юношей Люся стала кандидатом в мастера спорта. Если учесть, что за три с небольшим года нашего общения много было "отпусков" по болезни всех участников этого трио, то время не прошло даром. А Люсины мама стала настоящей помощницей и мне, и Люсе. Так как ежедневная работа с лошадью требует ежедневного "глаза" за парой, а я не могла этого обеспечить просто по состоянию здоровья, и попросила Ольгу Олеговну Соболеву взять Люсю под свое крыло. Таким образом у Люси появилось два тренера. Я за собой оставила функции консультанта и определяющего направление в работе, полноценно проводя занятия с Бизей один или два раза в неделю.

Соболева - старший тренер сборной команды юношей, знающий и требовательный специалист, которой можно было доверить молодого неопытного спортсмена. Разногласия между Соболевой и мною, конечно, возникали. Это естественно - разные поколения, разные школы, но я рада, что они постепенно размываются, и 7-е место в "Среднем призе № 1" на Международных соревнованиях среди взрослых, проходивших в Москве, говорит о том, что расхождения наши не помешали нам с ней довести Люсю до такого результата.

МЛюся и Бизя – соревновательный момент

В заключение хочу поделиться с читателями своими тревожными мыслями о непонятном для меня отношении к конному спорту не знаю

даже кого, но понятно что тех людей, от которых многое зависит то, как будет развиваться в дальнейшем наш спорт, в частности, выездка.

Я хочу обратить внимание на то, что далее совершенно невозможно сохранять существующее отношение к выездам наших команд за границу. Дело в том, что поездки эти длительные по пребыванию лошадей в пути из-за больших расстояний, которые приходится преодолевать коневозкам, а приезжают лошади и люди на место соревнования за два-три дня до старта, Лошади стартуют буквально с колес. Я не говорю об акклиматизации, необходимой как известно всем. Я говорю об элементарном приведении организма лошади в нормальное состояние. Возможно ли ожидать после этого какого-либо приличного, успешного выступления от спортсменов-конников?

Кстати, в мое время /советское/ наши команды, пусть не часто, но тем не менее, выезжали за рубеж, и на место соревнования прибывали за полмесяца или даже за месяц до старта. Была и акклиматизация, было и привыкание лошадей к новым местам, обреталось спокойствие и уверенность перед соревнованиями. Видимо, неспроста у нас были и Олимпийские чемпионы - Сергей Филатов, Иван Кизимов - в личном зачете; Иван Кизимов, Елена Петушкова, Иван Калита - в командном. Елена Петушкова стала чемпионкой Первенства мира по выездке.

Я не останавливаюсь на высоких результатах, когда наши выездковые спортсмены занимали призовые места на крупнейших соревнованиях.

Успех на соревнованиях рождается не только талантом, трудолюбием, умением владеть собой (и лошадью), но и как результат созданных условий для проявления этих качеств спортсменом, а в нашем виде спорта и его партнером - лошадью.

Н.Г. Громова
апрель 2008 года

II Памятка для Лены Серegiной

составлена Ниной Георгиевной Громовой (сентябрь 2004 года)

1. Если заглянуть в Правила соревнований по выездке (и не только по выездке), то увидим, что на первой странице помещен Кодекс поведения по отношению к лошади в целях ее благополучия, являющимся приоритетным по отношению ко всем остальным требованиям. Рекомендую внимательно прочесть этот текст и принять во внимание, а также постоянно опираться на него в своей работе с лошадью и на Правила ФЕИ.

2. Нужно готовить себя к самостоятельности, к выработке в себе автоматизированных действий. А начать с того, что привыкнуть каждые 15-20 секунд быстро-быстро проверять себя: правильно ли положение головы, плеч, спины, кулачков рук, шенкеля, каблуков... Подправив, что необходимо, далее все внимание обратить на лошадь, на управление ею.

3. Каждое занятие нужно начинать с разогрева лошади. После 22-часового стояния в деннике, очень ограниченного пространства для такого большого животного, как лошадь, необходимо подготовить ее к безболезненной работе ее мускулатуры. Для этого начинать работу с десятиминутного (как минимум) шага на свободном (но не брошенном) поводу. Связь (мягкая) со ртом лошади должна сохраняться всегда, чтобы всадник был готов к любой неожиданности со стороны лошади. Этого требует техника безопасности езды на лошади. Затем - десять минут рабочей рыси; без принуждения - первые пять минут, с посылом - вторые пять минут, сохраняя и поддерживая четкий темпо-ритм. Посыл не должен вызывать чрезмерной спешки. Подправлять движения помогают полудержки. Пользоваться ими надо постоянно. Последние две минуты - энергичная рысь. Следует разнообразить эту работу, ведя лошадь то по прямой, то меняя направление, используя диагональ или заезды (направо назад или налево назад), то по большому кругу или серпантину, не забывая предупреждать лошадь о новом требовании с помощью смены постановлений. Если лошадь потянет вниз, - дать ей возможность сделать это и даже поощрить (голосом, оглаживанием): в таком случае включаются мышцы поясницы. Это упражнение делает ее позвоночник гибким и позволяет мягко принимать всадника на спину. Далее - шаг пять минут. После шага можно перейти к галопу: три минуты в одну сторону, три минуты в другую. Вся работа ведется только на трензеле, без подключения мундштуков.

4. После небольшого отдыха полезно на остановке погнуть плечеголовные мышцы. Сначала - в затылке (мелкими дрожательными движениями мизинцев) налево и направо, следя за тем, чтобы затылок не валился и нос лошади не уходил за повод. Потом - сгибание в шее, по несколько раз в разные стороны. Делать это нужно осторожно и не резко,

чутко следя за возможностью лошади. После этого можно перейти к сгибанию в боку: для этого делается движение вокруг передних ног. Например, прижимаем плотно левый шенкель к боку лошади, немного укорачиваем левый повод, правым шенкелем принуждаем лошадь двигаться в левую сторону, сгибаясь вокруг левого шенкеля. В обратную сторону сгибание уже происходит вокруг правого шенкеля. Далее (это все - разминка!) нужно проделать движения на шагу - плечом внутрь, траверсы, ранверсы, принимания (как с правильным, так и с обратным постановлением), не забывая, что все боковые движения должны производиться вперед-в сторону, а никак не наоборот. Если лошадь пошла слишком круто и плечо перестало выдвигаться вперед, а идет сначала в сторону, то возникшую зажатость в движении, скованность плечеголовной мускулатуры ликвидировать следует немедленно, выдвинув лошадь по прямой и поставив ее на прямое сгибание. Хорошо начинать эти упражнения на сгибание с вольта, с круга, из угла.

5. Чтобы лошадь правильно работала, нужно постоянно следить за состоянием связи с ее ртом: она не должна упираться (искать упор) в повод. Она должна, как говорят, "нести себя сама". Всадник тоже не должен искать поддержку в поводу. Равновесие всадника и равновесие лошади должны совпадать, создавая гармонию, как бы единение человека и лошади. В процессе работы следует не забывать о своих собственных плечах: они должны быть параллельны плечам лошади (вспомните, как ведет себя велосипедист на поворотах): на боковых сгибаниях не валиться всем корпусом, а поворачиваться только в талии. Важную роль играет положение кистей всадника (кулачков). Они всегда должны быть вместе (сближены!) и в вертикальном положении. Это дает большую гибкость кисти, а значит - повышается чуткость связи со ртом лошади и воздействие на нее. Нужно еще помнить, что упор повода в обе руки должен быть одинаковым. Шенкель - всегда с оттянутым каблуком и как бы "обнимает" бока лошади. Советую сменить шпоры, заменив их на паркеры с более длинным шенкелем и небольшим изгибом вниз.

6. Начинаем рабочую фазу занятия - тренировки лошади. Поднимаем ее в рысь. Условие - не жалеть своих ног, то есть шенкель должен быть активным, понуждая лошадь быть тоже активной и не "бегать" по манежу, а идти рысью, отчетливо проталкивая себя вперед и вверх. Без предварительного разогрева, когда лошадь приходит в состояние раскованное, приступать к усложненным требованиям на усвоение или совершенствование какого-либо элемента бессмысленно и даже опасно для здоровья животного. Полезны и следующие упражнения: нужно делать

- смену рыси в галоп и наоборот (главное здесь - сохранить один и тот же ритм движения на обоих аллюрах);

- "резинку": например, из собранной рыси перейти в среднюю, а позже - в прибавленную (и всегда - внимание! - ритм) и наоборот. И так несколько раз, чутко распределяя воздействие шенкеля (с него начинается любое требование к лошади) и рук: т.е. высылающие

средства плюс полуодержки. Это заставит лошадь перенести тяжесть ее тела на зад, а скакательные суставы увеличат толкательную силу. Старые конники учили, что между шенкелем и поводом должно быть соотношение 5:1. Это означает, что от воздействия шенкель-повод (а не наоборот) зависит качество аллюров, то есть начинать что-то требовать от лошади надо с подключения сначала шенкеля, а уже потом всадник должен почувствовать, как лошадь сама "нашла" на повод и ни в коем случае нельзя тянуть за повод; он только удерживает лошадь и регулирует ее движение. Самая большая ошибка всадника - слишком сильное воздействие рук при недостаточном посыле шенкелем и смягчении своей собственной поясницы. Как результат этого - движения лошади укорачиваются и делаются скованными, а мускулатура напряженной. Только энергичная работа шенкелей (в пять раз превышающей работу рук) поможет добиться подведения зада, увеличения его толчковых усилий при мягком поводе. Это приводит к расширению движения при прибавлении, или делает его более высоким и величественным на собранных аллюрах. При, повторяю, правильном взаимодействии и соотношении усилий шенкелей и рук всадника! Если лошадь слишком "ложится" в повод, нужно немедленно сделать полуодержку и даже несколько раз подряд, то есть на секунду отдать повод и тем лишить ее упора и тут же восстановить контакт. Вообще, полуодержки должны использоваться часто: перед входом в угол манежа, перед началом исполнения любого упражнения, при сопротивлении лошади и так далее. Полуодержки должны быть постоянной частью управления лошадью. Но - опять! - начинать нужно с подключения шенкеля, только тогда лошадь смягчит рот, подтянет зад, и будет отталкиваться от земли, а не перебирать ногами, идя ни рысью ни тротом. Сохранение естественной свободы и раскованности движений - главная задача всадника. Только свободная работа плечей делает движения лошади эластичными. Все движения на сгибании способствуют этому. Особо внимательными нужно быть к сохранению ритма и импульса при работе над траверсом и ранверсом. Иначе пропадет смысл исполнения этих элементов. Важно не увлекаться чрезмерностью угла сгибания.

7. Пока человек сидит в седле, концентрация его внимания на себя и лошадь не должна прерываться. Никаких отвлечений! Полная сосредоточенность на своих действиях. Работа по выездке связана с выработкой условных рефлексов на определенное воздействие средств управления. Поэтому нужно быть предельно внимательным, чтобы эти воздействия всегда действовали на одни и те же точки тела лошади. Только тогда возможно грамотное и быстрое продвижения вперед в этой работе. Память у лошади феноменальная, поэтому лучше не вносить путаницы в ее голову. Ошибки делает, как правило, человек, а наказывают обычно лошадь, причем ни в чем не повинную, старающуюся и даже предлагающую исполнить то, что "вложили" в нее, допустим, накануне. За любое правильно выполненное требование - не

скупиться на поощрение, и лошадь будет отвечать вам с благодарностью.

8. И еще: у лошади, как у любого животного, великолепный слух. Помните об этом, когда будете работать в будущем над КЮРом. Не мучайте своего партнера "музыкальной" тарабарщиной. Пусть он радуется хорошей музыке. Лошади сами стараются двигаться в такт с музыкой. Помогите им в этом. Но это на будущее.

9. Все упомянутые мною гимнастические упражнения нужны, чтобы
- устранить сопротивление в затылке;
 - расслабить мускулатуру шеи плеч;
 - сделать "мягкой" спину лошади (благодаря пружинящей работе позвоночника);
 - сделать активными задние неги.

Вот тогда лошадь пойдет в полном сборе, то есть цель будет достигнута.

10. Кроме еженедельного дня отдыха необходимо предоставлять лошади один или два разгрузочных дня, чтобы дать ей возможность свободно подвигаться без особых требований к ней. Наилучший отдых для лошади - прогулка на природе. Такие дни помогают, так как после них лошадь не теряет охоты к работе.

11. И последнее: нужно приучить себя всегда смотреть прямо перед собой, между ушами лошади, а делая перемену направления или любое упражнение, нацеленное на определенную букву, следует с самого начала смотреть на эту букву. Тогда движение будет прямолинейным и лошадь, идя на эту букву, не будет терять равновесия, соскальзывая с прямой и уходя в сторону, или, что еще хуже, виляя то вправо, то влево.

И. Громова
сентябрь 2004 г.

III ПАМЯТКА, адресованная Люсе Идрисовой составленная Н.Г.Громовой

1. "Тот, кто занимается с лошастью, берет на себя ответственность за доверенное ему живое существо" (д-р Райнер Климке).

2. "Всадник-лошадь" означает **ПАРА**, т.е. эти два существа работают вместе, значит, они должны быть друзьями. Лошадь не должна бояться человека. Совместная работа - это полное доверие, желание помогать друг другу. Только в этом случае появляется уверенность в лошади у всадника, а у лошади - желание угодить человеку. Доброта и терпение во взаимоотношении с лошастью сделают ее другом и коллегой в работе.

3. Важно не забывать и быть уверенным, что ошибки, совершаемые лошастью, - результат, как правило, ошибочного воздействия всадника. А если и не так, т.е. когда лошадь без требования со стороны всадника, сама предлагает что-то сделать самостоятельно, то нужно разобраться, в чем тут дело, чем вызвано такое ее поведение. Возможно, лошадь разволновалась или от нетерпения, не дождавшись указания человека, решила проявить "инициативу". Мы же имеем дело не с роботом, а с живым существом и далеко не глупым. Ясно, что нам самим нужно быть умнее, хитрее, благоразумнее и, главное, добрее. Для человека важны терпение и самодисциплина. Если чувствуете, ваше терпение заканчивается, остановите работу, пошагайте, успокойтесь вместе со своим партнером. Ни в коем случае не старайтесь "переломить" упрямство лошади. Поверьте, к хорошему это не приведет. **Главное искусство всадника** - умение отдавать четкие последовательные и точные команды, быть предельно внимательным, при разных требованиях ясно разграничивать свои действия. Всадник должен понимать свою лошадь и испытывать радость от общения с животным, не забывать во-время после удачно выполненного упражнения похвалить его. Так возникает доверие между лошастью и человеком. Тем более, что здоровая лошадь **всегда хочет** работать, нужно только умело пользоваться этой ее природной особенностью, энергией.

4. Но чтобы уверенно управлять лошастью, нужно научиться уверенно управлять собой, своими частями тела, своими чувствами. Прежде всего, сидеть в седле надо расслабленно, постоянно следить за тем, чтобы не чувствовалась скованность мускулатуры, а руки, держащие повод, не становились упором. Руки должны быть свободными, целиком обращенными на управление, а для этого они должны свободно висеть вдоль корпуса тела всадника, кисти следует держать "стаканчиком", так как только такое положение позволяет делать связь со ртом лошади мягкой, не грубой и дает возможность лошади "отжевывать" железо удила. Эта связь-упор должна быть одинаковой в **обеих** руках всадника.

Еще несколько слов по поводу посадки всадника: плечи человека должны быть параллельными плечам лошади, ведете вы лошадь прямо или выполняете какое-либо упражнение на сгибание, например, принятие или вольт; положение шенкелей всегда должно соответствовать местам воздействия на лошадь при требовании выполнить то или иное действие. Так вырабатывается у лошади правильный условный рефлекс (шенкель - реакция животного, т.е. исполнение именно **нужного** движения).

Посадка всадника должна быть независима от повода. Можно часто слышать, как тренер напоминает своему подопечному: "Не цепляйся за повод". Вот это то, к чему я и призываю - к ненапряженности посадки, которую, между прочим, помимо постоянного слежения за собой снимают рядом упражнений. Например, на свободном поводе несколько раз поднять плечи вверх, расслабить корпус и повернуть налево-направо в галии (не ерзая в седле) и т.д. Обратите внимание, как гордо и в то же время непринужденно держит голову балерина! При таком положении головы посадка всадника делается элегантно, поясница прогибается, все тело раскрепощается. Это все благотворно влияет на управление лошастью.

Всадник должен следить, чтобы его равновесие совпадало с равновесием лошади - это главное условие сбалансированной работы человека и лошади.

5. Существует шкала выездки "Scale of teaching a horse", следовать которой нужно постоянно. Это: 1) ритм; 2) расслабленность мускулатуры лошади; 3) принятие повода; 4) импульс; 5) прямолинейность; б) сбор. Работая на лошади, нужно постоянно следить за выполнением этих требований. Более того, никогда не выполнять элементы из схем, пока не установите точный, правильный, энергичный ритм движения, т.е. пока вы не почувствуете, что движения стали эластичными, мышцы ненапряженными, лошадь размягчена во всех точках тела.

6. Теперь перехожу к конкретным советам по поводу исполнения тех или иных элементов езды.

После разогревочного реприза, во время которого не следует навязывать свою волю лошади, а дать ей возможность двигаться без напряжения (задача - завоевать доверие лошади: тогда не будет борьбы в дальнейшей работе и появятся естественные, эластичные свободные движения), можно приступить к гимнастике на шагу. Не каждая лошадь гибка от природы настолько, что ей легко выполнять требуемые выездковыми схемами упражнения. В этом случае приходится потрудиться и человеку и животному. Вот здесь и нужна точная работа всадника. Например, сгибая лошадь налево (заставляя принимать), левый шенкель должен быть плотно прижат к боку лошади у подпруги (вокруг него идет сгибание); он же понуждает лошадь двигаться вперед), а правый, сдвинутый, примерно, на ладонь от подпруги назад, заставляет ее отодвинуть зад налево. И так - всегда! Прodelывая это упражнение на

большом кругу, следите, чтобы левое плечо свободно двигалось вперед (т.е. движение должно быть вперед-в сторону, а никак не наоборот). Если ведущее плечо выдвигается недостаточно свободно, заторможено, сделайте движение менее крутым, можно сделать обратное постановление - тем самым освободится шейная мускулатура с левой стороны.

Любое сгибание следует требовать от лошади только физически хорошо разогретой. Не следует забывать, что внутренним поводом дается постановление, а наружный немного выпускается, чтобы освободить наружное плечо.

7. Сохранение ритма, энергии и равновесия при обязательном стремлении лошади к движению **вперед** - основные требования для выполнения полупируэта на шагу, т.е. поворота на 180 градусов вокруг внутренней задней ноги без остановки.

Повороты на задних ногах на шагу (и пируэты): посылы даются попеременно, как и на шагу. Внутренний шенкель активизирует соответствующую заднюю ногу. И опять - следить за внутренним плечом, которое должно двигаться **вперед**-в сторону. Можно использовать свой вес, перенеся его вовнутрь. Полезны повороты на передних ногах: они снимают напряженность. При этом нужно помнить, что нажатие внутреннего шенкеля не должно быть длительным, т.е. он работает так: нажим, переступание, ослабление воздействия. Чтобы не было продвижения вперед, наружный шенкель **не** должен нажимать одновременно с внутренним, т.е. не быть посылом вперед, а только ограничивать движение.

8. Осаживание: средства управления те же, что и для начала движения вперед, т.е. шенкель и повод, но повод не отдается, а мягко придерживается, чтобы лошадь не двинулась вперед; седалище в это время подается немного вперед. После первого шага назад повод ослабляется. И так при каждом шаге назад. Нельзя начинать осаживание тянущими назад руками. При правильном осаживании происходит последовательное переступание по диагонали. Чтобы лошадь не ждала посылов, следует варьировать количество шагов. Хорошее упражнение - переход с осаживания на рысь или в галоп для стимулирования проводимости и сбора.

9. Прибавленные аллюры (как на рыси, шагу, так и на галопе) требуют не убыстрения движения, а расширения махов, шагов. Для этого следует сначала смягчить повод, дать возможность лошади потянуть шею и свободно расширить мах за счет расслабления плечей, затем усиливается давление шенкелей, руки всадник при этом опускает ниже. Если это, например, делается на счет "раз", то на счет "два" руки всадника мягко принимают ровный упор повода, не сокращая ширину маха, с тем чтобы не было заторопленности. Рамка лошади при этом расширяется. При сокращении аллюра подключаются ровное

воздействие шенкелей и работа поводом полуодержками. Всегда следует помнить, что работает всадник главным образом трензельным поводом, а мундштук используется для контроля (поддерживать вертикаль носа, сгибание в затылке, шее и пр.).

10. Хороший галоп добиваются не длительной работой на галопе, а частыми переходами с рыси в галоп. Это упражнение снимает прежде всего напряженность у лошади. Сбору на галопе способствуют переходы шаг - галоп. Важно применять **точное** воздействие на лошадь для перехода в галоп и энергичное высылание вперед шенкелем и внутренней половиной седалища, помня всегда, что шенкель и седалище всегда должны воздействовать сильнее, чем руки.

Переход же от прибавленного галопа к собранному совершается с помощью шенкеля и многократных полуодержек.

Полезно часто делать вольты, следя за тем, чтобы зад лошади точно шел по следу передка. Для этого сначала нужно делать большие вольты и постепенно переходить на 6-метровые.

11. На зигзагах (на рыси, галопе) при переходах с одной стороны на другую следует не забывать делать в центре полуодержку и выравнивать лошадь на мгновение.

12. Пируэт на галопе: это поворот на галопе на 360° или 180° (последний называется полупируэтом). Полный пируэт состоит из 6-8 скачков галопа, когда задние ноги описывают маленький круг. Важно сохранить равновесие, не утратить четкий трехтактный **ритм**. Основной вес принимает внутренняя задняя нога, при этом не должно происходить ни ускорения, ни замедления движения. Так как суставы, связки, мускулы задних ног получают большую нагрузку, часто делать пируэты не рекомендуется. Делается пируэт так: исполнение пируэта требует полного сбора, энергичного движения и подготавливается многократными полуодержками, которые помогают сохранять ритм. Внутренний шенкель лежит у подпруги и заставляя активно работать внутреннюю заднюю ногу. Наружный шенкель лежит за подпругой и сгибает бок лошади вокруг внутреннего шенкеля. Всадник должен следовать движению лошади. Для этого ему нужно сделать легкий изгиб в талии (ни в коем случае это не касается седалища), не валясь в сторону. Окончив пируэт, нужно наружным поводом и внутренним шенкелем вывести лошадь на движение по прямой линии.

13. Надо помнить, что категорически нельзя наказывать лошадь на менке ног и тем более - при обучении менке. Лошадь не должна ждать неприятных, а порой болезненных "тычков" шпорами. Законом должны стать следующие положения: перед каждым требованием поменять ногу лошадь должна двигаться прямолинейно, в три темпа с отчетливой фазой подвисяния, полностью успокоенной, с расслабленной ненапряженной мускулатурой, на мягком поводе с одинаковым упором в

обе руки. Если не достигли такого положения - менку ног не начинайте. Менять ноги нужно с продвижением вперед, ни в коем случае не задерживая движение.

14. Чтобы точно работать по буквам, нужно смотреть через уши лошади вперед на букву, к которой движешься. Это поможет избежать сваливания затылка (он будет все время в поле зрения всадника) и сохранить прямолинейность движения.

15. Перед въездом в манеж нужно еще раз напомнить себе, что перед остановкой-приветствием судей включается шенкель, а затем идут мягкие полуодержки.

В этом случае не будет резкой остановки и "падения" лошади на передний отдел, а задний отдел примет на себя всю тяжесть веса лошади т.е. она остановится с подведенным задом.

16. Если лошадь, как говорят, "притупилась", т.е. с трудом высылается вперед, можно резкими посылами выдвинуть ее, не задерживая поводом. Дав таким образом проскакать некоторое расстояние, нужно мягко принять ее на повод и продолжать спокойно работать дальше.

На этот раз все, дальше посмотрим, что еще понадобится прибавить к этому.

Н.Г. Громова
5 мая 2006

IV ВЫСШАЯ ШКОЛА ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ (как подготовить лошадь)

Эта брошюра написана мною с одной целью - помочь современным всадникам и тренерам осознать, что выездка лошади требует не только любви к лошади. Ведь это и привело вас, дорогие мои читатели, к стремлению сблизиться с этим благородным животным. Требуются знания, которые помогли бы вам найти контакт с лошадью не только через ласку, морковку, сахар, а и через понимание друг друга в процессе работы. Лошадь - большое животное, сильное, со своим характером и мировосприятием. С этим необходимо считаться и искать подходы с тем, чтобы выездка стала не средством покорения, подчинения лошади, а - помощником в достижении определенной цели в спорте.

Мой главный совет: будьте терпеливы, не спешите "вкладывать в голову лошади" больше, чем она может освоить. Следуйте принципу "тише едешь - дальше будешь". Люди забывают, что и мы сами-то начинаем свою жизнь с того, что учимся сначала ползать. Чтобы встать на ноги, требуется время и немалое. Но по отношению к ребенку мы проявляем терпение и ждем, когда он окрепнет физически, поймет, как держаться вертикально, т.е. «нести себя» (это уже конный термин). Для продвижения в своей работе вперед, необходимо знать как и в какой последовательности все делать. Этому и посвящена эта книжка.

Важное добавление: изучайте Правила FEI. Вдумчивый человек может извлечь из них очень много для своей работы. Самое главное в ней - заложить основы выездки, то есть разработать и установить **правильные движения с постоянным ритмом**, приучить лошадь сохранять **прямолинейность** и **сбор** для данного периода работы, научиться самому всаднику и лошади поддерживать нужный **импульс**. Результатом проделанной работы станет раскрепощенность, гибкость

всего тела лошади. Следует не забывать, что достижение **доверия** лошади к требованиям всадника и отсутствие у нее психического напряжения осуществляется через связь между рукой человека и ртом лошади, которая должна быть постоянной и легкой.

Счастья Вам и удачи!

Основа выездки

Выездка лошади составляет основу успешного использования ее во всех видах верховой езды, в любом виде конного спорта.

Цель всадника - систематически работая с лошастью, сделать ее спокойной, легко управляемой и послушной. Для этого необходимо планомерное гимнастическое развитие тела лошади, заботливое, любовное отношение к ней.

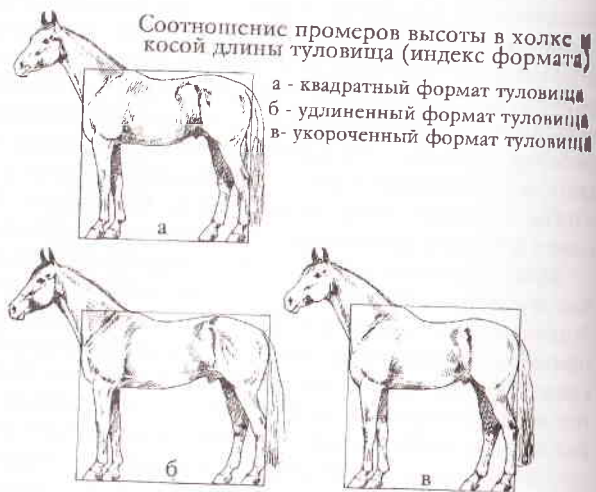
Задача выездки - подведение лошади к наивысшему раскрытию ее возможностей и беспрекословному послушанию, достижению совершенной гармонии между ней и всадником.

Выбор лошади нередко определяет дальнейший спортивный успех всадника на самом высоком уровне и начинать выбор следует еще на конном заводе. При этом, немаловажно учитывать **добронравный** характер лошади. Для выездки более пригодна лошадь **длинных линий**, с длинной, хорошего рисунка, шей и небольшой головой.

Для правильного движения лошади немалое значение имеют ее хорошее косое плечо, длина спины и крупа, а также правильный постав ног и гармония в пропорциях между длиной ее туловища и ног. При выборе следует учитывать **правильность** движений лошади на всех аллюрах, **особенно** - свободу на шагу и рыси.

Движение должно быть нескованным, со свободным выносом плеча, с хорошей работой скакательных суставов. Галоп также должен быть со свободным выносом плеча, легким и грациозным.

Искусство всадника в процессе тренинга может исправить некоторые несовершенства строения лошади, но следует избегать чрезмерного принуждения, которое приводит к искусственным движениям, далеким от совершенства и гармонии.

Важнейшая задача всадника - сохранение и совершенствование гибкости, податливости лошади. Если она, защищаясь от неправильных или слишком жестких мер воздействия, становится скованной, то прогресса в работе уже не будет.

Итак, **цель и смысл выездки** - согласование и координация движений лошади, развитие у нее максимального чувства равновесия в различных видах движения, а также гибкости и совкости, то есть способности, воспринимаемая воздействие человека, быстро на него отреагировать. Разрешение этой трудной задачи достигается с помощью правильного воздействия всадника на лошадь. Средствами же воздействия на нее являются шенкель, повод и корпус всадника.

Рассмотрим сначала воздействие на лошадь корпуса всадника, то есть, разговор пойдет о его посадке, а далее перейдем к работе шенкеля и пвода.

Классическая **посадка** всадника на лошади должна быть не только удобной для управления ею, но и элегантной. Он должен сидеть над центром тяжести лошади, находящегося сразу за холкой. Правильность посадки всадника определяется воображаемой линией, проведенной от уха всадника через плечо и бедро к каблуку сапога. Если эту линию не удастся провести, посадка всадника не даст ему устойчивого, уравновешенного положения в седле (рис. 1). Я всегда говорю спортсменам: «Посмотрите на балерин: спина у них как струнка, а голова гордо приподнята». Это положение достигается тогда, когда подбородок не вперед тянется, а вниз, ближе к шее, а затылок является как бы продолжением позвоночника. Плечи при этом развернуты при свободно опущенных руках (не прижатых к туловищу, но и не отвернутых от него!).

Лошадь находится в движении постоянно, и всадник не сможет сохранить правильную посадку, если он не будет полностью раскован и гибок. Любая форма напряжения не только нарушает посадку, но и вызывает ответную скованность лошади. Любое перемещение массы всадника, не совпадающее с естественным равновесием животного, то есть любая потеря собственного равновесия, ведет к сопротивлению лошади, особенно это заметно на свободных аллюрах. Молодые лошади боятся ускорять и расширять свой мах, если они не уверены, что всадник не "идет с ними". Поэтому нужно постоянно следить за свободой и правильностью своей посадки. Необходимо научиться делать это самостоятельно, не дожидаясь замечаний тренера. Каждые 2-3 минуты

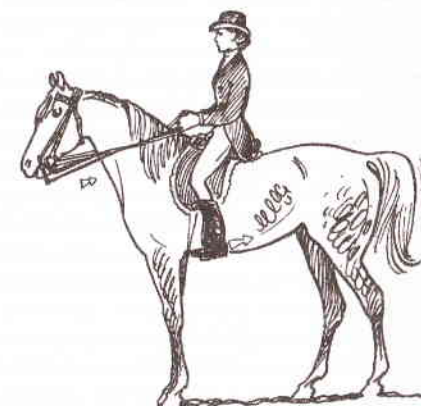

Рис. 1. Правильное положение всадника

проверять себя: правильно ли лежат (и работают) шенкеля, на месте ли руки (их положение), не закрепощена ли спина, шея. Эту пропору следует делать обязательно, доведя ее до автоматизма: сверху вниз, снизу вверх. Требуется постоянный контроль и работа над собой, что ведет к самосовершенствованию.

Чтобы научиться хорошо и уверенно сидеть в седле, нужно чаще ездить **без стремян**. (См. Приложение 4). Грациозность в посадке появляется тогда, когда всадник может держать голову не только прямо, но и поворачивать ее при необходимости во время выполненных упражнений, на всех аллюрах и различных поворотах. Неправильное положение локтей немедленно сказывается на контакте руки всадника с ртом лошади, нарушаются мягкость и постоянство воздействия кисти руки, заключающееся в легком движении повода на себя и назад (натягивая или отпуская пальцами повод). Поясница при этом слегка подана вперед, но не зажата, а гибка и упруга, колени плотно прижаты к седлу. **Шенкель** приложен к лошади так, чтобы он мягко, легко "обнимал" ее бока, чувствуя ее дыхание, и имел возможность воздействовать на лошадь **раньше** шпоры. Всадник сидит на лошади исключительно за счет равновесия и не должен держаться за лошадь ни ногами, ни руками (они служат только для управления). Разумеется, это достигается большим трудом и постоянными упражнениями. Даже такая, казалось бы, мелочь, как положение носка (он должен быть выше каблука), связана с правильным воздействием всадника на лошадь, а следовательно, и с реакцией на это воздействие самой лошади.

Немаловажное значение имеет прикрепление к сапогу **шпоры**. Лучше, если оно будет постоянным. Шпора должна действовать всегда на то место, на которое нужно, и это место должно быть неизменным, поэтому она не должна шататься. Тогда у лошади будет вырабатываться условный рефлекс на воздействие шенкелем или шпорой. Если это воздействие будет неточным по месту применения, то не только затянется выездка, но и вообще можно испортить лошадь, сорвав ее нервную систему, так как она никогда не будет знать, что делать и как отвечать на то или иное требование всадника.

Работу с молодой лошастью нужно начинать без шпор и только через некоторое время можно надеть гаркроты, то есть шарообразные шпоры. К более строгим шпорам (с репейком) нужно переходить очень осторожно. Более "строгие" шпоры не рекомендуется применять вообще, так как они перестают быть помощниками всадника и становятся средством истязания лошади. **Следует помнить**, что лошадь, реагируя на боль, может "ложиться", то есть не идти вперед или не отодвигать в сторону зад при воздействии шпорой, а валиться на нее. В этом случае, ни о какой выработке условных рефлексов не может быть и речи.

Не рекомендуется использование шпоры в качестве средства наказания. Если требуется вызвать импульс, а лошадь стала плохо чувствовать шенкель и шпору, то можно частыми давящими движениями подколенной части шенкеля (иногда с добавлением быстрых

покалывающих движений каблука со шпорой), а не просто сильным нажатием им на бок лошади, выслать ее вперед, дать рвануться по прямой, ни в коем случае, не задерживая ее в этот момент поводом. Этого бывает вполне достаточно для "освежения" чувствительности боков лошади. Более подробное применение шенкеля будет описано ниже.

Хлыст всегда полезен при работе с лошастью, но применять его для наказания можно лишь в исключительных случаях. Главное назначение хлыста - усиление воздействия шенкеля. Работа с лошастью в руках невозможна без хлыста: с его помощью она познает взаимосвязь воздействий хлыста и шенкеля (и переход - от хлыста к шенкелю).

Энергия лошади в движении контролируется и направляется с помощью повода. При мягкой работе рук шенкель наталкивает лошадь на повод, а руки совершают легкий перебор поводьями. "Жесткая" рука делает рот лошади грубым, малочувствительным, а в углах ее губ может даже образоваться мозоль. Такая "жесткая" рука всадника может испортить лошадь, особенно мягкоузкую, то есть от природы с мягким чувствительным ртом. Если же лошадь очень энергичная и постоянно стремится "вытянуть" повод ("лечь в него"), то рекомендуется грубо с ней не бороться, но и не давать ей упираться в него. То отдавая лошади повод, то принимая его, следует при этом перебирать его левым-правым мизинцами, т.е. применять полуодержки.

Молодую лошадь начинают выезжать на уздечке с трензельным железом. В дальнейшем переходят на мундштучное оголовье, но спешить с этим переходом не следует. Чем дольше вы будете работать на одном трензеле, тем лучших результатов достигнете в дальнейшем. Работа над школьными элементами, то есть упражнениями высшей школы верховой езды, совершается с помощью мундштучного оголовья.

Существуют разные **виды разбора поводьев**. При начальной (рис. 2) выездке лошади рекомендуется применять разбор поводьев 2-2 и 3-1, а переход к классическому (соревновательному) разбору осуществлять только уже на выездженной, опытной лошади. При этом разборе трензельный повод проходит с наружной стороны мизинца или же держится между мизинцем и четвертым пальцем руки. Считается, что всадник правильно держит трензельные поводья, если кисти его рук, находясь близко друг от друга, не лежат на шее лошади, а большие пальцы направлены вверх. Если же всадник держит руки очень низко или очень высоко, то они вынужденно напряжены, это напряжение чувствует рот лошади, отсюда идет сопротивление поводу со стороны лошади.

Если всадник держит кисти рук горизонтально, то обязательно развернутся локти, возникнет напряжение в руках, а это приведет к изменению контакта со ртом лошади. Неровный контакт со ртом лошади возникнет и при нахождении рук на разных уровнях, что тоже плохо. В положении, когда суставы пальцев повернуты вверх, руки становятся более жесткими, негибкими. В случаях, когда всадник держит руки близко к холке лошади, их подвижность сильно ограничивается и поддержание постоянного контакта со ртом лошади в движении будет уже невозможно.

Разборы поводьев № 2 и № 4 рекомендуется применять в первый период работы с мундштучным оголовьем, так как они позволяют оказывать ровное давление мундштучным железом на челюсти лошади.

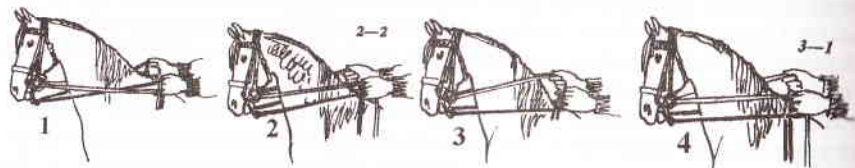

Рис. 2. Различные разборы поводьев

Полезным упражнением для "смягчения" рта лошади и достижения равномерного мягкого упора в повод является частая смена постановлений лошади. Но проводится она должна так мягко, чтобы это не отразилось на самом движении, не тормозило его и не сбивало лошадь с ритма. Если нарушается равномерность движения лошади, то нужно уменьшить его постановление. Распространенной ошибкой с тяжёлыми последствиями является требование всадника от лошади принятия ею определенного положения головы с помощью жестко зажатого повода и грубого натяжения внутреннего повода (для постановления). Это не только делает рот лошади грубым, но и мешает ей правильно работать задними ногами подводить внутреннюю заднюю ногу при сгибании, а также плечами. Возникает, так называемая, "хромота на повод".

Очень смягчает рот лошади легкий перевод трензельными поводьями, осуществляемый постоянно в течение всей работы. Этот перевод (отзыв) поводом в виде вибрации мизинцами (то правым, то левым поводом) помогает также поддерживать внимание лошади, направляя его на всадника. Отзывая лошадь поводом, всадник как бы говорит ей: "Слушай меня! Будь внимательна! Сейчас от меня последует новое требование, будь готова!"

Работая с лошастью, не скупитесь на ласку. Она может выразиться в виде похлопывания по шее, либо одобрительного голоса. Всякое поощрение вызывает у лошади доверие к человеку, успокаивает, закрепляет ее условный рефлекс на требование всадника. Важно, чтобы лошадь поощрялась вовремя, то есть тотчас же, как только она уступила требованию и выполнила то, что нужно в этот момент всаднику. **Своевременность** как ласки, так и наказания - главнейшее условие нормального развития взаимоотношений человека и лошади. **Особенно недопустимо** наказывать лошадь через некоторое время после ее сопротивления: она просто этого не поймет. **Непростительно** для всадника наказывать лошадь тогда, когда она не выполняет того, к чему ее еще не подготовили. Ласка способствует правильному и быстрому восприятию лошастью указаний всадника, в то время как наказание

вызывает в ней страх перед ним, затормаживает ее восприятие, развивает нервозность. **Никогда не следует забывать**, что ошибку человек должен искать прежде всего в себе, а не в лошади.

Терпение - главный помощник человека в работе!

Хочется **обратить внимание** на порядок подгонки трензельного и мундштучного железа ко рту лошади. Напомню, что удила нужно подбирать каждой лошади индивидуально, так как известно, что одна и та же лошадь на одном железе идет лучше, а на другом - хуже. Для молодой лошади необходимо брать "мягкое", то есть толстое железо, причиняющее ей меньше неприятных (болевых) ощущений. Это важный момент в работе с лошастью. Удила служат для управления лошастью: трензельное действует давлением на язык, беззубый край нижней челюсти и на углы рта лошади; мундштучное - на беззубый край нижней челюсти и на небо верхней. Удила находятся поверх языка лошади. Мундштук усиливает действие повода, поэтому для того, чтобы лошадь не стала дурноезжей, не следует пользоваться им резко и грубо.

1 - налобник	2 - суголовный ремень	3 - подбородный ремень
4 - перенось	5 - щёчные ремни	6 - трензельное удило
7 - мундштук и гризло	8 - поводья	9 - трензельное кольцо

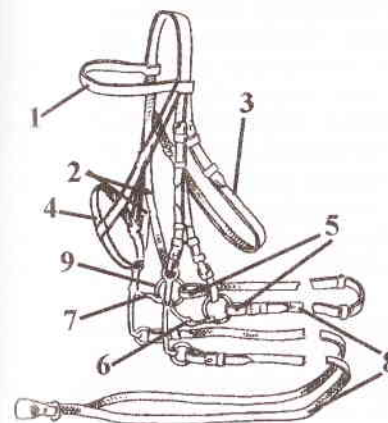

Рис. 3. Мундштучное оголовье

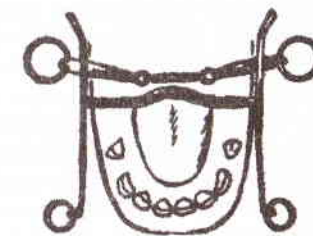

Рис. 4. Правильная подгонка мундштука

Мундштук должен соответствовать рту лошади и лежать на беззубых краях нижней челюсти против выемки подбородка, **не касаясь клыков**. Для чувствительного рта гризло должно быть мягче (толще), а рычаги щёчек мундштука - короче. В работе мундштук не должен слишком заваливаться, для чего к верхним кольцам щёчек мундштука прикрепляют соединительную цепочку или ремешок, проходящий по подбородку лошади. Ввиду того, что мундштук является очень сильным рычагом воздействия на нижнюю челюсть лошади, пользоваться им надо очень мягко.

При подгонке мундштука, следует обращать **внимание** на гризло: при слишком длинном - мундштук будет передвигаться во рту лошади из стороны в сторону и беспокоить ее десны и язык, а при коротком - будет

жать щёчками и ущемлять губы, на которых могут образоваться потертости и ссадины.

Мундштук необходим как помощь для того, чтобы лошадь сдала в затылке и правильно поставила голову. В остальных случаях при работе с лошадью употребляется трензель. Трензельное удило нужно пригонять так, чтобы оно лежало под мундштучным, не образуя складок, и не доходило до углов рта. Если же его пригнать выше, то оно будет давить на углы рта, а ниже - болтаться во рту лошади, способствуя образованию у нее дурной привычки - перекидывать язык через удило. Отучить от этой привычки бывает порой очень трудно.

Сбор лошади

Прежде чем перейти к описанию самой работы с лошадью, остановимся на таком важном моменте, как правильное понимание сбора лошади, ибо вся выездка прежде всего направлена на то, чтобы придать лошади соответствующую осанку, основой которой является сбор.

Сбор - это гармоничное сокращение корпуса лошади по горизонтали, причем определенному подъему ее шеи и затылка соответствует определенное подведение зада - **через поясницу**, а не только за счет скакательных суставов. Поэтому медленно, буквально шаг за шагом, нужно одновременно поднимать перед и заставлять лошадь округлять поясницу. Только тогда, когда мышцы спины лошади станут крепкими, можно переходить к следующей ступени сбора. В таком случае достигается гармония в работе всех частей тела лошади.

Для достижения сбора **необходима** полная раскованность лошади. Очень важно, чтобы шенкель действовал **раньше** повода, который должен воспринимать импульс, создаваемый шенкелями. Для того, чтобы у лошади, к тому моменту, когда она пройдет весь круг выездки наступил правильный сбор, не следует спешить поднимать ее шею и сгибать затылок, делать это нужно постепенно. Для сохранения и совершенствования естественности движений, **подчеркиваю**, не следует форсировать работу с молодой лошадью, особенно в первый год выездки.

Для развития поясничных мышц, что приводит к правильному положению и работе зада лошади, **немецкая школа рекомендует** длительное время (не менее года) работать лошадь на трензеле, позволяя ей тянуть шею и голову вниз (даже в положении лбом) при соответствующем посыле шенкелем. Такое положение шеи и головы облегчает вымах плеча и естественное округление поясницы (при слишком раннем поднятии шеи поясница "проваливается"), задние ноги начинают под воздействием шенкеля работать энергично. Если лошадь не делает этого самостоятельно, то нужно прибегнуть к средствам воздействия - шенкелю и поводу, причем, всегда надо помнить, что любое воздействие начинается с поясницы всадника, проходит через шлюсс (бедро) к шенкелю в подколенной части и середине ноги. Только

на тупых и вялых лошадях подключается низ ноги со шпорой чаще, чем это желательно.

Обратите **внимание** на то, что часто упоминается слово "ритм". Для того, чтобы добиться четких ритмичных движений, нужно следить за их соблюдением с самого начала работы с лошадью. Эластичное со свободным выносом плеча движение от зада должно быть в одном ритме. **Раскрепощенность лошади**, когда она идет с опущенной шеей и головой, позволяет всаднику решить задачу номер один - выработать ритм в движении лошади и сохранять его постоянно, независимо от вида аллюра или исполняемого упражнения (например, круга).

Немецкая школа устанавливает выработку определенных качеств у лошади, по их значимости, в следующем порядке: ритм, гибкость, принятие повода, импульс, прямолинейность, сбор.

Для первого года работы с лошадью характерен тупой угол, образованный линиями - см. рис. 5. Второй и третий годы выездки характеризуются приподнятостью шеи и большим подведением задних конечностей лошади, что изменяет тупой угол до прямого. При этом усиливается деятельность ее задних ног, в результате чего возникает пружинящее взаимодействие между передними и задними ногами. У хорошо выездженной лошади опустится круп за счет округления поясницы, большего сгибания бедренных и скакательных суставов. Смещение центра тяжести на задний отдел лошади позволит ее освобожденным передним ногам выходить вперед легко, работать плавно и эластично.

Сравните изменения в положении частей тела лошади по годам тренировки (рис. 5). Четвертый год работы позволяет достичь высшей степени сбора, когда достигается сохранения равновесия лошади на всех движениях. На собранных аллюрах шея лошади должна свободно подниматься из холки, а в своей верхней части образовывать мягко изогнутую дугу, высшей точкой которой является затылок. Голова лошади

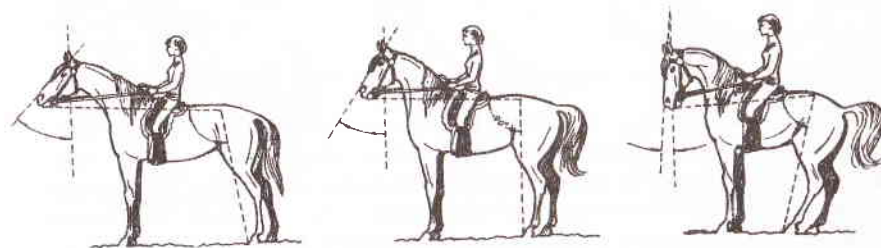

Рис. 5. Изменения положений частей корпуса лошади

должна своей передней линией слегка выходить за линию отвеса. На более свободных аллюрах следует разрешать лошади вытягивать согнутую шею и выдвигать вперед нос, изменяя рамку.

Чаще всего наблюдается "сбор" переда и неправильно работающий отставленный зад, что является результатом опасной склонности

всадника слишком много воздействовать на лошадь руками и недостаточно шенкелем. Опытные конники всегда говорят, что в работе с лошадью должно быть 70% воздействия шенкелем, а 30% - повода. Только такое распределение усилий всадника может привести к нужному результату.

Единой для всех лошадей постановки головы и шеи не существует. Для каждого животного важно найти наиболее подходящее ему и соответствующее его сложению положение. Это относится также к выработке ширины шага, махов на рыси и галопе.

Правильный сбор приводит к тому, что лошадь не ищет поддержки в руке всадника. Она **самостоятельно** несет шею и голову на соответствующей высоте. Чтобы проверить, "несет" ли лошадь сама себя, можно применить поглаживание, используемое и как успокаивающая мера. При этом всадник медленно продвигает руки с поводьями по шее лошади вперед, а потом назад, но посыл в это время не прекращается.

Работа с лошадью

Каждое занятие нужно обязательно начинать с разминки лошади на корде (рис.6). Для этого лучше использовать жесткий капцун.

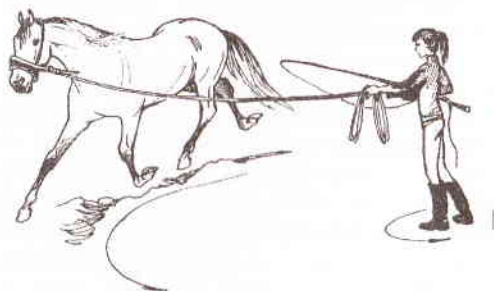

Рис. 6. Работа на корде

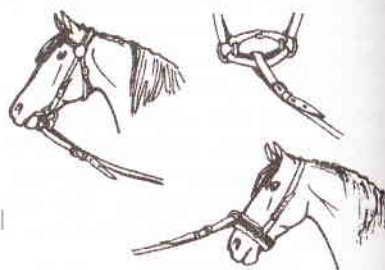

Рис. 7. Крепление корды

Его нельзя опускать слишком низко по носу лошади или оставлять свободным, так как это может причинить ей сильную боль. Нельзя пристегивать корду к отдельному трензельному кольцу, так как возможно протягивание трензельного железа через рот лошади. Желательно использовать ремешок, соединяющий трензельные кольца (рис. 7).

Приучать лошадь к корде необходимо с помощником. Кордовый должен стоять в центре круга, а его помощник – вести лошадь по кругу, успокаивая ее голосом и оглаживая, затем он отходит в центр, а лошадь продолжает движение по кругу самостоятельно. Если лошадь будет упрямыться, то помощник кордового должен провести ее по кругу еще раз.

Сначала позвольте лошади идти таким аллюром, каким ей хочется. Молодая лошадь обязательно будет играть, "козлить", но через

несколько минут она успокоится. После этого приучайте лошадь к командам, к вашему голосу: пускайте ее 5 минут в одну сторону, 5 минут – в другую рысью, затем несколько минут шагом, потом 2-3 минуты в обе стороны галопом и снова шагом, что будет вполне достаточно для первого разогрева.

Работая лошадь на корде, обращайте внимание на то, чтобы корда никогда не провисала и рука, держащая корду, как бы вела лошадь на уровне головы, немного опережая ее движение. Корду необходимо держать в левой руке при движении налево и в правой руке – при движении направо, с тем, чтобы другая рука могла досылать лошадь бичом, если потребуется. Не свертывайте корду кольцом и не обматывайте кордой руку. **Это опасно**, так как бывали случаи, когда лошадь, испугавшись, бросалась в сторону, волоча за собой человека, "привязанного" к ней кордой. Посмотрите внимательно на рисунок, показывающий, как надо держать корду правильно. Даже если лошадь попытается вырвать корду, она легко разматается на всю длину, дав время человеку собраться и сообразить, что нужно предпринять дальше, и прежде всего резко принять корду на себя. Кисть руки должна работать как пружинка и воздействовать на рот лошади через мягкое чередование движений, набирая или отдавая корду (при этом меняется угол согнутой в локте руки).

После этого полезно поработать лошадь "в руках" (рис. 8). С этой целью следует пробудить у лошади понимание одновременного воздействия выслающих и сдерживающих импульсов. Особенно полезно работать в руках молодую лошадь. Начинать работу в руках с лошадью надо сначала на месте, т.е. установить ее ровно на ногах, голову поставить прямо. После этого, встав перед нею, начать легко надавливать трензелем то на одну, то на другую челюсть до тех пор, пока

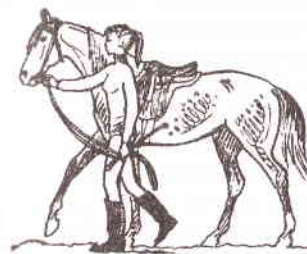

Рис. 8. Работа лошади в руках

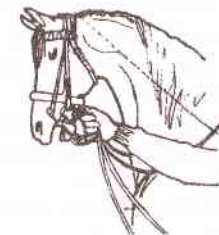

Рис. 9. Положение руки

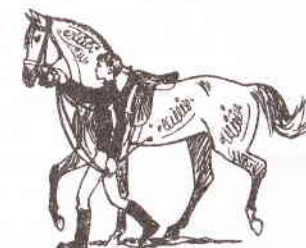

Рис.10. Работа в руках с мундштуком

она не начнет "отжевывать". Затем, продолжая надавливать на удила, заставить лошадь поочередно согнуть и немного опустить голову в затылке как направо, так и налево (при этом правая рука человека должна держать левое кольцо трензеля, а левая – правое). После этого рекомендуется работать ее на свободном, а потом на собранном шагу, а затем переходить к троту (короткой рыси). Если обучение вести слишком

поспешно и непоследовательно, то лошадь будет склонна прятаться за повод с жесткой, зажатой спиной.

Лошадь нужно поставить у стенки манежа, а всадник должен стоять с внутренней стороны у головы лошади. Высылающее воздействие на лошадь он оказывает голосом, пощелкиванием языка, показыванием или применением хлыста. В левой руке он держит концы трензельных поводьев и хлыст, в правой руке – трензельные поводья (около рта лошади) под ее подбородком (рис. 8). Несколько шагов, сделанных молодой лошастью, требуют немедленного поощрения. Если лошадь, не понимая, что от нее требуется, сопротивляется, нужно хлыстом дотронуться до ее бока около подпруги (там, где впоследствии будет действовать шенкель). В это время правая рука как бы толкает лошадь вперед, принуждая ее двигаться. Движение по прямой вдоль стенки манежа нужно делать в обе стороны. Далее нужно добиться, чтобы животное также спокойно двигалось рядом с человеком рысью. Сначала человеку придется бежать рядом, все время успокаивая лошадь голосом. Затем рысь сокращается до такого предела, когда самому можно идти широким шагом, а лошадь будет продолжать движение короткой рысью (тротом). В это время лошадь привыкает к голосу человека, и легкому воздействию по ее боку палочкой (вместо шенкеля), одновременно возникает мягкая связь кисти руки со ртом лошади. Когда лошадью усвоено это упражнение и выполнятся ее охотно и непринужденно, можно перейти к работе с мундштучными удилами (рис. 9-10).

Для этого, стоя у левого плеча лошади, нужно правой рукой взять трензельные и мундштучные поводья так, чтобы большой палец правой руки был наверху (трензельный повод держится между большим и указательным пальцами), при этом правый мундштучный повод находится под мизинцем, а левый – между третьим и четвертым пальцами. Правая рука поддерживает голову лошади на определенной высоте. Периодическим движением нижней части кисти правой руки спереди назад всадник стремится к тому, чтобы лошадь под давлением мундштука раскрыла рот, отодвинув назад челюсть, что вызывает ее сгибание в затылке. В тот момент, когда лошадь это сделала, воздействие мундштучного железа прекращается. Прodelьвать это нужно несколько раз и на ходу.

Следующий этап в работе – открывание рта лошади. Работа проводится уже с мундштучным оголовьем. Мундштучные поводья при езде налево берутся в правую руку. Кисть руки, сжатая в кулак, тянет нижние концы мундштука снизу-вверх-назад. Грызло поворачивается и давит на беззубый край нижней челюсти; дужка грызла, встречая нёбо, упирается в него. Это движение вынуждает лошадь ржать челюсть, т.е. открыть рот (за счет подвижной нижней челюсти). Немедленно следует поощрить лошадь, прекратив воздействие железом.

Закрывание рта лошади достигается сдачей в затылке, когда рот закрывается путем сближения верхней челюсти с нижней. Эту работу полезно выполнять на вольту, соблюдая правильное постановление.

Главное на любом этапе работы в руках – соблюдать терпение и осторожность.

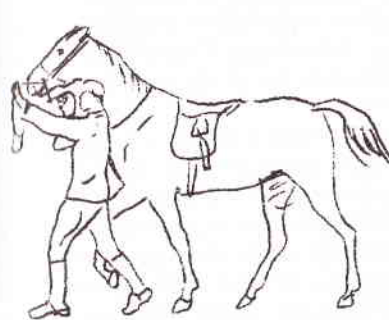

Рис. 11. Правильное положение рук при работе по открыванию рта лошади

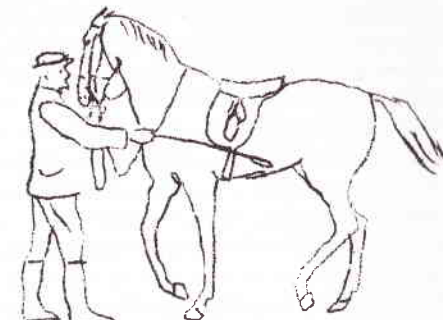

Рис. 12. Откидывание задней части корпуса лошади

После этого можно приступить к боковым движениям, помогающим в развитии гибкости, свободы движения, и они способствуют уравновешиванию лошади.

При работе на боковых движениях человек становится лицом к лошади. Левая рука берет за нижний конец левой щечки мундштука, отводит переднюю часть корпуса лошади от стенки манежа, правой же рукой всадник берет, идущий через шею мундштучный повод (кисть руки должна быть немного ниже плеча лошади) и, набирая его на себя, надавливает на правый край нижней челюсти лошади. В правой же руке находится хлыст, который следует прижимать к боку лошади в месте приложения шенкеля и заставлять идти ее в два следа.

При работе налево все делается наоборот.

Сев на лошадь, полезно сделать следующее упражнение: устанавливают лошадь ровно на ногах, придают голове и шее прямое положение. Затем заставляют ее сдать в затылке, насколько возможно (натягивая и сдавая поводья). Шенкель не позволяет лошади осаживать. После этого нужно плавно натянуть на себя правый повод, при этом, сдавая левый, пока лошадь не согнет в затылке голову направо и наоборот. После усвоения этого упражнения на месте, оно отрабатывается в движении (сначала на шагу, а потом на рыси). Очень важно, чтобы лошадь двигалась от шенкеля.

Не следует увлекаться продолжительностью реприз и необходимо помнить о соблюдении последовательности в работе.

Затем можно перейти к работе лошади на **кавалетти** (рис. 14). Высота кавалетти зависит от положения крестовин. Важно, чтобы кавалетти были одной длины. Наилучший размер кавалетти: длина жерди – 3 м, толщина – 25 см, наибольшая высота от верха жерди до земли – 47,5 см, наименьшая высота от верха жерди до земли – 37,5 см.

Первоначально для молодой лошади кавалетти – это просто разложенные на грунте жерди. Расстояние между жердями устанавливается тренером или самим всадником в зависимости от возможности лошади. Поднимать высоту кавалетти следует очень осторожно и постепенно, чтобы лошадь не получила серьезной травмы копыта или ноги на таком простом и безобидном на первый взгляд упражнении.

В начале езды с мундштучным оголовьем нужно обращать внимание на то, чтобы был уверенный упор в повод **с обеих** сторон. Воздействие трензеля должно преобладать. Молодые лошади только тогда будут доверчиво **искать** сами повод, если при энергичном выселении вперед им дают возможность вытягивать шею, а нос держать впереди вертикали. Всадник всегда должен остерегаться затягивать шею и придавать носу лошади вертикальное положение. Такой соблазн часто возникает, если молодая лошадь спокойно воспринимает железо.

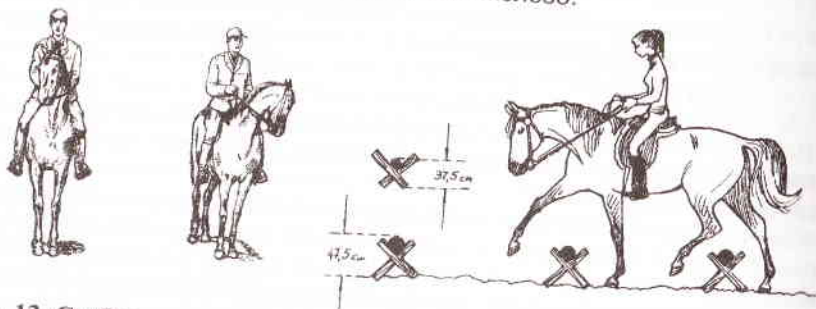

Рис. 13. Сгибание затылка лошади
а - направо на месте;
б - налево на месте

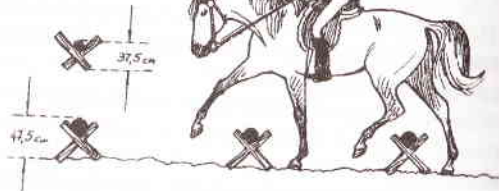

Рис. 14. Работа с лошадью на кавалетти

Лошадь может двигаться шагом, рысью и галопом – это ее аллюры. В процессе выездки каждый из этих аллюров подразделяется на несколько видов движений. Эти виды движений (внутри отдельного аллюра) отличаются друг от друга степенью сбора, то есть изменением рамки лошади и захвата пространства.

Шаг – это аллюр, в котором можно отчетливо услышать четыре удара копыт о землю через равные промежутки времени. В таком случае мы говорим о правильном шаге. Если же ноги лошади двигаются не через равные интервалы времени, то мы имеем дело с неправильным шагом или с вялой работой скакательных суставов, иногда – с иноходью. Для исправления ошибок на ходу рекомендуется применять жерди, разложенные на грунте. Переступая через жерди, лошадь вынуждена идти правильным четырехтактным шагом. Шаг должен быть энергичным, но не поспешным, в легком поводу. Если лошадь движется в контакте с всадником, то это значит, что установлен ритм движения и может быть создан импульс. Пока лошадь не научилась двигаться свободно, без напряжения, спокойно, контакт с ее ртом на шагу должен быть

минимальным, иначе стремление сохранить контакт, создать преждевременный сбор вызовет сопротивление лошади, что приведет к потере ритма движения и качества аллюра.

Различаются собранный, средний, прибавленный и свободный шаг.

Для собранного шага (рис. 15) обязательна активная работа задних ног, округленность поясницы. Движение лошади смелое и энергичное. Голова ее – по отвесу, шея приподнята и округлена, то есть лошадь ведется на собранном шагу в хорошем сборе, когда не теряется легкий контакт повода с ртом, а движение передних ног выше и захват пространства меньше, чем при других видах шага.

На **среднем** шагу лошадь движется энергично, спокойно, в поводу, но более непринужденно, чем на собранном шагу. Степень ее сбора уменьшена, шаг удлинен.

На **прибавленном** шагу лошади разрешается немного вытянуть шею и нос, но связь с всадником не должна нарушаться. Лошадь при этом идет максимально широким шагом, спокойно и энергично.

Свободный шаг – это аллюр отдыха. Лошади предоставляется полная свобода, она может вытянуть шею, опустить голову. Это награда за ее труд и послушание. Тем не менее, не рекомендуется совсем бросать трензельные поводья.

Как же практически добиться, чтобы лошадь двигалась на шаг вперед? Это делается так: руки всадника чутко "прислушиваются" к намерениям лошади. Если она собирается перейти от посылы в рысь или трот (короткая рысь), нужно встретить ее перебором повода и тем дать понять, что работа продолжается на шагу. Шенкель на шаг работает либо одновременно (если она затормаживает движение), либо попеременно то левым, то правым в темп движения (при выносе левого плеча усиливается правый шенкель, при выносе правого – левый). Ни в коем случае нельзя подключать к посылу **поясницу всадника**: это не только некрасиво, неэстетично, но и сбивает лошадь с четкого ритмичного и правильного шага, нарушая ее естественное равновесие. Особенно часто это наблюдается, когда требуется выселить лошадь на прибавленный шаг.

Известно, что на лошадь оказывает большое влияние перемещение центра тяжести, и это можно использовать при работе над прибавленным шагом. Чтобы лошадь двинулась вперед, расширив шаг (а не ускорив!), достаточно немного подать седлаще вперед. Такое перемещение центра тяжести вперед освободит от нагрузки задний отдел лошади, и этого может оказаться достаточно, чтобы она расширила шаг. Разумеется, только длительная и терпеливая работа над расширением шага со свободным выносом плечей может привести к нужному результату.

Для улучшения **любого вида** движения, требующего расширения, очень полезно использовать работу в поле, особенно движение по направлению к конюшне. Нередко можно увидеть, как при переходе из среднего или прибавленного шага на собранный у лошади резко меняется рисунок самого движения на шаг: она начинает вышагивать прямыми, несгибающимися ногами (как на ходулях). Это результат одной

"болезни" всадника – затянутого повода, Исправление требует много времени и терпения, так как за малейшее воздействие поводом реакция будет однозначной – неправильное движение передних ног. Лучше всего исправлять этот порок работой на кавалетти и в поле, так как там лошадь идет энергично сама, без понуждения. Всякий раз, когда она не будет сбиваться на такой шаг, ее надо поощрять.

Рысь – это аллюр в два темпа. У лошади работают попеременно диагональные пары ног: левая передняя – правая задняя и наоборот. Эти два темпа разделены фазой подвисания.

Различают собранную, среднюю, прибавленную и рабочую рысь.

Для хорошей **собранной рыси** (рис. 16) характерна энергичная работа задних конечностей лошади, создающая предпосылку для легкого, свободного движения ее передних ног. Важным критерием качества рыси является эластичность самого движения. Этого можно добиться в процессе выездки, если не будете затягивать лошадь поводом, то есть будете соблюдать правило: 30% повода и 70% шенкеля. В этом случае, как говорят, лошадь "примет" вес на спину. Ее спина будет мягко колебаться и не подбрасывать вас; вы будете сидеть в седле глубоко и не отрываться от него; создается впечатление слитности всадника с лошастью. На собранной рыси лошадь идет как бы в руках и ногах человека, отсюда ее подвижность и возможность легко направлять ее в любую сторону.

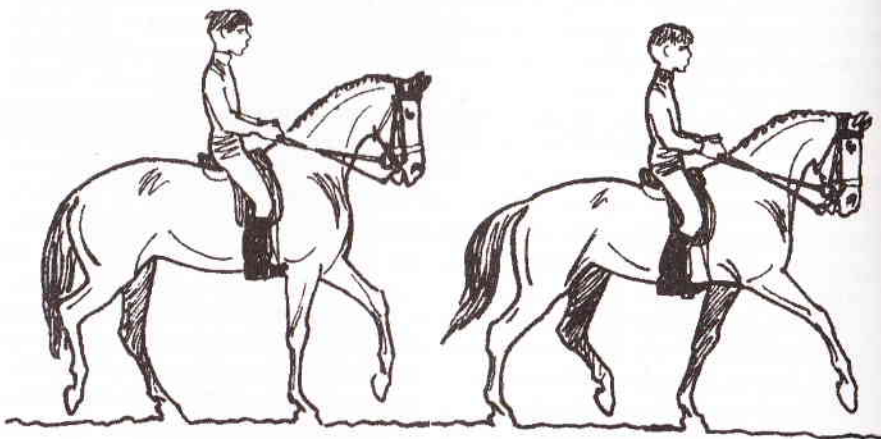

Рис. 15. Собранный шаг

Рис. 16. Собранный рысь

Одной из серьезных ошибок на рыси является неправильный сбор, вызванный односторонним действием только рук. При таком "сборе" естественность движений невозможна. Лошадь задними ногами не толкается, а, в лучшем случае, подставляет их под корпус. Работа передних ног становится утрированной – они, как бы, выбрасываются вперед почти прямыми. В этом, довольно часто, бывают повинны тренеры, которые желая помочь всаднику, "подбивают" задние ноги

плышом в районе скакательных суставов. Вместо того чтобы касаться поясницы, заставляя ее "округляться" – только таким образом достигается правильное "подведение зада". Не следует также допускать слишком долгой фазы подвисания, чтобы рысь не могла превратиться, в так называемый, "плавунец", что-то вроде полупассажа. Это не пассаж, но уже не рысь. В этом случае нередко наблюдается несоординированность в движении передка и зада – неточное, неодновременное опирание диагоналей о землю. Эти ошибки объясняются прежде всего поспешностью в работе и несогласованностью в применении средств управления – повода, шенкеля, корпуса всадника.

Методы исправления ошибок различны:

1. Работа на кавалетти;
2. Ведение лошади зигзагом по манежу. При этом нужно часто и мягко менять ее постановление. Лошадь начинает двигаться естественно, не напрягая и не утрируя работу ног (особенно передних);
3. Работа на вольте и на боковых сгибаниях (особенно рекомендуется элемент "плечом внутрь"), развивающих гибкость лошади.

О прибавленной рыси. Для хорошей прибавленной рыси обязательно удлинение маха при энергичной работе задних ног от бедра, которые толкают тело лошади вперед: импульс (желание двигаться) и захват пространства взаимосвязаны. Чем больше толчковая сила задних ног и раскованнее плечевые суставы, тем свободнее движение на рыси. Если посмотреть со стороны, то лошадь на рыси должна двигаться как бы грудью вперед, а не ногами или не только ногами. Если такое ощущение есть, то можно быть уверенным в правильности ее движения.

Понаблюдайте за рысаками на ипподроме. У них очень производительные движения, и впечатление от их движения именно такое.

Ошибками на прибавленной рыси можно считать:

- слишком широкое разведение задних ног (объясняется оно недостатком экстерьера или форсированной подготовкой);
- лошадь растягивается на прибавлении (задние конечности слабо толкают корпус вперед, так как они не подведены, поэтому толчковая сила зада используется неправильно);
- лошадь не несет себя сама, а висит на поводе (ее равновесие сдвинуто вперед).

Полезным упражнением в работе над совершенствованием рыси является, так называемая, "гармошка" или "резинка". Лошадь то высылает вперед, заставляя прибавить рысь, то сокращают аллюр. Это продлевается несколько раз. Важно помнить, что прибавление, равно как и сокращение аллюра, должно начинаться с усиления шенкеля. От усиления воздействия шенкеля лошадь как бы наталкивается на повод, который либо ограничивает движение, либо позволяет ей (по ее возможности) выдвинуть вперед плечи (это самое главное!), **не напрягая** плечеголовной мускулатуры. Это возможно только при правильно подведенном заде, т.е. когда соблюдается условие – работа

задних конечностей идет от бедра (а не только с помощью скакательных суставов) при округленной пояснице. При этом большое внимание должно уделяться тому, чтобы не менялся **ритм** предыдущего движения. Ритм движения **на всех аллюрах** должен оставаться постоянным – удлиняется или укорачивается шаг, то есть увеличивается (уменьшается) захват пространства. Чтобы выработать у себя чувство ритма, полезно прибегать к метроному, установив его на ритм движения лошади.

При переходе от прибавленного аллюра к собранному нужно не тянуть поводом на себя, а используя полуодержки, усилить шенкель и не пускать лошадь идти быстрее. Переход должен быть плавным, мягким. При переходе на сокращенный аллюр первый шаг нового движения должен быть высоким и сделан вперед, то есть, лошадь своей тяжестью не должна загружать свой перед. Помогает такому переходу смещение центра тяжести назад. При переходе от собранного аллюра к прибавленному требуется увеличить шаг движения, расширить рамку лошади и, не теряя контакта с ртом, дать возможность лошади вытянуть шею и немного опустить голову.

Мы часто можем видеть, что, сопротивляясь средствам воздействия, лошадь задирает голову, и тогда ею становится трудно управлять (рис. 17). В таком случае мы говорим, что лошадь идет **через повод**. Когда ее голова высоко поднята, поясница проваливается и напрягается,

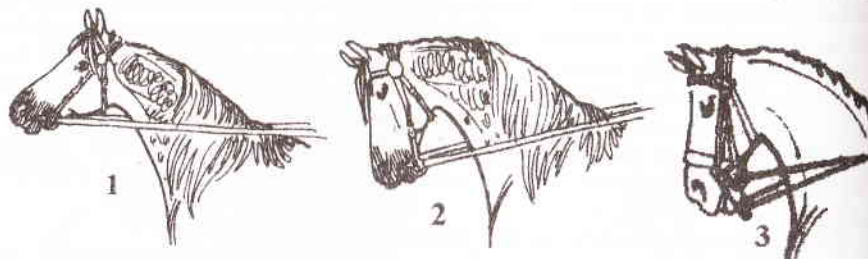

Рис. 17. Положение головы лошади
1- через повод, 2- за поводом, 3- при правильном сборе

она не может правильно и энергично работать задними ногами, а значит – само движение не может быть правильным. Что делать в таком случае? Прежде всего нужно смягчить воздействие поводом и опустить руки ниже. Перебирая поводом надо стараться заставить лошадь опустить голову и тут же поблагодарить ее за это. Это желательно повторять много раз.

Очень помогает справиться с этим явлением работа лошади в руках. Но бывает, что лошадь, наоборот, опускает голову, при этом, стараясь избежать контакта с рукой всадника. Это значит, что лошадь идет **за поводом**. Помочь ей справиться с этим пороком может смена железа на более мягкое, то есть более толстое, а также усиление посылы – нужно двинуть лошадь вперед, чтобы она была вынуждена упереться в повод.

Галоп – это трехтактное движение лошади. Если лошадь должна идти с левой ноги, то она начинает движение с правой задней ноги. После

отталкивания правой задней ногой следует правая диагональ. Правая передняя ставится одновременно с левой задней, затем лошадь всем **авсом** опирается на левую переднюю ногу. После этого следует момент подвисания.

Различают собранный, средний, прибавленный и рабочий галоп.

Собранный галоп (рис. 18) характеризуется активной работой зада лошади, круп при этом слегка опущен, скакательные суставы энергичны. Задние ноги принимают на себя вес лошади. В результате движение передних ног становится более легким, а плечи эластичными и подвижными. Шея на собранном галопе округляется, нос держится по отвесу. Лошадь идет "в мягком поводу" спокойно и в естественном равновесии.

На **прибавленном** галопе, без изменения ритма движения, увеличивается шаг. Это возможно только при расширении рамки лошади и усилении толчковой силы задних ног. Что же значит расширить рамку лошади? Это делается за счет предоставления лошади возможности несколько вытянуть голову и шею, а нос немного выдвинуть вперед. Импульс, создаваемый энергичной работой задних конечностей, позволяет ей захватывать большее пространство, чем при других видах галопа. Ритм движения не изменится только в том случае, если будет увеличиваться не количество шагов, что ведет к увеличению скорости движения (не это важно), а произойдет расширение каждого шага.

Иногда можно наблюдать, что шея у лошади потянулась вперед, но рамка ее при этом не изменилась. Лошадь в таком случае "повисает на поводе". Это говорит о ее недостаточной гибкости, гимнастичности тела, а также о том, что она не обрела еще естественного равновесия на этом аллюре.

Приступая к обучению лошади на галопе, **нужно прежде всего** поставить ее на четкое трехтактное движение и с самого начала не позволять ей "бочить", так как от приобретенных привычек потом трудно избавляться. Всякое нарушение трехкратного движения

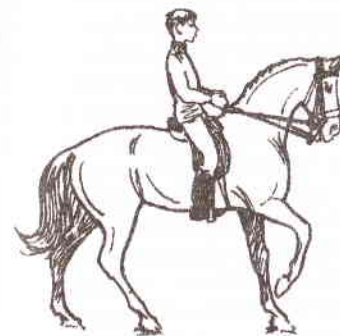

Рис. 18. Собранный галоп

является грубейшей ошибкой, исправлять которую можно усилением шенкеля, не распуская лошадь, и в то же время, вовремя принимая ее на повод в темп движения.

Характерной ошибкой для галопа является "бочение". Исправляется оно тем, что, удерживая шенкелем зад, перед лошади немного отводят в сторону, например направо, если вы идете ездой направо. Делать это нужно при движении по стенке манежа.

Очень полезна работа на вольту. Если лошадь "бочит" налево, то нужно повернуть ее на небольшой вольт налево, а левым шенкелем

стараться откинуть ее зад направо, чтобы движение задних ног шло по следу передних. Перемена ноги на вольту даже от сильного воздействия шенкеля почти исключена, и работа дает положительный результат.

В этой брошюре не упомянуты такие виды движений, как средняя и рабочая рысь, средний и рабочий галоп. Это сделано умышленно – международные и российские правила достаточно подробно разъясняют требования к ним, а также разницу между ними.

Боковые сгибания лошади включают в себя уступку шенкелю, плечом внутрь, траверс, ранверс и принимание.

Вести лошадь в сборе по прямому направлению довольно сложно, потому что под всадником находится живое существо, которое не может механически выполнять его требования, даже когда они легко выполнимы. Всадник всегда чувствует желание лошади предложить что-нибудь свое, либо предупредить его требование. Поэтому он должен быть предельно внимателен, "схватывать" каждое движение лошади, чтобы иметь возможность вовремя противопоставить свое воздействие на нее шенкелем и поводом. Еще труднее вести лошадь в равновесии так, чтобы не сбивался ритм ее движений на поворотах, вольтах, боковых сгибаниях, потому что при этом один шенкель работает сильнее другого, что сразу отражается на поводе. Внутренний повод, выдерживая постановление лошади в требуемую сторону, продолжает вести ее по изменяемому направлению. В это время лошадь может или задерживаться, или ускорять движение. Реакция всадника, его ответные действия здесь должны быть мгновенными. Чтобы научить лошадь боковым сгибаниям, требуется много времени, а чтобы она не проявляла сопротивления, нужна последовательность в ее обучении. Не следует начинать новых упражнений, пока ею не будут хорошо усвоены старые.

При всех боковых сгибаниях лошади всадник должен больше опираться на внутреннее стремя и следовать за движениями лошади. Боковые движения выполняются на шагу, рыси и галопе.

Работа **на шагу** помогает уяснить, как применять средства управления при выполнении упражнений на боковые сгибания. Работа на **собранной рыси** повышает совкость лошади. Следует обращать **внимание** на равномерность движений, широту махов и непринужденность, как при езде в один след. Помните, что двигаться нужно **вперед – в сторону**, а не в сторону – вперед.

Езда в полтора-два следа не должна продолжаться слишком долго. Ее нужно чередовать с более свободными аллюрами, чтобы не отбить у лошади желание двигаться вперед с импульсом. В начале обучения рекомендуется делать только два-три шага или маха вперед – в сторону и сразу же выравнивать лошадь. Затем повторить это упражнение несколько раз.

Самым простым из боковых движений лошади является **уступка шенкелю** (рис. 19-20). Лошадь идет вперед с небольшим изгибом в затылке в сторону, противоположную движению, при этом ее корпус остается прямолинейным. При выполнении этого движения **внутренний** шенкель расположен за подпругой, удерживая зад лошади от смещения,

в наружный шенкель лежит близко к подпруге, требуя бокового движения. **Внутренний** повод проходит по шее, контролируя само движение, **наружный** повод требует от лошади сгибания в затылке.

Основой, на которой строятся **все** боковые движения, является движение **плечом внутрь** (рис. 21). Лошадь в хорошем сборе движется в сторону, противоположную поставу головы, при этом **внутренний** шенкель лежит около подпруги, а **наружный** – за подпругой. **Внутренний** повод требует от лошади постановления, **наружный** – контролирует ее движение. С помощью упражнения "Плечом внутрь" повышается собранность лошади и гибкость ее поясницы. Начинать это упражнение лучше во время прохождения углов манежа. Для этого, мягко отзывая, делают постановление в сторону движения, затем после полудержки поворачивают лошадь внутрь манежа как бы на вольт. Легкий набор наружного повода не позволит ей уйти внутрь манежа, а поведет ее в боковое движение. Внутренний повод сохранит правильное положение головы и вместе с внутренним шенкелем поможет вести лошадь в три следа.

Угол и короткую стенку манежа следует проходить в один след в хорошем сборе, сохраняя соответствующее постановление лошади. Чтобы прекратить ее боковое движение, нужно выровнять перед лошади по отношению к ее задней части. Еще полезно упражнение, когда делают переход от "плечом внутрь" к вольту в один след, после чего продолжают движение прямо или плечом внутрь.

Хочется предупредить всадников, что, выполняя любое боковое движение, надо в первую очередь обращать **внимание** на то, чтобы лошадь двигалась **вперед - вбок**, а не только в сторону. **Главное** – вперед, с выносом ноги и плеча свободно вперед. При выполнении упражнения "Плечом внутрь" лошади нередко идут за поводом. Единственный выход исправить это положение – выдвигание лошади на свободных движениях в один след вперед на повод. **Законом для всадника** должно стать следующее: шенкель заставляет лошадь двигаться вперед, в результате она как бы "натягается" на мягкий повод, который ограничивает ее продвижение. Повод ни в коем случае не должен быть опорой для рук всадника.

Траверс (рис. 22). При выполнении траверса лошадь идет головой к стенке манежа в ту сторону, в которую она смотрит. При этом ее корпус согнут вокруг внутреннего шенкеля, который лежит на подпруге для поддержания импульса. Наружный шенкель находится за подпругой, сохраняя боковое движение. Внутренний повод делает постановление, наружный – контролирует движение. Внутренняя задняя нога под воздействием шенкеля подводится под корпус лошади, получает большую нагрузку и сильнее сгибается. Наружные ноги лошади заступают перед внутренними.

Траверс служит для совершенствования гибкости заднего отдела, собранности и продольной гибкости, а также правильного сгибания в затылке, достигнутых во время работы плечом внутрь. Траверс развивает чувство взаимозависимости между шенкелем и поводом. В траверсе

репризы должны быть короче, чем в плечом внутрь, так как это движение требует больших усилий от лошади. Начинать делать траверс лучше после упражнения плечом внутрь, когда лошадь уже находится в достаточном сборе и согнута для траверса. При этом угол манежа проходят в один след.

Если всадник собирается перейти к траверсу от прямого движения, то следует использовать угол манежа, потребовав от лошади перед углом более выраженного постановления, укоротив в меру внутренний повод. Внутренняя рука должна быть особенно мягкой, чтобы не мешать лошади двигаться. В траверсе большое значение имеет работа внутреннего шенкеля. Шенкель поддерживает сбор, вокруг него происходит

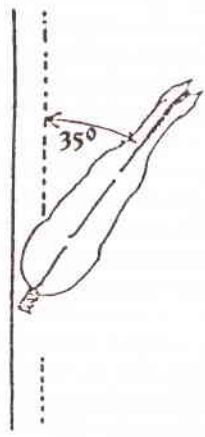

Рис. 19. Уступка шенкелю (вдоль стенки манежа)

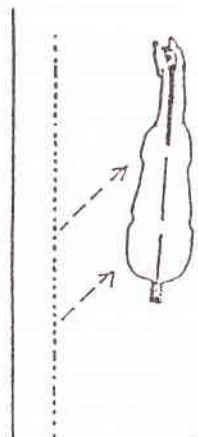

Рис. 20. Уступка шенкелю (по диагонали)

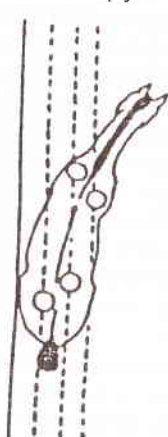

Рис. 21. Плечом внутрь

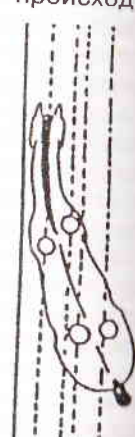

Рис. 22 Траверс

продольное сгибание лошади, при этом ее внутренняя задняя нога под воздействием сдвинутой в сторону массы лошади получает большую нагрузку и сильнее сгибается.

Особое внимание должно быть уделено тому, что при переходе из траверса на движение в один след лошадь не должна терять приобретенное ею положение (рамку) и равномерность движения. Для этого оба шенкеля всадника (особенно внутренний) должны высылать лошадь вперед. Частой ошибкой при выполнении траверса является чрезмерное сгибание шеи и недостаточное сгибание тела лошади. Для того чтобы развить продольную гибкость у лошади, приучить ее чутко слушаться шенкеля, как говорят, сгимнастировать ее, полезно применять упражнение – движение по кругу. Сначала лошадь ведется по большому кругу (этот круг точно обозначают на манеже) в шенкелях, которые чутко реагируют на всякое своеволие животного. Затем переходят на круг

меньшего диаметра, затем – еще меньшего. После этого нужно "выходить" из маленького вольта на круг большего диаметра и т.д. Если лошадь проделывает это упражнение в полном сборе и в один след, то есть, ее задние ноги идут постоянно по следу передних, – это значит, что вы достигли успехов в деле выездки вашей лошади.

Всякое сопротивление лошади на сгибаниях не должно вызывать противодействия со стороны всадника, чтобы не получилось, что "коса нашла на камень". Для этого нужно добиться прямого постановления и двинуть лошадь вперед и только после этого снова попытаться потребовать от нее сгибания. Усиление внутреннего шенкеля и наружного повода помогут вам добиться правильного сгибания лошади в бок.

Ранверс (рис. 23) – это боковое сгибание, когда лошадь идет задом к стенке манежа, а перед ее как бы отодвинут внутрь манежа. Лошадь смотрит в сторону своего движения. Посадка и средства управления (воздействия) здесь те же самые, что и при выполнении траверса. Если лошадь, например, идет ездой налево, а вы хотите сделать ранверс, то нужно отвести ее перед от стенки манежа, удерживая левым (наружным для ранверса) шенкелем зад у стенки, причем этот шенкель действует за подпругой. Правый повод устанавливает постановление направо, левый повод наложен на шею лошади и контролирует ее движение. Сгибание корпуса лошади происходит вокруг правого (внутреннего для ранверса) шенкеля, который лежит у подпруги, поддерживая импульс и не дает лошади сбиваться с ритма движения.

Принимание (рис. 24) – это движение в два следа, при котором лошадь немного согнута в бок и смотрит в направлении движения, продвигаясь вперед – в сторону почти параллельно линии, с которой начинается движение. Внутренний шенкель (со стороны движения в сторону) лежит на подпруге для поддержания импульса, наружный – за подпругой, требуя от лошади сгибания и удержания бокового движения. Внутренний повод делает постановление, наружный – контролирует движение. На принятии внешние ноги лошади идут впереди внутренних.

Для четкого выполнения принятия большое значение имеет правильное положение корпуса всадника во время движения лошади в сторону. Плечи всадника должны быть несколько развернуты в сторону движения, при этом усиливается давление

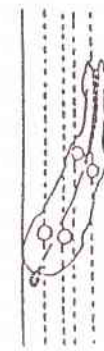

Рис. 23. Ранверс

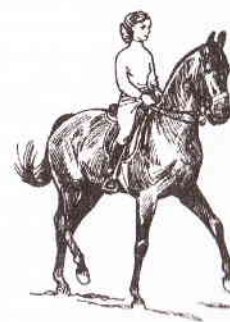
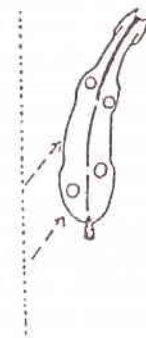

Рис. 24-25. Принимание

на внутреннее стремя, то есть происходит усиление давления наружного бедра всадника. Таким образом, достигается слаженность между всадником и лошадью и сохраняется равновесие.

Советуем первый раз потребовать от лошади сделать движение в два следа в конце перемены направления при подходе к противоположной стенке манежа. Например, вы делаете перемену направления, ведя лошадь ездой налево, тогда при перемене направления при подходе к противоположной стенке манежа вы должны усилить оба шенкеля, особенно правый, а обе руки подать влево. Если лошадь подготовлена к восприятию подобных воздействий средств управления, она обязательно сделает два-три шага в сторону и вперед (чтобы сохранить движение, нужно, чтобы шенкель был энергичным, особенно внутренний, проталкивающий вперед). Как только эти два-три шага лошадь выполнила, следует немедленно ее огладить и отдать повод. Движение уже продолжается ездой направо. В работе с лошадью надо довольствоваться малым, не доводя ее до состояния нервозности. Если лошадь разволновалась, то ее необходимо успокоить и только после этого попытаться повторить новое для нее требование. После усвоения лошадью этих требований на шаг можно перейти к работе на рыси.

При попеременном выполнении принимания направо и налево (зигзаге) нужно при каждой смене направления менять постановление, не забывая на какое-то мгновение выпрямлять лошадь. Особое внимание обращают на равномерность продольного ее сгибания как вправо, так и влево. Если на принятии предписывается выполнить определенное количество шагов или махов, то их следует считать по движению передних ног.

Все боковые сгибания в процессе работы делают лошадь эластичной, уступчивой в движении. Ее корпус, шея, плечи становятся более свободными. Лошадь делается более послушной всаднику, что позволяет исполнять аллюры свободно, правильно, с хорошим импульсом и в одном ритме. Но для этого нужно постоянно работать над повышением гибкости лошади, начиная каждое занятие с соответствующих упражнений на шаг (езда по изогнутым линиям, повороты вокруг переда, зада и др.).

Необходимо обращать внимание на правильность прохождения лошадью **углов** и **короткой стенки** манежа. Угол и короткую стенку манежа надо проходить в один след в хорошем сборе и с правильным постановлением. Чтобы задние ноги лошади не уходили от следа передних наружу, всаднику нужно координировать работу рук и шенкелей. Внутренним поводом всадник делает постановление, внутренним шенкелем дает знать лошади, чтобы она свою внутреннюю заднюю ногу не только выдвигала вперед, но и подставляла ее под свой корпус, чтобы сохранить равновесие. На повороте всадник разворачивает свои плечи так, чтобы они были параллельны плечам лошади: он должен всегда сопровождать лошадь в ее движении, иначе, он будет ей мешать, а значит тормозить ее и нарушать ее равновесие.

При правильном прохождении углов (или вольтов) лошадь немного согнута внутрь круга. Не следует забывать, что прохождение углов важно использовать для "накопления" энергии. Это достигается следующим образом: более сильное воздействие – полуодержка – заметная группировка лошади и результат – спокойные воздействия на лошадь на длинной стенке манежа и при выполнении других элементов. Так поступают при подходе и прохождении каждого угла. Такая подготовка вырабатывает непринужденность при выполнении последующих элементов езды. Ошибка многих начинающих всадников в том, что при прохождении углов манежа они тянут наружный повод на себя, вынуждая лошадь сгибаться наружу, отчего она теряет равновесие. Главное – помнить (и делать), что прежде чем начать исполнять любое упражнение, следует сделать полуодержку.

Перемена ног, контрперемены

Прежде чем приступить к обучению лошади элементам высшей школы верховой езды, таким как перемена ног, пируэты на галопе, пассаж, пиаффе, нужно быть уверенным, что вся предварительная работа по выездке сделана достаточно основательно, и лошадь, ее психика, нервная система в состоянии воспринимать новую информацию.

Рассмотрим сначала простой подъем в галоп. Допустим, вы идете рысью ездой направо. Внутренним поводом делаем движение, как бы отзывая его на себя. Наружный шенкель в это время (в данном случае левый) скользит по боку лошади назад, чтобы заставить ее выдвинуть вперед наружную заднюю ногу с тем, чтобы она поднялась в галоп с правой передней ноги. В ответ на это лошадь выдвигает левую заднюю ногу значительно сильнее вперед, чем на рыси. Как только лошадь пошла галопом с правой передней ноги, всадник возвращает левый шенкель на место – за подпругой. Правый шенкель должен поддерживать импульс. Подъем в галоп легче совершать в углу манежа, когда лошадь немного согнута во внутреннюю сторону.

Очень важным и нужным упражнением является работа на кругу. Сначала большим, а затем, постепенно уменьшая его, доводят до вольта. Из внимания всадника не должно ускользать то, что лошадь, идя по кругу, не откидывала бы зад ни в круг, ни из круга. Справиться с ней, конечно, легче во втором случае, чем в первом. Допустим, вы ведете лошадь ездой направо. Чтобы сделать круг направо, вы даете лошади постановление направо внутренним поводом, одновременно накладываете левый повод ей на шею, чтобы отвести лошадь от стенки манежа. Шенкель в это время усиливается, чтобы не задерживалось движение, и не сокращался мах. Если лошадь откинула зад наружу (из круга), вы высылаете ее обоими шенкелями вперед, усиливая при этом левый шенкель, таким образом, заставляя ее задом идти по следу переда. Если лошадь закидывает зад внутрь круга, то усиление внутреннего шенкеля может заставить ее закрестить задом. Поэтому, чтобы не столкнуться с такими проблемами, нужно довольно долго работать на больших кругах.

Когда лошадь усвоила движение по кругу, затем по вольту, можно попробовать делать полувольт с дальнейшим движением к стенке манежа в два следа. В этом случае (при езде направо) отводят лошадь от стенки манежа, как на вольт, и ведут ее к стенке уже в два следа, заставляя ее зад двигаться вправо левым шенкелем и поддерживать импульс в движении правым шенкелем. В это время левый трензельный повод наложен на шею, а правый делает лошади постановление, показывающее направление движения. Подведя лошадь к стенке манежа, нужно ее перевести в шаг, остановить, выпрямить и поднять в галоп с другой ноги. Когда это упражнение усвоено и выполняется легко, можно потребовать от лошади пройти несколько махов по стенке ездой налево **контргалопом**, то есть на той ноге, на которой выполнялся полувольт. Увеличение количества махов на контргалопе следует делать постепенно. Такие упражнения нужно выполнять как ездой направо, так и ездой налево. Они станут хорошей подготовкой к еще более трудному элементу езды – **перемене ног**.

Приступить к работе над переменной ног можно только тогда, когда лошадь поднимается в галоп от очень легкого, почти символического применения средств воздействия и идет с любой ноги легко и уверенно. Воздействия всадника должны быть всегда четкими и одинаковыми, иначе у лошади не будут вырабатываться необходимые условные рефлекссы.

Как готовить лошадь к перемене ног?

Сначала подъем лошади в галоп совершается то с правой ноги, то с левой. Это продельвается до тех пор пока, она при малейшем указании шенкеля не будет подниматься с любой ноги легко и правильно. При этом нужно следить, чтобы лошадь не бочила, не торопилась и отвечала на требования всадника спокойно.

Интервал между подъемами, сначала довольно большой, постепенно сокращают и доводят до одного шага. Чтобы полностью владеть лошадью при подъемах в галоп, следует научиться это делать не только по стенке манежа, но и в отдалении от нее. Это потребует дополнительного внимания и сосредоточенности от всадника. Но и в этих условиях нужно вести лошадь по прямой.

Этими упражнениями лошадь подготавливается прежде всего к подъему в галоп с места, то есть с остановки. Но перемена ног должна совершаться на движении и так, чтобы галоп не сокращался и ритм его не менялся. Первую перемену ноги лучше делать в углу манежа, наиболее удобном для этого месте. Лошадь идет, например, с левой ноги, то есть при езде направо она идет контргалопом. Подходя к углу, всадник быстро меняет воздействие средств управления. Если лошадь не сменила ногу, нужно ее перевести в шаг, успокоить, потом снова поднять в галоп и опять потребовать от нее перемены ноги. Если вы готовили лошадь к этому моменту не спеша, то больших затруднений у вас не возникнет.

Когда лошадь легко станет менять ноги в углах (разных, но не в одном и том же – этого следует избегать), можно переходить к перемене ног на

прямой. Так как перемена ног происходит в момент подвисяния лошади в воздухе, то важно вовремя дать ей знать о необходимости сменить ногу. Это указание должно исходить от всадника в тот момент, когда диагональная пара ног лошади еще находится на земле.

Для облегчения своей задачи попробуйте перед сменой ног считать махи. Например, вы идете галопом и считаете махи, решив потребовать смену ноги на счет "четыре": раз-два-три-**четыре**. Слово "четыре" должно произноситься энергично и резко. Одновременно с ним сигнализируют лошади о необходимости сменить ногу.

Простой, элементарный метод, но помогает уловить нужный для воздействия на лошадь момент.

Чтобы перемена ног производилась прямолинейно, нужно следить, чтобы в каждый темп лошадь продвигалась вперед достаточно энергично, оставаясь в мягком поводу. Грубость повода особенно сказывается на прямолинейности выполнения упражнения. Если же лошадь боится шенкеля и шпоры, то перемена ног будет выполняться ею судорожно, рывками, а движение ее потеряет эластичность. Нужно всегда помнить, что при перемене ног наказание лошади должно быть совершенно **исключено**. Наоборот, ласка, поощрение в любом виде, успокоение продвинут вашу работу быстрее вперед. Помните, что всякое новое требование к лошади не должно "ложиться" на недостаточно крепко усвоенное ею предыдущее.

Перемена ног бывает простой (как описывалось выше) и в определенной последовательности – в шесть, четыре, три, два и один темп. Особенно трудна перемена ног в один темп. И к ней ведет долгий путь. Когда лошадь усвоила перемену ног в воздухе, а всадник уверен в том, что по его указанию она это сделает в любой момент, можно начать перемену ног через определенное число махов. Начинать лучше это делать после 8-10 махов, не меньше. После того как лошадь сменила ногу влево и вправо, нужно ее остановить и огладить. Потом попытаться повторить этот успех. Если лошадь заволновалась, то ее следует остановить и снова поработать с нею над подъемами в галоп. Количество перемен ног можно увеличивать только после того, как лошадь начнет выполнять ваши требования спокойно и уверенно.

После этого можно потребовать от лошади перемену ног и через меньшее количество махов. Делать это нужно в той же последовательности, как говорилось выше. Всякие сбои чаще всего происходят по вине всадника, который сам готовится к этой перемене раньше, чем это необходимо, при этом забывая, что между требованиями сменить ногу он должен очень спокойно сидеть в седле, поскольку даже малейшее движение с его стороны может восприниматься лошадью как указание к действию (лошади – очень чуткие животные, старающиеся "угодить" человеку). Этим объясняется то, что лошадь нередко сама "предлагает" сменить ногу еще до команды. В этом случае нужно сильным воздействием соответствующего шенкеля **заставить** ее сменить ногу на правильную. Если это сделано вовремя, то она поймет, что самовольничать не следует. И хотя она вам подчинилась,

все же лучше поработать с нею снова на подъемах в галоп с движением вперед. Это позволит ей более прочно усвоить, что без указания всадника она не должна ничего делать. Перевод же в шаг действует на нее успокаивающе. Важно, чтобы всадник сидел в седле спокойно, следя за (практически) одновременностью и точностью воздействия средств управления на лошадь (повод, шенкель, корпус - поясница), особое значение приобретает давление бедер и смягчение соответствующих рук.

После уверенного исполнения лошадью перемены ног в два темпа можно переходить к перемене ног в один темп. В данном случае увеличение количества перемен должно осуществляться еще более внимательно и осторожно. Если лошадь спокойно и уверенно меняет ноги в один темп по прямой, то можно предложить ей это упражнение по кругу.

В олимпийской программе 1956 г. был элемент - перемена ног на кругу диаметром 16 м. Сначала нужно было менять ноги в четыре темпа (4 раза), затем в три темпа (4 раза), потом в два темпа (4 раза) и 8 раз в один темп. Затем следовала перемена направления через букву X и далее шла менка ног: 6 раз в один темп, по 4 раза в два, три, четыре темпа. От буквы E шел собранный галоп, а у буквы A - пассаж по средней линии. G - остановка, приветствие. Тест этой езды - на стр. 314. Это очень сложно, но если вы сможете это сделать, то вы будете удовлетворены плодами своей работы.

Делая перемену ног, нередко совершают следующие **ошибки**:

1. всадник стоит на стременах, а не сидит в седле (особенно часто эта ошибка наблюдается при перемене ног в один темп);

2. лошадь недостаточно продвигается вперед, сокращает маховое движение и слишком высоко поднимает передние ноги.

Остальные ошибки, происходящие при перемене ног, объясняются тем, что либо лошадь не подготовлена правильно и последовательно, либо воздействие на нее не было достаточно четким и ясным для нее.

При выполнении **контрперемен** на галопе учитывают, что перед сменой ноги идет высвобождение передка и выпрямление лошади, чтобы сама перемена ног произошла по прямой. Внутренний шенкель при этом остается прижатым к боку лошади: он не дает угаснуть импульсу движения и продвигает лошадь вперед. Наружный шенкель действует так же, как и на принятии (на движении вперед - вбок). При этом важно (как и на перемене ног) **не задерживать движение поводом**, всякий раз при перемене ног повод слегка смягчают. При выпрямлении лошади должно меняться и ее постановление (самое незначительное).

Пируэты

Сложнейшей фигурой в высшей школе верховой езды является **пируэт** на галопе. Так как исполнение этого элемента требует большой скоординированности в движениях всадника (его средств воздействия на лошадь), то подготавливать себя к этому нужно заранее. Чтобы правильно действовать на галопе, нужно отрабатывать свое поведение

на лошади в менее трудных условиях, то есть на шаг или на месте. Эти действия должны соответствовать тем, которые нужны при исполнении пируэта уже на галопе.

С чего начать? Вы останавливаете лошадь и сознательно, применив свои теоретические знания, поворачиваете корпус налево, например, так, чтобы видеть маклак лошади, при этом смещаете немного центровку влево за счет более сильного нажатия шенкелем на левое стремя. Это упражнение проделываете несколько раз, пока поворот корпуса и давление на стремя (шенкель в это время должен лежать у подпруги, а не отделяться от бока лошади) не будут совершаться одновременно.

После этого следует подключить руки: левый повод показывает направление предполагаемого движения, а правый накладывается на шею лошади. Когда применение всех этих компонентов воздействия на лошадь у вас станет независимым от вашего сознания, то есть вы будете применять их не думая, когда и как действовать, то это означает, что ваши движения отработаны до автоматизма и вы можете перейти к работе в усложненных условиях. Известно, что наше внимание не может быть сконцентрировано одновременно на большом объеме действий, а может только переключаться. Это и подсказывает нам, что к любому труду нужно приступать с овладения какой-либо его части, а затем подключать что-то новое, пока все необходимые вам действия не будут доведены до автоматизма, то есть станут независимыми от вашего сознания. Эти свойства нашей памяти и физиологические возможности помогают человеку овладевать труднейшими видами деятельности. Только после того, как взаимная связь, которая должна существовать между всеми средствами воздействия на лошадь будет вами освоена на месте, и отработана до автоматизма, вы можете попытаться сделать то же самое на шагу. Тем более что, прежде чем приступить к обучению лошади

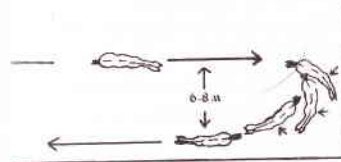

Рис. 26 а. Подготовка к пируэту

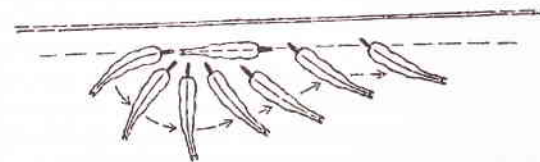

Рис. 26 б. Подготовительное упражнение к пируэту

пируэту на галопе, необходимо, чтобы сначала лошадь хорошо усвоила пируэт на шагу. Подходить к полному пируэту на шагу нужно через полупируэт.

Полупируэт на шагу – полноправная фигура в ряду с другими призовыми фигурами. Готовить его следует тщательно и неторопливо, так как правильное его исполнение требует от лошади тонкого восприятия указаний со стороны всадника, а также большой сосредоточенности в даче этих указаний конником. Правильно

исполненный пируэт на шагу – это четкое, ритмичное движение лошади на шагу при небольшом изгибе корпуса в сторону движения вокруг внутреннего шенкеля. При этом задние ноги, оставаясь практически на месте, работают отчетливо и в ритме всего движения.

Делается полупируэт следующим образом: вы ведете лошадь собранным шагом, затем, отозвав, допустим, правым поводом (сделав постановление направо и предупредив лошадь, что последует следующее требование) накладываете левый повод на шею. То есть, правый повод указывает направление движения, а левый направляет плечи лошади в ту же сторону. Правый шенкель, упираясь на стремя больше чем при движении вперед, не дает лошади остановиться, а левый шенкель удерживает ее зад от закидывания в сторону. Выравнивание средств управления (воздействия) позволит выслать лошадь вперед по завершении ею полупируэта. При выполнении этой фигуры, впрочем, как и других, важно, чтобы корпус всадника сопровождал движение лошади в сторону. Для этого плечи его должны быть развернуты, в данном случае, вправо, а центр тяжести сдвинут также вправо. Всадник должен быть внимательным еще и потому, что если он не достигнет четкого взаимопонимания между работой шенкеля и рук, то лошадь может осадить или перестать работать задними ногами. Не нужно сразу делать весь полупируэт. Сначала довольствуйтесь одним-двумя шагами лошади в сторону. Огладите ее, двиньте вперед в прямом направлении. Еще раз попросите лошадь, задерживая ее зад, отвести перед на один-два шага...И так нужно делать много раз.

Таким же образом в дальнейшем работают с лошадью над полным пируэтом на шагу.

Параллельно с описанной работой над полупируэтом на шагу проделывают подготовительные упражнения для последующей работы над пируэтом на галопе. Такими упражнениями могут быть:

1. Работа "гармошкой", причем сокращение галопа нужно доводить почти до галопа на месте. Но здесь нужно быть очень внимательным, чтобы при сокращении галопа не нарушалась трехкратность движения;

2. Принимание на галопе ведется по большому кругу, который в процессе работы уменьшается (рис. 27).

Можно применять также упражнение, которое вы видите на рисунке. На нем лошадь ведется не по стенке манежа, а параллельно ей на небольшом расстоянии (рис. 26а). Дойдя до угла, поворачиваете лошадь в сторону стенки манежа. Она естественно сгибается вокруг вашего внутреннего шенкеля, а наружный шенкель удерживает откидывание зада. Далее по стенке лошадь идет прямо (рис. 26б). Полезно и другое упражнение: всадник ведет лошадь на собранном галопе по длинной стенке манежа. В углу он делает как бы полувольт и идет ранверсом (круп в сторону стенки, а перед отведен от нее) в противоположную сторону. Только после этих предварительных упражнений, многократно повторенных (не в один день), и при условии, что лошадь к ним стала относиться **спокойно**, можно перейти к выполнению самого пируэта.

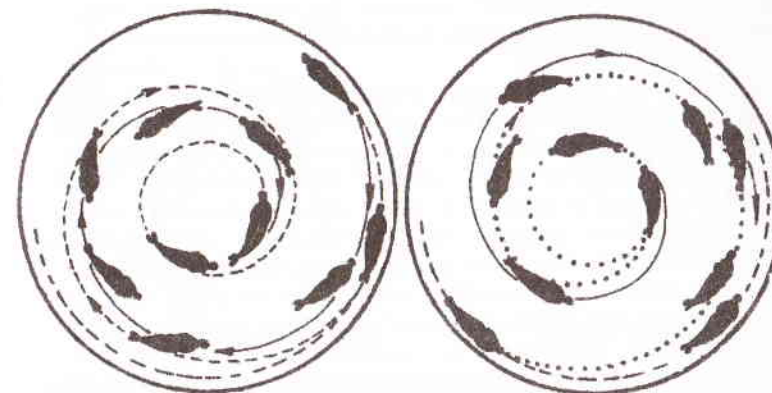

Рис. 27. Движение по спирали

Полезно проделывать и такое упражнение. Начните делать пируэт на шагу. Во время исполнения этого движения потребуйте от лошади подъем в галоп, как при подъеме в галоп при движении по вольту. Это будет один темп галопа. Затем продолжайте пируэт на шагу. Когда лошадь успокоится, потребуйте от нее еще один темп галопа. По мере усвоения надо чтобы лошадь сделала сначала два, потом три темпа галопа и при этом оставалась на пируэте. В данном упражнении (обязательно применяя последовательность) для лошади не будет ничего нового как на пируэте, так и в подъеме в галоп. Надо только связать ранее отработанные приемы – подъем в галоп и перемещение на пируэте при принятии на галопе на вольту головой наружу.

Настоятельно обращаю внимание на то, что начинать надо с одной четверти пируэта, а затем продолжить движение по прямой. Когда лошадь будет легко выполнять это упражнение, можно перейти на отработку полупируэта и т.д. При этом постоянно нужно следить за работой задних ног. Для этого необходимо все время совершенствовать галоп на сокращенном до максимума движении, т.е. до галопа на месте. Но ни в коем случае нельзя этого добиваться за счет одних поворотов. Укорачивать галоп и доводить его до движения на месте можно только усилением действий шенкелей при частых переходах в шаг.

Выполняется такой галоп в полном сбое, поэтому шенкель не только поддерживает сбор, но также темп и ритм галопа. Поводья в это время оказывают сдерживающие усилия. Чаще оглаживайте, поощряйте лошадь за такие труды.

Впоследствии, когда это упражнение будет освоено, можно делать следующее: поднять лошадь в галоп, пройти несколько темпов, а затем, сократив движение, сделать несколько темпов на месте; после этого снова выслать ее вперед. Повторяю, не забывайте о полуподержках.

Если зад лошади перестает работать (становится мертвой точкой опоры), следует немедленно выслать ее вперед и, снизив постав переда, оживить работу задних ног.

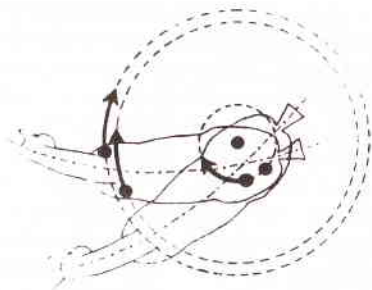

Рис. 28. Пируэт (схема)

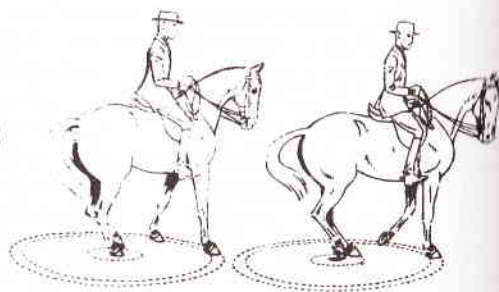

Рис. 29. Пируэт на галопе

Пируэт – это круг, выполняемый лошадию в два следа на пять – восемь темпов, радиусом, равным длине ее корпуса. "На пируэте передние ноги и наружная задняя нога лошади движутся вокруг внутренней задней ноги, которая после каждого темпа должна опускаться в свой след или немного впереди него" (Правила FEI). Для правильного исполнения пируэта необходимо, чтобы лошадь вошла в него в ритме своего галопа и в таком же ритме из него вышла. На пируэте лошадь слегка согнута в направлении поворота, контакт с поводом остается легким при наивысшем сборе, круп приспущен. Потеря импульса на пируэте грозит нарушить трехтактность галопа, что недопустимо и карается судьями очень строго. Поэтому внутренний шенкель работает у подпруги в темп галопа для поддержания импульса, а наружный плотно прижат к боку лошади и не позволяет ее заду сместиться в сторону. Необходим также перенос всадником центра тяжести в сторону внутренней задней ноги лошади.

Этому помогает (особенно в начальный период работы) разворот корпуса всадника внутрь движения, а иногда даже поворот головы и плеч так, чтобы увидеть маклак (вспомните работу на месте для отработки автоматизма действий). Таким образом происходит совмещение центров тяжести человека и лошади. Если вы едите на велосипеде, то ведь на повороте вы обязательно должны наклониться в сторону поворота, иначе упадете. С лошади можно и не упасть, но сбить ее с ритма движения, нарушить связь с нею, вызвать у нее неприятные ощущения, которые толкнут ее на сопротивление, вызвав ухудшение качества движения, можно. Начинать пируэт следует с многократных полуодержек. При этом двигаясь по кругу, лошадь как будто выполняет "плечом внутрь", а не принимание полуодержки помогают сохранять сбор и ритм движения.

Работая над пируэтом, полезно продвигать лошадь вперед сначала после двух – трех темпов в сторону, затем после четырех – пяти. Такой метод улучшит качество исполнения пируэта. Ошибки на пируэте возникают в результате форсированной работы, либо тогда когда всадник забывает следить за собой и нарушается согласованная работа

его средств воздействия на лошадь. Помните: не следует валиться вперед, лучше немного откинуться назад, облегчив этим движение переда лошади.

Пируэт выполняется согласно программам различных езд у определенных букв. Однако, мы часто наблюдаем, что, ведя лошадь точно на букву, всадник не удерживает ее и пируэт совершается несколько в стороне от требуемой точки. Чтобы этого не произошло, всаднику необходимо в последние один – два темпа галопа сделать как бы ложное движение в сторону, тогда пируэт будет точно на нужном месте.

Что подразумевается под ложным движением? Вы ведете лошадь, например, по центральной линии с левой ноги и вам нужно сделать пируэт у точки "X". Не доходя до точки "X" один – два темпа, вы отводите перед лошади обоими поводьями, положив их на шею, чуть вправо, и затем начинаете пируэт налево. Это малозаметное движение в обратную сторону дает возможность удержать зад лошади на определенном месте, в данном случае, точно у точки "X". Чтобы лошадь в этот момент не сменила ногу, нужно делать это очень мягко. Кроме того, в процессе предварительной работы с лошадию на галопе нужно приучить ее двигаться на собранном галопе не только с правильным постановлением, но также и с обратным, слушая только шенкель.

Характерными ошибками на пируэте бывают (все ошибки исправляются движением вперед и правильным использованием полуодержек):

- неточное соблюдение оси поворота;
- поспешное исполнение (вертушка), причины:

- резкое действие наружным шенкелем, шпорой и поводом. При этом лошадь будет спешить и передом, делая либо большие махи в сторону, либо торопливые движения. Чем быстрее "забирает" лошадь плечами в сторону, тем более склонна она опереться на одну из задних ног, что влечет за собой нарушение тактности галопа. Это явление чаще всего наблюдается у лошадей с перевозбужденной центральной нервной системой;

- лошадь "крестит" на пируэте (то есть меняет последовательность работы задними ногами), причины:

- беспокойная рука всадника (неравномерное действие поводьев);
- беспокойная посадка всадника, влияющая на равновесие лошади;
- резкое воздействие на лошадь внутренним шенкелем и шпорой.

Исправить этот недостаток помогает работа траверсом. При движении по окружности лошади легче подставлять под свой корпус внутреннюю заднюю ногу, а всаднику легче чувствовать это. Одновременно необходимо совершенствовать посадку всадника и применение им средств управления.

- осаживание во время пируэта, причины:

- резкое воздействие поводом;
- чрезмерный уклон корпуса всадника назад при недостаточной активности шенкелей или
- слабый зад лошади.

Все это может вызвать не только движение лошади назад, но и появление болезненных процессов у нее в суставах и мышцах конечностей. Рука всадника, мягкая и чуткая, не лишает лошадь поддержки поводом, но и не мешает ее движению. Только при чутком равновесии (корпус всадника при этом играет роль стрелки весов – малейший его уклон нарушает равновесие) возможно исполнение хорошего пируэта.

- "ломание" передних ног

"Ломание" происходит, когда лошадь не успевает выносить передние ноги непринужденно и естественно, тогда движение получается скованным. Рецепт исправления один: постепенность в предъявлении требований к животному и – **не спешить!**

- потеря трехтактности в галопе, причины:
 - лошадь еще не готова двигаться максимально сокращенным галопом;
 - слишком высоко поднят перед лошади и этим подавлено движение ее задних ног;
 - потерян импульс в движении лошади;
 - слабость и недоразвитость мускулатуры спины и поясницы лошади;
 - недостаточно энергичная работа шенкелей всадника (особенно внутреннего);
 - неправильное положение корпуса всадника, его плеч, головы и др.

В работе с лошадью нужно помнить старинную русскую поговорку: "Тише едешь, дальше будешь" и следовать ей.

Пассаж. Пиаффе

Элементами высшей сложности верховой езды являются также пассаж и пиаффе. Точных рекомендаций, чему обучать лошадь раньше - пассажи или пиаффе, нет. Это зависит от индивидуальных способностей лошади.

Пассаж - это парящее движение лошади на рыси или рысь с подвисанием. Поднятые диагональные ноги на мгновение задерживаются в воздухе, создавая впечатление особенно четкой размеренности, изящества и легкости движения. Для пассажа характерна каденция, то есть особо четкий ритм в движении.

Выполнение пассажа, его качество в большой степени зависит от строения лошади, но неизменными остаются главные его критерии - предельная ритмичность (каденция), точное опирание диагональных ног о землю и полный сбор. Это возможно только тогда, когда у лошади хорошо работают спинные мышцы.

Приступать к пассажи следует после того, когда лошадь научилась идти правильной собранной рысью и когда всадник может в любой момент прервать предлагаемую ему лошадью парящую рысь и перевести ее на обычную. Идущую энергичной собранной рысью лошадь, побуждают чутким и легким набором повода (при одновременном посыле шенкелем) задерживать на весу поднятые ноги. Постепенно фаза подвисания между сменой диагональных пар ног лошади должна

удлиняться, вызывая то самое величавое движение, которое и есть пассаж. На пассаже шенкель работает скользящим движением снизу вверх.

Пассаж рекомендуется отрабатывать короткими репризами, **обращая внимание** на работу спины и ног. Не следует зажимать лошадь шенкелями, так как такая работа шенкелей делает движение лошади не эластичным. На пассаже нужно применять "подхват" шенкелями снизу-вверх в темп движения. Чем сильнее, пружиня, лошадь отталкивается от земли, тем совершеннее будет пассаж.

Пассаж будет выглядеть правильным, если предплечья передних ног лошади поднимаются почти до горизонтального положения, пясть опущена под прямым углом, причем зацеп копыта и расслабленный путовый сустав одной ноги находятся посередине пясти второй передней ноги. Задние же ноги поднимаются до уровня путовых суставов и не должны быть выше передних ног.

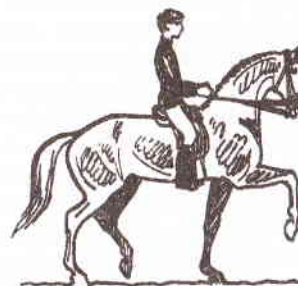

Рис. 30. Пассаж

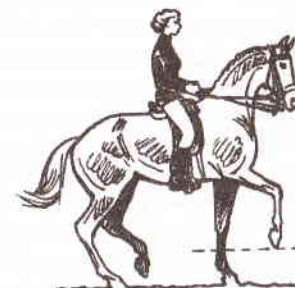

Рис. 31. Пиаффе

В основе пассажа лежит особое желание лошади двигаться вперед с хорошим импульсом. Задача всадника - не помешать ей в этом и, чутко координируя свои воздействия, помочь ей сохранить импульс. Правильный ритмичный пассаж возможен только у хорошо уравновешенных лошадей. Поспешность в требованиях, форсированная подготовка лошади приводят ко многим ошибкам, таким как:

- "зажатая" спина (правильный пассаж предполагает вибрацию спинных мышц, позволяющих всаднику ощущать эти колебания, очень мягкие и приятные);
- раскачивание задом;
- неровная работа задних ног;
- растягивание рамки;
- мячикообразное отталкивание (не эластичное движение, а резкое, как у мячика, когда мышцы ног напряжены, а путовые суставы не могут расслабиться так, чтобы создалось впечатление непринужденности и элегантности). К сожалению, сейчас подобное движение очень распространено.

Для исправления ошибок на пассаже рекомендуется постоянно возвращаться к собранной рыси, с которой начиналось обучение лошади пассажу, и следить при этом за прямолинейностью движения. Ошибки на пассаже возникают также из-за неточностей, допускаемых самими всадниками, когда движение их корпуса не совпадает с тактом движения лошади или когда происходит непопадание посылы в нужный момент.

Пиаффе - это высокое движение лошади, похожее на рысь, но на месте, при котором попеременно поднимаются и опускаются диагональные пары ног. Некоторые специалисты считают пиаффе пассажем на месте. Такая точка зрения отражается на подготовке и обучении лошади этому упражнению, о чем будет говориться ниже.

Большая часть веса лошади на пиаффе приходится на ее задние ноги, поэтому мы видим, что круп у нее приспущен, а задние ноги сильно согнуты в скакательных суставах, спинные мускулы пружинят. Эта вибрация спины воспринимается всадником как мягкое колебательное движение. Так как на пиаффе сохранение равновесия играет главенствующую роль, то всаднику следует сидеть в седле очень спокойно. Любое его движение корпусом может сбить лошадь, она потеряет равновесие, и в результате нарушится ритмичность этого труднейшего для животного движения.

Шенкель должен только следить за тем, чтобы движение лошади не прекращалось, поэтому он значительно мягче работает на пиаффе, чем на пассаже. Легкий контакт со ртом лошади не должен прерываться. Повод помогает всаднику удерживать лошадь от раскачивания передом и ограничивает ее движение. Долго выдерживать лошадь на месте не рекомендуется. Лучше ее чаще выдвигать вперед, потом приостанавливать и опять выдвигать вперед.

Пиаффе - это "в высшей степени собранная, ритмичная, высокая и величественная рысь на месте. Спина лошади гибкая и вибрирует. Круп немного опущен, задние ноги с активными скакательными суставами хорошо подведены, что позволяет переду лошади и передним ее ногам двигаться легко и свободно. Каждая диагональная пара ног поднимается и опускается попеременно, сохраняя одинаковый ритм и достаточную продолжительность подвисания" (Правило ФЕИ).

Как приступать к работе над пиаффе?

В руках, без веса всадника (дополнительной помехи для сохранения равновесия), научить лошадь пиаффировать значительно проще, чем под седлом. Пользуются при этом длинными вожжами - поводьями или лонжами. Делать это лучше и легче вдвоем, то есть работать с помощником: один человек ведет лошадь, а второй ее подгоняет, не давая ей останавливаться, накапливая энергию для отталкивания от земли. Главное, всегда нужно довольствоваться малым. На первых порах достаточно, чтобы лошадь сделала только два темпа пиаффе. Поощрение, оглаживание фиксирует этот момент. Важно уловить нужное диагональное переступание ног лошади.

После отработки пиаффе в руках можно переходить к работе под всадником. Так как лошадь уже усвоила движение от хлыста, то сначала нужно воздействовать на нее и хлыстом и шенкелем. Потом хлыст постепенно убирают и остается один шенкель, который становится все мягче по мере понимания лошадью требований к ней всадника и когда она станет уравновешенной.

Но лучшее пиаффе все-таки получается, если уже уравновешенную на пассаже лошадь постепенно и медленно укорачивать на движении, доводя ее до работы на месте. При этом не следует забывать, что рамка лошади на пассаже и пиаффе неодинаковая: пиаффе требует большего подседа задом. На пиаффе круп более опущен, а задние ноги лошади подведены больше, чем на пассаже, с тем, чтобы они имели возможность толкнуть тело лошади вперед, сохранив правильный сбор. При этом зад не отстанет, рамка не растянется и правильный сбор сохранится. На пиаффе, как и на пассаже, от лошади требуются эластичность, мягкость движений и расслабление путовых суставов поднятых ног.

Чтобы всадник правильно прочувствовал это движение и научился воздействовать на лошадь, не мешая ей, конника сажают без поводьев на хорошо пиаффирующую лошадь (это идеальный вариант). Тогда он, не отрывая седалища от седла, мягко приложив шенкель (обняв бока лошади ногами) и шлюсс (свои бедра), будет следовать движениям лошади непринужденно и точно. Совершенно недопустимы на пиаффе раскачивание корпусом в такт движения лошади, а также беспокойные руки и шенкеля. Это не только мешает лошади в ее работе, но и снижает оценку у судьи за посадку. Чтобы избежать неравномерности в движении ног, отклонения от прямой линии и прочих ошибок, нужно как можно чаще выдвигать лошадь вперед на повод, на движение.

Наконец, очень сложным для освоения является **осаживание**. Движение лошади назад должно совершаться по прямой линии. Для осаживания характерно почти одновременное движение назад диагональных пар ее ног. При этом должны сохраниться правильность шагов лошади и тот же захват пространства, что и при движении вперед собранным шагом (так как осаживание делается на собранном аллюре). Идеально, осаживание делается без остановки перед повторным движением вперед и опять назад: лошадь движется как маятник - назад-вперед.

Чтобы выполнить осаживание, всадник применяет действие шенкеля сзади подпруги, а чтобы лошадь не двинулась вперед, он придерживает ее поводом, но не тянет на себя. Лошадь находится в ровном поводу. Огромное значение при осаживании имеет перемещение центра тяжести: седалище всадника немного подается вперед, освобождая поясницу лошади.

Начинать работу над осаживанием нужно в руках, а чтобы не вызвать скованности у лошади и ее сопротивления, нельзя требовать от лошади

сразу многого, а довольствоваться нужно двумя-тремя шагами назад. После этого надо отпустить повод, огладить и продвинуть ее вперед. Встан перед лошадей, берут в руки трензельные поводья и надавливают ими на рот сверху-вниз, слегка опустив ей голову, то есть освобождают ее зад и затягивают перед. Такое положение тела лошади позволяет ей легко поднять задние ноги и двинуться назад.

Осаживание - трудное и утомительное упражнение для животного, поэтому нужно быть терпеливым и не отбивать у лошади охоту подчиняться человеку. После этого можно (лучше с помощью тренера) попытаться сделать осаживание под седлом - два-три шага. От внимания не должно уйти то, что шенкеля действуют одновременно, а сама лошадь должна быть в сборе, и всадник следит за тем, чтобы она не ушла за повод или через повод. При правильном подходе к обучению этому упражнению, как правило, лошадь будет двигаться назад, поднимая, а не волоча ноги, что серьезно отразится на оценке этого элемента судьями.

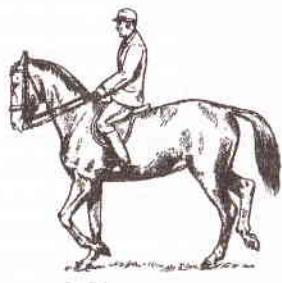

Рис. 32. Осаживание лошади под Всадником

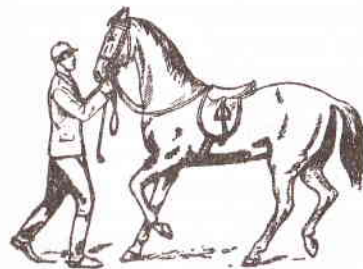

Рис. 33. Осаживание лошади при работе в руках

О разминке перед стартом и общих оценках

Завершая свои заметки по выездке, хотелось бы обратить внимание всех спортсменов на один важный в их работе момент - разминку перед стартом. Если понаблюдать, как разминают лошадей перед стартом, то убеждаешься, что делается она стереотипно - **все** спортсмены на **всех** лошадях (независимо от породы, темперамента и пр.) делают одно и то же: разминку-разогрев; повторяют отдельные элементы предстоящей езды, "отгачивают" целиком упражнение или его части, и, наконец, некоторые даже умудряются повторить всю езду. Причем работа над элементами перед стартом ничем не отличается от работы над ними в процессе ежедневных тренировок. Более того, нередко перед стартом лошадь "держат", например, на пиаффе дольше, чем в обычные дни, добиваясь от нее полного послушания и четкого исполнения. Правильно ли это?

Начнем с разминки-разогрева, совершаемой без предъявления лошади каких-либо требований. Важно подготовить ее мускулатуру к работе на сгибания, к выполнению нагрузок без причинения травм. Но даже такая элементарная по замыслу работа должна быть разной, то

есть для одной лошади достаточно сделать 10-15 минут шага, 10 - рыси, 3-5 - шага, 3-4 минуты галопа и далее еще шаг, то для другой лошади требуется больше времени для разогрева. Тренер и спортсмен должны это четко уловить и составить специальный для их лошади график. Упомянутый выше порядок разминки является минимальным для любой лошади.

Однако я не согласна с тем, что делают спортсмены далее. После чисто физической разминки должна быть проведена психологическая настройка лошади и человека на то, что предстоит им делать во время выступления. Нужно прежде всего помнить, что каждый элемент высшей школы, выполняемый лошадей, является рефлекторным движением. Оно было освоено лошадью в результате многократного повторения в процессе работы.

Известно, что психическая деятельность тесно связана с двигательной, поэтому можно утверждать, что наработанное не забывается, и во время разминки следует только подсказать лошади, напомнить ей от каких воздействий выполняется то или иное движение. Не следует "работать" лошадь перед стартом так, как это делается на тренировке. К тому же у лошади очень чуткая нервная система, и она чувствует заранее, что ей предстоит ответственная работа.

Нужно учитывать также и то, что сам человек нервничает перед стартом и может допустить какие-либо ошибки в работе. Неправильное требование всадника вызовет нервозность у лошади, собьет ее с толку. Нервное же состояние не способствует качественной работе, правильному восприятию ею указаний всадника. Может наступить полный разлад в отношениях между всадником и его партнером. В связи с этим не нужно и даже опасно во время разминки выполнять все элементы, входящие в схему предстоящей езды. Так, например, менку ног в счет можно вообще не делать. Прodelайте только перемену ног в центре поля у буквы "X" и при подходах к стенке манежа. Главное - сохраняйте уверенность в себе и в своей лошади.

То же самое можно сказать и о пируэтах. Вместо того, чтобы помногу раз "крутить" пируэты, стараясь довести их до совершенства, поработайте лошадь на сгибания на большом вольту, постепенно уменьшая его, но ни в коем случае не доводя до настоящего пируэта. Далее, если пассажем (обращая внимание на подъем в пассаж и выход из него) можно пройти небольшое расстояние, то пиаффе лучше сделать с продвижением и очень немного. Важно направить внимание на сокращение движения и выдвигание лошади вперед. Повторить такое упражнение можно, но не более двух-трех раз.

Главная работа должна быть направлена на так называемую "гармошку", когда совершаются переходы из одного вида аллюра в другой. Работая с лошадью, не забывайте всегда использовать углы манежа. Подходя к углу, усиливайте шенкель и сделайте немедленно полуодержку, чтобы увеличить сбор лошади и таким образом подготовить ее к переходу, например, из прибавленной рыси в

собранную. Кстати, не рекомендую делать длинную прибавленную рысь: достаточно выдвинуть из угла лошадь на увеличение нескольких махов. Не стоит учить в последний момент ни себя, ни лошадь. Нужна спокойная психологическая настроенность на выполнение программы езды наилучшим образом для себя и своей лошади. Очень важно повторить сгибания и особенно "плечом внутрь", которое способствует подведению зада лошади.

Подобного рода разминка всегда себя оправдывала, хотя спортсмены, которым я рекомендовала делать так, сначала выражали свою неуверенность и встревоженность. Результат же оправдывал эти советы.

И последнее, "прокатывать" всю езду во время разминки нельзя. Вместо мобилизации психики всадника и лошади на выступление с наилучшим результатом можно вызвать либо вредную успокоенность (при хорошем выполнении программы), либо еще большую нервозность у спортсмена, немедленно передающуюся лошади.

От разминки нередко серьезно зависит самое главное, ради чего человек работает с лошадью годами - его выступление в соревновании.

Заканчивая обзор работы с лошадью, хочу остановиться на небольшой расшифровке **общих оценок**, которые выставляют судьи в конце любой езды, так как они как бы подводят итоги не только выступлению всадника на данном соревновании, но и проделанной им работы, определяя степень и качество выездки лошади.

В общие оценки принято включать:

1. аллюры (их свобода, правильность и равномерность);
2. импульс (желание лошади двигаться вперед, эластичность шагов, гибкость позвоночника(спины), подведение зада);
3. повиновение (внимание, доверие, гармония, легкость, отчетливость движений);
4. положение и посадка всадника, в также правильность и эффективность применения им средств управления лошадью.

Говоря об **аллюрах**, следует подчеркнуть, что качество движений лошади прямо зависит от **свободы** ее движений. На любом аллюре, будь то шаг, рысь или галоп, не должно быть "зажатости" - скованности мускулатуры лошади. Свободная мускулатура позволяет лошади двигаться непринужденно и грациозно. Если зад лошади толкает весь ее корпус уверенно и сильно, всадник не висит на поводу, а только ведет им лошадь вперед, то ее плечо будет выноситься свободно. Таким образом, правильно подведенный и работающий зад лошади делает движение ее переда легким и величавым. Если лошадь не сопротивляется, то она будет идти в естественном равновесии, что облегчает управление ею.

Правильность означает одинаковость движения на различных аллюрах, как на собранных, так и на прибавленных. Шаги или махи в определенных аллюрах должны быть всегда одинаковыми, различаясь только длиной в зависимости от исполняемого движения. Поэтому в работе с лошадью нужно быть внимательными к тому, чтобы она шла,

например, на собранной рыси ровными уверенными махами, сохраняя их на всем движении одинаковыми по длине. То же касается и прибавленной рыси. Нельзя позволять лошади, переходя, например, с собранной рыси на прибавленную, делать короткими махи или учащать их, а только потом удлинять их. Нельзя забывать, что хорошее исполнение любой схемы езды требует, чтобы на всех аллюрах сохранялся один и тот же ритм. Это возможно при условии, если вы добьетесь от лошади быстрого и четкого перехода из одного вида аллюра в другой.

Импульс - это внутреннее желание лошади двигаться вперед. Совершенно очевидно, что предпочтение отдается той лошади, которая двигается вперед с импульсом, а движения ее **эластичны**, естественны, а значит и выразительны. Это возможно, если задние ноги лошади активны, зад ее достаточно подведен на протяжении всего выступления, а незатянутый повод позволяет мышцам двигаться мягко и свободно. В этом разделе упоминается такое понятие, как "принятие на спину". Лошадь принимает всадника на спину в том случае, если она не зажата, если ее спина гибка, мышцы не скованы и вибрируют. Только тогда всадник может иметь непринужденную посадку, двигаться вместе с лошадью, а не "прыгать" на ней. Все это достигается ежедневной гимнастикой, последовательностью в работе, при которой лошадь не испытывает неприятных ощущений, которые могут вызвать у нее сопротивление.

Подчинение - повиновение выражается в послушании, в стремлении лошади с готовностью выполнять требования всадника. Все это характеризует хорошо выезженную лошадь. **Внимание и доверие** означают постоянное желание лошади отвечать на средства управления, то есть она подчиняется с готовностью и охотой требованиям всадника. Тогда создается впечатление, что лошадь выполняет все упражнения самостоятельно, оставаясь при этом спокойной и энергичной. В этом заключается взаимопонимание всадника и лошади.

Говоря о **принятии повода**, нужно помнить, что при любой работе должен сохраняться постоянный и легкий контакт - связь между рукой всадника и ртом лошади. Правильно выезженная лошадь ищет эту связь сама, причём всадник сидит свободно, не опираясь на повод, и лошадь как бы несет себя. Степень принятия повода, зависит от требований, которые всадник предъявляет к лошади. Он может усилить контакт с ртом лошади только на короткий миг и должен, по возможности, быстрее перейти к легкой связи с ее ртом. Если лошадь идет за поводом или через повод, то это означает, что всадник грубо воздействует поводом, использует главным образом руки. У такого всадника нет гармонии в применении средств управления. Повод служит для управления лошадью, а не для того, чтобы легче было держаться в седле.

С правильным принятием повода тесно связана **легкость** в движении **переда**. Однако, легкость переда должна соответствовать степени сбора, то есть шея лошади должна быть менее вытянута на собранных аллюрах и более - на прибавленных. То есть при изменении аллюра (при

переходе из собранного в прибавленный и наоборот) следует менять рамку, принимаемую при этом лошадыю. Ведь само слово "сбор" означает собирать, накапливать.

Накапливать прежде всего энергию в заднем отделе лошади, который является как бы мотором. Несущую способность задних конечностей лошадь использует для освобождения передка. Но подъем передка предполагает не укороченность движения, а его величавость.

О **положении и посадке** всадника, правильности применения им средств управления лошадыю рассказывалось на протяжении всей брошюры, поэтому специально на этом останавливаться не будем.

Кроме того, нужно знать и помнить о том, что лошадь должна обладать каденцией. Это значит, что ее движения должны быть правильными, отчетливыми, с ясно выраженным ритмом. Так, каденция лошади на шаг - это отчетливо слышимые четыре удара копыт о землю, а на рыси - это отчетливое диагональное движение ее ног (так называемая "бегущая рысь" лишена каденции). Особенно ярко выражена каденция на пассаже.

Также немаловажное значение имеет такое качество выездной лошади, как **совкость** - развитая способность быстро отвечать на оказываемое воздействие человека. Отсутствие у лошади совкости, податливости, гибкости выражается в скованности ее движений, в негибкой спине, в "мертвом" и открытом рте, в перекидывании языка через удила. Плохо выездная лошадь старается отделаться прежде всего от полуудержек, "ложится в повод", "уходит за повод" или "через повод", у нее зажат затылок, **неспокойна голова**. Полуудержка - незаметное воздействие прежде всего и шенкеля, и рук всадника. Она выполняется для того, чтобы привлечь внимание лошади и подготовить ее к выполнению каких-либо движений или переходов из одного аллюри в другой. Лошадь не показывает правильного сбора, соответствующего определенным элементам, напряженная ее спина не позволяет всаднику сидеть на ней непринужденно, сопровождать ее во всех движениях. Все эти критерии говорят об отсутствии главного - **гармонии** в паре всадник/лошадь. Только при наличии гармонии между сбором лошади, правильным применением средств управления ею, взаимопониманием человека и лошади можно говорить о том, что данная лошадь прошла определенный курс выездки и ее можно считать выездной.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Два рисунка, характерные для понимания правильного и неправильного положения лошади в работе.

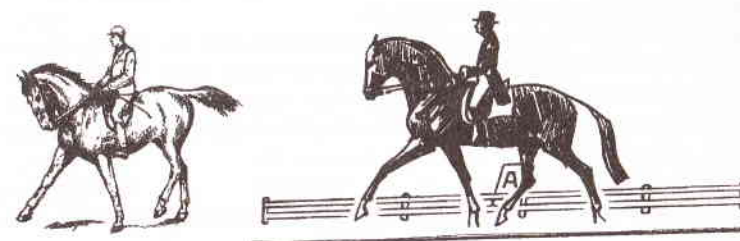

Рис. 1. Как не надо работать

Рис. 2. Как надо работать

рис. 1. Нередко можно наблюдать такое положение лошади в работе и на соревнованиях (нос уткнулся в грудь, поводья натянуты, передние ноги выбрасываются резко и почти не согнуты, плечевая мускулатура напряжена)

рис. 2. К чему надо стремиться.

Приложение 2

Спортсмену-коннику следует знать, что лошади отличаются одна от другой не только по породе (а мы знаем много прекрасных пород лошадей - чистокровная английская, тракененская, ахалтекинская, арабская, кабардинская, карабаирская, рысистая и др.), но и по приметам и кличкам. Самая основная примета - это масть, то есть окраска шерсти лошади.

Лошади бывают рыжие, гнедые, вороные, караковые, серые, буланые и соловые.

Рыжая масть делится на золотисто-рыжую, светло-рыжую и темно-рыжую. У рыжей масти цвет волос туловища, гривы и хвоста одинаково рыжий.

Гнедая масть делится на гнедую и темно-гнедую. У гнедой масти цвет волос туловища коричневый, а грива и хвост черные.

Вороная масть имеет ровную черную окраску как волос туловища, так и гривы и хвоста.

Караковая масть - почти вороная, но с коричневыми подпалинами на голове (у носа) и в паху.

Серая масть делится на светло-серую, серую в яблоках и темно-серую. У серой масти все волосы белые с незначительной примесью черных волос как на туловище, так и в гриве и хвосте.

Буланая масть имеет золотистую окраску волос туловища и черные волосы хвоста и гривы, с черным ремнем по спине.

Соловая масть имеет золотистую окраску волос туловища и белые волосы хвоста и гривы.

Еще также распространена **чалая масть**, для нее характерна примесь большого или меньшего количества белых волос к основным мастям. Они так и называются: рыже-чалые, гнедо-чалые, вороно-чалые. Так же подразделяется и **пегая масть**, для которой характерны большие желтые, коричневые или черные пятна на белом фоне. Редко встречаются чубарые (в крапинку) и др.

Кроме примет по масти, лошадей отличают еще по таким приметам, как белизна на ногах, белая проточина на носу или "звезда" во лбу. В паспорте или племенном свидетельстве каждой лошади, кроме года рождения и происхождения, обязательно указывается масть и все другие приметы.

Приложение 3

Каждому всаднику необходимо знать названия отдельных частей тела лошади.

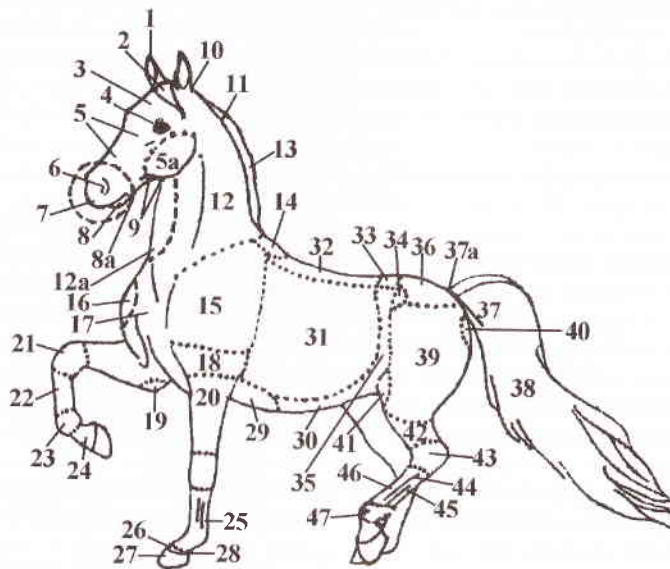

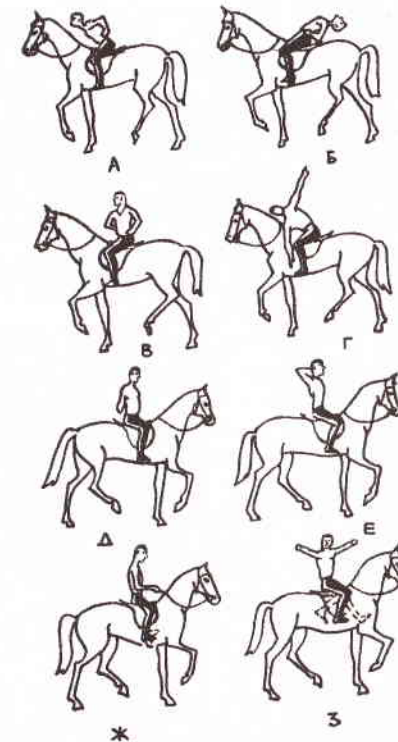
Рис. 3. Части тела лошади

1 Ухо	15 Лопатка	32 Спина
2 Чёлка	16 Плечевой сустав	33 Поясница
3 Лоб (под чёлкой)	17 Грудь	34 Маклок
4 Глаз	18 Плечо (верхняя часть передней ноги)	35 Бок
5 Лицо и нос	19 Локоть	36 Круп
5а Щека	20 Предплечье	37 Твердая часть хвоста
6 Ноздря	21 Запястье	37а Основание хвоста (репица)

7 Верхняя губа	22 Пясть	38 Хвост
8 Нижняя губа	23 Путовый сустав	39 Бедро
8а Подбородок	24 Бабка (путо)	40 Седалищный бугор
9 Ганаш (расстояние между челюстями)	25 Сухожилие	41 Коленный сустав
10 Затылок (между ушами)	26 Венчик копыта	42 Голень
11 Гребень шеи	27 Копыто	43 Скакательный сустав (с пяткой)
12 Шея	28 Пятка	44 Поддерживающая связка
12а Горло	29 Грудина	45 Сухожилие
13 Грива	30 Живот	46 Плюсна
14 Холка	31 Ребра	47 Путовый сустав

Приложение 4

Упражнения, формирующие правильную посадку всадника

А, Б – наклоны корпуса вперед и назад; В – повороты корпуса; Г – доставание носка ноги противоположной рукой; Д – прогибание поясницы рукой; Е – отведение локтя назад; Ж – кругообразные движения ступней; З – качание голени (шеноклей)

Приложение 5

Советы тренера и судьи спортсменам, выступающим по программам выезда лошади

Первое: очень сильно на качество выступления влияет разминка лошади перед стартом и ...разминка самого человека.

Сначала о лошади. Каждая лошадь, как и человек – индивидуальна по своим физическим и психическим данным. Поэтому разминка не может быть у всех лошадей одинаковой, построенной по одному типу. "Ключ" должен быть найден в процессе обучения и подготовки ее к соревнованиям. Об одном следует помнить – первоначальная разминка должна включать в себя шаг – рысь – шаг – галоп – шаг (все без принуждения, без какого-либо требования – это разминка мышц, сухожилий, подготовка нервного аппарата, сердечно-сосудистой системы к нагрузкам), а затем возможна работа на сбор, сгибания и прочее.

У лошади великолепная память, она обладает поразительной стойкостью приобретенных условных рефлексов. Поэтому всаднику совсем не обязательно даже перед "Большим призом" проделывать, например, менку ног в разное количество темпов, а достаточно только напомнить лошади о технике смены ног и соответствующих требованиях, проделав ее один раз влево, один – вправо, допустим, на диагоналях. Такое же напоминание можно применить и в других элементах.

Лошадь вас не подведет на манеже, если вы сами будете работать точно, то есть сообщать ей свои требования сделать то-то и то-то теми же сигналами, к которым она приучена в процессе тренировок. Всякую ошибку лошади ищите прежде всего в себе!

Работать лошадь во время разминки, как во время тренировки или почти так, не имеет смысла. Такая работа часто просто вредна, так как нередко приводит к неуверенности в напряженное предстартовое состояние всадника и нарушает условно-рефлекторные связи у лошади.

На разминке всадник обязательно должен "прокрутить" в голове всю схему предстоящей езды. Делается это зачастую неправильно, то есть вспоминают движения от буквы к букве, смену аллюров и т.д. А нужно делать это так, как в других видах спорта, например, гимнастике, тяжелой атлетике: следуя мысленно по схеме, надо напомнить себе – здесь я усиливаю шенкель, причем левый шенкель, например, у меня ближе к подпруге, а правый – несколько отодвинут; повод работает так-то; корпус и поясница помогают таким-то образом... и так – от элемента к элементу, от буквы к букве. Это необходимо делать вдумчиво, сосредоточенно, не отвлекаясь ни на какую обстановку. Тогда вы сами будете тоже подготовлены к соревновательным условиям. В этом суть разминки человека, его нервно-психического аппарата.

В выступлении пары всадник и лошадь мы хотим видеть гармонию связи, взаимопонимания человека и животного. Это достигается их большим обоюдным трудом.

Далее: всадник направляется к старту. Судьи внимательно следят за ним еще до въезда в манеж. Вот уже когда собственная "разминка" скажется на вашей работе! Автоматизм ваших действий поможет вам владеть собой, владеть своей лошадью.

Въезд совершается в середине дальней от судей короткой стенки манежа, и точку "А" следует пройти так, рассчитав предварительное движение вне манежа, чтобы лошадь двигалась точно по средней линии. Судьям хорошо видно любое отклонение лошади от этой линии. Поэтому, въезжая в манеж, всадник должен вести лошадь в шенкелях, в том сборе, который соответствует собранному галопу, если въезд осуществляется на галопе, и устремить свой взор вперед на точку "С". Если всадник смотрит на шею лошади, а не на перспективу движения, прямолинейности ему не добиться никогда. Это правило относится ко всем движениям по прямой линии, но особенно важно не забывать о нем на перемене ног в любой счет. Смотреть нужно только вперед, на точку, к которой движешься!

Остановка в точке "Х". Понятно, что лошадь должна стоять в этой точке на всех четырех ногах и в абсолютном покое. Это достигается терпением на тренировках, а на соревнованиях не следует забывать, что перед остановкой шенкель усиливается, а всадник подсчитывает про себя темпы (последние): раз-два-три-остановка. Также, считая про себя, нужно выполнять переходы с рыси на остановку и на шаг и т.д. Этот счет – раз-два-три – мобилизует всадника и помогает совершать более точные действия, а значит, выполнение фигуры будет более точным и правильным.

Иногда, остановившись, лошадь расставляет ноги, либо отставляет заднюю ногу или "облегчает" ее... Нужно ли поправлять стойку? Если всадник почувствовал ошибку в положении лошади сразу же, можно, но если прошло уже какое-то время, или лошадь не ответила на воздействие, больше ее не трогайте. Резкость, повторность требования только испортит дело.

После приветствия не спешите: подготовьтесь сами и подготовьте лошадь к тому, чтобы двинуться с первого же шага в рысь, не "раскачиваясь", не делая шаговых движений. Спокойно и равномерно пошлите лошадь вперед с двух сторон, не позволяя ей растянуться: нужно сохранить именно тот сбор, с которым она стояла.

Совет тренера: чтобы лошадь была внимательной к шенкелю, на тренировках необходимо ездить как можно меньше вдоль борта манежа. Следует чаще делать перемены направления, заезды, вольты, серпантины-букле и так, чтобы одна фигура вытекала из другой. Причем очень важно, чтобы лошадь не валилась при перемещениях внутрь, а шла бы между шенкелем и поводом. Тогда и на соревнованиях прямая линия не будет препятствием. Эти упражнения являются прекрасной гимнастикой для лошади, а всадник привыкает оживлять контакт с ней, быстро и мягко менять ей постановление, причем при каждой его смене необходимо выравнивать лошадь хотя бы на одно движение. Для него

станет привычной необходимостью делать полуодержки при каждом изменении направления движения или повороте.

В чем суть полуодержки? Используя каждый поворот, каждый угол, всадник как бы подхватывает в таких местах лошадь сильным шенкелем, а если нужно привлекает и более сильного помощника – шпору. Этим он заставляя лошадь энергичнее подвести зад, сделать его еще более мощным для толчка всей массы вперед. Естественно она должна "натолкнуться" на повод. Всадник должен чутко ждать этого момента и даже предупредить его, "смягчив" руку. Тогда движение не задержится, и лошадь будет двигаться дальше мягко и раскованно. Это очень важно, так как если всадник при выполнении вышеупомянутых упражнений будет всякий раз "отдавать" немного повод при переменах движения, лошадь не будет бояться повода, а будет идти на него. Нечуткая рука, жесткие требования приводят к закреплению плечей, спины лошади, а рот становится грубым.

Если вы правильно провели полуодержку в углу манежа, не забыв при этом немного отдать внешний повод, а внутренний шенкель, лежащий у подпруги, плотнее прижать, ваша лошадь пройдет угол совершенно правильно, как этого требуют Правила по выездке. Кроме того, после такого прохождения угла, если движение выполнялось со стороны длинной стенки, всадник может без каких-либо дополнительных усилий пройти короткую стенку, а она хорошо просматривается всеми судьями, выгодно обратив их внимание на свою посадку, положение в седле и "незаметность" управления лошадью. Но приближается следующий угол, и снова – мобилизация своего внимания, энергии, сил на новую полуодержку и т.д. Одним словом, все эти полуодержки нужны для сохранения соответствующего аллюру и фигуре сбора, мобилизации внимания лошади, поддержания импульса в движении.

Выполнение перемены направления на прибавленной рыси. Перемена совершается по диагонали – самой длинной прямой. Рамка лошади немного увеличена (чуть-чуть вытянута шея), мах на рыси стал шире. Если же мах не стал больше, значит, скорость движения достигнута за счет более частых движений. Тогда-то мы и говорим: "лошадь бежит", а не идет прибавленной рысью, она потеряла пружинистость в своем движении и РИТМ. Если толчковая сила зада использована правильно, то при увеличении маха рыси, ритм сохранится, а рука всадника останется связанной со ртом лошади в легком пружинящем взаимодействии.

Подходя к противоположной стенке, нужно перейти (раз-два-три) в собранную рысь: подхватив шенкелем, не дать вашему партнеру уйти вперед. Это делается поводом, но нужно не тянуть повод на себя, а принять лошадь на повод, сразу же его смягчив, чтобы сохранить эластичность движений, т.е. сделать полуодержку. Надвигающийся угол поможет вам собрать лошадь. Собранная рысь на новом отрезке должна сохранить тот же ритм, с которым вы шли на предыдущей прибавленной. Мах укоротился, но ритм сохранился!

Следующая фигура – плечом внутрь налево. Вы, видимо, заметили, что мы "двигаемся" по схеме "Малого приза". При выполнении

этой фигуры от внимания судей не ускользнет прежде всего степень сгибания лошади. Основное – чувствовать прямую линию, по которой идет диагональная пара ног лошади. Поскольку плечом внутрь налево, то левая задняя нога должна идти по следу правой передней при четком постановлении налево. Отведите немного плечи лошади налево при этом активнее должен быть внутренний высыпающий вперед шенкель. И задача будет выполнена. Кстати, фигура плечом внутрь весьма полезна тем, что при ее выполнении активизируются задние конечности, поэтому не теряется сбор, как это происходит на принятии.

Вольт, совершаемый у буквы "В", имеет диаметр 8 метров, то есть нужно не дойти до буквы "Х" (в центре манежа) двух метров. Коварная фигура! И чтобы она выглядела красивой, необходимо очень тщательно ее выполнить. Не так уж часто мы можем наблюдать, чтобы всадник, не потеряв импульса и сохранив ритм движения, на отчетливой собранной рыси провел свою лошадь по кругу (а не эллипсу!) нужного диаметра. Считая, видимо, вольт несложным элементом, всадники расслабляются, и лошадь либо валится внутрь, либо, потеряв контроль шенкелей, уходит задом наружу, то есть, задние конечности не идут по следу передних. Советую, чтобы вольт вышел хорошим, нужно при отходе от стенки манежа как бы "оттолкнуться" от буквы, сделать полуодержку (как при прохождении углов) и буквально увидеть лежащую перед собой окружность. Для этого на тренировках (не ленитесь!) рисуйте точный круг и проезжайте по нему не раз и не два, а много-много раз. Тогда на соревнованиях вам поможет ваше воображение. Хорошему исполнению вольта, принятий и др. помогает перенос центра тяжести за счет едва заметного перемещения седалища (усиленного нажатия наружного бедра), небольшой разворот плечей, подвижная поясница.

Как уже говорилось выше, на принятии идет постепенная потеря собранности лошади. Поэтому, подготовив лошадь, то есть, сделав полуодержку, усильте внутренний шенкель, который создает импульс движения, и вокруг которого происходит сгибание корпуса лошади. Следите за ритмом, не теряйте его! Это возможно только если вы будете вести лошадь все время в шенкелях и под контролем! Не забывайте, что задний отдел лошади должен нести большую часть ее веса. Поэтому-то я так настойчиво напоминаю о полуодержках перед исполнением всех фигур.

Собранный, а потом прибавленный шаг. Как часто вполне хорошо подготовленные лошади "не имеют" одного – шага. Здесь можно посоветовать только одно – выезжая лошадь, не увлекайтесь сложными фигурами, больше шагайте, дайте развиваться этому главному естественному аллюру. Тем более не забывайте о шаге, о работе на шагу, потому что силы лошади не безграничны и за два часа работы с нею мы не имеем права отвлекаться ни на что. Мобилизация вашей нервной системы должна быть полной, а расчет времени работы продуманным. Шаг – "отец всех аллюров" – полюбите его!

Переход на галоп требует того же: полуодержка, т.е. взаимодействие шенкеля и повода, как предупреждение лошади, что

далее последует какое-то новое указание от всадника, и после этого шенкеля посылают, а руки смягчают повод, чтобы дать лошади возможность двинуться вперед на мягком правильном галопе. Лошадь должна идти на галопе прямо, неважно, идет она по стенке манежа или по воображаемой прямой внутри манежа. Этому необходимо уделять постоянное внимание на тренировках. Лошадь, идущая, что называется в руках и ногах всадника, не будет "бочить".

В схемах всех езд различают по интенсивности три вида галопа – собранный, средний и прибавленный. Но всех их объединяет одно – **ОДИН и ТОТ ЖЕ РИТМ!** Меняется только мах галопа. Меньший захват пространства на собранном галопе делает движение выше, степень сбора здесь больше, чем на остальных видах.

Чтобы галоп был пружинистым, точным и не терял своей трехтактности, нужно постоянно держать под контролем шенкелей каждый мах, галоп должен поддерживаться как бы частичной полудождкой.

Меняя ноги, подключайте счет (раз-два-три! – с акцентом на три перед менкой), как мобилизующее средство для самого себя. Тогда перемена ног будет выполняться "в воздухе" и с продвижением вперед. А как часто мы наблюдаем задержку в движении на менке ног! Это не только неправильно, но и некрасиво.

Вообще, выездженная лошадь должна постоянно проявлять желание двигаться **ВПЕРЕД**, независимо от того, на каком аллюре она идет и какую фигуру выполняет. Всякое торможение в движении – порок и брак в работе всадника и его тренера.

Несколько слов о выполнении **контрперемен (зигзагов) и пируэтов на галопе**. Исполняя контрперемены на галопе, не упускайте из внимания очень важный момент: перед тем, как сменить направление движения, выровняйте лошадь на один темп! Вот в это время и следует выполнять перемену ноги, и только после этого начинайте движение приниманием в другую сторону. У тех всадников, кто не выполняет это условие, лошадь грубо "валится" то в одну сторону, то в другую, так как она теряет равновесие в самый трудный для нее момент, а всадник не успевает совместить свой центр тяжести с ее центром тяжести. В результате получается некрасивая неправильно выполняемая фигура. Чтобы сделать контрперемены (зигзаги) красиво и правильно, нужно внутренний шенкель (тот, в сторону которого идет движение) плотно прижать к боку лошади, поддерживая им импульс и продвижение вперед и в сторону (судьи часто видят просвет между шенкелем и боком лошади, говорящий о том, что вся работа проводится внешним шенкелем). При этом не тяните внутренний повод, так как он дает только направление, не менее важен и наружный повод, прижатый к шее лошади, он ведет ее в сторону. При каждой перемене направления меняется и давление бедер (шлюсса) всадника, помогая смещать центр тяжести лошади и облегчая ей движение в сторону.

При пируэтах на галопе очень важно правильно сидеть в седле. Так как фигура очень сложная и трудная для исполнения, то нужно особенно

концентрировать свое внимание на правильность воздействия на лошадь. При пируэте налево, например, корпус всадника должен быть чуть-чуть больше развернут налево, чем при принятии, а левая нога его, прижатая к боку и действующая как на контрпеременах, с силой опирается в левое стремя, при этом усиливается давление правого бедра (правый шенкель лежит за подпругой). Перемещение вашего центра тяжести позволяет совместить его с центром тяжести лошади, тем самым не мешая ей и облегчая ее работу. Вот тогда и создается впечатление полного единения человека и лошади. Если при выполнении пируэта на тренировках вы достигли в своих действиях автоматизма, то на соревнованиях вам останется только следить за сохранением четкого галопа и ритма!

Уместно напомнить здесь, что средства воздействия на лошадь – шенкель, повод, корпус человека – всегда должны применяться одинаково и точно при выполнении той или иной фигуры. Изменение в месте воздействия шенкелей, изменение в требованиях, исходящих от руки – повода, отрицательно скажется на работе лошади. Эта работа не будет уверенной, стабильной и всегда будут возможны сбои, срывы.

Вырабатывайте в себе **ТОЧНОСТЬ** ощущений и **ТОЧНОСТЬ** воздействий на лошадь!

Итак, в процессе работы по схеме любого приза, помните:

- при переходе в остановку из любого аллюра ведите счет последним движениям: раз-два-три-остановка (разумеется, с подключением шенкеля);

- используйте полудождки для мобилизации лошади перед выполнением любой фигуры;

- все углы должны служить для "оживления" двигательной способности лошади, для подведения ее зада (если вы чувствуете, что лошадь растягивается). Для этого "подхватывайте" ее в любом повороте;

- помните, что на галопе нужно работать, а не кататься;

- не увлекайтесь работой только шенкелем или только поводом. У вас есть и другие хорошие помощники – ваш корпус, ваши бедра, поясница;

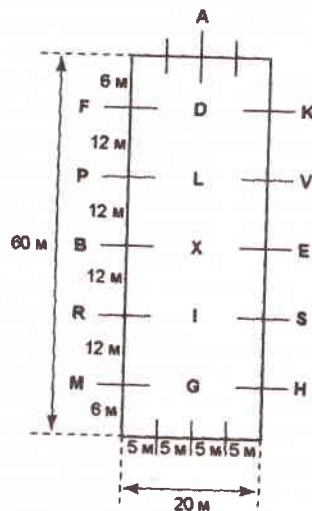
- следите за сохранением **РИТМА** на протяжении всей езды, не торопите лошадь на прибавленных аллюрах.

В этом случае ваше выступление будет красивым зрелищем для публики, приятным для судей (перед ними зачастую стоят сложные задачи) и удовольствием для вас самих.

В первой части книги я рассказывала, как мы готовились к Олимпиаде 1956 года, какие сложности испытывали в освоении предложенной нам Международной конно-спортивной федерацией программы по выездке. Я подумала, что конникам, занимающимся выездкой, как специальным видом конного спорта, будет любопытно познакомиться с Тестом Большого приза /Грант-При/ 1956г., чтобы сравнить требования к спортсменам и лошадям в то далекое уже время / прошло полвека / и теперь возможно кое-чему удивиться.

Я очень люблю афоризм Козьмы Пруткина: «Глядя на мир, нельзя не удивляться». Прекрасно сказано. Удивление-качество, присущее только человеку. Оно делает жизнь интересной, многогранной. Конный спорт связан с живым существом, которое всем своим совершенным обликом и характером невольно вызывает удивление и любовь. Хотелось бы, чтобы это удивление перед историей взаимоотношений человека и лошады было всегда с нами.

Манеж для Выездки

Тест большого приза / гран-при по выездке. Олимпиада 1956 года (Стокгольм)

Норма времени - 16 мин.

Группы	Упражнения	На что обратить внимание
1	AG Выезд на среднем галопе	
	G Остановка - Неподвижность - Приветствие - Продолжение движения на среднем шагу	Впечатление, легкость и свобода аллюров
	C Ездой направо	
	M Перемена направления	
	XKF Прибавленный шаг	
	FB Собранный шаг	
	VMCH Средняя рысь, облегчаясь	
	NXF Прибавленная рысь, облегчаясь	
	PAK Собранная рысь, сидя (учебная)	
	K Средний галоп (с правой ноги)	
	NMF Прибавленный галоп	
	FAXI Собранный галоп	
	I Остановка	
Оценки 0-12 баллов		

Группы	Упражнения	На что обратить внимание
ШАГ (оценки 0-6 баллов)		
	Otl Собранный шаг	
	C Ездой направо	
2	MXX Перемена направления на прибавленном шагу, максимальное расширение	Расширение
3	K Собранный шаг	Собранный шаг (оба)
4	FL Принимание налево	
	LX Движение прямо	
	XH Принимание налево	Оба принимания
5	C Поворот на центральную линию	
	X Полупируэт налево	
	G Полупируэт направо	Оба полупируэта
6	A Ездой направо	
	KL Принимание направо	
	LX Движение прямо	
	XM Принимание направо	Оба принимания
7	C Остановка - Осаживание 6 шагов	Правильность остановки осаживания
РЫСЬ (оценки 0-6 баллов)		
8	CHXF Собранная рысь, сидя	Собранная рысь
	Перемена направления	
9	A Поворот на центральную линию	Два принимания налево
	DP Принимание направо	
	PXS Принимание налево	
10	SG Принимание направо	Два принимания направо
11	C Ездой направо	Пассаж I - и
	CMRIG Пассаж I - и	
12	G Пиаффе I - е (10-12 темпов)	Пиаффе I - е
13		Переход из пассажа в пиаффе
14	GCHEY Прибавленная рысь, облегчаясь	Расширение
15	VLPRI Пассаж II - и	Пассаж II - и
16	I Пиаффе II - е (10-12 темпов)	Пиаффе II - е
17		Переход из прибавленной рыси в пассаж II - и
18	ISHC Пассаж III - и	Пассаж III - и
19	C Остановка - Осаживание: 3 шага назад, 4-вперед, 6 назад	Осаживание

Группы	Упражнения	На что обратить внимание
ГАЛОП (оценки 0-6 баллов)		
20	С	Продолжение движения на собранном галопе с правой ноги
	МХК	Перемена направления
		В точке X пируэт направо
21	К	Смена ноги
	КВМС	Прибавление галоп, максимальное расширение
22	С	Собранный галоп
23	НХФ	Перемена направления
		В точке X пируэт налево
	F	Смена ноги
24	A	Поворот на центральную линию
	DG	По центральной линии 7 контр-перемен с принятием по обе стороны центральной линии со сменой ноги на каждом измерении направления движения. Первая и последняя контр-перемены (направо) состоят из трех темпов, остальные пять - из шести.
25	G	Движение прямо
	С	Ездой направо
	МХК	Перемена направления. На диагонали 5 перемен в 4 темпа (в конце остаться на левой ноге)
26	FXH	Перемена направления. По диагонали - 7 перемен ноги в 3 темпа (закончить на правой ноге)
27	MBFA	Прибавленный галоп, максимальное расширение.
	A	Собранный галоп
	KXM	Перемена направления
		По диагонали - 9 перемен в 2 темпа (закончить на левой ноге)
28	HEK	Прибавленный галоп
29	KAP	Собранный галоп
30	FXH	Перемена направления На диагонали - 15 перемен в 1 темп
	С	Ездой направо

Группы	Упражнения	На что обратить внимание
КРУГ (оценки 0-6 баллов)		
31		На кругу диаметром 16 метров с центром в точке X. На этом кругу сделать в непрерываемой последовательности: 4 переменны ноги в 4 темпа 4 перемена ноги в 3 темпа 4 переменны ноги в 2 темпа 6 перемен ног в 1 темп Повернуть к центру и сменить ногу в точке X. На том же самом кругу, идя налево (в непрерываемой последовательности), сделать: 6 перемен ног в 1 темп 4 переменны ноги в 2 темпа 4 переменны ноги в 3 темпа 4 переменны ноги в 4 темпа
33		Следовать по кругу к точке E, откуда продолжать движение до точки A
	A	Поворот на центральную линию и переход в пассаж
	G	Остановка - Приветствие
ОБЩЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ (оценки 0-12 баллов)		
34		Гибкость и легкость лошади при выполнении упражнений
35		Посадка всадника и его воздействие на лошадь

Полученные баллы.....

Вычитается за ошибки в схеме:

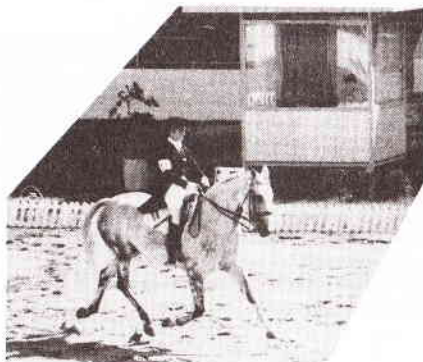
1 -я ошибка - 2 балла 2-я
ошибка - 5 баллов

Превышенное время -1/2 балла за каждую начатую секунду

Всего баллов.....

Максимально полученное количество баллов = 228

V МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ ПО СУДЕЙСТВУ ВЫЕЗДКИ

На одном из международных семинаров судей я услышала от руководителя семинара сравнение, которое мне очень понравилось. Он сравнивал судью по выездке с судьей, который вершит правосудие в общем смысле. В самом деле, судья правосудия, вынося решение, опирается на свод законов. А дело его чести применить эти законы правильно, быть справедливым в своих решениях, т.е. нести правду. Поэтому от должен быть свободен от какого-либо давления со стороны, обладать здравым смыслом и уверенностью в своих действиях. То же самое требуется и от судьи по выездке. Поэтому:

1. Каждый судья должен очень хорошо знать правила, которыми руководствуются всадники при выездке своих лошадей, т.е. Правила FEI. Хорошо, по возможности, знать тесты, которые он судит.

2. Было бы идеально, если каждый судья подготовил или, по крайней мере, совершенствовал лошадь по тому виду соревнований, которые ему приходится судить. Тем более, что езды FEI, которые нам приходится судить, требуют большого знания и опыта.

Чтобы приобрести опыт, нужно много судить или работать с опытными судьями в качестве секретаря, потому что обсуждение оценок приносит большую пользу и тем и другим..

Кроме того, конечно, очень полезны такие семинары, на которых возможен обмен мнениями.

Что же нужно знать судье?

1. Судья должен оценивать то, что он видит, а не то, что ему хочется или, хотелось бы видеть, или что он однажды видел в исполнении той или иной лошади.

Судье всегда следует помнить о том, что самое важное в его работе – быть справедливым. Только такое отношение к судейству будет помогать спорту и совершенствованию выездки.

2. Не следует забывать, что соревнования по выездке не являются соревнованиями по выявлению лучшего экстерьера.

Безусловно, существует искушение судить более благосклонно красивую элегантную лошадь под всадником, отлично на ней сидящим. Такому же искушению подвергается судья, когда видит перед собой всадника и лошадь, которые уже имели успех. Не может вызывать сомнения то, что красивая лошадь предпочтительна на манеже, но, однако, важно только само выступление!

3. При судействе выездки оценки за отдельные элементы важно ставить немедленно. Для этого необходимо хорошо знать схемы судимых езд.

4. Чрезвычайно желательно записывать свои замечания, особенно в тех случаях, когда оценки опускаются ниже 5. Это даст возможность всаднику проанализировать свою езду и сделать соответствующие выводы, а судья выполнит полностью свою задачу, давая возможность тренеру и всаднику избавиться в будущем от совершенных ошибок. В этом случае огромную роль играют секретари, которые, как и судьи, должны быть хорошо знакомы с текстом езды.

5. Оценки за элементы находятся полностью в распоряжении судьи, и он сможет преодолеть трудности в проставлении баллов только тогда, когда он будет обладать достаточными знаниями и практическим опытом. Обратите внимание, не так уж часто оценки всех судей одинаковы. Это естественно. Судьи видят лошадь с разных углов зрения. Но различие, допустимое в разумных пределах, не должно превышать 2-х. Это, конечно, в том случае, когда возможна сверка результатов.

6. Судья должен стремиться применять ко всем участникам одни и те же принципы. Это даст возможность в конце соревнования вывести размещение мест среди участников по каждому судье и сравнить с тем, что показал всадник вообще.

7. Следует смело ставить действительно хорошую оценку за хорошее исполнение и плохую – за плохое.

Если судья постоянно использует средние оценки, возникает сомнение, способен ли он судить вообще.

8. Не ищите настойчиво мелких ошибок, которые могут сильно повлиять на вашу оценку в целом. Отталкивайтесь в своих оценках от главного - проявляет ли лошадь главное качество, исполняя тот или иной элемент на том или ином аллюре. Но об этом обстоятельно будем говорить дальше.

Обобщение

Таким образом, красной нитью для судьи должны быть следующие положения:

1. Чувство ответственности. Участники соревнований полагаются на судью абсолютно, ожидая, что их труд будет оценен правильно и справедливо.

2. Судья должен руководствоваться беспристрастным мнением, которое не испытывает влияния ни другой личности, ни предыдущего выступления участника.

3. У него должен быть **острый глаз**, схватывающий всю картину, которую нужно оценить, т.е. фиксирующий общее впечатление, не задерживаясь на мелких деталях.

4. Если упражнение состоит из нескольких частей, судья должен решить, какая из них является основной в этом движении, не выпуская, однако, из поля зрения и другие элементы, входящие в него.

5. **Нельзя позволять**, чтобы точность или недостаток точности (какую бы важную роль это не играло в некоторых упражнениях, например, в осаживании, менке ног и т.д.) чересчур сильно влияли на ваше судейство.

6. В целом **квинтэссенцией выезда** является следующее ("общие оценки"):

- а) аллюры – свобода и правильность;
- б) импульс – желание двигаться вперед, эластичность движения, гибкость спины и подведение заднего отдела;
- в) повинование – внимание и доверие, гармония, легкость и свобода движений, принятие повода и легкость передних ног;

7. **Нельзя упускать степень сбора**, т.е. соответствует ли она исполняемому элементу и езде в целом.

8. Судья должен обладать **способностью помнить** на протяжении всего соревнования, за что он дал оценку 4 или 8 в начале соревнования.

9. Наконец, нужно помнить, что судья также как и всадник, никогда не может достичь совершенства, хотя оба они должны **стремиться к идеалу**. Поэтому необходимо постоянно заботиться о своей судейской квалификации – как можно больше судить и как можно чаще обсуждать со своими коллегами современные требования к выезде.

Основные аллюры

От природы лошадь обладает тремя аллюрами. Этими аллюрами являются: шаг, рысь и галоп. На их качество значительно влияют экстерьер лошади. Отсюда – и разница, различие, иногда очень большое, которые мы видим в движениях. И уже от всадника зависит максимально развить возможности лошади (в смысле ее движений). Жизнь подтверждает, что искусство всадника может в процессе тренировки исправить "ошибку" природы, но чрезмерно насиловать природу не следует, иначе вы придете к искусственным движениям, далеким от совершенства и гармонии. Поэтому, например, до класса "Большой Приз" нужно выезжать только такую лошадь, которая обладает хорошими природными возможностями, хотя лошадь часто портят еще на "подходе" к "Большому Призу".

Шаг – аллюр, в котором все четыре ноги лошади следуют одна за другой, причем можно отчетливо услышать 4 удара копыт о землю через **равные** промежутки времени. В этом случае мы говорим о правильном шаге. Если же ноги лошади двигаются не через равные интервалы времени, мы имеем дело с неправильным шагом, а иногда даже и с иноходью. Шаг должен быть энергичным, но не поспешным.

Энергичность лошади может вызываться всадником, но может быть и природной.

Во всех видах шага интервал времени между шагами должен быть постоянным, разница только в том, какое пространство захватывается в том или ином виде шага. Несоблюдение этого условия приведет к нарушению **ритма** движения на шагу. Например, замедление движения на собранном шагу должно быть замечено судьей и соответственно оценено более низким баллом.

Ошибки на шагу (общие):

- а) неправильный, неравномерный, замедленный шаг;
- б) вялые, скованные движения задних ног;
- в) иноходь – самая серьезная ошибка – когда равносторонние пары ног ставятся на землю одновременно;
- г) непрямолинейность лошади (бочение). В этом случае задние ноги не следуют точно по направлению передних, а ставятся сбоку следов передних ног (лошадь идет как бы в два следа).

Мы различаем:

1. Средний шаг – когда задние ноги ставятся на землю впереди следов передних ног. Лошадь должна быть в поводе, шея несколько вытянута.

Основные ошибки:

- а) следы задних ног не перекрывают следов передних и даже остаются позади них;
- б) лошадь спешит;
- в) лошадь непрямолинейна в корпусе;
- г) всадник потерял связь руки со ртом лошади (провисание поводьев);
- д) лошадь идет за поводом или через повод.

2. Прибавленный шаг – о значении прибавленного шага говорит то, что почти во всех ездах FEI он имеет коэффициент два (2) – задние ноги должны касаться земли впереди следов передних ног. Вытянутость шеи лошади хорошо выражена. Нос немного впереди вертикали, легкий контакт между рукой всадника и ртом лошади сохраняется.

Основные ошибки:

- а) задние ноги ставятся след в след передних ног или даже остаются позади них;
- б) лошадь спешит;
- в) лошадь непрямолинейна в корпусе;
- г) лошадь идет за или через повод;
- д) всадник теряет контакт со ртом лошади.

3. Собранный шаг – задние ноги не должны перекрывать следов передних. Шаги становятся более круглыми, выразительными. Ясно выражена приподнятость шеи. Задние ноги несут больший вес, поэтому круп несколько опущен, перед же облегчен.

Основные ошибки:

- а) задние ноги ставятся в след передних или, даже, перекрывают их;
- б) лошадь спешит;

в) лошадь непрямолинейна в корпусе;

г) шея лошади слишком вытянута;

д) лошадь идет за или через повод.

4. Свободный шаг – в этом случае всадник прекращает свое воздействие на лошадь, позволяет ей полностью вытянуть шею, поводы полностью отданы. Свободный шаг – это, так сказать, награда лошади за совершенную работу, это момент отдыха животного.

Во всех видах шага прежде всего ценятся естественность, непринужденность, безупречная четырехтактность движения. Эти качества имеют первостепенное значение для судей при проставлении оценок.

Рысь – для этого аллюра экстерьер лошади также имеет большое значение. Длина шеи, косое плечо, длина спины, длина крупа, хорошо задние конечности позволяют судить о том, как сложена лошадь. Гармония этих качеств помогает показать на манеже то, что желательно видеть, а именно: импульс, легкость, эластичность движений и захват пространства. Конечно, в процессе тренировки всадник может развить, улучшить рысь, и в этом особую роль играет гимнастирование задних конечностей, развитие их толчковой силы, от которой в значительной степени зависит захват пространства при движении. На шагу этого добиться труднее.

На рыси мы имеем дело с диагональной последовательностью махов, т.е. диагональная пара ног двигается вперед одновременно и ставится на землю вместе.

При смене диагоналей существует момент подвисяния, когда ни одна из 4-х ног лошади не касается земли. Причем, чем больше толчковая сила задних ног и раскованность в движении плечей, тем шире движения на рыси.

Ошибки (общие), характерные для рыси:

а) нескоординированность движения;

б) скованность (напряженность);

в) вялость задних ног, особенно на прибавленном аллюре;

г) торопливость (лошадь спешит);

д) непрямолинейность в корпусе.

Мы различаем:

1. Рабочая рысь. С рабочей рыси – аллюра между средней и собранной рысью – начинается работа с молодой лошадей. Только после того, как лошадь уравновешена, идет в поводу, когда задние ноги достаточно подведены, можно переходить к прибавленным и собранным аллюрам.

Если же лошадь тренирована, то с рабочей рыси должна начинаться ежедневная работа (разминка).

2. Средняя рысь – характеризуется тем, что мах лошади расширяется (но без торопливости), шея несколько вытягивается. Ясно выражен импульс,

как результат энергичной работы зада. Лошадь как бы сама себя несет. Задние ноги опускаются в следы соответствующих передних ног.

Основные ошибки:

а) плохо скоординированные движения;

б) скованность (напряженность), особенно плечей;

в) торопливость, потеря ритма;

г) непрямолинейность самой лошади;

д) шея не вытянута;

е) лошадь идет за или через повод;

ж) лошадь "не несет себя" ("висит" на переду; двигается, как корабль – нос вверх, корма вниз и т.д.);

з) отсутствие контакта всадника со ртом лошади.

3. Прибавленная рысь, по сравнению со средней, характеризуется большим импульсом, максимальным захватом пространства и особенно энергичной работой задних конечностей. Часто можно наблюдать, как всадники показывают максимум импульса и максимальный захват пространства на средней рыси и поэтому не в состоянии выразить прибавленную.

На прибавленной рыси шея лошади заметно вытягивается, т.е. становится длиннее, нос лошади – немного впереди вертикали. При максимальной энергии, проявленной в этом движении, лошадь должна сохранять гибкость. При этом за ошибку принимается как напряженная, неравномерная, так и чрезмерная, утрированная работа передних ног, когда копыта опускаются не на то место, на которое они указывают при движении. К недостаткам относится также слишком широкое разведение задних ног, что впрочем, может быть обусловлено сложением (экстерьером) лошади.

Другие ошибки:

а) скованность (напряженность);

б) торопливость, потеря ритма;

в) непрямолинейность самой лошади;

г) перенос центра тяжести на перед (лошадь "не несет себя");

д) шея не вытянута;

е) лошадь идет за или через повод.

4. Собранный рысь характеризуется более высоким движением передних ног благодаря тому, что задние ноги, принимая на себя большую нагрузку, сильнее пружинят и энергично толкаются вперед и вверх. При этом наблюдается опущение крупа за счет большего сгибания бедренного и скакательного суставов. Сгибание суставов зада и подъем шеи взаимосвязаны. Это – подлинный сбор лошади, в отличие от неправильного сбора, вызываемого только рукой всадника: при таком сборе естественность и гибкость движений невозможны. Кроме того, не происходит удлинения шеи лошади при изменении вида рыси.

Смещение центра тяжести на задний отдел лошади позволяет освобожденным передним ногам выходить вперед легко и плавно.

Самыми распространенными недостатками (ошибками) на собранной рыси являются:

- а) слишком долгая фаза подвисяния (рысь – полупассаж-плавунец);
- б) нарушение ритма;
- в) скованность движений;
- г) вялая работа задних ног.

Недостаточная чистота движений, сбои в ритме и темпе на рыси особенно выявляются во время поворотов, на вольтах, при прохождении углов (следы задних ног смещаются наружу, а не идут по следу передних).

Галоп – на галопе, также как и на шагу и рыси экстерьер лошади играет решающее значение.

Галоп является самым грациозным и в то же время самым энергичным аллюром. Скачки на галопе осуществляются за счет сгибания и вытягивания, подведенных под корпус лошади задних ног. Причем толчковая сила, а значит – импульс движения, исходит от одной «внешней» ноги, которая выносятся в направлении центра тяжести лошади. Различаются отчетливо три удара, поскольку сначала опускается внешняя задняя нога, затем диагональная пара ног и, наконец, передняя внутренняя нога. Затем следует фаза подвисяния.

Различают галоп с левой или правой ноги. Случается видеть, когда лошадь идет неправильным галопом, т.е. «крестит» – передом идет, например, с правой ноги, а задом с левой или наоборот.

Галоп должен быть мягким и эластичным, с хорошим импульсом и захватом пространства, т.е. выполняться хорошим махом (со свободным плечом).

Ошибки на галопе (общие):

а) обе задние ноги ударяются о землю (ставятся на землю) одновременно (практически – только на собранном галопе);

б) в диагональной паре ноги касаются земли одна вслед за другой. В этом случае мы имеем дело с четырехтактным галопом. Такого галопы вы не увидите у лошади на свободе, поэтому его следует отнести исключительно к дефектам выездки, воспитания лошади;

в) лошадь «крестит».

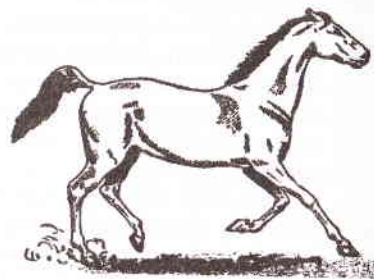

Рис. 1. Лошадь «крестит» на галопе

Различают несколько видов галопы:

1. Рабочий галоп используется в начале выездки. Это – аллюр, занимающий промежуточное положение между средним и собранным галопом. Переходить к прибавленным и собранным аллюрам можно только тогда, когда лошадь уравнивается, оставаясь в поводе, а задние ноги на рабочем галопе будут достаточно подведены.

Для выездной лошади этот аллюр используется для разогрева перед ежедневной работой.

В среднем галопе махи лошади удлиняются, но не учащаются, при этом шея немного вытягивается. Спокойными энергичными прыжками лошадь продвигается вперед, хорошо работая подведенными задними ногами.

Ошибки:

- а) мах не удлиняется, а учащается, потеря ритма движения;
- б) вялость задних ног;
- в) шея не вытянута;
- г) лошадь непрямолинейна;
- д) лошадь идет за или через повод.

3. На прибавленном галопе мах заметно удлиняется, лошадь продвигается вперед энергично, но незаторопленно. Шея вытянута, и ошибкой не считается, если нос находится впереди вертикальной линии головы. Легкий контакт со ртом лошади остается, как и на среднем галопе. Лошадь как бы «несет» себя.

Ошибки:

- а) махи не удлиняются, а учащаются;
- б) вялость задних ног;
- в) лошадь непрямолинейна;
- г) шея не вытянута;
- д) лошадь идет за или через повод.

4. Собранный галоп. Для этого вида галопы характерны опущенный круп, большее сгибание суставов задних ног (они принимают на себя вес лошади), центр тяжести перенесен на задний отдел лошади. В результате высвобождаются передние ноги, и их движение становится более легким. Захват пространства на собранном галопе уменьшается.

Ошибки:

- а) мах частый (торопливый), плечо не выдвигается вперед, лошадь работает как бы под себя;
- б) махи короткие, без импульса и подведения зада;
- в) лошадь непрямолинейна;
- г) передние ноги слишком «лезут» вверх (за счет руки всадника), шея скована и затянута;
- д) лошадь идет за или через повод.

Во всех видах галопы должен сохраняться ритм движения. Различие должно быть только в захвате пространства.

Основные качества выездной лошади

1. Ритмичность движений – это правильность, регулярность движений, что является главным условием исполнения любого аллюра. Иначе мы увидим разобщенную (нескоординированную) работу ног лошади.

а) Шаг: ясные четкие четыре удара копыт, например, правая задняя – левая передняя – левая задняя – левая передняя.

б) Рысь: ясно выражены два удара копыт. Последовательность ног диагональная с моментом подвисания между диагоналями.

в) Галоп: ясно слышны три удара копыт. Внешняя задняя – диагональ – внутренняя передняя. Момент подвисания. И галоп и рысь определяются термином "мах".

г) Осаживание: пары ног поднимаются и опускаются диагонально и одновременно. Движение назад должно сохранять правильность шагов и тот же захват пространства, что и при собранном шаге. Движение совершается по прямой линии. Лошадь находится в поводу и послушно уступает воздействию руки всадника, который в это время освобождает поясницу лошади. Ноги всадника должны "сторожить" само движение назад, сохраняя его плавность.

Ошибки, характерные для осаживания:

- а) напряженный затылок, лошадь идет за или через повод;
- б) лошадь спешит или двигается назад уменьшенными шагами;
- в) нет четкой диагональной последовательности;
- г) задние ноги уходят в сторону;
- д) передние и задние ноги волочатся по земле.

2. Выезженная лошадь обладает естественными, гибкими, без напряжения и скованности движениями.

Спина лошади, являясь как бы мостом между задними и передними конечностями, должна быть гибкой и колебаться вниз-вверх, давая возможность всаднику удобно сидеть на лошади, а это в свою очередь позволит ему использовать в качестве средств воздействия свою поясницу, вес и шенкеля.

Скованные движения, напряженная спина (это видно, когда всадник "прыгает" в седле на рыси), беспокойный хвост, "мертвый рот", открытый рот, перекинутый или высунутый язык являются признаками того, что к данному моменту лошадь еще не выезжена, или плохо выезжена.

Энергичные движения и послушание – идеал, к которому следует стремиться, но нужно научиться отличать эти качества от, казалось бы, подобных, но проявляющихся в напряженном состоянии (например, можно наблюдать энергично исполняемые собранные аллюры, а мускулатура лошади скована).

3. Принятие повода. Это понятие означает постоянный и легкий контакт руки всадника со ртом лошади.

Правильно выезженная лошадь будет сама искать этот контакт.

Всадник сидит на лошади независимо от повода.

Степень принятия повода естественно изменяется в зависимости от требований, предъявляемых всадником, но усиление воздействия на рот должно быть кратковременным. Всадник должен стремиться по возможности быстрее восстановить мягкий контакт со ртом лошади. Лошадь, правильно принимающая повод, т.е. идущая в легком контакте, как бы "несет" сама себя. Как только лошадь пошла за или через повод, всаднику должно стать ясным, что он воздействует рукой слишком сильно, не подкрепляя это воздействие другими средствами управления

(в первую очередь шенкелем) с тем, чтобы сохранилась гармония в его требованиях.

4. Импульс рассматривается как результат выездженности лошади, работы ее вибрирующей спины и эластичных задних ног. Именно работа задних ног создает импульс в движении.

Движения лошади должны быть мягкими, грациозными, совершаемыми без усилий и в то же время энергичными.

Момент подвисания на рыси и галопе, выполняемых с импульсом, ясно выражен в отличие от движения без импульса. Само понятие "импульс" означает внутренне желание лошади энергично двигаться.

5. Прямолинейность лошади. По природе большинство лошадей "бочит". Это "бочение", как правило, ликвидируется в процессе работы-тренировки.

6. Повиновение, послушание лошади проявляется больше всего в том, насколько легко и охотно она делает переходы на всех аллюрах с хорошо подведенным задом, гибким и не напряженным затылком, а также в том, как легко отвечает ее рот на воздействие поводом налево и направо.

Только правильная терпеливая выездка может привести к выполнению этих требований.

Если лошадь на остановках и переходах "ложится в повод", уходит за или через повод, качает головой, открывает рот или не желает согнуться направо или налево из-за напряженного негибкого затылка, то это говорит о ее неподчинении всаднику.

7. Сбор. Начнем с того, что зад лошади является ее мотором, дающим энергию, с помощью которой она совершает движения. Сгибание тазобедренных и скакательных суставов делает перед лошади выше, а круп – ниже.

Способность к сбору развивается в процессе тренировки. Слишком быстрая выездка приводит к уменьшению гибкости и нервозности лошади. При этом теряется естественность движений. Особенно часто это происходит на шагу, когда захват пространства (особенно на прибавленном шагу) "в процессе выездки" заметно уменьшается.

Таким образом, эффективности сбора добиваются медленно.

Сгибание тазобедренных и скакательных суставов ведет, как говорилось выше, к подъему переда. В этом – гармоничное изменение всей рамки лошади, т.е. в результате усиленной работы зада поднимается шея от холки (там, где проходит линия постава шеи).

Самый высший сбор требуется на пируэтах на галопе, на пиаффе и на пассаже. В этих упражнениях снижение заднего отдела лошади ясно выражено. Но и здесь движения не должны терять своей эластичности и не становиться напряженными.

Если же шея поднимается только рукой, то рамка лошади будет выглядеть негармонично: шея укорочена, зад отставлен. Такой "сбор", сделанный рукой, искусственный и противоречит принципам классической выездки. Он говорит о попытках некоторых всадников навязать лошади работу (выполнение элементов), к которой она еще не готова.

Поэтому глаз судьи (тренера) должен ясно видеть разницу между искусственно выдрессированными "затянутыми" лошадьми и такими, у которых поднятие переда гармонично с положением ее заднего отдела.

Общие оценки, что они означают

Общие оценки отражают все впечатление, которое получил судья от выступления всадника. Еще раз подвергаются оценке основные качества лошади и поведение всадника в целом.

Общие оценки должны соответствовать тем баллам, которые поставлены за отдельные движения и упражнения.

Например, если в процессе езды ставились баллы 5, 6 и 7, то в общих оценках вряд ли может стоять 8. Если же это произойдет, то разница между отдельными и общими оценками приведет к неправильным окончательным выводам, т.е. не будет дана справедливая классификация всадников.

1. Аллюры (свобода и правильность)

Здесь следует думать о трех характеристиках:

а) Если сбой (или разобщенность, несоординированность движения) произошел один раз и всадник уже понес наказание, то в общих оценках это не должно отражаться. Но если такие ошибки в езде повторялись, то снижение общего балла неизбежно. Большое внимание следует уделять тому, насколько свобода или скованность аллюров присутствует во всей езде.

б) Правильность, четкость, регулярность аллюра означает однородность движения, как в собранных видах, так и при прибавлении, т.е. все махи на рыси и на галопе должны быть одинаковыми по ритму на данной скорости движения при исполнении всех элементов езды. Они только удлиняются на прибавленных аллюрах при сохраненном ритме.

2. Импульс – желание двигаться вперед. Эластичность движения, гибкость спины и подведение зада – главные требования к выездной лошади. Все эти характеристики при проставлении общей оценки рассматриваются вместе. Совершенно очевидно, что всегда должно отдаваться предпочтение тому выступлению, в котором лошадь двигается с импульсом, если даже и совершались какие-то неточности.

Эластичность проявляется тогда, когда сохранена естественность движений, доведенных до наивысшей выразительности.

Только вибрирующая (мягкая) спина лошади дает возможность всаднику иметь гибкую посадку. Напряженная спина лошади влияет отрицательно на естественность движений. Отсюда посадка всадника беспокойна, на рыси его "выбивает" из седла.

Важной характеристикой для судейства является хорошее или плохое подведение зада в течение всей езды.

3. Послушание (внимание и доверие, гармония, легкость и свобода движений, принятие повода и легкость переда)

Все эти качества характерны для хорошо выездной лошади. Внимание и доверие означает, что лошадь всегда готова ответить на

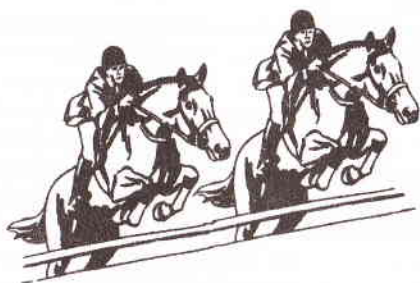
воздействие всадника, имея легкий контакт. При этом наблюдается мягкий рот, спокойный глаз, спокойная реакция ушей и спокойный хвост. Все это и составляет гармонию, хорошее взаимопонимание между всадником и лошадью.

Легкость, приподнятость переда зависит от степени сбора.

4. Посадка всадника, правильность и эффективность применения средств управления

Здесь нужно быть особенно внимательными. Всадник, красиво сидящий на лошади, не может получить высокую оценку только за это. Более решающим является то, как он управляет лошадью, т.е. выполняет элементы езды. Желательно, чтобы его воздействия были незаметными, но заставляли бы лошадь энергично выполнять нужные требования.

VI МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ СТИПЛЬ-ЧЕЗНОЙ ЛОШАДИ

Стипель-чез – один из ведущих и интереснейших видов конного спорта.

В стипль-чезе внимание зрителей захватывается спортивной борьбой, происходящей на их глазах в течение всего нескольких минут. В этой кратковременной, но чрезвычайно напряженной борьбе заключается красота стипль-чеза и трудность участия в нем. В этом же и главное отличие его от других видов конного спорта (например, кросса). В кроссе человек и лошадь одни. Каким бы трудным не было положение, и человек и лошадь могут спокойно сконцентрировать свое внимание на том, что предстоит преодолеть – им никто не мешает. Совсем другое наблюдается в стипль-чезе, в котором несколько лошадей идут близко друг от друга. Лошади горячат и нередко сбивают друг друга с расчета перед преодолением препятствий и т.д. Кроме того, преодоление препятствий в стипль-чезе происходит на большей скорости (более выгодном пейсе), чем в кроссе и конкуре.

Несмотря на кратковременность стипль-чеза, он требует от всадника и лошади максимального напряжения их психофизических сил.

Стипель-чез требует от всадника:

- большой концентрации силы воли;
- быстрой реакции на создающуюся обстановку и моментального принятия решений;
- владения собой в трудные моменты;
- знания и чувства пейса.

Последнее, как мне кажется, нуждается в пояснении и определении. Попробую их сделать.

Пейс – скорость, с которой идет лошадь в данный момент.

Знание пейса необходимо для определения скорости, с которой следует вести лошадь, чтобы пройти всю дистанции в определенное желаемое время (например, в зависимости от состояния дорожки) и с какой скоростью ее можно вести, т.е. знать силы и возможности своей лошади.

Чувство пейса – способность человека определить скорость, с которой он ведет лошадь в данный момент или, точнее, с какой затратой энергии идет лошадь в каждый данный момент скачки.

Это чувство пейса является ключом к правильному определению тактики и правильному распределению сил лошади. В этом, собственно, и заключается главная сложность конного спорта. Если человек-бегун распределяет и чувствует свои собственные силы, то всадник должен определить за лошадь ее состояние и знать, трудно ей выполнять то либо иное требование или нет. Это **важно** особенно при работе чистокровной лошади, нервная система которой очень восприимчива, а откровенность в работе известна всем конникам и заключается в том, что по требованию эта лошадь напрягает все силы до предела своих возможностей, а если это окажется непосильной для нее работой при недостаточной подготовленности, то выступление, что иногда и бывает, заканчивается гибелью лошади.

Стипель-чез развивает в спортсменах важнейшие качества конника: смелость, выносливость, чувство лошади и требует большой физической подготовки, достигаемой в процессе тренировки.

Сама сущность тренировки, по определению профессора Крестовникова, заключается в том, что путем постепенного втягивания организма в работу, его работоспособность можно максимально увеличить. В процессе тренировки улучшается, совершенствуется работа всех органов и систем организма и прежде всего – нервной системы.

Правильно проводимая тренировка развивает выносливость, настойчивость, силу воли, а это означает, что она вызывает в центральной нервной системе большие сдвиги.

В этом заключается идея нервизма, развитая учением великого русского физиолога И.П. Павлова.

Достижение спортивной формы в результате тренировки означает, что организм (человека, лошади) может выполнить интенсивную работу, требующую больших нагрузок, без вреда для своего здоровья, без тех неприятных последствий, которые нередко сопровождают скачки. Достижение спортивной формы также означает, что организм сможет не только быстро восстановить свои силы после проделанной работы, но в нем наступают такие изменения, которые позволят ему показать лучшие результаты.

Для того, чтобы успешно выступать в стипль-чезе, необходимо подготовить организм лошади к перенесению огромной нагрузки (скачка идет на сравнительно большой дистанции 4-6 км с препятствиями) в течение непродолжительного времени (всего 5-8 минут). Поэтому в процессе тренировки должны получить разностороннее развитие нервная и сердечно-сосудистая системы, органы дыхания и мышцы лошади.

Мною предлагается план тренировки стиплеров (лошадей, скачущих в стипль-чезах), приближенный к тому, который был применен нами (моим тренером по стипль-чезу и мною) к кобыле Диде.

Многие спортсмены помнят, что Дида по тем или иным причинам скакала посредственно, но видя в этой лошади великолепный экземпляр стиплера (по экстерьеру и в соответствии с необыкновенно производительными и красивыми движениями, все удлиняющимися по мере увеличения резвости хода), мы поверили в нее и приложили немало сил, чтобы преодолеть, например, такие "преграды", как плохой аппетит, излишняя нервозность и т.д. Наши труды увенчались успехом: в 1950 и 1951 годах Дида установила два всесоюзных рекорда по стипль-чезу на 6000 м, пройдя это расстояние за 7 минут 47,7 секунд, превзойдя старый рекорд, державшийся 12 лет, на 18,3 секунд и на 4000 м – 4 минуты 47,5 секунды, побив старый рекорд на 8,2 секунды.

Это не было, конечно, предельным временем на эти дистанции и если предлагаемый план поможет улучшить существующие ныне рекорды, автор будет считать свою задачу выполненной.

Какой же тип лошади желателен при выборе стиплера?

Безусловно, лучшей лошадью для стипль-чеза является чистокровная, но в некоторых странах устраиваются специальные стипль-чезы и для полукровных (в Чехии, например, не более 3/4 английской крови). В открытых же стипль-чезах, в которых участвуют чистокровные лошади вместе с полукровными, последние несут вес на 5 кг меньше, чем чистокровные.

По экстерьеру – это лошадь длинных линий, роста в среднем 164-166 см, с глубокой грудной клеткой, длинной шеей, косым плечом, слегка приспущенным длинным крупом.

Немаловажную роль играют еще и следующие ее качества:

- хорошая напрыганность;
- смелость на новизну, т.е. отсутствие боязни новых препятствий;
- аккуратность в прыжках (любовь к чистым прыжкам);
- способность к хорошему расчету и настильному прыжку;
- умение прыгать с хода (для сокращения времени при преодолении препятствий).

Способностью прыгать с хода обладает далеко не всякая лошадь и лошадь менее классная может своими настильными прыжками, преодолевая препятствия без задержек, выиграть у лошади более высокого класса. Пример этому Замир - отличных кровей, резвый, сильный жеребец, выигравший Большой приз СССР для четырехлеток, из года в год не попадал в число победителей в стипль-чезе, в основном из-за потери времени на прыжках, еще издали притормаживая и перебирая ногами перед прыжком.

Подготовка лошади должна быть круглогодичной, т.е. не должно быть длинных периодов пассивного отдыха, приводящих к растренированности лошади и отражающихся на ее состоянии, а впоследствии – на результатах ее выступлений.

Спортсмену и тренеру во время тренировок следует быть очень внимательными к подготавливаемой лошади, знать, как она отдыхала, как ела, как, наконец, отражается на ней предъявляемая к ней нагрузка.

Если замечено, что лошадь стала вялой, неэнергичной, начинает худеть, необходимо немедленно найти причины данного состояния и принять надлежащие меры, а лучше всего – не допускать такого положения. Это вполне возможно, если будет осуществляться повседневный контроль над нею.

Немаловажную роль играет ковка лошади. Тренер и спортсмен должны очень тщательно следить за нею. Если подковы стерлись, шипы подносились, - нет гарантии хорошего сцепления с дорожкой. Особенно опасно делать "резвую" на таких подковах по мокрому грунту. Толчки, усилия лошади очень большие, а неустойчивость, соскальзывание может привести к несчастному случаю: растяжению сухожилий, нанесению "стукачей" и т.д.

Ковать нужно на все четыре ноги с небольшими шипами, если возможно, облегченными подковами. Диду, например, на Призы ковали легкими подковами из алюминиевого сплава с желобом посредине и с приподнятым внешним бортиком. Подкова такой конструкции (автор – М.М. Громов) позволяла достичь большой устойчивости и уверенного отталкивания, особенно при прыжках. Разница между следами лошадей некованых или подкованных обыкновенными подковами и лошадей, подкованных вышеупомянутыми подковами, сразу бросалась в глаза. У первых двух было видно, как след копыта сползал назад (особенно у некованых), тогда как у третьей скольжение было минимальным. Некоторые конники говорят, что некованая на зад лошадь проигрывает кованной до 5 секунд или до 50 м на дистанции 2000 м.

"Порядок" лошади в огромной степени зависит от искусства тренера, т.е. его чувства меры и способности держать лошадь в такой кондиции, когда у нее всегда имеется запас энергии. Особенно важно, чтобы этот запас энергии не убавлялся в период перед самыми выступлениями. На старт лошадь должна выходить в таком состоянии, когда о ней говорят, что она "в духу".

Очень хорошо, поэтому давать ей 2-3 раза в год непродолжительный отдых (7-10 дней); ежедневные моционы в леваде или шаговые прогулки во время этого отдыха особенно благотворно действуют на ее общее состояние. Правильно организованный отдых приносит огромную пользу.

На опыте было проверено, что хорошо подготовленная лошадь после недельного отдыха отлично "поднималась" в работе до нужного состояния тренированности в 3 недели, а отдых давал ей жизнерадостность и энергию.

В идеале, стиплера нужно воспитывать с детства, более того, следовало бы вести специальную линию лошадей для стипль-чеза в нашем коннозаводстве. Но так как в большинстве случаев стиплером делают обыкновенную лошадь, прошедшую ипподромные испытания на гладкой дорожке, то о ее тренировке будем говорить, как о продолжении тренинга скаковой лошади (мы называем его специальным тренингом) плюс дополнительный тренинг для развития тех качеств, которые необходимы для успешного участия в стипль-чезах.

Теперь о возрасте. Трехлетняя лошадь, попадая в спортивную школу, допускается после соответствующей подготовки, через год, к выступлениям в барьерных скачках, а еще через год – в пятилетнем возрасте – она может идти в 4-х километровой стипль-чезе с закрепленными препятствиями высотой 80-100 см. Хочется добавить, что в некоторых странах устраиваются специальные стипль-чезы для 4-х летних лошадей. Шестилетняя лошадь допускается всюду, в частности, в шестикилометровые стипль-чезы. Дистанция 6-километровой стипль-чеза, устраивавшегося в СССР (18 препятствий высотой 120-140 см) требовала, чтобы лошадь была хорошо физически подготовлена и напрыгана.

Каким же образом строить план тренировки лошади для стипль-чеза?

Условимся, что лошадь в 3-х летнем возрасте попадает в спортивную школу с ипподрома, где она проходила скаковые испытания. Тогда тренинг первого года должен слагаться из выездки, напрыгивания по программе подготовки молодой лошади и специального тренинга.

Противникам выездки можно сказать только одно: стиплер должен хорошо прыгать, а для этого нужно напрыгивать в течение всего года и не только на дорожке ипподрома, но и манеже по маршруту, а прыгать по маршруту можно только тогда, когда лошадь управляема, т.е. подчиняется любому требованию всадника. Для этого она должна пройти курс выездки. Это логично. Кроме того, целеустремленные выездка и напрыгивание плюс специальный тренинг дадут возможность использовать стипль-чезную лошадь в соревнованиях для молодых лошадей, а годом позже ее легче будет ввести в работу группы многоборных лошадей.

По периодам тренинг первого года будет выглядеть так: если привод лошади относится к ноябрю, то первый период – декабрь-март, второй – апрель-август, третий – сентябрь-ноябрь.

Поскольку, как правило, пришедшая с ипподрома лошадь очень нервна, то первой задачей первого периода является ее успокоению, воспитание в ней доверия к человеку, а это достигается, в первую очередь, терпеливым отношением к ней спортсмена, частым поощрением (оглаживание, угощение), а никак не наказанием. Даже в случае, если нервная лошадь чего-то боится, лучше применить ласку, чем силу. Нужно учитывать, что эта лошадь выросла в степи (на заводе). На ипподроме она видела только гладкую дорожку и, естественно, всякая новая обстановка для нее будет непривычной.

Поэтому в первый период ее нужно приучать к самой разнообразной обстановке: пустой манеж, манеж с одним препятствием или многими, поле ипподрома, препятствия на этом поле. В отношении ипподрома нужно сделать оговорку: если лошадь ведет себя на нем очень нервно, "помня", возможно, очень тяжелую для нее борьбу на скаковой дорожке, то тренировочную работу на ипподроме в этот период следует строить из простого гуляния, шаговой работы, рыси и тихого кентера (последний можно исключить, если лошадь, идя кентером, рвется и нервничает).

Напрыгивание нужно начинать с простого спокойного переступания сначала через одну жердь, потом через две, три и т.д., расположенных на 8-5-4 м друг от друга. Позже это расстояние следует сокращать до 1 м (примерно, одного шага). Езда на рыси через жерди также очень полезна. Она заставляет лошадь хорошо поднимать ноги, напрягая мускулатуру, и усиленно работать, особенно задними ногами. Поэтому в процессе урока езду на рыси через жерди следует применять. В дальнейшем жердь поднимается для прыжка через нее. Прыжок должен совершаться в первое время с рыси. После того, как лошадь спокойно и расчетливо начнет прыгать через жердь, поднятую примерно на 30-40 см, можно ввести небольшой хердель.

Для прыжков на свободе и с хода нужно применять хердели наклонные и разной высоты, а также сочетание херделей с жердями, установленными сзади херделя (последнее применять в более поздний период работы с лошадью). Жерди должны ярко выделяться на фоне прутьев херделя (например, окрашены белой краской). По мере освоения одних препятствий вводятся препятствия другого типа, меняется их окраска и т.д. Ознакомление с препятствиями должно быть постепенным. Поспешность может только затормозить работу с молодой лошадью. Правильный подход к напрыгиванию приведет к тому, что лошадь будет смело и доверчиво относиться ко всему, чтобы человек ей не предложил, куда бы ее не направил.

Выездку, ее принципы я не буду затрагивать, о них можно прочитать в книге Н.Г. Громовой "Высшая школа верховой езды". Что же касается специального тренинга в первый период, то здесь следует пояснить, что в связи с суровыми условиями нашей зимы резвые работы, необходимые стипль-чезной лошади, зимой приходится исключать. Это плохо для ног лошади. Круглогодичная работа с напряжениями дает большую крепость сухожилиям, делает их стойкими к резвым нагрузкам. Отсутствие же этого тренинга отрицательно сказывается и на всем организме лошади и, безусловно, на результатах призовых выступлений. Там же, где климат позволяет продолжать резвую работу зимой, это нужно делать.

В условиях средней полосы резвую работу зимой, в какой-то мере заменяют, доводимая до предела прибавленная рысь и прыжки. Поэтому на дни напрыгивания надо смотреть не только как на дни обучения лошади прыжкам, но и как на вспомогательные дни специального тренинга.

По дням недели работа стипль-чезной лошади в первом периоде будет выглядеть так:

Понедельник: 15-20 минут – шаг

10 минут – рысь (в конце – прибавленная)

30-40 минут – элементы выездки

3-4 прыжка

30 минут – шаг

Всего урок длится 1 час 30 минут.

Вторник: 15-20 минут – шаг;

10 минут – рысь;

5 минут – кентер

Напрыгивание на свободе. Особенно хорошо использовать шпрингартен, где лошадь приучается прыгать с хода и одновременно у нее развивается свой собственный расчет в прыжке.

Среда: Работа на ипподроме или в манеже.

15-20 минут – шаг

10 минут – рысь (в конце - прибавленная)

5 минут – шаг

15 минут – рысь (последнее 23 минуты – прибавленная)

5 минут шаг

4-5 минут – кентер свободный

40 минут – шаг (без посылы, способствующий отдыху)

Четверг: Легкая манежная езда с преобладанием шаговой работы из расчета на 1-1,5 часа. Например:

20 минут – шаг

20-40 минут – манежная езда

30 минут – шаг

Пятница: Это день напрыгивания под всадником. Первые 1,5-2 месяца – прыжки на отдельные препятствия; добиваться спокойного преодоления препятствий различного типа. Перед прыжками, как и перед любой работой, требующей напряжения, лошадь нужно хорошо разогреть. Это должно быть законом для спортсмена. Число прыжков 12-15. После прыжков 30-40 минут – шаг.

Суббота: Специальный тренинг:

10-20 минут – шаг

10 минут – рысь (в конце – прибавленная)

3 минуты – шаг

5 минут – энергичная рысь (последние 3 минуты – прибавленная)

5 минут – шаг

5-6 минут – свободный кентер.

Если лошадь уже знакома с херделем, то последние 2 минуты кентера можно совместить с прыжками через хердель. Для этого нужно поставить по стенкам манежа 2-3 херделя и прыгать сначала в одну, а затем в другую сторону без резкого посылы, спокойно, давая лошади разобраться в новых условиях.

40 минут – шаг.

Второй период подготовки является наиболее ответственным. В нем мы вводим дни резвой работы после зимней, сравнительно несильной для ног нагрузки. Трудно вспомнить случаи получения лошадей бродяунов зимой в манеже. Поэтому к этому увеличению нагрузки нужно подходить осторожно и грамотно. Особенно внимательно необходимо относиться к разогреву лошади, так как правильный и достаточный разогрев или разминка имеет очень большое профилактическое значение (см. ниже – Разминка).

К этому периоду относятся и выступления (дни Призов).

Правильно составленный план тренировки в зависимости от дня выступления может значительно способствовать хорошему выступлению

и, наоборот, неправильно рассчитанный календарь тренировок, особенно последнего месяца перед призом, может губительно сказаться на результатах скачки.

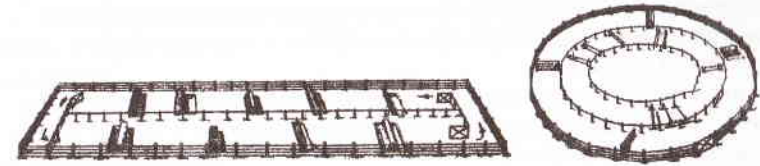

Рис. 1. Шпрингартен - прямой Рис. 2. Шпрингартен - круглый

Так как резвые работы и, особенно первые, очень ответственны, а чувством пейзажа и даже самой лошадию владеют далеко не все спортсмены, то советую первый этап работы II периода проводить, по возможности, в гору, но не крутую, а пологую.

В начале апреля на Московском, например, ипподроме скаковой круг подсыхает настолько, что дает возможность переходить к уже более широкому аллюрам, чем веселый кентер. Условимся, что "веселым кентером" будем называть такую скорость движения лошади, при которой она проходит 500 метров в 48-50 секунд; ида "размашкой", лошадь проходит 500 метров в 38-40 секунд, а к "резвой" относится скорость прохождения 500 метров в 30-36 секунд. Это грубое, неточное определение приводится для того, чтобы термины, применяемые в работе, совпадали и были хотя бы приблизительно одинаковыми у всех. Нужно учесть, что для полукровных лошадей эта резвость во всех случаях, будет, безусловно, ниже.

План 1-ой недели апреля будет выглядеть так:

Понедельник: 15-20 минут – шаг

10 минут – рысь (в конце – прибавленная)

5 минут - шаг

30 минут – манежная езда с 3 прыжками

5-6 минут – кентер (по возможности, на воздухе)

30 минут - шаг

Вторник: 15-20 минут – шаг

10 минут – рысь (в конце – прибавленная)

5 минут – шаг

5 минут - кентер

Напрыгивание на свободе. Высота препятствий в зависимости от степени готовности лошади варьируется от 100 до 120см. Количество препятствий 12-15.

30 минут - шаг

Среда: 15-20 минут – шаг

10 минут – рысь (в конце - прибавленная)

5 минут – шаг

3 минуты – кентер (1250м – рабочий круг Московского ипподрома, которого, к сожалению, уже нет)

5 минут – шаг

Это разогревочная работа. За нею следует основная работа.

Основная работа – 2000м, из них 1000м – кентер +900м – веселый кентер + 100м размашка

Можно ввести в основную работу прыжки через хердели (2-3), расставленные с интервалом 200-300м

Четверг: Легкая работа:

20-30 минут – шаг

10 минут – рысь

Небольшая манежная езда

30 минут – шаг

Пятница: 15-20 минут – шаг

10 минут – рысь (в конце – прибавленная)

5 минут – шаг

5 минут – кентер

Прыжки по маршруту в манеже. Перед тем, как начать прыгать по маршруту, обязательно следует сделать 3-4 прыжка на отдельные препятствия. Включение прыжков в разминку как бы настраивает организм лошади и, главное, ее нервную систему на предстоящую работу. Если маршрут состоит, например, из 8-9 препятствий, то полезно пропрыгать два таких маршрута: 2 раза подряд по паркуру или два гита с перерывом 5-10 минут. 40 минут – шаг.

Думаю, полезно предупредить спортсменов, что не следует чрезмерно увлекаться прыжками. Прыгать нужно только по указанию тренера, который должен сам определить, сколько, какие препятствия, в какой последовательности и т.д. можно предложить той или иной лошади.

Суббота: 15-20 минут – шаг

10 минут – рысь (в конце – прибавленная)

3 минуты – шаг

3 минуты (1250 м) – кентер

3 минуты – шаг.

Основная работа – 2000м – веселый кентер, переходящий в размашку (последние 300м) плюс 3-4 херделя. 40 минут – шаг.

Во 2-ой неделе апреля в среду вводим в конце работы размашку в 300 м, а в субботу доводим ее до 500м.

Работа других дней недели остается такой же, как и в первую неделю.

3-я неделя апреля:

Основная работа складывается из:

среда – 1500-веселый кентер (1000м) + размашка (500м), 3-4 препятствия

суббота – 2000м – веселый кентер, постепенно переходящий в размашку (500м) и резвую (около 100м), 3-4 препятствия.

4-я неделя апреля:

Основная работа состоит:

среда – 1500м – веселый кентер, переходящий в размашку и в конце в резвую (около 100м), 3-4 препятствия

суббота – 2000-веселый кентер (1200м)+размашка (500м)+резвая (300м), 3-4 препятствия преодолеваются во время веселого кентера и размашки. Резвая делается по прямой, т.е. без препятствий.

Май месяц¹

1-я неделя:

среда – 1500м – веселый кентер (1000м), переходящий в размашку (400м) и резвую (100м)

суббота – 2000м – веселый кентер (1000м), переходящий в размашку (500м) и резвую (500м). Это первая пятисотка. К ней следует подходить не менее месяца.

Во вторник напрыгивание на свободе можно заменить прыжками на отдельные препятствия с хода на ипподроме под всадником.

При переходе из манежа в поле нужно не забывать, что в манеже лошадь не видела таких препятствий, как земляной вал и канава (простая и в сочетании с херделем или жердяным забором), обязательно устраиваемых в стипль-чезах. Нужно сказать, что наиболее распространенными препятствиями в стипль-чезах являются канавы в сочетании с различного типа препятствиями, расположенными, главным образом, перед канавами. Ширина канав может доходить до 5 метров (например, в Большом Пардубицком стипль-чезе, Чехия). Но как бы хорошо лошадь не прыгала канавы, не рекомендуется часто в тренировках прыгать канавы шириной более 3-х метров. Трехметровая канава легко преодолевается лошадью, это вселяет в нее уверенность в прыжке и свои силы. Известно, что большинство настильных прыжков лошади доходит до 7-8 метров. При преодолении этих препятствий следует соблюдать принцип постепенного ознакомления лошади с их максимальной величиной. Для этого напрыгивание на них нужно начинать с предложения лошади преодолеть (прыгнуть) очень узкую канаву и небольшой вал, а затем, по мере усвоения, канаву расширить, а вал наращивать.

Эти препятствия по фронту должны быть очень широкими. В некоторых стипль-чезах (международного значения), как Пардубицкий в Чехии, препятствия строят так, что лошади приходится совершать прыжки сверху вниз и, наоборот, снизу вверх, что требует ее большой напрыганности на такого рода препятствия и приближает ее к многоборной лошади.

2-я неделя:

среда – основная работа: 1500м – веселый кентер (1000м), переходящий в размашку (900м) и резвая (100м), 3-4 препятствия

¹В дальнейшем будет даваться только основная работа в среду и субботу. Предварительная работа остается такой же как описывалось выше.

суббота - основная работа: 2000м - веселый кентер (1000м) + размашка (500м) + резвая (500м). После таких больших нагрузок шаг должен быть не менее часа (в поводу).

3-я неделя:

среда - основная работа: 1500м - веселый кентер (1000м), переходящий в размашку и резвая (100м), 3-4 препятствия

суббота - основная работа: 2250м - веселый кентер (1000м), переходящий в размашку (500м) и резвую (750м).

4-я неделя:

среда - основная работа: 1500м - веселый кентер (900м), переходящий в размашку (500м) и резвая (100м), 3-4 препятствия

суббота - основная работа: 2500м - веселый кентер (1000м) + размашка (500м) + резвая (1000м).

Июнь месяц

По средам основная работа остается такой же, как и в мае месяце.

1-я неделя:

суббота - основная работа: 2500м - веселый кентер (1000м) + размашка (500м) + резвая (1000м), т.е. повторяется работа 4-ой недели мая.

2-я неделя:

суббота - основная работа: 3000м - веселый кентер (1000м) + размашка (500м) + резвая (1500м).

3-я неделя:

суббота - основная работа: 3500м - веселый кентер (1000м), переходящий в размашку (500м) и резвую (2000м) (в руках, т.е. чтобы лошадь не шла с полным напряжением, а у нее оставался бы еще большой запас энергии).

Дальнейшую работу нужно строить, исходя из того, что нам должен быть известен день выступления лошади в июле, т.е. примерно через месяц. Ровно за месяц лошади, после усиленной работы, следует дать перед ответственными выступлениями полный отдых в 6-7 дней.

Полный отдых - это шаг, небольшая, спокойная рысь (10-15 минут), легкий кентер (3-4 минуты, если у лошади избыток энергии), проводки.

Допустим, что выступление намечено на 18 июля, тогда рассчитываем план тренировок так, чтобы последняя резвая работа была за 2-3 дня до выступления (смотря по состоянию лошади), т.е. 15 июля.

Работа 15 июля: 15 минут – шаг

10 минут – рысь

5 минут – шаг

3 минуты (1250 м) – кентер

5 минут – шаг

Основная работа: 2500м - веселый кентер (1000м), плавно переходящий в размашку и резвую (1200-1500м). Резвую нужно делать очень и очень в руках, близко к размашке.

Работа в течение 2-3-х дней до призов должна состоять из 10 минут рыси, 3 минут кентера и проводки.

Работа 11 июля (по субботе):

основная работа: 2500м - веселый кентер (1000м), переходящий в размашку в конце (500м), а затем в резвую 1000 м (в руках), 5-10 минут – шаг и еще раз резвая 1000м (в полную силу). Для вхождения (ровного перехода) в эту резвую дается 200 метров.

Резвая с бросками 1000м + 1000м очень сильная и тяжелая работа для лошади, но способствующая большим сдвигам в организме.

1000м + 1000м можно заменить резвой в 2000м. Шаг после таких резвых обязателен не менее 1,5 часа (в руках). Корм дается не ранее чем через 2,5 часа после работы.

Работа 8 июля (по среде):

основная работа: 2000м - веселый кентер (1000м) + размашка (750м) + резвая (250м).

Работа 4 июля (по субботе):

основная работа: 3000 м - веселый кентер (1000м), переходящий в размашку (500м) и 1000м резвая + 500м резвая после перерыва в 10 минут после первой резвой.

Работа 1 июля (по среде):

основная работа: 2000м - веселый кентер (1000м), размашка (750м) и резвая (250м).

Работа 28 июня (по субботе):

основная работа: 2500м - веселый кентер (1000м), размашка (500м) + резвая (1000м).

Работа 25 июня (по среде):

В основную работу: входит 100м резвая.

В промежуточные дни работа должна строиться по приведенному выше недельному плану.

Несколько ранее мы остановились на 3-ей неделе июня, со дня которой нужно дать недельный отдых лошади. Если с 18 июня по 24 июня лошадь будет отдыхать, то далее будет нетрудно связать ежедневный план тренировки с тем планом, который мы составили, исходя из дня выступления.

На основании многолетнего опыта скакового дела еще хочется отметить, что после выступления лошадь совершенно правильно вываживают 2-3 часа и дают отдых 2-3 дня, обязательно совмещаемые с проводкой в руках (это лучше) или под седлом. Не следует забывать и о том, что воскресный отдых в последний период подготовки должен быть после сильных резвых (1000м, 1500 м, 2000 м).

В дальнейшем тренировка должна строиться следующим образом:

22 июля: 15-20 минут – шаг

10 минут – рысь (в конце прибавленная)

3 минуты – шаг

5 минут – кентер

30 минут – шаг

23 июля: предварительная работа по субботе
основная работа: 2000м - веселый кентер (1000м), переходящий в размаху (750м) и резвая (250м), 40 минут – шаг.

4-я неделя июля:

среда - основная работа: 1500м - веселый кентер (1000м), переходящий в размаху (400м) и резвая (100м).

суббота - основная работа: 2500м - веселый кентер (1000м), переходящий в размаху (1000м) и резвая (500м).

Август месяц

1-я неделя:

среда - основная работа: 1500м, из которых 250м резвая.

суббота - основная работа: 2500м, из которых 1200м резвая.

2-я неделя:

среда - основная работа: 1500м, из которых 250м резвая.

суббота - основная работа: 3000м с резвой 500м + 500м (с перерывом 2-3 минуты между ними).

3-я неделя:

среда - основная работа: 1500м, в конце резвая (100м).

суббота - основная работа: 3000м, из которых 1200м резвая (это за 2-3 дня до выступления).

В тех случаях, когда манежную езду по метеорологическим условиям ездить невозможно (как это нередко бывает в московских условиях в районе ст. Планерная и ст. Сходня), работу следует проводить приблизительно по такому плану:

15-20 минут – шаг

10-15 минут – рысь

3-5 минут – шаг

5-7 минут – кентер (к концу веселый)

40 минут – шаг.

Третий период подготовки охватывает сентябрь, октябрь и ноябрь. Характерным для этого периода является то, что ввиду надвигающейся зимы происходит спад в работе, а если точнее выразиться, снижение в резвостной нагрузке, тогда как в предыдущие периоды шло определенное нарастание напряжения в работе. Укорачивая резвые, больше внимания нужно уделять напрыгиванию, в какой-то степени заменяющему резвую.

Сентябрь месяц

1-я неделя: (после отдыха после соревнований)

на все дни недели:

15-20 минут – шаг

10 – рысь

5 минут – шаг

4-5 минут – кентер

40 минут – шаг.

2-я неделя:

15-20 минут – шаг

10 – рысь

5 минут – шаг

5-6 минут – кентер

40 минут – шаг.

вторник – пятница: включаются 5-6 прыжков.

среда - основная работа: 1500 м заканчивается резвым кончиком (вхождение в резвую и немедленный выход из нее - 50м).

суббота: резвая 500 м.

3-я неделя:

То же самое, только в субботу резвую необходимо довести до 750 м. По наблюдениям, эта дистанция для лошади соответствует приблизительно 180 м для человека-бегуна. В этих случаях человек и лошадь могут идти с полной затратой своих сил, не сбавляя скорости движения. На последующих метрах, своих дистанций и человек и лошадь, взявшие со старта предельный для себя пейс, сбавляют скорость и это заметно на глаз. Безусловно, этот критерий относится к хорошо тренированным спортсменам и хорошо подготовленным лошадям.

4-я неделя:

суббота – в основную работу включается резвая 500м.

Остальные дни недели планируются по предыдущим дням.

Октябрь месяц

1-я неделя: работа всех дней остается такой же, но препятствия повышаются со 100 до 120см в зависимости от способности и напрыганности лошади. Количество препятствий 8-9 (вторник – пятница).

суббота – в основную работу (2500 м) можно рекомендовать включить резвую 500м + 500м, с перерывом 5-7 минут и с учетом постепенного вхождения во вторую резвую.

2-я неделя:

суббота - основная работа: включает резвую (750м).

3-я неделя:

суббота - основная работа: с резвой (500м).

4-я неделя:

суббота - основная работа: с резвой (500м).

В ноябре состояние грунта редко когда позволяет делать резвые: работа, в основном, переводится в манеж.

Лошадь для стипль-чеза должна быть включена в группу многоборных лошадей, что даст ей возможность совершенствоваться в прыжках, приобретать устойчивый навык в преодолении различного типа препятствий под всадником до 120 см, а на свободе до 140 см (увеличивая, по сравнению с предыдущим годом, их количество и, введя в правило 2-гитовое прохождение паркура), а также усваивать разнообразные требования в выездке.

Специальный тренинг для четырех-пятилетних лошадей особых изменений не имеет, а описанный план тренировок по средам и субботам может быть, в основном, сохранен и для лошадей более старшего возраста, чем четырехлетняя лошадь. Принцип подготовки остается тем же.

Несколько слов об уходе и содержании стипль-чезной лошади.

Стиплер, как и любая спортивная лошадь, должен находиться в таких условиях содержания, которые гарантировали бы ему полный отдых после работы и способствовали бы скорейшему восстановлению затраченной на тренировке или скачке энергии. Чистый денник, достаточно просторный для того, чтобы лошадь могла отдыхать лежа, хороший свежий и сухой воздух в конюшне, тишина, правильный и точно поддерживаемый режим работы и кормления – залог поддержания лошади в порядке. Как же выглядит конкретно этот режим дня, например, в летнее время в дни резвой работы, проводимой рано утром?

5 часов утра Зачистка лошади, седловка.

5.30 – 7.30 Работа и выводка после работы. Небольшая дача сена.

8.30 Водопой, дача льняной каши.

10.30 Дача сена.

12.00 Уборка/чистка лошади.

15.00 Водопой, дача овса.

17.00 Дача сена.

19.00 – 19.40 Вечерняя проводка (лучше в руках).

21.00 Водопой, дача овса.

23.00 Дача сена.

В зимнее время и нередко в обычные дни недели летнего периода (связанные с прыжками, манежной ездой) работа проводится после утренней уборки, тогда расписание режима дня несколько меняется, т.е.:

6 часов утра Водопой и кормление.

8.00 Уборка (чистка) лошади.

9.00 – 11.00 Работа.

11.30 Дача сена.

12.30 Уборка (чистка) лошади.

14.00 Водопой, дача овса.

15.30 Дача сена.

18.00 – 18.40 Проводка/ или выпуск в леваду.

21.00 Водопой, дача овса.

22.30 Дача сена.

Желательно давать лошади 1-2 раза в неделю льняную кашу (это особенно важно после сильных нагрузок). Если же льняного семени нет, то хорошо запаривать овес, а потом перемешивать его с отрубями. Льняная каша делается так: в 1/3 ведра воды всыпается 1/3-1/2 стакана льняного семени. Все это кипятится около 1 часа до тех пор, пока

льняное семя не разварится, а вода не станет слизистой. Если этому отвару дать постоять 1 час в тепле, то получится липкая клейкая жидкость, в которую засыпается порция овса (2,5-3 кг), а сверху насыпается 0,5 кг отрубей. Ведро закутывается во что-либо теплое, а через 2-3 часа содержимое его перемешивается и в теплом виде дается лошади. При этом овес распаривается, делается мягким, а каша приобретает приятный хлебный запах. Она с удовольствием поедается лошадью и хорошо усваивается организмом. Льняное семя хорошо действует на слизистую оболочку желудка и способствует правильной работе кишечника.

Ни слова не было еще сказано мною о таком корме как трава. Хочется посоветовать, чтобы спортсмены не боялись давать лошади траву (что у нас нередко наблюдается). Этот зеленый витаминный корм, любимый лошадьми, приносит большую пользу после сухого зимнего корма. Только следует внимательно относиться к выбору трав, знать их и соответственно их качеству и свойствам варьировать дозу дачи.

Очень важно, чтобы стипль-чезная лошадь круглый год работала на воздухе, как только это возможно по условиям погоды. Не нужно доказывать, что регулярное пребывание на воздухе дает подлинное здоровье как человеку, так и лошади.

Серьезное внимание спортсмен должен уделять уходу за конечностями своей лошади. В первую очередь это заключается в том, что перед тем, как подседлать лошадь, следует проверить состояние ее конечностей. Они должны быть холодными, сухими, т.е. с четко отбитыми сухожилиями, а копыта расчищены. После работы ноги должны быть вымыты холодной водой до запястья на передних ногах и до скакательного сустава на задних.

После сильных нагрузок нужно ставить холодный бинт на 1-2 часа, часто поливая его свежей водой. Если есть брандспойт, то им вымыть ноги (это лучше всего) и сильной струей воды массировать сухожилия в течение 10-15 минут. Я в своей практике никогда не выжимала воду, а ставила лошадь в денник с мокрыми ногами. В таком случае нужно досуха вытирать под щетками, чтобы избежать "мокрецов".

При подготовке к скачкам нельзя отделять тренировку человека от тренировки лошади.

То, что скакать может только здоровый, физически развитый и хорошо подготовленный к большим волевым усилиям человек, не вызывает возражений. Но известно, что и прекрасно тренированный человек не всегда может выдержать нагрузку, получаемую во время скачки на стипль-чезной дистанции, если он в своей тренировке упускал необходимость самому резвить лошадь и тем самым подготовить свой организм к тем нагрузкам, которые дают резвые аллюры. В противном случае, к концу скачки человек начинает болтаться в седле, немало мешая этим своей лошади, а в результате возможен и проигрыш скачки.

Еще хочется сказать, что случайных людей сажать на стипль-чезную лошадь нельзя. Скакать должен тот спортсмен, который вместе с лошадью прошел весь стипль-чезный тренинг и когда спортсмен и его лошадь начали так хорошо чувствовать друг друга, что как будто превратились в одно целое: лошадь делает то, о чем думает человек, а человек знает, что нужно в данный момент его лошади.

Касаясь тактики ведения скачки, прежде всего, хочется сказать, что задачей всадника в скачке является то, чтобы провести хорошо подготовленную лошадь, максимально используя ее силы. А для этого необходимо знать свою лошадь, ее возможности и уметь правильно распределять ее силы на всей дистанции.

Нередко мы слышим, как говорят о том, что скачка сложилась неправильно, что был предложен фальшпейс и т.д. Что это значит?

Это означает, что всадники повели своих лошадей (умышленно или неумышленно) неправильным пейсом: иногда тише, чем следовало бы по силам лошадей, иногда резвее, чем этого требовало правильное распределение сил на всей дистанции для наиболее лучшего резвого преодоления ее.

В первом случае это происходит тогда, когда всадник плохо чувствует свою лошадь и идет на поводу у того, кто заинтересован в этом, например, у того, кто едет на менее классной лошади, но очень резвой на коротких дистанциях. Этот всадник бережет силы своей лошади для броска у финиша, нередко приносящего победу над более классной лошадью, но под менее чутким всадником.

Во втором случае, впрочем, как и в первом, вряд ли может быть показан хороший результат во времени, так как всадник, пустивший свою лошадь резвым пейсом со старта, не сможет держать этот пейс на большой дистанции: его лошадь, затратив слишком много сил в начале, к финишу придет вялой, без энергии.

Правильно построенная скачка требует, чтобы спортсмен вел свою лошадь как можно ровнее по дистанции, без резких бросков, губительно отражающихся на состоянии лошади и результатах скачек. Такая тактика даст более резвую скачку и сохранит силы лошади для финиша.

Немаловажное значение имеет и бровка скаковой дорожки. Наиболее выгодно вести лошадь по внутренней бровке, значительно сокращающей дистанцию по сравнению с той, по которой идут лошади полем скаковой дорожки.

В стипль-чезе не рекомендуется вести лошадь на хвосте у другой лошади, особенно при подходе к препятствиям. Это может привести к тому, что разгоряченная борьбой лошадь может сняться на прыжок без расчета следом за впереди идущей лошадью. А если это будет слишком рано для нормального преодоления препятствия, то лошадь, не дотянув (не хватит полета), может попасть передом в барьер и падение будет неизбежным.

Далее, как бы много сил вы не чувствовали у своей лошади, в стипль-чезе нельзя давать ей сильно растягиваться (как в гладкой скачке), идя на

препятствие. Растянувшись на большом ходу, лошадь не может достаточно сильно оттолкнуться для прыжка и, как говорится, врежется в препятствие. Это является причиной многих падений в стипль-чезах. Нужно помнить, что при подходе к препятствию лошадь должна быть сгруппирована, а внимание ее нацелено на предстоящий прыжок. В значительной степени этому помогает постоянный контакт со ртом лошади.

О посыле. Посылом в скачке нужно уметь владеть (особенно хлыстом). Посылать нужно только в тот момент, когда лошадь сжалась. Тогда посыл будет способствовать более резкому и сильному разжатию, т.е. движению вперед. В противном случае он может принести только вред, сбив лошадь с хода.

Скакать советую на укороченных стременах, но не слишком коротких, а примерно, таких, какие применяются в конкурсах. Короткие стремена, какие применяются в гладких скачках, для стипль-чеза не годятся. Нужно учесть, что стипль-чезы проводятся на большую дистанцию, с преодолением препятствий, что связано с возможностью зацепа лошадью мертвого препятствия, во время которого человек получает толчок и может быть выбит из седла.

Кроме того, я всегда надевала шпоры и на работе и на скачке (конечно, с небольшим шенкелем и не строгим репейком, но больше люблю гаркרותы), чтобы, если понадобится, воспользоваться ими для досыла лошади на прыжок.

Разминка. Обычно перед скачками разминка не делается. Считают, что лошадь на старте или даже в паддоке нервничает и это является достаточной проминкой. Отчасти это правильно. Так называемое предстартовое состояние или предстартовая лихорадка, однако свойственная и человеку и лошади, вызывает в организме те изменения, которые напоминают изменения, происходящие в организме после разминки в обычные дни тренировки. Но это предстартовое состояние полностью заменяет разминку. Разминкой можно добиться более уравновешенного состояния организма лошади, которое будет больше способствовать улучшению результата во время соревнований.

Разминка не может быть одинаковой для всех лошадей. Если, например, лошадь нервная, с повышенной возбудимостью, то нужно для разминки применять шаг, рысь, кентер не на ипподроме, где будет проходить скачка. Можно проделать элементы манежной езды (последнее применялось к Диде, учитывая, что на манежной работе она вела себя спокойно). Снимая, таким образом, чрезмерную возбудимость, создаются благоприятные условия в организме лошади на старте.

Если же лошадь спокойная, то ей нужно делать разминку такого рода, которая вызвала бы возбуждение, необходимое для предстоящей работы.

Нужно также сказать, что разминка должна включать в себя элементы движений, таких же или близких к ним, какие будут выполняться на соревновании. Конкурная лошадь должна проделать несколько прыжков

перед конкурсом, а стипль-чезная лошадь – небольшой кентер с ускорением и прыжком. Это проделывается за 30-40 минут до выступления, а затем полный отдых – шаг в руках, можно даже без седла и, во всяком случае, без довесок, утяжеляющих седло легкого всадника.

Польза от разминки будет в значительной степени зависеть от чувства меры тренера и его знания лошади. Злоупотребление разминкой (количеством прыжков, галопа и т.д.) может привести к утомлению нервно-мышечного аппарата, что не замедлит сказаться на результатах выступления. А задачей разминки является подготовить организм лошади к предстоящей работе.

Кроме того, разминка имеет большое профилактическое значение. Для лошади после разминки меньше риска получить различного рода травмы – растяжение, разрыв сухожилий, мышц и т.д.

О разминке и о правильном ее применении в отношении человека говорится во многих научных трудах, посвященных спорту.

Если мы, конники, будем вдумчиво изучать их и применять к своему четвероногому товарищу, то наш спорт только выиграет от этого.

Награждение победителей кубка в честь Н.Г.Громовой по выездке в КСК Сокорос в Сокольниках в 2007году.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ISBN 978-5-903786-03-7

9 785903 780037